

32854

КС-20

САРАТОВСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Выпуск I-й.

Под редакцией Проф. Б. М. Соколова.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Проф. Б. М. Соколов. — Этнографическое изучение Саратовского края.	3. Проф. П. Г. Любомиров. — О важности изучения мордвы.
2. М. Г. Маркелов. Саратовская мордва (Этнографические материалы).	4. Описание этнографических записей, хранящихся в Этнографическом Музее Саратовского края.

ИЗДАНИЕ
МОРДОВСКОГО ПОДОТДЕЛА ГУБЕРНСКОГО
ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТИ
ПРИ САРАТОВСКОМ ГУБНИСПОЛКОМЕ.

Г. САДЛЕР

1922

ОТД. 1.
СОЧИНЕНИЯ
ГЛАВН. БИБЛИОТЕКИ.
№ 39854.

В Государственный
Библиотечный Саратов. ун-т

ПРОСЕРЕНС 45

САРАТОВСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК.

ВЫПУСК I-й

под редакцией проф. Б. М. Соколова.

39854

СОДЕРЖАНИЕ:

- 1) Проф. Б. М. Соколов—Этнографическое изучение Саратовского края.
- 2) М. Т. Маркелов—Саратовская мордва. (Этнографические материалы).
- 3) Проф. П. Г. Любомиров—О важности изучения мордвы.
- 4) Описание этнографических записей, хранящихся в Этнографическом музее Саратовского края.

86

пр-95

Издание мордовского подотдела Губернского отдела по делам национальностей при Саратовском Губисполкоме.

Саратов. 1922 г.

Р. В. Ц. Саратов № 629.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	Стр.
От редактора	V
✓ 1. Проф. Б. М. Соколов. Этнографическое изучение Саратовского Края	3
2. Отчет об этнографических работах по изучению Саратовского края за 1919—1921 г.г.	29—48
Отчет этнографического семинария	32
Список экскурсий и командировок с этнографической целью	37
Отчет о деятельности Этнографического Отдела Са- ратовского Общества Историй, Археологии и Этнографии	40
Лекции и доклады по местной этнографии	42
Организация и деятельность Этнографического музея Саратовского края	44
Отчет о деятельности Саратов. Музея <u>года</u>	48
3. М. Т. Маркелов. Саратовская мордва (этнографиче- ские материалы)	51
Введение	53
Народный быт	71
Одежда женская	71
Материал и покррой	73
Вышивки	75
Украшения	78
Обувь	80
Постройки и жилища	81
Обряды и верования (моляны, опахивание, заговоры, обряды календарные и некалендарные)	91
Народное творчество	139—230
Легенды	139
Сказки	141
Песни	166
К изданию мордовских материалов	231
Библиография	234—238 ✓
Мордва Саратовской губернии	234
Мордва Европейской России	234
4. Проф. П. Г. Любомиров. О важности изучения мордвы	239
5. Описание этнографических записей, хранящихся в Этнографическом музее Саратовского края	251

От редактора.

Предлагаемым первым выпуском Саратовского этнографического сборника кладется начало опубликованию того обширного материала по изучению быта и творчества разнплеменного населения Саратовского края, какое было накоплено дружной работой, преимущественно молодых, саратовских этнографов за последние три года.

Совпадение времени этой работы с годами революции явление не случайное. Крупнейшие революционные события последних лет в нашей стране всколыхнули социальную и духовную жизнь народа до самых ее глубин. Сильнейшим образом сказались они и на народном быте, бесповоротно определив дальнейший бег разбуженной жизни. Это заставляет этнографов особенно напрягать свои усилия по собиранию и изучению форм и явлений традиционной, теперь так сильно меняющейся, жизни — не для того, чтобы удержать эту традицию, а для того, чтобы сохранить для этнографической науки факты и явления материальной и духовной жизни народа, которые могут скоро исчезнуть. Вместе с тем глубокое убеждение, что народ — точнее народы России — таят в себе не только осужденные к отмиранию факты, но и богатства своего творческого духа, могущего при счастливых условиях раскрыть всю скрытую в них потенцию для дальнейшего развития, заставляет смотреть на народный быт и особенно народное искусство не только с одной, как-бы, археологической точки зрения. В этом отношении, например надо думать, народному творчеству предстоит себя заявить немаловажным фактором в развитии и освежении искусства вообще.

Исключительно важной и не отложной представляется задача этнографического изучения так называемых меньших национальностей. Искусственные стеснения и прямой

гнет прежней правительственной власти России по отношению и этим народностям почти совершенно не давали возможностей к их самосознанию и самоопределению. От этого невольно хирела духовная и материальная жизнь этих народов, отодвинутая тем самым в глухой угол. Предоставленная теперь возможность к самостоятельной самоопределяющейся их деятельности, естественно, выдвигает задачу поисков путей к самосознанию.

Каждая народность должна заглянуть в себя и произвести обозрение всему тому, что она создала и сохранила в течение своей многовековой жизни. Будучи на заднем плане культуры, без образования на родном языке, без своей литературы и книги — главное, что она сохранила, это то что накопила сама народная жизнь, что сохранилось в устном предании поколений. Поэтому факты этнографии, народного быта и творчества, поскольку они дошли до нас и бережно собраны и описаны этнографом должны заменить для этих народностей источники для их истории, народной психологии, их литературы и искусства.

Считая, таким образом, изучение этих народностей фактом исключительной важности при формировании их новой жизни, мы понимаем почему предпринятые этнографические изучения в Саратове нашли горячий отклик среди культурных работников меньшинств национальностей и даже самих народных кругов, пошедших навстречу этнографу в его работе.

Понятно также почему на необходимость опубликования собранных этнографических материалов первый отклик мы нашли среди представителей этих национальностей.

Первый выпуск Саратовского этнографического сборника в главнейшей своей части посвящается саратовской м о р д в е. Издание сборника принял на себя мордовский подотдел Губотнаца. Считаю своим долгом принести ему самую глубокую благодарность за почин в этом насущном деле.

Так как работа по изучению мордвы в нашем крае стоит в непосредственной тесной связи с общими этнографическими заданиями и деятельностью, которую, благодаря отклику и поддержке разных ученых и правительственных учреждений, удалось развить за последние годы, то вполне

естественно казалось в начале сборника указать на те задачи, какие себе ставили саратовские этнографы и дать представление о том, в каких формах эта работа выразилась и какие результаты она пока дала. Не имея уверенности, что при современных материальных трудностях издательского дела можно скоро издать весь накопленный этой работой этнографический материал (по разным народностям края) и не желая, чтобы он лежал непуценным в научный оборот, мы прилагаем к сборнику его краткое описание. К сожалению, недостаток места и нежелание отягчать расходы издателя заставили нас в первом выпуске ограничиться только небольшой частью этого описания, отложив его дальнейшее печатание до следующих выпусков сборника, в надежде что они последуют следом за первым.

Б. С.

Проф. Б. М. СОКОЛОВ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
САРАТОВСКОГО КРАЯ.

Этнографическое изучение Саратовского края ¹⁾

Совещанию профессоров угодно было поручить мне произнести на сегодняшнем торжественном собрании Саратовского Университета речь об „Этнографическом изучении Саратовского края“.

Не скрою: не без колебания я принял это лестное поручение и нахожу извинение моей решимости занять Ваше благосклонное внимание в том, что означенная выше тема речи может еще раз высказать первостепенную важность Университета для нужд нашего края.

История создания нашего молодого Университета, всего лишь в прошлом году отпраздновавшего свой 10-ти летний юбилей, показывает нам, как он органически вырос из жизненных потребностей обширного Саратовского края—и шире—всего юго-востока России.

Только 10 лет назад после долгих безуспешных хлопот, ходатайств и записок смогла начать осуществляться давнишняя мечта лучших людей края—увидеть здесь, в столице южного Поволжья, очаг высшего знания. Но после открытия первого медицинского факультета нужно было пройти целому ряду лет, чтобы возник полный Саратовский Университет, объединяющий под своей сенью не один факультет, а целую семью факультетов.

Только грозная туча революции в 1917 году быстро и твердо разрешила жизненную задачу—Университет был пополнен всеми факультетами.

Да! Университет для края не есть роскошь, не есть прихоть, а он явился на зов самой местной жизни. Нет ни одной области знания, которая, несмотря на свою видимую отвлеченность, той или другой своей стороной не повертывалось бы к нуждам и запросам этой краевой жизни.

¹⁾ (Речь сказанная на торжественном собрании Саратовского Государственного Университета 19 дек. 1920 г. в 11-ю годовщину Университета). Для печати статья дополнена некоторыми более поздними фактами в этнографической краевой работе.

Да разве не малая жизненная заслуга Университета уже в одном том, что он поднимает культурный уровень края? Но есть большое количество наук, которые вплотную подходят к местному краю.

Одной из таких наук является *этнография*, в частности местная, цель которой—научное описание жизни, быта и творчества всех народностей того или другого края.

Каково же было этнографическое изучение нашего саратовского округа до сих пор? Сравнительно очень слабое. Этнографическое изучение за редкими исключениями носило любительский характер. Мы с благодарностью должны вспомнить имена А. Н. Минха, составившего описание народных обычаев, обрядов и предрассудков крестьян Саратовской губ. 1861—1888 г.¹⁾, а также приступившего к выпуску историко-географического словаря Саратовской губ., знаменитого историка Н. И. Костомарова и А. Н. Мордовцевой. в 50-х годах составивших сборник русских песен, записанных ими в Саратовской губ.²⁾, несколько брошюрок местного деятеля, моего однофамильца, Мих. Евг. Соколова, с записями былин и песен³⁾, А. Ф. Леопольдова, работавшего на ряду с изучением истории Саратовского края и над некоторыми сторонами народного быта и творчества и печатавшегося гл. обр. в „Губернских Ведомостях“⁴⁾. Прекрасным, но, увы, единичным для нашего края этнографическим научно составленным трудом является „Мордовский сборник“⁵⁾, недавно умершего знаменитого русского филолога акад. Алексея Александровича Шахматова, саратовца по своему происхождению.

Вот, собственно, и все наиболее крупное, что было сделано в этой однако поистине неисчерпаемой области научного знания.

Достойная всякого уважения, почтенное научное учреждение нашего края бывшая Саратовская Губернская Ученая Архивная Комиссия, с прошлого года переименованная в Саратовское Общество Истории, Археологии и Этнографии—среди своих исторических и археологических занятий меньше всего, до последнего времени, однако, уделяла места специально этнографическим вопросам.

¹⁾ Издание Русск. Географич. Общества, Записки по стд. Этнографии т. XIX.

²⁾ Напечатан в Летописях русской литературы и древностей. Н. С. Тихонравова. М. 1862.

³⁾ Отд. изд. в Петровске 1896 г. „Былины, историч., военные и разбойничьи песни, записанные в Саратовской губ.“, а также материалы в трудах Саратов. Уч. Арх. Комиссии.

⁴⁾ Перечень относившихся к этнографии края статей, как этого автора, так и других, читатель найдет в библиографических обзорах С. Д. Соколова „Саратовские писатели и ученые“ в Трудах Саратов. Ученой Архив. Комиссии и др.

⁵⁾ Акад. А. А. Шахматов: Мордовская—этнографический сборник. С. П. Б. 1910 г. Изд. Росс. Акад. Наук. 848 стр.

Пример этого научного учреждения—35 лет работающего в крае, как и пример его несколько младшего собрата—Общества Естество-испытателей, на этих днях отпраздновавшего 25 лет своего существования, показывают, как трудна, часто самоотверженно-героична была научная работа в провинции при равнодушном отношении посвященного в обыденщину местного общества, слабости культурных интеллигентных сил и пренебрежительном, подчас прямо враждебном, отношении официальной власти.

Как до бесконечности ясна и бесконечно дорога была деятелям этих скромных хранительниц научной мысли и исканий в крае мысль о создании в Саратове Университета!

Университет должен был своим авторитетом, а, главное, своей полной возможностью черпать из богатого резервуара пробуждающейся к знанию молодежи работников на научное и просветительное поприще поддержать научную работу в крае.

Университет должен был вывести из стадии любительства научную мысль и работу в крае, придать ей систематический и методический характер.

И нет ничего удивительного в том, что наш Университет в целом и его факультеты, в частности, учли краевые запросы, интересы края и, оставаясь носителями высшего научного знания, одновременно старались дать отклик на те научные вопросы, какие предлагает наш край.

Если Вы присмотритесь к обозрению преподавания на так называемых гуманитарных факультетах—историко-филологическом и факультете общественных наук—то Вы без труда уже в заглавии ряда курсов и семинариев найдете отражение местной идеи. Здесь есть и курсы и занятия по местной истории, и по археологии, и этнографии, и по старообрядчеству и сектантству, столь богатому в крае.

Это касается гуманитарных факультетов, но то же делают и факультеты другие, например физико-математический с его отделением естественно-историческим и факультет агрономический. Краевые интересы и там учитываются и там университетская наука считается с природой и жизнью края.

Позвольте теперь занять Ваше внимание уяснением тех задач, какие себе ставит этнографическое изучение, каковы цели и значение местной этнографии?

Стоит ли распространяться о том, как важно для каждого гражданина знание своей страны.

Стоит ли говорить о том, как важно всестороннее изучение быта всех многочисленных народностей нашей необъятной России? Мысль эта едва ли требует доказательств.

Самосознание и сапознание есть важнейший культурный фактор.

Работать в своей стране для живущих в ней народов и не знать ни страны, ни этих народов—не есть ли это работа втемную?

И как многого, бесконечно многого, мы должны еще ждать от научного познания нашей страны.

Пусть существуют более полувека научные общества как, например, Русское географическое с его этнографическим отделом, или Московское общество любителей естествознания антропологии и этнографии, пусть наполнилась целая библиотека книг по этнографии России, пусть целая плеяда славных ученых работала в этой области—но как еще далека работа до своего завершения и как еще много целых областей (я не говорю уже про глухие уголки), куда еще не заглядывало пытлиное око исследователя.

Страна наша, ее народы ждут и зовут к себе ученых. А их еще так мало!

Одной из причин такой отсталости в деле научного познания народной жизни и быта в нашей стране являлась также значительная централизованность научной, да и всякой другой культурной деятельности в прежний период истории. Столицы—Петроград и Москва были средоточием знаний и по части этнографической мысли. Провинция за отсутствием высшей школы и слабости культурными силами отличалась мертвенностью и косностью. А, между тем, этнография лицом к лицу должна стоять к жизни народа *на местах*. Местный деятель, как ближе стоящий к предмету своего изучения в этнографической работе может оказаться значительно счастливее ученого, приезжего из далекой столицы.

И сами центральные научные учреждения неоднократно, если не постоянно, это сознавали. И в провинцию посылались программы, запросы, анкеты.

И наша наука многим обязана бескорыстным, скромным работникам провинции, гл. обр. деревни.

Деревенская интеллигенция—учителя, грамотные крестьяне—много помогли этнографической науке своими немудрующими ответами на эти анкеты.

Однако работа местных людей очень часто не давала тех результатов, какие от нее справедливо было бы ожидать при рациональной постановке. Часто не хватало умения, методов и навыков научной работы....

Что же можно ожидать и какие требования мы можем предъявлять к местной в данном случае саратовской этнографии? Есть ли этнографу над чем здесь поработать?

Наш край как бы специально создан для этнографа.

Взгляните на этнографическую карту. Вас поразит необычайная пестрота этнического состава в нашем округе.

Ведь здесь на небольшом относительно пространстве (и беру Саратовскую губернию и прилегающие к ней уезды Заволжья и также Царицынскую и Астраханскую губернии) живут великороссы, малороссы, белоруссы, немцы колонисты, мордва (эрзя и мокша), чуваша, татары, киргизы, калмыки.

Смесь племен и народов! Приглядитесь ближе и здесь даже среди самого великорусского населения вы увидите большую пестроту. Дело в том, что население нашего края, прежней окраины государства, было сборное. Саратовская укайна была местом, куда стекались беглецы от крепостной кабалы, от преследований власти, а также многие гонимые за веру. Сюда стекались жители разных местностей России, и в более поздний период XVIII—XIX века сюда выселялись часто целыми деревнями представители разных географических полос нашей страны. С необычайной ясностью говорит за это, хотя бы, народный говор: северно-восточная часть нашей губернии, главным образом, северно-великорусская. Южная и западная части, главным образом, южно-великорусская т. е. окающая. Но часто рядом в одном селе одна часть села окает, другая окает. Один конец или, как здесь говорят, курмыш, южно-великорусский, а другой северно-великорусский. Таково например с. Елшанка Хвалынского уезда. Но любопытно, как и следовало, впрочем, ожидать, разниа не ограничивается одним говором, но при более пристальном внимании она скажется и в материальной культуре—жилище, одежде, орудиях производства—и в духовной культуре—обычаях, обрядах, верованиях и поэзии.

Эта пестрота населения привлекает внимание этнографа не только разнообразием впечатлений, но и сама представляет, как сейчас увидим, этнографу особую благоприятную почву для любопытных научных наблюдений.

Нечего говорить уже о благотворности самого факта внимательного и доброжелательного отношения к *меньшим национальностям*. Бросающаяся в глаза нередко культурная отсталость многих малых народностей России часто является грехом прежней правительственной политики и насильственной руссификации

А полная возможность развития самобытной культуры и образования на своем языке есть—это аксиома—мощный двигатель в сторону прогресса.

Научные выводы, делаемые из беспристрастного и правдивого изучения местной этнографии далеко выходят за рамки одного местного значения.

Это и вполне понятно. Ведь общие научные выводы слагаются из рассмотрения отдельных частных фактов. И работнику науки ясно в какой тесной зависимости эти общие выводы стоят от твердости и правдивости этих частных фактов. Значение местной этнографии важно уже по одному тому, что она дает почву, главную базу для конечных выводов общей этнографии. И, обратно, факты и явления местного быта и творчества будут уясняться для нас в свете тех положений, к каким пришла общая этнологическая мысль. Ведь огромное количество явлений народной традиционной жизни является ничем иным, как пережитком прошлых судеб культурной жизни человечества. Современный народный быт, верования народа, его словесность в очень и даже очень многом должны быть объяснены из сформулированного еще Тэйлором закона переживания старины.

Позвольте иллюстрировать эту мысль двумя—тремя примерами из обширной области фактов, даваемых нашей местной этнографией.

В Саратовском крае в самых разнообразных местностях среди великорусского населения широко развит обычай добывания огня древнейшим примитивным образом—именно путем трения дерева о дерево, при чем требуется при добывании этого огня тушить все огни во всем селении. Через костер зажженный от этого огня, прогоняют скотину и этим, говорят, достигают прекращения падежа скота.

Но, ведь, этот современный обряд, получивший священное очистительное значение, в основе своей является простым переживанием древнего способа добывания огня.

Широкий простор для таких заключений о переживании старины дает нам изучение обрядовой стороны населения Саратовского края всех национальностей. Вот хотя бы удивительный по древности обычай, с каким мы познакомились по рассказам мордвы Хвалынского уезда и который совсем недавно существовал там. Это погребение покойников на дереве.

Верстах в двух от с. Лебежайки есть гора, которая по мордовски называется „Урькспря“—гора Плача. На эту гору мордва носила своих покойников, умерших зимой, и привешивала их на березу. Этому обычаю дают местные жители два объяснения. Одни говорят, что это делалось потому, что зимой трудно рыть могилу. Другие говорят, что это делалось с той целью, чтобы душа покойника в течении зимы очистилась настолько, чтобы была похожа по белизне на снег или

кору березы. Весной уже покойник хоронится в могилу. А на горе в продолжении трех дней родные покойника плакали, и от этого гора получила название „Гора плача“. На кладбище таких покойников не носили, а зарывали тайно в лесу под той же березой, на которой он зимовал“.

Ясно, что в этом обряде мы найдем переживание древнего обыкновения в истории человечества—способ хоронить на дереве. Он встречается у многих народов из русских инородцев у якутов, юкагиров, тунгусов, юраков (в Енисейск. губ.) остяков, бектиров, алтайских тюрков, калмыков, бурят, киргизов, гиялков, самоедов и мн. др. Но этот же обычай встречается и у многих первобытных народов Америки, Австралии, Полинезии и Африки. Объяснения ему даются учеными различные—но во всяком случае обычай этот стоит в зависимости от древних примитивных человеческих верований, связанных с культом дерева и культом мертвых.¹⁾

Для примера, как живуча древняя традиция, укажу на то отмеченное членами нашей этнографической экспедиции в Хвалынский уезд в 1919 г. обстоятельство, что если мордва, сейчас и отстала от этого обычая, то пережиток его сохранился в том, что при выносе из избы покойника гроб его сильно раскачивают: здесь ясное воспоминание о раскачиваемом гробе при его подвешивании на дерево.

Любопытно, что некоторые ученые считают возможным в старообрядческой колоде (а не сколоченном из досок гробе) видеть последний отголосок древняго обычая хоронить мертвецов на деревьях или, что часто рядом,—в деревьях, дупле дерева.

Из бездны примеров переживаний древнейших представлений первобытного человечества, какие добываются сравнительным методом этнографии из отдельных фактов, устанавливаемых этнографией местной, я останавлиюсь еще на богатейшей по своей выразительной символике и обилию многозначительных действий, песен, приговоров, примет—обрядности свадебной.

Ведь свадебные обряды большинства народов являются замечательным собранием неписанных документов различных периодов эволюции человеческого общества, рода, семьи.

Ведь за большинством свадебных обрядов и песен, понимаемых теперь как средства забавы, игры (недаром и говорят „играть свадьбу“)—скрываются пережитки далеких от нас форм брака, отношений между родами и т. д.

¹⁾ Ср. В. Ф. Миллер О некоторых древних погребальных обрядах на Кавказе. Этнографическое обозрение, 1911. № 1, стр. 125—137.

Но иногда в одной местности или у одной народности обряд и песня имеют уже почти исключительно увеселительное значение, утратившее свой первобытный жизненный смысл, в другом же случае еще сильно чувствуется первобытная его свежесть.

Кому неизвестны русские, мордовские, чувашские и татарские песни и обычаи, в которых жених представляется похитителем, злым недругом. Невеста часто просит брата зарубить путь-дорожку, дружка является в образе грозного врага, предводителя наехавшей ватаги воинов, в руках его кнут, нередко он стреляет из ружья, револьвера и т. д. Но во многих местах народ уже не сознает здесь пережитка древней формы брака путем похищения или, говоря словами седой старины, „умыкания“.

А, между тем, и до сих пор наряду с этим мы встречаем еще полное жизненное значение этих обрядов. Таков, напр., обряд у мордвы с. Илюшкина Хвалынского уезда, имеющий место в наше время.

Жених с своим поездом фактически с бою добывает себе невесту. Невесту похищают и скрывают в амбаре. Родство с родством вступает в бой, кто кого одолеет—у тех и остается невеста.

Существует и у чуваш и мордвы обычай выносить из избы невесту на руках—опять таки явный пережиток той же формы брака умыкания.

Чтобы всесторонне осветить мысль о законе переживания старины в современном народном быту и дать этнологические объяснения мне бы пришлось изложить чуть ли не всю обрядовую (календарную и некалендарную) поэзию нашего края.

А это равносильно пересчитыванию песчинок на берегу нашей Волги.

А потому ограничусь сказанным и укажу затем на роль местной этнографии для исторических изучений.

Будем базироваться на фактах нашего Саратовского края.

Одной из заманчивых задач истории является приоткрытие завесы над теми далекими эпохами, от которых почти не дошло исторических документов. Здесь историку приходится прибегать к помощи родственных дисциплин. Такою может являться и этнография. Не вдаваясь в большие подробности, например, укажу Вам, какое значение имеет сравнительное изучение мифологии различных народов, живущих в нашем крае и вообще на Волге. Исследователи пришли, например, к любопытному заключению, что многие русские мифологические, сильно осложненные элементами христианства, народные легенды имеют поразительное сходство с аналогичны-

ми мифами финских и тюркских народностей Поволжья и отчасти Сибири. Таково, например, любопытное сказание о творении мира представителями доброго и злого начала, Бога и Сатаны (у русских), Чам-Паса и Шайтана у мордвы; тот же миф у чуваш и у других некоторых тюркских народов.

Любопытны не только это дуалистическое общее для них начало, но и подробности. Земля творится при помощи нырянья Сатаны (или Шайтана) в образе птицы на морское дно и доставания со дна глины и песка, из которых и создается земля. Весьма интересно, что тот же миф у других народов известен болгарам и вошел в круг религиозных истолкований так называемой богомильской ереси. Возникает интересная проблема: чем объяснить это сходство? Вопрос, как будто, объясняется тем, что в болгарском мифе сказалось то общее урало-алтайское предание, которое было перенесено тюрками-болгарами на балканский полуостров и там усвоилось славянской народностью, поглотившей в себя тюрков-болгар, пришедших с низовьев Волги, и вошло в круг славянской (уже охристианившейся позднее) словесности.¹⁾

Много важного может дать пристальное изучение и местной материальной этнографии для общих исторических построений. Вот возьмите, хотя бы, народный костюм. Ученые заметили, что пестрота и особый характер костюма, с массой бисерных украшений, с нарядным назатыльником, пестрым нагрудником из славянских народов свойственен, главным образом, южновеликоруссам и болгарам и вместе с тем этот костюм отражает на себе следы влияния волжско-финских племен.²⁾ Как будто и здесь, таким образом, напрашивается вопрос об особой приволжской культуре, куда входили финские, тюркские и славянские племена.

Касаясь местной этнографии, как помощницы истории, я уже опускаю очевидное само собой ее значение в области изучения местных народных легенд и преданий исторического свойства.

Пусть эти народные предания в сильной мере к исторической правде примешивают значительную долю вымысла, но и само направление этого поэтического вымысла служит ценнейшим источником для исторического понимания народной психологии и народных движений той или другой эпохи прошлого нашего края.

¹⁾ Ср. Ак. А. Н. Веселовский. „Дуалистическое поверье о мироздании в Финских сказках в области русских дух. стихов“ XI I. Krohn, *Finska litteraturens historia* 4, 175 а также работы Н. Н. Коробки. „Образ птицы творящей мир в русск. народной поэзии и письменности“.

²⁾ Ср. В. В. Богданов. Из истории женского южно-русского костюма. Этнографическое обозрение. 1912. № 1 2.

Наш Саратовский край в этом отношении исключительно богат. Саратовские степи, берега Волги, а в северной его части леса и горы, хранят в себе следы, отмеченные печатью этого народного поэтического предания. Бурливое прошлое нашего края, бывшего неоднократно ареною широких и грозных народных движений, беспокойная жизнь невольных первоначальных его насельников-беглецов из железных рук московского государства сюда, в привольные степи, разбойничьи шайки и ватаги „добрых молодцев“, вечная и продолжительная борьба с набегавшими кочевыми народами Востока калмыками и киргизами, наконец неисчислимые следы древнейших много раз сменявших друг друга народов, в виде курганов, могильников, городищ, что служит предметом внимательного изучения наших археологов—какое большое количество поводов к созданию, хранению и прикреплению исторических легенд и преданий.

И, действительно, наш край может представить сотни, если не тысячи, этих народно-исторических преданий.

Во время нашей летней экспедиции со студентами, чуть не на каждом шагу, встречались с этими, часто полными истинной поэзии, сказаниями былой старины. Я напому Вам, хотя бы, о большом цикле песенных и легендарных сказаний о знаменитом вожде народного движения XVII в. Степане Разине.

Собранные по нашему краю легенды о нем одном могли бы составить цельную книгу. Легенды о нем обычно прикреплены к „Разиновым горам“ или „буграм Стеньки“, которых можно насчитать большое количество по правому берегу Волги.

Вот, например, слышанное о нем в Хвалынском уезде. „Живет Стенька Разин в образе громадного черного орла, который иногда нападал на людей, но это лишь за их провинности в виде Божьего гнева. Иногда Разин принимал вид древнего старца и тогда он встречал людей на дороге и расспрашивал об их житье-бытье, охотно выслушивал жалобы на начальство и обещал явиться грозным мстителем за народ“.

„Эти мотивы, говорит ездивший с нами в экспедицию Б. В. Зайковский, не раз занимавшийся записыванием легенд о Разине, более известные в Жигулях и Даниловке Камышинского уезда, где имеется городище „Бугор Стеньки Разина“, имеют свои отголоски и в Федоровке на Волге, и Елшанке и в самом Хвалынске, словом повсюду по правому берегу Волги от Казани до Царицына“.

Выше мы сказали, что причудливая пестрота этнического состава населения Саратовского края представляет для этнографа большую выгоду. И это действительно так. Этнограф,

как мы уже сказали, стоит лицом к лицу к народной жизни, он внимательно наблюдает ее и беспристрастно, объективно (насколько это в силах человека) ее описывает. Эти наблюдения над современной жизнью различных народностей, волей судьбы поставленных в близкие соседские отношения друг к другу, дают этнографу неоценимый материал для интересных заключений общего характера. Этнограф, наблюдая современную народную жизнь, может стараться разрешить вопросы: в чем заключается взаимное влияние одной народности на другую, и делать выводы о законах ассимиляции одной народности другой. Из этих современных наблюдений дается возможность ретроспективно решать вопросы из отдаленного прошлого. Вот, перед нами важный для историка вопрос, как сложилось великорусское племя? Историки давно пришли к мысли о слиянии восточно славянских племен с финскими племенами. Это сказалось и на антропологическом типе великоросса и на его духовной и материальной культуре. И воскрешается перед Вами наша древность и получают себе объяснение эти древние исторические процессы, когда Вы внимательно присмотритесь, хотя бы в пределах нашего края, к совместной жизни русских и потомков древних восточных финнов — мордвы.

Насколько близок антропологически мордвин русскому Вы убедитесь из первого знакомства с мордвою, или когда взглянете на фотографический портрет мордвина наших мест. Во многих местах Саратовского края мордва, как Эрзя, так Мокша, живут рядом, а то среди, в самой гуще, великорусского населения.

Но степень руссификации в разных местах бывает различна.

И, действительно, есть деревни в одном и том же (возьмем нам лично более знакомый уезд Хвалынский) уезде, где мордвин уже окончательно ассимилировался русской народности. Свой дедовский мордовский язык знает лишь старое немногочисленное поколение. Среднее и новое поколение его уже не знают. В других селах мы видим двуязычную (а нередко и трехязычную — татары или чуваша) мордву. Мордва живет отдельным концом, но уже в жилище и costume мордва (за исключением стариков) обрусела, хотя знает и говорит на своем языке и сохраняет не мало своих национальных обычаев. Такова напр. д. Старая Лебежайка. Но есть места, таков весь северо-западный угол Хвалынского уезда — Печуры и окрестные волости, где живет сплошное, почти нетронутое в своей самобытности, мордовское население. Там многие лица, особенно старики и женщины, не понимают рус-

ского языка. И так, даже при самом беглом знакомстве Вы можете на живых примерах представить себе весь эволюционный процесс ассимиляции одной народности другой. А если обратимся к языку и духовной жизни, Вы найдете многие примеры проникновения одной культуры в другую. И, конечно, подобно мордве, процесс обрусения происходит не в одном перенесении русских черт быта в мордовский мир, но и поглощенная народность оставляет уже в претворяющей русской форме те или другие черты своего исконного быта.

Причудливую картину таких перекрестных влияний видели мы в селениях с еще более пестрым составом населения, где бок о бок живут, например, русские, мордва и чуваш или мордва, чуваш и татары.

Я не буду распространяться о том, какие интересные наблюдения можно сделать в этой живой этнографической лаборатории. Ограничусь лучше конкретными примерами, которые скажут сами за себя.

Нет ничего удивительного в том, что мы встретим во взаимных отношениях между национальностями нашего края взаимные обострения и столкновения, насмешки и недоброжелательства—но все же гораздо более интересным являются другие факты—и справедливость требует отметить более частые взаимного согласия, даже в таких областях, где нетерпимость острее всего дает обычно себя чувствовать—как, например, область религиозных воззрений и культа. Ведь не любопытно-ли, что мордва принимает общее участие в молениях чуваш на так называемых Кереметях—перед священными деревьями с жертвоприношениями.

Христианин чувашин прекрасно знает и с удовольствием поет песни мусульманина татарина.

Любопытный пример такого мирного единения даже в религиозном культе встретили мы в селе Лсбежайке. На краю села находится тщательно оберегаемая могила полусказочного татарского богатыря Смольки (Сулейман по татарски. Смольке или Смулькэ, по произношению мордвы). Предание говорит, что он пришел еще до Петра Великого сюда, вместе с некрещенным чувашенином Пимёр Печуновым из Симбирской губернии. Им пришлось выдержать суровую борьбу с набегавшими из Заволжья калмыками.

Сулейман обратился к выходцам из мордовских сел и организованно повел вооруженную борьбу с помощью Печунова. Однажды им удалось произвести полное поражение калмыкам и надолго обеспечить свою местность от их разорительных набегов.

По уверению местного священника, благодарность потомства по отношению к Смольке выражалась в том, что ежегодно в большие праздники мордва—христиане молятся в церкви за татарского богатыря; зная, что он умер мусульманином, молящиеся оборачиваются лицом к выходу, в сторону расположения могилы Смольки, произнося „Господи, помилуй и пошли царство небесное Смольке и Пимеру“.

На упомянутую могилу Смольки ходят одинаково и чувашенин, и мордвин, и татарин.

Татарин считает долгом к могиле положить камень, мордвин произносит приведенную молитву, а чувашенин бросает сюда монету или лоскуток.

Любопытен еще пример. В другом селении Новая Лебейка мы видим соединение и как бы одновременное сожителство трех религиозных культов: на старом чувашском христианском кладбище языческое начало сказывается в приношении жертв умершим (сосуды с пищей), мусульманское в поставке на могилах стоячих камней и христианская в поставке крестов.

Я ограничусь сказанным, хотя следовало бы упомянуть еще о том, какое этнографическое и историко культурное значение имеет изучение словарного материала народностей нашего края и определенное заимствование слов у соседних народностей. Заимствование слова—ведь это важный культурный показатель, это тот же исторический документ. Если поставить вопрос, хотя бы о влиянии русской культуры на быт немцев колонистов, то, например, весьма показательным является немецкое слово „угёл“, в котором не трудно узнать русское угол—множественное число *dié Ugle*. Или немецкое слово „плотник“, *plotnik*.

Ясный факт, что устройство жилья взято у русских и оно делалось русскими руками. А в далекой древности русское слово изба (истьба), как показывают лингвисты, восходит наоборот к немецкому корню.

Мы до сих пор говорили о древности. Может создаться впечатление, что этнограф интересуется одной стариной, правда живой стариной—но все-же стариной.

Но это далеко не так, лучше сказать, совсем не так. Этнограф изучает современную жизнь, но умеет различать в этой современности то, что является органическим переживанием древней традиции. Однако это большая, и я скажу непростительная ошибка этнографа отвертываться от современности. Я даже должен подчеркнуть, в согласии со многими другими более авторитетными этнографами и этнографическими научными учреждениями, как, хотя бы, недавно

возникшая Российская Академия Истории Материальной Культуры, что перед этнографом в наше время открылось широкое поле огромной по своим задачам и важной по своему значению работы.

Ведь, начиная с 1914 г.—с мировой войны, а затем двух революций, произошла коренная ломка народного традиционного уклада жизни. Меняется быт, меняется материальная и духовная культура. Этнограф не может пропустить этого без внимания, он должен торопиться, он должен с энергией и многосторонностью стремиться фиксировать происходящие перемены, часто очень крутые, в народной жизни.

Он и здесь должен быть верен себе, своему научному лозунгу: правдивости, точности, объективности. Для него ничего не должно быть маловажным. Он должен удвоить, утроить свою энергию и зоркость. Он должен помнить, что такие эпохи не часты в жизни народов.

Своими наблюдениями он должен фиксировать меняющиеся явления, дать, по возможности, широкую исчерпывающую картину жизни народа и его быта. Его труды, он должен помнить, будут важными историческими материалами для будущих историков нашей сложной и решительной в жизни народа эпохи. Этнограф должен заглянуть в эту неустанную работу лаборатории жизни, как выразился недавно один из виднейших наших этнографов в своем приветствии нашему Этнографическому отделу (акад. С. Ф. Ольденбург).

Но, чтобы понять всю пестроту жизненных явлений народного быта—нужны факты, факты и факты.

Для этнографа во многих отношениях наше время—важное; дело не терпит отлагательств.

В силу экономических причин и затруднений государства, доншиваются, сжигаются обломки предметов прежнего быта. Их надо собрать, хотя бы для музея—иначе их больше не найдешь. С другой стороны обратный факт: в силу тех же причин воскрешаются некоторые старые формы быта, появляется на сцену вновь заброшенный, было, ткацкий станок, деревенское красивое производство, загорается порой уже отошедшая, в область предания лучина. Это в области домашнего быта; много можно аналогичного сказать про хозяйственный быт, хотя бы земледельческий труд.

То же нужно сказать и про духовный быт. Как интересно претворение в жизни новых форм права и наряду с этим воскрешение к новой жизни явлений так называемого обычного права.

А духовная жизнь в области религии, исторического творчества! Как интересно учесть силу и характер влияния

революции на духовную культуру народа, и это будут делать, будут изучать, а мы современники, которые можем сознать всю важность для народной жизни последних 5—6 лет, тоже должны теперь же работать. Даже беглый взгляд на деревню скажет, как сильно она изменилась, как встряхнулся народный традиционный уклад материальной и духовной жизни народа. Сколько новых, незнакомых дотоле влияний проникло в деревню. Солдаты прежнего строя, военно-пленные, „наши за границей“, беженцы, красноармейцы и другие группы—вот носители этих влияний. Последствия этих влияний еще далеко не сказались во всей полноте, но поле для наблюдений и сейчас огромное.

Для нашего края безусловно важно было бы также учесть влияние переселенцев, приехавших в наши когда то хлебные места из голодающих губерний. Нет сомнения, что под всеми этими причинами—не говоря уже о самом основном факторе—социальной революции—деревня сильно изменила и изменяет свою физиономию.

Я не имею возможности иллюстрировать сказанное.

Многим из вас, кто мало мальски знает деревню, самим будет не трудно наметить, хотя бы самые основные изменения, внесенные нашей эпохой в бытовую жизнь народа.

Я хотел бы только остановиться на одном из первых пришедших в голову фактах. Это хотя бы „кулачные бои“, идущие из глубокой древности. Подчиняются они во многих местах выработанным традицией правилам.

Обычно дерутся конец с концом; бой начинают ребята, а за ними и большие. Не редко, как в старину, бой начинается с единоборства. Выходят с каждого конца выдающиеся силачи и начинают схватку. Многие, особенно старики, помнят много рассказов о таких славных силачах. Например о таком, который ввез в высокую гору целый воз. Нам самим пришлось встречать лиц—некогда прославленных далеко на округе борцов. Бои регулируются особыми правилами: дерутся кулаками, биться тяжелыми вещами и железными перчатками обычное право воспрещает и виновников наказывает. Лежачего бить нельзя, но его можно поднять и опять с ним драться. Борцы долго тренируются, готовятся к бою.

В большинстве мест эти кулачные бои являются уже в виде идущей из старины забавы. Однако в некоторых местностях подкладка боя национальная, напр., мордовский конец бьется с русским.

Есть в некоторых местах освященный обычаем специально женский бой. Это, например, в с. Окатная Маза. Там

на Соловьевой горе, с которой видно вдаль верст на 15, собираются в очередное время женщины. Сначала зачинщицами выступают две женщины, потом вмешиваются другие и борьба переходит в драку. Пускаются в оборот и специфические орудия женской борьбы: когда не хватает кулаков, идут в ход зубы, хватают друг друга за волосы—иногда с поля битвы приходится выносить избитых.

Так сохраняется долго в наших местах дух прежней поволжской вольницы и беспокойной буяческой жизни. Социальная революция и в эту область внесла свой отпечаток. И перед нами воскресла вновь к жизни привычка древней новгородской республики решать вопросы экономическо-социальной борьбы—боем.

В связи с классовым расслоением деревни, кулачные бои, не носившие раньше классового характера со времени октябрьской революции стали принимать этот характер. „Беднота“, „пролетарии“ дерутся с „богачами“. Так, напр., в селе Ершове Хвалынского уезда. Кстати, чтобы дополнить параллель с знаменитыми боями „вятских“ и „меньших“ людей в Великом Новгороде—и в наших местах, подобно Волховскому мосту новгородцев, бои часто начинаются, как раз на мосту.

Новый пример живучести даже мелких бытовых явлений! Нет сомнения, что при внимательном анализе современного народного быта, наблюдатель сможет найти еще не один пример воскрешения к новой жизни особенностей нашей древне русского народоправства...

Другой факт, на которой я хотел обратить ваше внимание касается уже духовной жизни народа в наше время. События последних лет всколыхнувшие, а часто и потрясшие народную жизнь, внесли новые явления в области духовной жизни.

Если события потрясли целые массы, то они же глубочайшим образом отразились и на каждой единице, каждой индивидуальности, из которых слагается масса. Как интересно было бы дать характеристику этих индивидуальных переживаний у народа. Как была бы интересна исповедь народа. И народ, многие его представители, жаждут этого высказывания, ибо в этом, как бы надеются найти самих себя и разобраться в хаосе совершавшихся событий и нахлынувших новых влияний.

Одним из таких способов высказывания является наблюдаемое сейчас не только у городского рабочего, но и крестьянина, мало мальски прикоснувшегося к грамоте, стихийное стремление к стихотворству, поэзии.

Одна из моих слушательниц студентка Земскова недавно поделилась с нами огромным собранным ею материалом стихотворных произведений деревенских поэтов—самоучек. Тяга к стихотворству так велика и заразительна, что есть, например, целые семейства поэтов. Отец 56 лет—состязается в поэзии с сыновьями (25 л. и 18 л.) и дочерью (19 лет.) Это семейство, по фамилии Гурюновы, так обьято, страстью к стихам, что при недостатке бумаги и чернил в деревне, пишет свои стихотворения на белых стенах и потолке углем и карандашем. Напишет, сотрет и снова муза водит углем (уж не пером) крестьянских поэтов. Пусть поэзия эта примитивна, пусть она порой неуклюжа, но уже ценна тем, что она необычайно искренна. Вот отрывок из одного стихотворения указанной деревенской поэтессы—крик ее рвущейся к знанию и свету души:

Ни однажды я пыталась
Свои мысли описать,
И ни раз я принималась
С себе планы рисовать.
Представляла всегда школу,
И мечты вперед бежали,
Из очей моих невольно
Слезы радости текли.
Представляла я ученье,
Мечтам не было конца.
Вдруг, явилось сомненье—
Денег нету у отца....
Предомной лежит дорога,
Но мне закрыт ведь путь.
Дайте, братья, мне науку,
Проведите ктонибудь.
Проведите поскорее,
Где я буду процветать,
А потом, братья родные,
Я плодов могу вам дать.
Проведите меня к свету
И откройте вы мне путь,
У меня ведь силы нету,
Помогите, ктонибудь.

Как трогательна эта неистребимая жажда знания, как трогательно это стремление принести обществу пользу, хотя это и скрыто под наивной и нескладной фразой:

А потом, братья родные,
Я плодов могу вам дать....

Кто беспристрастно наблюдал современную деревню, тот должен будет признать, что жажда к знанию, вызванная стремлением осмыслить совершающиеся события—в современной деревне огромна.

Остановился теперь на выяснении еще одной стороны местной этнографии. В сферу этнографических изучений входит обширное море народного поэтического художественного творчества, так называемой устной словестности, или фольклора. Научная ценность этого отдела тесно соединяется и с его эстетической ценностью. Есть ли необходимость доказывать это? У нас есть прямые объективные доказательства. Припомните только ту высокую оценку народной поэзии, какую давали ей величайшие мастера художественного слова—наши и иностранные писатели. Вспомните ту восторженную характеристику народной поэзии, какую давал ей один из самых ранних ее ценителей, так глубоко проникший в ее художественную сущность и понявший ее внутренний смысл—глава русской поэзии—Пушкин. „Сказка сказкой, говорил он, а язык наш сам по себе и ему то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке... Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки нет!... Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!“ Другой великий писатель Гоголь пропел восторженный гимн народной песне. „Моя радость, жизнь моя песни! Как я вас люблю!“ восклицал он в одном из писем. А в своей статье: „Малорусские песни“ он дал такое определение родной своей песне: „это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь... Песни для его страны (малороссии) все—и поэзия и история и отцовская могила“.

Я напому вам еще про строгого критика искусства, самого бывшего величайшим мастером художественного слова, Льва Толстого. Он в своем известном трактате „Что такое искусство“ выделяет по художественной ценности народные песни (разных народов) и ставит их выше многих художественных и музыкальных созданий. Он ценит народную поэзию за ее заразительность, за то что „в ней выражается определенное и сильное искреннее чувство“...

Не буду утомлять вас примерами—напому лишь то, что историк нашей художественной литературы XIX—XX вв. должен счесть за один из самых могучих факторов нашего литературного развития—влияние на него народной поэзии. Помимо Пушкина, Гоголя, Толстого вспомните творчество Кольцова, Никитина, Некрасова, Ал. Толстого, Майкова, Тургенева, Мельникова-Печерского, Лескова, Островского,

Писемского, Короленко, Максима Горького, и многих современных писателей и поэтов, — Бальмонта, Брюсова, А. Белого, Городецкого, Ремизова, Пришвина, Клюева, Есенина и мног. других и других. Вплоть до наших дней народная поэзия не перестает собой заражать художественное творчество наших поэтов. Это одно само по себе служит объективным доказательством ее художественной ценности...

Народная поэзия имеет могучую магическую силу и обаяние. Помимо часто глубокой, выразительной символики, „поэтики“, своих паразитических по простоте и, одновременно глубоких художественных приемов, ее магическое влияние заключается несомненно в том, что народная поэзия одновременно для каждого народа его *родная* поэзия. За бесхитростными, но значительными словами, за простыми, но потрясающими душу мелодиями вы улавливаете далекие звуки седой старины, вы чувствуете биение сердца своего народа, его переживаний и судьбы в течение долгих веков. Вы прикасаетесь к стихии этой или другой народности.

Это относится, как к нашему, так и каждому другому народу.

Я напому вам художественное предание нашей летописи, в которой так поэтически передано это магическое действие народной и в месте с тем родной песни.

Владимир Мономах загнал половецкого хана Отрока за Железные врата; по смерти грозного для половцев князя брат Отрока Сырчак послал к Отроку своего гудца Оря и велел сказать ему: „Володимир умер есть, воротися, брате, пойдй в землю свою, молви же ему моя словеса и *пой ему песни половецкие*“. Если же не подействует и это последнее средство, то дай ему понюхать евшана (вероятно травы родных степей). Как известно, понюхав этого зелья, Отрок заплакал и сказал: „лучше на своей земле лечь костьюми, чем в чужой быть славну“. И вернулся в степь.

И какое высокое наслаждение слушать песни каждого народа, поющие от души и от сердца. Вы как то интуитивно постигаете всю душу, всю психику народа, вы прикасаетесь к самой сущности народного духа.

Какое обилие высоких наслаждений может доставить в этом отношении Саратовский край, где мне приходилось работать два последние года.

Прислушайтесь к тем песням, к тем музыкальным звукам, какие раздаются в степях, полях и лесах этой округи.

Какие чудные и какие разнообразные песни поются нашим народом. Вы можете здесь же на нашей Саратовской

почве услышать досюльную песню малоросса, которую сохранил он в течение 1½ столетий в новом ему крае.

Здесь же поет свою заунывную чарующую песню татарин. Вы услышите здесь еще более заунывную песню киргиза (многие татары поют киргизские мотивы), от которой так и веет фаталистическим духом Востока.

Вы услышите здесь песню финна (мордвина) и способ исполнения как-то поразительно напомнит Вам пение финских руи столь прекрасной Калевалы. Мы имели возможность наблюдать как два мордвина, сев друг против друга, мерно покачиваясь и вцепив глаза в глаза, пели свою мордовскую песню.

А песни чуваш—этой одаренной к музыке народности—под аккомпанимент своих национальных гуслей!

Не знаю, как вам, но для меня и, к счастью, для многих моих сотрудников-студентов внимать всему этому было великим наслаждением!

Но не говорит ли это различие и многоличие песни народов нашего края—об одном великом, что слышится за всем этим, а это великое—общечеловеческое искусство. И пусть ему будет дан простор, пусть оно переливается радугой самобытных поэтических и музыкальных ценностей, в этом его сила, величие и прелесть...

Позвольте мне и в рассмотрении данного вопроса о художественной эстетической ценности народной поэзии остаться в области конкретных фактов, и фактов именно Саратовских.

Разрешите мне привести одну великорусскую песню по варианту, записанному здесь у нас в Саратовском крае знаменитым историком Н. И. Костомаровым. По моему глубокому убеждению сама эта песня сложилась в Саратовском крае.

Ой вы грязи мои, грязи черные раз'осенные,

Ой вы осенние грязи, самые последние.

Ой вы горы мои, горы крутые, высокие,

Ничего-то вы, горы, не породили:

Нет ни травоньки в горах, ни муравыньки,

Ни муравыньки, ни алых цветочков лазоревых.

Только видна из-под гор степь Саратовска;

Под горами бежит быстра речушка.

По прозваньюцу Волга-матушка.

Широко-то Волга разливалась,

В круты бережки не вбиралась,

Затопила то Волга берега высокие,

Оставался один част ракивов куст.

На кусту-то сидит млад сизой орел,

Во когтях-то держит черна ворона,

Он бьет-то, не бьет—все выпрашивает:
—Уж и где ты, ворон, был, где выгуливал,
—Уж что, ворон, видал, что выглядывал?
—„Я гулял-то, гулял по диким степям,
На одной-то степи на Царицынской,
На другой-то степи на Камышинской,
А на третьей степи на Саратовской
Я видал-то видал—диво дивное,
Диво дивное—тело белое,
Тело белое, молодецкое.
Не убито лежит—не зарезано,
Вострым копыицом все исколото.
Никто-то к телу не подступится,
Не подступится, не подшатнется,
Прилетали к телу три ластушки,
Первая ластушка—родной батюшка,
Друга ластушка—родная матушка,
Третья ластушка молодая жена.
Как отец-то плачет, что река льется,
Как мать-то плачет, что волна бьется,
Молода жена плачет, что роса падет,
Что роса падет, роса утренняя.
Красно солнышко взошло, роса высохла—
Молода жена забывать стала,
Забывать стала—за гульбой пошла.

Какая глубокая и значительная по своим образам песня. Несколькими штрихами—верно, выпукло набросана картина саратовской природы с ее дикими степями, с голыми крутыми горами, с одиноким ракитовым кустом, этим символом несчастья и смерти. А образы: два степных хищника—сизой орел и черный ворон. Один символ кровавого удальства, другой—смерти. И это тело убитого неизвестного молодца, исколотое копыицом! Да ведь это все яркий эпиграф к истории нашего края в XVI—XVII вв.! Борьба с кочевниками, сторожевая служба, удальство добрых молодцов, бежавших сюда—сколько их неизвестно погибших и схороненных под ракитовым кустом. А рядом с этими птицами—хищниками—трогательные образы ластушек, может быть, покинутой там далеко, далеко родни неизвестного молодца.

Как верны эти образы для нашей местной истории. Вы вспомните уже приведенное нами народное предание о Степке Разине в виде черного орла. Припомните также ту символическую сказку об орле и вороне, которую в уста Пугачева Пушкин. Орел там—другой герой волжского люда—сам Пугачев...

Не знаю насколько мне удалось выявить перед Вами значение местной этнографии и убедить в том, что ею не только можно заниматься и увлекаться, но и должно.

В предыдущем, на основании конкретных данных из области местной этнографии я хотел показать, что она может дать для общих построений этнологии и истории культуры человечества, затем чем она может притти на помощь истории отдельного народа, или целого ряда народов, какую ценность для понимания бытовых и социально исторических процессов может иметь наблюдение над фактами быта и взаимоотношения живущих в одном районе народностей, какое громадное значение может приобрести изучение народного быта и творчества в нашу революционную эпоху, и наконец, какое научное и художественное значение имеет местное народное искусство, народная поэзия и музыка...

Как видите, целей у местной этнографии много. Бесконечно широка и ее программа—раз за основу этнографической работы берется правдивое и полное описание народной жизни в крае. Таким образом задачи этнографии также широки, как широка и разнообразна сама жизнь народа, в его быту и творчестве...

Из начальных слов нашей речи мы видим, как сравнительно, мало было сделано в деле этнографического изучения нашего края и какая беспредельная возможность приложения своих сил открывается перед этнографами, желающими приступить к планомерному выполнению указанной программы. И с чувством глубокого удовлетворения я должен отметить то горячее сочувствие, ту полную готовность отдаться этой научной задаче, какую встретили мои призывы в среде саратовского студенчества.

Этому стремлению итти изучать жизнь народа и народов нашего края у нашей студенческой молодежи я нахожу, между прочим, объяснение в том, что многие, если не подавляющее большинство наших студентов и студенток кровь от крови, плоть от плоти—сами дети народа.

Идет новый исследователь, знающий и кровью связанный с народом, глубоко понимающий всю важность его познания.

Позвольте мне дать в кратких словах отчет о работе, которую проделали студенты-этнографы, с осени 1919 г. Нами был открыт особый семинарий по этнографии местного края, который работает вот все 2½ года каждое воскресенье и вход на который открыт каждому интересующему нашим делом. Там пошла работа планомерно—сначала знакомилась с существующей научной литературой по краю, одновременно

делились теми сведениями, какие у каждого имелись в памяти по материальной и духовной этнографии своих родных мест. А в каникулы стали совершаться поездки на места. Эти поездки дали свои немаловажные результаты. Любительский подход к делу, предварительное ознакомление с методами собирания—дали возможность этнографическому семинарию накопить уже значительный материал. Из более или менее крупных материалов, собранных на местах, я укажу на работы следующих студентов: студентки Земсковой, собравшей до 1000 произведений народного творчества, давшей обстоятельные очерки местного быта, обычного права, обрядовой жизни, народного календаря и народной поэзии в родных ей местах Больше-Сестренковской волости Балашовского уезда; студента Маркелова, владеющего мордовским языком, давшего интересные очерки народного быта мордвы в с. Синеньких Петровского уезда, а летом 1921 г. совершившего об'езд мордовских селений этого уезда для систематического их описания; студентки Тюриной, собиравшей материалы в Баз.-Карбулаке Саратовского уезда, и давшей обстоятельный этнографический очерк этой местности; студентки Ключковой, работавшей в с. Михайловке Астраханской губ., Енотаевского уезда и также описавшей народный быт и творчество в особой обширной работе, студентки Троицкой, собиравшей этнографический материал в Баронске; студента Советова, ездившего для изучения загадочной мешеры в Сердобский уезд и привезшего ценные предметы народной своеобразной одежды и местной словесности. Летом 1921 г. Советов совместно со студентками Гурьевой, Никольской и Тейльман совершил вторичную поездку в эти места; эта небольшая экскурсия дала плодотворные результаты. Студентки Апполова и Евсеенко дали семинарию обстоятельные описания малорусского населения: первая села Баланды Аткарского уезда, а вторая села М. Семеновки Балашовского уезда и ряда других. (Подробный перечень этих всех работ мы даем в приложении). Но в семинарии шел непрерывный приток отдельных частичных сведений, который полностью точно фиксировался протоколами.

Наличность работников и определенных уже результатов дали возможность с октября 1919 года открыть при Саратовском Обществе Истории Археологии и Этнографии (бывшей Губернской Архивной Комиссии) особое этнографическое отделение. Внимательное отношение этого старейшего у нас ученого О-ва, имеющего в своем составе ряд почтенных деятелей, прекрасных знатоков края, дали этнографической работе возможность быстро развернуться.

В апреле месяце удалось опять-таки, благодаря молодому порыву студентов этнографов открыть самостоятельный Этнографический Музей Саратовского Края, с целым рядом отделов. Описание истории создания этого музея и его состава мы также даем ниже.

Справедливость требует упомянуть, что начинания в области местной этнографии нашли себе поддержку в Саратовском Губернском Отделе Народного Образования, как особенно со стороны заведующего И. В. Гебельского (в 1920 г.), так и со стороны музейной секции в лице заведующего А. Д. Скалдина, а также под'отдела национальных меньшинств в лице заведывающего т. Галли.

Все эти факты показывают нам, что разные учреждения, разные группы общества одинаково сознают важность и будущее значение этих научных начинаний.

Наконец, работа наших студентов-этнографов проявилась в организованной нашим Университетом, при поддержке Губотнароба и Общества Истории Археологии и Этнографии целой этнографической экспедиции в Хвалынский уезд Саратовской губ.

В этой экспедиции приняли участие 16 студентов, и студенток, а также помимо меня, уважаемый историк нашего края А. А. Гераклитов, ассистент Университета археолог и этнограф Б. В. Зайковский и профессор языковед Г. А. Ильинский. Экспедиция была оборудована так, что в ее составе находились, или прикомандировывались на места, лица, знающие местные языки, мордовский, чувашский и татарский. Был с нами и проводник по старообрядческим скитам. Был при экспедиции особый фотограф. Всего участников было 22 человека.

У меня нет времени, чтобы ознакомить Вас подробно с тем, что сделала экспедиция, каковы ее результаты. Укажу лишь на то, что экспедиция знакомилась со всеми национальностями этого уезда: с русским населением, мордвою (зряя и мокша), чувашами и татарами.

Результаты экспедиции выразились в том, что собрано было до 300 предметов для музея, главным образом предметов народной одежды. (Кстати упомяну, что приобретения делались на ту подержанную мануфактуру, какая была выдана экспедиции Саратовским Испокомом для производства обмена на музейные экспонаты). Было записано до 800 произведений народного творчества, сделаны описания народного быта, жилища, одежды, орудий производства, составлены планы и схемы, изучен народный язык, народные обряды, обычаи, верования, народная медицина и многое другое.

Участники экспедиции Г. А. Ильинский, А. А. Геракли-тов, Б. В. Зайковский и я прочитали большое количество лекций (до 157 лекционных часов) по истории, археологии этнографии и языку местного края; были организованы по изучению местного края кружки, производились беседы на собраниях с'езжавшихся учителей. Экспедиция прошла при большом под'еме участников и полном содействии и, большей частью, сочувствии различных групп населения, учителей и местной власти.

Члены экспедиции записали почти все виды народного творчества: былины (и они нашлись), легенды, духовные стихи, предания, сказки, побывальщины, побасенки, поговорки, пословицы, загадки, заговоры.

Бесконечное описание обрядов: рождественских, масля-ничных, весенних, летних, осенних, свадебных, похоронных, рекрутских и песни, песни без конца.

Песни лирические, девичьи, женские, хороводные, исто-рические, солдатские, тюремные, причитания, частушки, пере-гудки, скоморошья. И много еще всего другого—всего не перечтешь!...

Скажу одно, что впечатлений у каждого участника эк-спедиции было столько, что, нам казалось, сколько другой не получит от кругосветного путешествия.

Но еще больше чем видеть, пришлось нам слышать. Сту-денты-участники экспедиции собрали, как я говорил, огромный до 800 №№ поэтический материал, у всех переименованных выше национальностей.¹⁾

У меня уже не осталось времени, чтобы познакомить Вас с этим народным творчеством. Укажу лишь на то, что пожива была огромная.

С радостным удовлетворенным чувством вернулись мы домой полные массой новых свежих и ярких впечатлений. И для многих, если не для всех участников экспедиции она является прекрасным воспоминанием дружной увлекательной работы среди чудной хвалынской природы и среди хороших и таких интересных жителей того края...

Не могу не отметить, что нашему делу помогала налич-ность в составе экспедиции представителей несколько отлич-ных, но близких научных дисциплин: этнографии, словесно-сти, лингвистики, истории и археологии. Лишний раз на деле приходилось убеждаться в громадном значении объединения разных наук для общих целей.

¹⁾ Весь собранный за 2½ года этнографической работы в Саратове материал достигает до 4000 записей словесного творчества. Особо следует указать на собрание свыше 2000 предметов материальной культуры для этнографического музея.

Но правильное этнографическое изучение края предполагает необходимости помощи еще многих других наук.

И уже за краткий период этнографической работы здесь в Саратове мы имели возможности пользоваться этой помощью.

Так в Этнографическом Отделе делал доклад наш университетский преподаватель гипнолог П. П. Подъяпольский — „О народных заговорах и их связи с гипнотизмом“, а сколько помощи может ожидать от медицины этнограф при изучении других видов и средств народной медицины!

Необходима связь и с естествоиспытателями-только тогда можно будет правильно понять воззрения народа на природу.

Представители агрономических знаний также могут внести свои важные указания.

Недавно у нас в научном заседании трактовался вопрос о полбе, одном виде хлебных злаков, ее географическом распространении. Оказался на лицо интересный факт совпадения района распространения полбы с районом поселений тюркских народов, а из этого можно сделать не безинтересные выводы историко-этнографического характера.

Примеров можно было бы привести огромное количество. Куда не обратишься везде нужна помощь собратьев по науке, везде нужно содействие других специалистов.

Итак я глубоко убежден, что во всех областях знания наука едина! Различны пути и специальности. И не чувствуете-ли Вы, что именно в этом объединении науки великая благодетельная роль Университетов. Да процветает наш очаг высшего объединенного знания в крае и на пользу края — наш Саратовский Университет!

Проф. Борис Соколов.

Отчет об этнографических работах по изучению Саратовского края за 1919—1921 г.

Предлагая настоящий отчет об организации и развитии этнографической работы в Саратове за последние $2\frac{1}{2}$ года, я желаю этим показать в какие формы вылилась эта работа и отметить ее характерные черты. С большим удовлетворением нужно подчеркнуть, что вся эта почти новая для нашего края работа протекала в условиях сочувствия и поддержки различных общественных групп и учреждений. Правда, иногда приходилось не сразу и не всюду приобретать такое сочувствие, но когда взвешиваешь как положительные, так и отрицательные факты, то приходишь к объективному выводу, что первые решительно доминируют над вторыми.

Прежде всего следует отметить неизменное и одухотворенное сочувствие студенческой молодежи, главным образом Университета, а также Института Народного Образования, горячо откликнувшейся на наше начинание. Образовавшийся с осени 1919 г. этнографический семинарий, ведущийся вплоть до настоящего времени, послужил основной базой для всей дальнейшей этнографической работы. Поэтому мы считаем естественным дать краткий обзор этих семинарских занятий. Отчет этот составлен его бессменным секретарем М. П. Советовым. В тесной связи с работами семинария находятся поездки отдельных лиц, а также целые экспедиции в различные местности Саратовского края. Перечень их мы тоже прилагаем. В неразрывной связи с работами семинария находится деятельность организованного в том же 1919 году Этнографического отдела Саратовского общества истории, археологии и этнографии; из приложенного ниже отчета, составленного секретарем отдела А. Ф. Голубевой, по заглавию прочитанных в нем докладов можно видеть, каковы были этнографические вопросы, интересовавшие членов отдела.

Исходя из убеждения, что краевая этнографическая работа должна идти в согласовании с научной и организационной работой столичных центров и деятельностью тех цен-

тральных учреждений, какие ближайшим образом заинтересованы в развитии краеведения (Наркомпрос, его Академический центр, Главмузей, Нацмен и др.) пишущему эти строки приходилось не раз делать доклады, как в ученых обществах и учреждениях Москвы и Петрограда (Российская Академия Наук—в комиссии по изучению племенного состава России, в недавно возникшей Российской академии истории материальной культуры, в Московском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии и других), так и в перечисленных только, что правительственных органах. Неизменное сочувствие и поддержка центра много способствовали укреплению начатого в Саратове дела. Наряду с этим, исходя из сознания, что всякая работа по изучению обширного Саратовского края возможна лишь при сочувствии и самостоятельности широких кругов общества и самого местного населения, приходилось вести возможно широкую деятельность по популяризации этнографических краевых задач; для этого пишущему эти строки неоднократно приходилось выступать с публичными докладами, и лекциями на конференциях, собраниях и съездах, перечень чему даем ниже. Эти попытки оказались не бесплодными. Помимо студенчества и местных ученых деятелей, разнообразное содействие и участие в той или другой форме этнографической работы проявили народные учителя, кооператоры и другие деятели деревни. С чувством глубокого удовлетворения нужно отметить то сочувствие и содействие, какое находили этнографы-собиратели среди самого деревенского населения-крестьян. Часто, и даже очень часто, население само шло навстречу, понимая те задачи, какие ставят себе этнографы и откликалось на их вопросы, просьбы и обращения. Особенно это сказалось во время тех поездок экспедиций, какие пришлось совершить за это время. Устраиваемые собрания в народных волостных и сельских домах или школах привлекали значительное количество крестьян, которые со вниманием слушали лекции, а после них принимали оживленное участие в завязывавшейся беседе. За это же сочувствие со стороны широких народных масс делу изучения их быта и творчества говорит количество посетителей Этнографического Музея. Организацию этого Музея и его характеристике мы посвящаем особый отчет, составленный помощницей заведующаго Музеем Т. М. Акимовой. Этот Музей со своими великорусским, малорусским, немецким, мордовским, татарским и чувашским отделами является символом того идеального содружества различных народностей Саратовского края, какое существует и на деле. В нашей этнографической работе

мы встретили его с первого же раза. Будучи глубоко убежденными в том, что изучение, до сих пор столь слабое, наших национальных меньшинств, как и вообще всякой народности, зависит прежде всего от живого интереса их самих к самопознанию, мы стремились связать общую этнографическую работу с представителями этих национальностей. И здесь мы нашли живое сочувствие и отклики. И в заседаниях семинария, и собраниях Этнографического отдела, и в организации и развитии Этнографического Музея живую помощь оказали нам как организации, так и отдельные лица, принадлежащие к национальным меньшинствам. Влижайшее содействие, какое было в его силах, оказывал под'отдел национальных меньшинств Саратовского Губернского Отдела Народного Образования, а также некоторые из уездных—как, напр., Хвалынский и Петровский.

В различных этнографических работах приняли участие *мордвинны*—М. Т. Маркелов (студент Университета), Окин (б. работник Хвалынского Уотнароба), Григошин (студент Института Народного Образования, б. учитель), Горский (Завед. п/о национальных меньшинств при Петровском отделе Народн. Образования, б. учитель) и др.; из *чуваши* приняли горячее участие Т. Г. Никин (работник п/о национальн. меньшинств в Кузнецком уезде, народный учитель), свящ. Прокопьев (из Кузнецкого уезда), Дуганов (б. народный учитель в Хвал. у., теперь студент Инст. Народ. Образ.), Васильев (студент-медик Университета); в работе по *немецкой* этнографии живейшее содействие оказали и оказывают Г. Г. Дингес (препод. Университета) и Э. Г. Дингес (заведыв. немецк. отделом Музея), А. Ф. Лонзингер (завед. соцвосом губотнароба), П. П. Зиннер (лектор Университета)—все уроженцы области немцев Поволжья, хорошо знающие быт своего народа. Из *татар* в этнографических работах принимали участие т. Галли (завед. п/о национальных меньшинств Губотнароба), Енгалычев (давний работник по изучению местных татар), Лаишева (студентка Инстит. Народ. Образ.) и др. Понимание важности местного этнографического изучения были осознаны и в центральных национальных организациях. Так, напр., по ходатайству Нацмена—именно мордовского отдела—Государственный Ученый Совет Наркомпроса ассигновал на мое имя 3 000.000 р. для специальных целей обследования мордовского населения Саратовского края. Наконец свое содействие местные национальные организации оказали делу этнографического изучения тем, что отдел националь. меньшинств при Саратов. Исполкоме при ближайшем содействии т. Сунсина постановил придти на помощь опубликованию собранных этнографических материалов.

Все эти факты показывают, насколько жизненным является предпринятое этнографическое познание местного края, и в этом сочувствии и содействии заключается ободрение и залог дальнейшего углубления и расширения этого познания.

Проф. Б. Соколов.

Отчет Этнографического семинария за время с 19-го октября 1919 года по 1-е января 1922 года.

Этнографический семинарий организован в 1919 г. профессором Саратовского Университета Борисом Матвеевичем Соколовым. Первое его заседание состоялось 19-го октября 1919 года. По своей цели организованный вновь семинарий (как и было сообщено в предварительных замечаниях самим организатором) должен поставить своим научным заданием — изучение всего этнографически ценного в Саратовском крае. Не говоря о важности открывшегося вновь семинария, похожего по типу и целям скорее на научное общество, чем на обычные практические занятия при Университете, он являлся и насущною потребностью, вызванною характером большинства этнографических работ, предпринятых одновременно в крае. Он же явился как бы и дополнением тех работ, которые вела до того Саратовская ученая архивная комиссия, преобразованная к этому времени в Общество истории, археологии и этнографии. Этнографический семинарий, исходя по инициативе от Университета, явился как бы результатом новых заданий, которые внес Университет в местную культурную и научную жизнь, выдвигая значение областного этнографического изучения (в данном случае Саратовского края) как одной из первоочередных задач для нашего времени. Поэтому Этнограф. семинарий вошел с первых же шагов в контакт с деятелями Общества истории, Археологии и Этнографии, в здании которого он и устраивал непрерывно по воскресным дням свои заседания, до 22 мая 1921 года, когда все занятия связанные с этнографией стали производиться в здании Этнографического Музея. Поставив себе широкие цели в изучении этнографии местного края, семинарий и по самому характеру работ признавал более плодотворными занятия не замкнутые, в составе только постоянных членов (главным образом студентов Университета), но открытые, для чего широко оповещал о своих собраниях, привлекая и всех учащихся и служащих культурно просветительных учреждений города Саратова (как то: студентов Университета разных

факультетов, Института Народного Образования, работников Подотдела национальных меньшинств и деятелей Общества Истории, Археологии и Этнографии), а также и всех культурно просветительных работников, приезжающих с мест. Этим семинарий широко агитировал за необходимость этнографического изучения местного края и кроме того часто имел возможность получать сообщения этнографических материалов (записей, отдельных замечаний по материальной культуре, верованиям, обрядам и т. д. и т. д.) непосредственно с мест. Заседания семинария были многолюдным (50—100 человек).

Первоочередною задачею семинарий поставил себе составление Саратовского этнографического сборника, в состав которого должна была войти библиография всей этнографической литературы о Саратовском крае, научно составленная. На первых порах семинарий и выполнял эту работу, пользуясь библиотеками гор. Саратова и особенно библиотекой Общества истории археологии и этнографии. Выполняя эту работу (не говоря о ее научной важности) семинарий получал и непосредственную пользу, вводя начинающих этнографов в самый характер этнографических работ, приобщая их к методам как собирания, так и изучения этнографических материалов. Первые семинарии по преимуществу носили такой характер: что на них распределялась между участниками семинария предпринятая работа, давались отчеты и обсуждались самые приемы научного описания. Мало по малу началось и непосредственное знакомство участников с фактами быта и творчества, имеющими этнографическую ценность. В этом отношении чрезвычайно полезны были сообщения Б. В. Зайковского, деятеля Саратовского Об-ва И. А. и Эт., хорошо знающего местный край и сообщавшего особенно много ценных сведений по материальному быту, обрядностям, легендарному материалу малороссов и великороссов.

Очень скоро завязалась связь научного семинария и с самой деревней. Участница семинария А. Ф. Земскова, принимавшая этнографические записи в течение лета, до организации еще семинария, но под влиянием лекций и сообщений проф. Б. М. Соколова, читавшего в летнем семестре 1919 г. один из специальных курсов по народной словесности—дает семинарию большой свежий и чрезвычайно ценный материал подробного этнографического описания, как по материальному, так и по духовному быту Балашовского уезда (особенно Б. Сестреновской волости). В скором времени с накоплением сведений с мест и описанной литературы края начинается разделение труда по специальностям среди участников семи-

нария. Начинается изучение отдельных национальностей, живущих в Саратовском крае. Так студ. Маркелов—сам мордвин—принимается за изучение своей родной народности членам семинария приступают к изучению чуваш и малороссов. Намечается и изучение саратовских немцев колонистов. Доклад о них прочел преподаватель Саратовского Университета Г. Г. Дингес, местный колонист Поволжья, и изучение сосредоточилось главным образом в руках его и его жены Э. Г. Дингес. Вслед за тем большие групповые поездки—сначала предварительная короткая в Курдюм и наконец экспедиция в Хвалынский уезд—дали результаты, сильно ободрившие участников семинария.

Неожиданно в связи с арестом профессора Б. М. Соколова работа семинария, быстро наладившаяся, прерывается на продолжительный срок—около 4-х месяцев.

Возобновилась работа семинария, имевшего до перерыва 10 заседаний с возвращением проф. Соколова. Она заключалась в организации выставки, которая послужила основой для Этнографического музея Саратовского края и в подготовке путем чтения лекций к организации этнографической экспедиции в Хвалынский уезд Саратовской губернии. Экспедиция в количестве 22-х человек под руководством проф. Б. М. Соколова и состоялась в июле месяце 1920 года. (Подробный отчет о ней делался проф. Б. М. Соколовым на факультетском заседании в Саратовском Университете). Значение ее для семинария громадно в том отношении, что она столкнула участников семинария с народной жизнью в самых разнообразных национальных группировках, для чего отчасти и выбран был именно Хвалынский уезд в первую очередь. Это первое этнографическое обследование уезда дало участникам экспедиции опыт в научных приемах записей и собирания этнографических материалов, в наблюдении над фактами народной жизни,—а также развило интерес к исследуемым вопросам.

Очередные заседания Этнографического семинария начались с началом учебного 1920—1921 гг. по традиционному обычаю по воскресным дням в здании Саратовского общества истории, археологии и этнографии. Характер семинария по сравнению с предыдущим годом меняется в том отношении, что семинарий в этом учебном году ставит себе более широкие задачи, благодаря тому, что теперь, после экспедиции он приобрел кадр уже несколько более опытных работников, а также и потому, что работы семинария тесно слились с интересами организованного Этнографического Музея, который кровно вытекал из работ семинария и первые большие пополнения

получил, благодаря Хвалынской экспедиции. К каждому участнику семинария стали предъявляться требования не только собирания и изучения материалов по творчеству и быту, но и посильные приобретения материалов для Музея, конечно в той области, которую затрагивало изучение данного лица или целой группы. Разные задачи, разные вопросы, которые разрабатывались и рассматривались всем семинарием распределяются между отдельными группами участников; так выделяется „Библиографическая комиссия“, которая ведет составление библиографии по литературе о Саратовском крае и приготовление своего материала к печати. Выделяется комиссия по обработке материалов экспедиции комиссия по составлению этнографической карты и различных диаграмм этнографического характера, комиссия по выработке программ для записей—наконец комиссия по изучению этнографии самого Саратова.

Выделяются особые лица из участников семинария, которые ведают уже определенную область—так по изучению *Волгара, малороссов, старообрядцев* и вообще сектантов, *мещеры*, для чего данные лица совершают специальные поездки, собирая как материалы для музея, так и производя многочисленные записи и быта, и народного творчества.

Особенно широко развивается в этом году работа на местах, благодаря специальным командировкам, а часто и случайным поездкам многих участников семинария в разные уезды Саратовской губернии (особенно во время каникул). Длинный ряд семинариев посвящается заслушиванию докладов этнографического описания той или иной местности нашего края.

Наконец на самых последних заседаниях постановлено было специальною целью семинария составление словаря местных народных слов.

Необходимо отметить самый характер работ семинария в этом последнем году т. к. он резко отличается от работ семинария предыдущего года. Черновая работа ведалась теперь уже не целым семинарием, но производилась внутри отдельных комиссий, во главе которых назначены более опытные участники семинария. Комиссии делали доклад лишь по окончании какого-либо отдела или части своей работы, а иногда и краткий отчет (т. к. более обширные доклады невозможно было часто заслушать за недостатком времени). Кроме того изменился характер работ и вследствие еще большей многолюдности заседаний. В состав новых членов вошло много учащихся, приехавших из разных уездов нашего края. Они сообщали иногда разрозненные, иногда заполняя

программы, сведения этнографического характера о своей местности. Потом составлялась сводка сведений данных в программах). При помощи этой молодежи, а также и различных других способов агитации начали устраивать в разных уездах кружки, общества и музеи (или только отделы при Музеях) этнографического характера. Они присылали произведенные ими записи и командировали своих делегатов, которые опять таки сообщали массу сведений с мест.

Наконец надо отметить издание (рукописное) „Этнографического Вестника“, журнала, который имел свою целью отражение жизни этнографического семинария, для чего вмещал протоколы семинариев и разрозненные материалы, которые не могли были заслушаться на заседаниях и наконец, отчеты (краткие в цифровых данных иногда) разных комиссий.

В перерыв летних каникул (который сделан был семинарием 12 июня 1921) деятельность некоторых комиссий не прерывалась, также продолжалась и работа на местах, благодаря новым поездкам отдельных участников семинария.

Возобновившиеся с осени 1921 года заседания семинария в значительной мере ушли на заслушивание и обсуждение отчетов участников семинария об их работе на местах. Ввиду обилия и разнообразия этих работ, заседания часто затягивались до 4-х часов с 11-ти утра. Приобретение достаточного опыта в собирании и изучении местного этнографического материала, дало возможность руководителю семинария поставить очередной задачей семинарских занятий—рассмотрение методологических вопросов освещения этнографического материала с точки зрения общей этнологии. Для этого был выдвинут ряд тем о задачах и методах этнологической науки. Участники семинария делали разборы главнейших научных трудов по этнологии как русских, так и иностранных и в происходившем обмене мнений уяснялись основные принципы этнографической науки в ее историческом развитии. Отдельные члены семинария работают над особыми вопросами местной этнографии, имея ввиду в дальнейшем дать специальные исследования. Таковы работы по мордве, чувашам, немцам и украинцам, живущим в Саратовском крае. Таковы работы, посвященные отдельным сторонам и явлениям быта и творчества населения этого края. Пишется работа по обычному праву, по народному обряду „Кузьминки“, по сарат. народному свадебному обряду в связи с обрядом других великоруссов и ряд. других.

БИС-110
39854
А. Г. Чернышевского у. в. т. 10

2. Список экскурсий и командировок с этнографической целью.

1. **Агр. Фед. Земскова** несколько раз ездила в Балашовский уезд, где и произвела обследование значительной его части: описала материальный и духовный быт, обрядности, полный народный календарь, 2 народных драмы, 2 былины и т. д. — всего до 1000 произведений всех видов народного творчества. Кроме того ею приобретены некоторые экспонаты для музея: как-то костюмы, образцы тканей и все виды земледельческих орудий в моделях.

2. **Богатырева Ек. Г.** в ноябре 1919 г. ездила в с. Полчаниновку Саратовского уезда, где и произвела кроме разрозненных записей произведений народного творчества, полное описание „Кузьминок“ осеннего обряда, известного только в Саратовской губ.

3. **Дингес Эмма Готфр.** несколько раз совершала поездки в с. Блюменфельд и Ровное области немцев Поволжья где и приобрела большое количество (около 500 экз.) экспонатов для музея: костюмов, предметов домашней утвари, мебели, орудий производства и т. д. что легло в основу немецкого отдела в Этнографическом Музее. Произведены ею также записи духовной и материальной культуры на немецком языке.

4. **Экспедиция** в количестве 6 человек (проф. Б. М. Соколов, препод. А. А. Гераклитов и студентки Богатырева, Акимова, Голубева и Тюрина) произвела этнографическое обследование с. Курдюм Саратовского уезда, что послужило пробой, введением к этнографической работе в последующее время.

5. **Экспедиция** в количестве 22-х человек летом 1920 г. (от 6 июня до 8 августа) произвела этнографическое обследование и описание большей части Хвалынского у. г. Хвалынска, Черемшанских скитов, с. Елманки (великороссы) Ст. Лебежайки (мордва — мокша и чуваша) Н. Лебежайки (чуваша), Зарыклей (татары), Чув. Кулатки (чуваша), Ст. Кулатки (татары), Зимницы (татары), Ст. Мостяка, Мосеевки (татары), Павловки, Кадышовки, Шаховского, Шиковки, Поселка (великороссы). Имея большое значение, как первый навык к работе, экспедиция кроме того дала большие результаты в смысле пополнения Музея, собрав материалы для старообрядческого, татарского, чувашского и большей части великорусского отделов.

Приобретенные экспонаты состоят главным образом из костюмов, образцов тканей и вышивок, предметов домашнего

обихода, утвари, мебели и т. д. (всего до 300 экз.). Кроме того экспедицией записана много произведений народного творчества, обрядностей, религиозных верований, а также сведений о материальной культуре этой местности (всего до 800 записей). Все эти записи касаются как великорусской народности, так и мордвы, чуваш и татар. Руководитель экспедиции проф. Б. М. Соколов, а также и сопутствующие ей проф. Г. А. Ильинский, преп. А. А. Гераклитов и ассистент Б. В. Зайковский в каждом селе читали лекции по этнографии, языку, а также истории и археологии края, чем привлекали учительство и вообще сознательное население к работе по изучению своего края и прививали интерес к нему. В некоторых селах, благодаря этим лекциям организовались кружки и общества по изучению истории, археологии и этнографии края, которые в дальнейшей своей работе имели и имеют связь с Саратовским Обществом.

6. **М. П. Советов** в ноябре 1921 года совершил специальную поездку в с. Мещерское Сердобского уезда, где произвел записи говора, обрядностей, произведений творчества и материального быта „мещеряков“, а также приобрел национальные костюмы для Музея.

7. **Никин Г. Г.** об'ездил чувашские села Вольского, Хвалынского, Петровского и Кузнецкого уездов, обследовав материальный быт и приобретя для Музея старинные костюмы и предметы домашней утвари.

8. **Н. Г. Аполлова** работала в с. Баланде Аткарского у., где и описала материальный и духовный быт малороссов.

9. **Евсеев П. М.** в Балашовском уезде произвела записи календарных обрядов малороссов и дала детальное описание свадьбы.

10. **Ключкова А. И.** несколькими поездками в с. Михайловку Енотаевского у. Астраханской губ. произвела полное этнографическое описание данной местности.

11. **Тюрина А. И.** произвела такое же описание с. Базарный Карбулак Саратовского уезда.

12. **Троицкая В. В.** ездила в Баронск Обл. нем. повод. Обследовала и описала быт немцев.

13. **Козин П. М.**, командированный в с. Лох Саратовского уезда, записал легенды и сказания о Кудеяре, пещера которого находится там поблизости. Кроме записей произведений народного творчества (около 100 песен, напр.) им записано начало былины об Иване Гостинном сыне.

14. **Розов В. П.** работал в с. Максимовке Вольского у. записал частушки, песни, сказки.

15. **Анимова Т. М. и Цыганова Н. М.** командированные в д.д. Каменку и Михайловку Чернышевской вол. Саратовского уезда, описали историю села, материальный быт, исторические легенды, календарные и другие обряды и произведения народного творчества (до 200), приобрели также для Музея деревянные вещи и орудия производства.

16. **Гурьева А. Н.** ездила в д. Пески Сердобского уезда и произвела этнографическое описание этой местности (записано 180 произведений).

17. **Редин Ф. Н.** работал по этнографии волгара, ездя по Волге от Камышина до Хвалынска. Им же произведены этнографические записи в ряде селений Саратовского уезда.

18. **Мих. Тим. Маркелов** ездил в с. Синенькие Петровского уезда, где и обследовал говор, быт, материальную и духовную культуру, верования, обряды поэтическое творчество мордвы.

19. **В. П. Воробьев и А. Ф. Земцова** в г. Покровске произвели записи по материальной и духовной культуре малороссов. Приобретено ими для музея некоторое количество малороссийских вещей.

20. **Набаев** в Темниковском уезде Тамбовской губ. приобрел предметы мордовской одежды.

21. **Иванин** в с. Брановке Хвалынского уезда собирал предметы мордовского быта.

22. **Экскурсия** в количестве 4-х человек (М. П. Советова, Е. Г. Тейльман, В. П. Никольской и А. Н. Гурьевой) в с. Мещерское и Никольское Сердобского у. произвела детальное описание местности и народа, его быта и творчества, загадочного мещерского населения.

23. **П. М. Козин и Г. Ф. Васильев** совершили поездку к мордве Петровского уезда, где кроме этнографического описания местности дали подробные сведения об обычном праве мордвы. Кроме того Т. Ф. Васильев собирал материалы по обычному праву великорусского населения Саратовского и Сердобского уездов.

24. **Мих. Тим. Маркелов** произвел специальную поездку к мордве летом 1921 г. Объездив большинство сел Петровского у., произвел полное их научное (на мордовском языке) описание, приобрел также массу современных и старинных костюмов мордвы, что значительно пополнило мордовский отдел Музея.

Кроме материалов, собранных во время отдельных командировок, было и еще много частичных поступлений с мест. В результате всей работы Этнографический Музей имеет записи из разных местностей Саратовского края количеством

до 4000 экз., а также значительное количество заполненных из разных мест. Этногр. программ (Русск. Геогр. Общества).

В число записей входят — особенно много лирических песен, обрядовой поэзии, самих обрядов (свадьбы, похорон, кузьминок, календарных обрядов), сказок, легенд религиозных и исторических, заговоров, причитаний, примет, поговорок, пословиц, частушек, народной драмы и несколько (правда испорченных) былин.

Весь этот материал, хранящийся в переписанном и систематизированном виде сейчас в Этнографическом Музее ждет своего опубликования, чем существенно пополнится научная печатная этнографическая литература, так мало до сих пор отображавшая быт и поэтическое творчество Саратовского края. Не имея возможности в ближайшее время опубликовать весь собранный материал, мы считаем целесообразным дать пока его систематический обзор. Некоторые подробные описания быта и творчества отдельных местностей Саратовского края представили собой, как бы самостоятельные этнографическая литература, так мало до сих пор отображавшая быт и поэтическое творчество Саратовского края.

Тюриной были представлены на факультет общественных наук Саратовского университета в качестве конкурсных сочинений и определением факультета удостоены высшей награды.

3. Отчет о деятельности Этнографического Отдела О-ва Истории Археологии и Этнографии.

Этнографический Отдел возник в ноябре месяце 1919 г. Председателем его был выбран проф. Б. М. Соколов, товарищем председателя проф. С. В. Юшков, секретарем П. И. Богатырев, а впоследствии за его отъездом А. Ф. Голубев. Заседания отдела все время происходили в помещении Общества истории, археологии и этнографии, бывали часто многочисленными, доклады вызвали продолжительные и оживленные прения. Посещались заседания профессорами Университета, членами Общества и широкой публикой, в большинстве студентами Университета. Всего от основания отдела до 1 января 1922 г. было проведено 15 заседаний, из которых читались следующие 28 докладов:

1. Проф. Б. М. Соколов. „Ближайшие задачи изучения этнографии местного края“.

2. Студ. А. Ф. Земскова. „Свадебные обряды с. Б. Семеновки Балашовского уезда Саратовской губ.“.

3. Проф. **С. В. Юшков**. „О ближайших задачах изучения обычного права Саратовской губ.“.

4. Студ. **Л. Гольденев**. „Солдатские песни еврейские, польские, русские, малорусские, немецкие и итальянские войны 1914—19 г.г.“.

5. Докт. **П. П. Под'япольский**. „Заговоры—как словесное внушение“.

6. Студ. **Е. Г. Богатырева**. „Обряды, „кузьминки“ и „кумяны“ в Петровском уезде Саратовской губ.“.

7. **Б. В. Зайковский**. „Предметы, связанные с поверьями и суевериями в Саратовском крае“.

8. Проф. **Б. М. Соколов**. „Об открытии Этнографического Музея и новых задачах Этнографического Отдела“.

9. Студ. **М. Т. Марнелов**. „Очерки народного быта и творчества мордвы села Синенькие Петровского уезда Саратовской губ.“.

10. **А. А. Кротков**. „История расселения мордвы в Саратовском крае“.

11. Студ. **А. Ф. Земскова**. „Народно-обрядовый календарь села Б. Сестренки Балашовского уезда Саратовской губ.“.

12. Проф. **А. Р. Фасмер**. „О значении лингвистического изучения местного края“.

13. Проф. **Г. А. Ильинский**. „Лингвистика на службе у этнографии“.

14. Проф. **Д. А. Золотарев**. „Научные этнографические учреждения и их работа в Москве и Петрограде“.

15. **Т. Г. Нинин**. „Чуваши Саратовской губернии“.

16. **О. А. П. Прокопьев**. „Из истории и веры чуваш Саратовского края“.

17. Проф. **Б. М. Соколов**. „Об организации планомерного изучения музыкальной этнографии Саратовского края“.

18. Студ. **И. Д. Тулупников**. „Записи мотивов весенних песен с. Рудня Камышинского уезда Саратовской губ.“.

19. Проф. **Б. М. Соколов**. „Этнографическая работа в Петрограде и Москве и организация этнографических исследований Саратовского края (отчет о поездке в Москву и Петроград в январе и феврале 1921 г.“).

20. **Д. П. Богданов**. „Гуцулы“.

21. Студ. **Н. Г. Аполлова**. „Малороссы с. Баланды Аткарского уезда Саратовской губ.“.

22. Студ. **П. М. Евсеенко**. „Свадебные обряды малороссов Балашовского уезда Саратовской губ.“.

23. **Б. В. Зайковский**. „Об организации работ по составлению словаря местного края“.

24. Студ. А. И. Ключова. „Описание материальной и духовной культуры крестьян с. Михайловки Енотаевского у. Астраханской губ.“.

25. Проф. Б. М. Соколов. „Памяти А. Н. Афанасьева. (По случаю 50 летия со дня кончины)“.

26. В. П. Никольская. „Сказки Афанасьева“.

27. Б. В. Зайковский. „Из области малорусской этнографии Саратовского Заволжья“.

28. А. Н. „Гурьева“. Народное песенное творчество в с. Песках Сердобского уезда“. Доклад иллюстрировался исполнением народных песен крестьянской певицей.

На общем собрании Общества по случаю 35 летия его существования 25 декабря 1921 г. председателем Отдела проф. Б. М. Соколовым был прочтен доклад „О былинах записанных в Саратовском Крае“. (Доклад напечатан в научном приложении к журналу „Культура“ 1922 г. № 1).

При этнографическом отделе была организована секция по изучению обычного права под председательством проф. С. В. Юшкова, где П. В. Лебедевым и проф. С. В. Юшковым были прочтены доклады „О современном обычном праве и способах судопроизводства“. За последнее время к работе секции привлечены студенты юристы, ведущие свою работу по архивам судов, хранящихся в Обществе истории, археологии и этнографии, а также изучающие обычное право на местах.

4. Лекции и доклады по местной этнографии.

С целью популяризации идеи этнографического изучения местного края руководителю этнографических работ проф. Б. М. Соколову пришлось неоднократно выступать с публичными докладами и лекциями на тему о задачах и целях этнографии, методах научного собирания, записывания народного поэтического творчества. и т. п.

Помимо докладов на публичных заседаниях Этнографического отдела Саратовского общества истории, археологии и этнографии проф. Б. М. Соколов прочел следующие доклады:

1) „Значение народного творчества в деле внешкольного образования“ на конференции внешкольников при Институте Народного Образования весной 1920 г. Доклад иллюстрировался исполнением народных песен старушкой Д. А. Земцевой и старообрядческим хором, исполнившим свои духовные стихи под руководством С. И. Быстрова.

2) Лекции на тему о местной этнографии на с'езде учителей в Хвалынске и в разных селах Хвалынского уезда летом 1920 г.

3) „О преподавании народной словесности в школе 2-й ступени“ на губернском с'езде учителей школ 2-й ступени в гор. Саратове осенью 1920 г.

4) „Методы и задачи этнографии“ лекция для студентов Экономического Института.

5) „Результаты этнографической экспедиции летом 1920 г.“. Публичная лекция-отчет в Государственном Саратовском Университете сент. 1920 г.

6) Лекции по местной этнографии и фольклору на курсах по краеведению, устроенных Обществом истории, археологии и этнографии весной 1921 г.

7) „Этнографическое изучение Саратовского края“. Актовая речь на торжественном собрании Государственного Саратовского Университета в 11-ю годовщину Университета 19 дек. 1920 г.

8) „Народное поэтическое творчество“ лекция-доклад на торжественном заседании Университета совместно с 3-м губернским с'ездом по народному образованию 15 мая 1921 г. в помещении Университета.

9) „Этнографическое изучение Саратовского края“—публичный доклад на торжественном заседании Саратовского общества истории, археологии и этнографии совместно с членами губернского с'езда по народному образованию в помещении Городского Театра—16 мая 1921 г. Доклад иллюстрировался диапозитивами из хвалынской экспедиции и сопровождался пением русских, немецких, татарских и мордовских песен.

Читались кроме того лекции и велись инструкторские беседы на различных образовательных курсах: райкультвода, библиотечных работников, старообрядческих курсах, в художественных мастерских и высших театральных мастерских и др.

С другой стороны для ознакомления научных учреждений и обществ в центре с результатами и планами этнографических работ в Саратове проф. Б. М. Соколов во время своих командировок в Москву и Петроград сделал доклады и сообщения в следующих обществах и учреждениях:

1—2) Два доклада в заседаниях этнологического разряда Российской Академии Истории Материальной Культуры в декабре 1920 г., в Москве.

3) Публичный доклад в соединенном заседании Общества Естествознания, Антропологии и Этнографии и его Этнографического Отдела 8 февраля 1921 г. в Москве.

4) Доклад в комиссии по изучению племенного состава России при Российской Академии Наук в помещении Академии в Петрограде 27 января 1921 г.

5) Сообщение об изучении мордвы Саратовского края в мордовском п/о народного комиссариата национальностей в Москве 12 февраля 1921 г.

6) Такое же сообщение об изучении саратовских чуваш в чувашском п/о того же комиссариата 14 февраля 1921 г.

7) Публичный доклад „Об организации собирания произведений народного творчества“ в собрании Литературного Отдела Наркомпроса в присутствии народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского 15 февраля 1921 г.

8. Доклад об организации Этнографического Музея в Саратове в коллегии Главмузея 18 февраля 1921 г. в Москве.

5. Организация и деятельность Этнографического музея Саратовского края.

Еще 22 ноября 1919 года (вскоре по своем приезде) профессор Б. М. Соколов прочитал в заседании комиссии экспертов секции по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Саратовском Губотнаробе доклад о необходимости открытия в Саратове Этнографического Музея Саратовского края. Он указывал на удивительные богатства края в этнографическом отношении, благодаря заселенности его разными племенными группами и людьми разных вероисповеданий и сект и указывал на малую исследованность его. Далее проф. Б. М. Соколов развил мысль о том, каким образом должен быть создан этот музей. Он не должен быть кунсткамерой, но строго научным, созданным по определенному плану, учреждением, с научно подобранным материалом и точными пояснениями к нему. Музей должен быть строго областным. Отдел общей этнографии должен иметь в нем лишь педагогическое значение. Собирать вещи должны люди этнографически подготовленные, но и в то же время связанные с местами, хорошо знающие местную народную жизнь. Далее Б. М. говорил о принципах построения самого музея, о размещении в нем, о его показательной стороне и т. д.

Будучи строго научным, Музей должен быть и популярно просветительным учреждением для широких народных масс.

Довольно скоро после этого, уже в апреле м-це 1920 года, проф. Б. М. Соколов при помощи группы студентов, участников этнографического семинария устраивает в здании О ва истории, археологии и этнографии небольшую этнографическую выставку, в которую входят вещи этнографического характера (костюмы, коллекции вышивок, предметы домашней утвари, коллекции пряничных и набойных досок и еще кое-какие вещи, имевшиеся у О-ства И. А. и Э., деятели которого, правда несистематично, собирали эти вещи еще раньше); кроме того на это выставку поступили вещи, выданные на время отдельными частными лицами (татарские вещи Енгалычева и др.) Эта то выставка и послужила основой Этнографического Музея, который и был официально открыт 25 апреля 1920 г.

Все экспонаты находились в одной комнате. Штат Музея состоял из заведующего проф. Б. М. Соколова, его помощника Б. В. Зайковского, научных сотрудников Е. Г. Богатыревой, М. Т. Маркелова и Т. М. Акимовой.

Как выставка была посещаемая кроме лиц непосредственно заинтересованных этнографией и широкой публикой, так же и музей, как только он был размещен, начал посещаться широкой публикой, как взрослыми, так и экскурсиями школьников г. Саратова.

Особенно много способствовала расширению и увеличению отделов хвалынская экспедиция, из которой, кроме костюмов разных национальностей были привезены еще и украшения, орудия производства, образцы тканей и т. д. (великорусские, мордовские, чувашские и татарские); кроме того в экспедиции было сделано много снимков, которые теперь в Музее для пояснений играли большую роль. Здесь видны были и антропологические типы разных народностей, их костюмы, места мольбищ, обряды, жилища, занятия и т. д.

Трудное дело приобретения коллекций и отдельных экспонатов (даже и на деньги), связанное с мануфактурным кризисом, улучшилось благодаря тому, что местный Губисполком, благодаря содействию И. В. Ребельского, предоставил Музею вещи из мануфактурного склада Коммунхоза. Только в обмен на вещи этого склада (мануфактурные предметы насущной потребности крестьянства б. ч., правда изношенные, иногда сильно) и можно было приобрести такое количество коллекций и экспонатов, которые представили собою сразу богатый материал для Музея.

В одной комнате Музей был уже не в состоянии разместиться, и О-ство отдает ему еще комнату, в которую переходит Отдел инородческий, вмещавший в себе Отделы Чувашский, Мордовский и Татарский, с заведующими Т. М. Акимовой,

М. Т. Маркеловым и вновь поступившим М. П. Советовым. Велико-русским отделом заведует А. Ф. Земскова и старобряд-ческим отделом, (экспонаты для которого были привезены гл. об. из Черемшанских скитов Хвалынского уезда), поступив-шая на место т. Богатыревой, В. Ю. Крунянская.

Осенью этого же года Э. Г. Дингес, уроженницей местной немецкой колонии и знающей хорошо ее жизнь, быт и уклад, приобретает большая коллекция немецких вещей, гл. обр. костюмов и предметов домашней утвари, т. что жизнь немцев колонистов сразу была представлена довольно наглядно с точными пояснениями, легендами, местными названиями—эк-спонаты опять таки оказались безусловно ценными для та-кого краевого Музея. Получается новый немецкий отдел с завед. Э. Г. Дингес.

Благодаря новым поездкам (Советова в село Мещерское Сердобского уезда специально за вещами мещеры, их костю-мани), часто и случайным покупкам, Музей приобретает все большее и большее количество экспонантов. Так в него по-ступают: коллекция вещей Васильчиковых, хранившаяся в Обществе И. А. и Этн., из которой пополняется великорус-ская комната, и коллекция Яковлева, где гл. обр. имелись вещи для старого мещанского костюма (опять в великорус-скую комнату).

Благодаря Хвалынской экспедиции, приезду культурно-просветительных работников с мест в музей, благодаря рас-сылке обращений музея в разные уезды и другим способом, музей скоро приобретает массу и других предметов во все отделы.

Все время чувствуется недостаток в помещении—теснота, сгущенность экспонатов не дают возможности посетителям их детально рассмотреть, масса вещей теряется.

Наконец Общество выделяет еще одну комнату, в кото-рой размещаются тюркские народности (чуваши, татары, кир-гизы) и отд. общей этнографии, куда вошли вещи, передан-ные Обществом И. А. и Этн. китайские и калмыцкие, (при-везенные А. И. Ключковой из Енотаевского уезда Астрахан-ской губернии); в прежней инородческой комнате остались финские народности (мордва, мещера) и в прежней велико-русской—великороссы, и немцы—колонисты.

И все таки Музей не имел возможности выставить всех своих предметов—как ни уплотнял постепенно свои отделы, масса вещей оставалась невыставленной.

Музей, постоянно открытый для посетителей широко по-сещался не только саратовской публикой, но и прибывающими из уездов, и отдельными лицами и экскурсиями.

В декабре 1920 г. Б. М. Соколов отправился в командировку в Москву и Петроград, где в научных обществах и разных правительственных учреждениях делал сообщения об этнографических работах в Саратове.

Он встретил полное сочувствие со стороны Главмузея, коллегия которого на заседании 18 февраля 1921 года по заслушании доклада проф. Б. М. Соколова об Этнографическом Музее Саратовского края, постановила: „доклад одобрить, пойти навстречу всем ходатайствам проф. Соколова, утвердить представленную смету, принять меры к предоставлению д. б. Шмидт для Саратовского Этнографического Музея, ходатайствовать о выдаче проф. Соколову мануфактуры для обмена ее на музейные экспонаты и наконец предложить Саратовскому Исполкому содействовать Этнографическому Музею.“ Отделы Наркомпоса—Музыкальный и Национальных Меньшинств со всеми его под'отделами по заслушанию докладов проф. Б. М. Соколова признали дело ведения музея с его этнографической работой очень важным и постановили как только можно ему помогать.

В конце концов отдельное здание (единственно подходящее для музея) дом б. Шмидт на Армянской ул. против Липок № 21 и был предоставлен Б. М. Соколову под музей.

Увеличив количество Отделов, Этнографический Музей Саратовского края, расширил и штат служащих в лице завхоза В. П. Воробьева и А. Ф. Губаревич-Радабыльского. Большой дом с обилием света, широкий большой корридор по середине со светлым стеклянным потолком, большие залы—все это способствовало тому, что все вещи хорошо и легко можно было расположить, так, чтобы они: выигрывали в соседстве одна с другой, не загораживая одна другую и весь музей в целом мог наконец получить строго научное распределение и размещение.

Он распадается теперь на отделы: русский (великороссы и малороссы), финских народностей (мордва—Эрзя и Мокша), тюркских народностей (чуваши, татары), немецкий отдел (все эти отделы находятся в больших светлых залах), старообрядческий отдел и отдел общей этнографии (китайцы, калмыки, киргизы и т. д.), который помещается в светлом корридоре. Кроме того уже собираются, чтобы вскоре открыться отделы. Богларя и Кустаря.

В данный момент в Музее и имеются: костюмы всех национальностей, населяющих край, коллекции бирок, набоечных досок, пряничных досок, лаптей, фигурок, изображающих все народы России, коллекция гончарных изделий, деревянных изделий, вышивок, тканей домашнего производства,

земледельческих орудий, предметов суеверия, украшений, фотографии, карты, рисунки, диаграммы.

Общее количество экспонатов, внесенных в инвентарь и научно описанных к настоящему времени достигает—2000 №№.

6. Отчет о деятельности Сарат. Музея Голода.

В октябре месяце 1921 г. проф. Б. М. Соколов вошел с предложением в Губерн. Комитет (позднее Комиссию) Помощи Голодающим в здании Этнографического Музея организовать Музей Голода, что и было принято.

Связанный отчасти с Музеем Этнографическим как показатель народной жизни, и испытаний в тяжелую годину Музей Голода должен, по мысли организатора, выполнять двоякую задачу. Во первых он должен был явиться надежным хранилищем всего того материала который является показателем голода в крае и борьбы с ним. Это, так сказать, задача историческая сохранить, зафиксировать правдивую картину голода для будущих поколений. Самая же настоящая, современная задача Музея состоит в том, чтобы он служил немолчным будильником общественной совести и громко звал на борьбу со стихийным бедствием населения края.

Выполняя эти задачи Музей и был оборудован. Он приобретал и приобретал с мест через различных агентов как самой Комиссии, Губстатбюро, Эвакпункта, так и др. учреждений, во первых, различные виды тех суррогатов пищи, которые употребляются голодным населением, как например: хлеб из крапивы, лебеды, павелики, кожур и ботвы всех овощей (тыквы, картофеля, арбузов, капусты), листьев различных деревьев (яблонь, вишни, липы и т. д.), дубовой коры, желудей, лесных яблок, мякины, просяной ракуши, репейника, ореховых и березовых сережек, шиповных ягод, гороховой соломы, белой глины, из степной травы, „кумучук“ (у киргизов), пища из кошек и собак, лошадиной шкуры из кожи (даже шитой, напр. сапогов) реже из более или менее полезных растений, как корни чакана, сусака и др.

Имеется в Музее и анализ, показывающий химический состав и питательность как каждого из этих суррогатов, так и нормальной желательной пищи мяса, хлеба, картофеля.

Кроме того путем фотографических снимков Музей стремится передать вид и самого голодного населения, высохших и опухших от голода. Путем фотографий фиксируются и другие факты голода. Так имеются в Музее снимки

тех переселенцев, которые бегут с остатками скарба из ужасающих вымирающих и пустеющих меет. Имеются и снимки людоедов. И, наконец, Музей собирает все статистические данные, касающиеся голода в крае, которые он и показывает в диаграммах. Так имеются в Музее таблицы, показывающие посевную площадь прежних времен и последнего года, урожаи прежних лет и последнего года, показывающие химический состав суррогатов и так далее. В фотографических же снимках и диаграммных таблицах показана и та борьба с голодом, которая ведется в крае, как Губкомиссией, так и иностранными организациями. Имеются снимки тех субботников, воскресников и г. д. которые устраивались различными учреждениями, с тем чтобы заработок отдать голодным. В показательных таблицах изображена помощь голодающему населению сравнительно с числом всего населения и числом голодающих. В рабочих таблицах, которые все время пополняются, показана помощь голодающему населению как г. Саратова, так и его уездов; число столовых, приемников, детских домов и т. д.

В таблицах же можно видеть и постепенное выселение населения из особенно голодных мест рост голода, болезней, смертности и т. д.

Кроме того Музей собирает и хранит все печатные материалы, как плакаты, брошюры, газеты, возвания, так или иначе связанные с голодом. Наиболее разительные факты голода выписываются и вывешиваются на особых картонах.

Все эти сведения о голоде сообщаются тем лицам, которые едут агитировать и собирать на голодное население в плодородные губернии (без чего население хлебных мест не может себе представить того, что переживает население нашего края).

При Музее имеется постоянная выставка книг и брошюр о голодных годах в прошлом и о современном голоде, также и газет центральных, губернских и уездных.

Музей Голода вызывает большой интерес публики, что и видно из большой его посещаемости.

Заведующим проф. Б. М. Соколовым, а также сотрудниками (студ. П. Д. Степановым и студ. Б. М. Акимовой) даются объяснения, а также читаются лекции (с диапозитивами в других местах города и в самом музее).

М. Т. МАРКЕЛОВ.

САРАТОВСКАЯ

М О Р Д В А

(ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ).

ВВЕДЕНИЕ.

Русское научное изучение еще мало коснулось многочисленных инородческих групп, населяющих Россию и входящих в состав русского государства, хотя этническое и культурное бытие России, переплетение самых разнообразных национальных группировок с индивидуальным характером их жизнедеятельности, казалось, издавна неминуемо ставили для исследования данную проблему. Превалирующий интерес к Руси и сравнительно культурная отсталость большинства самих инородческих групп, обусловленная государственными факторами, стоят во главе угла многообразия причин плохой изученности мелких национальностей России.

Из инородцев Восточной России в этом отношении в плачевном состоянии находится и мордва, хотя трехмиллионное население¹⁾ совсем еще не говорит и о физическом вымирании народности, как таковой, а сохранение языка, основ быта и творчества, во многих местах одежды и проч., всего того, что создает национальную культуру и психологию народа, свидетельствует, наоборот, о степени жизнеспособности — что должно вести к изучению не только прошлого, но и настоящего мордвы. Именно плохая изученность мордвы, недостаточное знакомство с прошлым и настоящим этой народности, давало до сих пор повод говорить о совершенной ассимиляции мордвы русским, татарам и др. Если есть доля правды в таких суждениях, то их нужно относить может быть исключительно к утере национальной смелости, надежды на самостоятельное возрождение, но отсюда еще далеко не следует делать заключения об окончательном уничтожении мордвы. Взаимоотношение мордвы с соседствующими русскими, татарами, чувашами, черемисами и др. вполне объясняют и обстоятельства постепенной ассимиляции, в смысле переплетения и обмена духовных ценностей различных народностей.

Систематическое изучение мордвы в интересах общенаучного знания было предпринято совсем недавно, при том как

¹⁾ Сведения взяты из Под'отдела Нацменьшин. при С.-Р. Губисполкоме.

это не странно раньше за границей—в Финляндии¹⁾, чем у нас. Только с выходом почти единственного ценного исследования—монографии И. Н. Смирнова о Мордве (Казань 1895 г.) нарушена была случайность, а подчас и миссионерская тенденциозность интереса к мордве, царившая дотоле даже и в интеллигентном обществе. Действительно нельзя даже сказать что о мордве писано мало, можно подчеркнуть только особенный характер интереса к вопросу—все эти многочисленные описания, статьи о мордве, разбросанные в десятках периодических изданий, журналов и газет, носят характер научного „à propos“. Очерки же более серьезные, как Мельникова-Печерского, Майнова к сожалению часто стремятся к обобщениям, не имея под собой чисто научной базы в виде сырого фольклорного и бытового материала, отчего вкрадываются ошибки не только синтеза, но и подтасовки самих фактов, необходимых для обобщений.

Любопытно, например, что один раз пущенная Печерским в „Очерке мордвы“, легенда из области мордовской мифологии о мелких богах—духах „озанс“²⁾ чего в самом деле нет, основательно укрепились в литературе о мордве, особенно популяризированная Майновым у нас, и даже за границей в его очерке: „Les restes de la mythologie mordvine“ (Journal de la Société Finno—Ougrienne, V, Hels. 1879) что так основательно разоблачено И. Н. Смирновым³⁾. С несомненностью поэтому представляется, что изучение мордвы должно начинаться прежде всего с научных описаний, а затем и исследований отдельных территориальных единиц, заселенных мордвой; использование же уже имеющегося в литературе материала должно обуславливаться осторожным подходом и возможно тщательной проверкой не только заключений, но и самого сырого материала.

Настоящий этнографический сборник, учитывая вышесказанное, должен представить из себя систематизацию сырых этнографических записей, как по материальному, так и духовному быту мордвы, при том исключительно Саратов. губ.

В научном отношении саратовской мордве посчастливилось; во всяком случае можно указать на некоторые труды, которые явились в результате непосредственного интереса к этой народности. На первом месте, конечно, нужно поставить

¹⁾ Напр. книга „Versuch einer mokscha—mordwinischen grammatik“... Dr. August Ahl dnist, напеч. и в СПб. 1861.

²⁾ „озанс“, по видимому, искаженное слово „окис“—молобиче тогда понятны во виды „озанс“ у М.-Печерского.

³⁾ Изв. Об-ва Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Универс. 1893, XI—библиография.

мордов. этнографич. сборник А. А. Шахматова (СИБ. 1910 г.) с этнографическими материалами, главным образом из двух мордовских сел Сар. уезда—Оркина и Сухого-Карабулака. Кроме этого, еще два историка местного края А. Н. Минх и Ф. С. Голицын тоже занимались данным вопросом, первый—мордвой преимущественно Саратовского уезда, второй—Хвалынского уезда. Существуют и еще некоторые случайные заметки о мордве Сар. губ., включенные в различные местные периодические издания, но последние представляют из себя лишь небольшие наброски, и те иногда носят миссионерский характер и могут быть использованы только при тщательной проверке фактов, как напр. статья А. Листова, напечатанная в Сар. Епарх. Вед. 1866 г. № 36.

Хронологически прежде других, именно в 1881 году, появился очерк князя Ф. С. Голицина „Мордва в Хвалынском уезде“ (Саратов. Сборник т. I, изд. Сар. Стат. Ком.) Автор свое внимание сосредоточил главным образом на трех сторонах жизни мордвы, непосредственно связанных между собой, на мордовской мифологии и обрядах, связанных с последней, на свадебном обряде и похоронном. Что касается источников, которыми пользовался Голицын, можно предпологать, хотя автор об этом определенно и не говорит, что главными из них были собственные наблюдения автора над мордвой Хвалынского уезда (Статья написана в Черн.—Затоне Хв. у.). Описание моляна, так называемого „Салтан-Кереметь“ сделано Голицыным на основании донесения епископу Иакову в 1840 г. кантониста из мордвы Тимофея Леонтьева, при чем о самом источнике, кроме его названия автор не говорит ни слова. В общем, для статьи Ф. С. Голицыным материал подобран яркий; к сожалению в научном отношении, методологически, автор допустил ошибку в том отношении, что взяв для исследования один уезд, он соединил, по-видимому, несколько записей одного и того же обряда, тогда как лучше было бы индивидуализировать каждый обряд, пометив из какого села, от кого взят материал. Правда, в таком соединении выигрывает общая картина описания жизни мордвы но при таком подходе автор неминуемо впадает в противоречие, при описании, например, молянов, именно когда он констатирует, что моляны у мордвы Хвалынского уезд. бывают в разное время. „В селениях Ст-Пичеурской волости—Раштановке и Холстовке... около Петрова дня; в Наймане около Троицы; в Собакине и Давыдовке... около Успения“ и т. д. Если бы автор индивидуализировал каждый молян, и не говорил о молянах вообще, тогда получилось бы так, что молянов было несколько

в каждом селе, и приурочивались они к разному времени. Напр., молян „Сараз озкс“ (куриный молян) совершается около Петрова дня, а „Айгор озкс“ (жеребчий молян) в том же селе совершается около Успения. Статья приводит нам также несколько текстов мордовских молитв; к сожалению, мы не знаем откуда они взяты, так что ценность их, как непосредственного материала, в научном отношении потеряна.

Тем же общим недостатком отсутствия точной территориализации и индивидуализации материалов страдает отчасти и статья А. Н. Минха „Моляны и обряды мордвы Саратов. губ.“, напечатанная в Этнографическом обозрении (1892 г. № 4), хотя Минх в предыдущих заметках о мордве Саратовской губ., разбросанных в его труде „Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратов губ.“ (Записки Ими. Русского Географич. Об-ва, 1890 г.) и делает попытку отмечать село из которого взят материал, по крайней мере, записи словесные. Что же касается первой статьи „Моляны и обряды“, то автор, отмечая те источники, на основании которых была она составлена, не дает нам ни характеристики источников, ни возможности критического отношения к ним. Таковых было три: 1) предписание саратовского губернатора от 24 декабря 1826 г. за № 14562—об искоренении идолопоклоннических обрядов между мордвами (Гр. Сар. Учен. Арх. Комиссии 1889 г. стр. 86); 2) копии с донесения саратовскому архиерею Иакову 1840-2 г.г. Хвалынского уезда, Барановской волости, дер. Телятниковой—кантиониста из ясашных мордвов Тимофея Леонтьева и, наконец, в 3) указание похоронных обрядов, сделанное А. Листовым и напечатанное в Саратовских Епарх. Ведомостях за 1862 г. № 36. Во всяком случае источники таковы, что, по видимому, к ним необходимо применить самую тщательную проверку, так как, поскольку дело идет об искоренении идолопоклонства, заботе о православии, то трудно предположить научную объективность в освещении. Ведь сам же автор, по поводу донесения священ. с. Сыромые Пензенской епархии (к которой в то время принадлежала Саратовская губ.) епископу Иринею (1826 г.) относительно идолопоклонства мордвы дер. Вязовки, старается разоблачить неправильность доноса, путем приведения заявлений крестьян из мордвы данной деревни на следствии. В результате этого, самая статья А. Н. Минха носит характер описания главным образом обрядов с так называемым „идолопоклонническим“ оттенком, каковы религиозные обряды и похоронные, совсем не касаясь, или мало касаясь, других, — свадебного, календарных обрядов и проч.

Всем требованиям современного научного знания отвечает Мордовский этнографический сборник, составленный А. А. Шахматовым (СПБ. 1910 г.) Отличаясь обилием материалов, которые Алексей Александрович собрал главным образом из двух мордовских сел Саратовского уезда, Оркина и Сухого-Карбулака, сборник вполне научен, автор точно фиксировал записи, хотя бы по селам. Правда ввиду того, что часть материалов записана не самим Шахматовым, в Сборнике остались неотмеченными те лица из народа, от которых производились записи, так что если предпринимать исследование в области условий бытования, хотя бы народного творчества, то работа в этом случае за отсутствием даже кратких биографий, а то и просто имен сказателей, очень затруднилась бы. С другой стороны, однако, А. А. Шахматов для мордовских песен двух исследуемых им сел вполне справедливо отмечает варианты из имеющихся печатных сборников песен, именно из I выпуска „Образцов мордовской народной словесности“ (Казань 1882 г.) и из „Proben der mordvinischen Volksliteratur“ Н. Rasanen'a (Helsingf. 1894). Наконец, знание мордовского языка и высокая лингвистическая эрудиция автора много способствовали тому, что его Сборник в области этнографии стал образцом научного издания. К сожалению, Сборник Шахматова, выигрывая в указанном отношении, отчасти проигрывает в другом; именно, главный интерес автора сосредоточен на духовном быте мордвы, и очень мало на другой стороне жизни—быте повседневно-материальном: жилищах, постройках, занятиях, одежде мордвы, всего того, что создает впечатление современной материальной жизни народности.

Ссылкой на труды этих ученых и можно, кажется, исчерпать научную литературу о мордве Саратовской губернии; интересующихся прочей более мелкой литературой по этому вопросу отсылаю к библиографии, помещенной в конце сборника.

Помимо этого в Саратове еще сравнительно давно во всяком случае ставился вопрос об изучении мордвы. Саратовская ученая архивная комиссия всегда находила возможность уделять некоторое внимание на страницах своих „Трудов“ и мордве Саратовской губернии, а некоторые члены комиссии, как-то С. А. Щеглов и А. А. Кротков и вплотную подходили к этому вопросу, хотя бы в области собирания материалов. С реорганизацией же уч. арх. комиссии в Общество истории, археологии и этнографии и особенно с организацией в Саратове проф. Б. М. Соколовым этнографического Музея, возникло намерение уже систематического изучения мордвы, для чего были предприняты целые экскурсии, а также и отдельные

поездки в различные уезды с мардовским населением, а также делалась возможная разработка материала в виде докладов, читаемых в Об-ве для обмена мыслей, что можно видеть из статьи Б. М. Соколова и отчетов об этнографической работе, помещенных вначале этого Сборника. Настоящий Сборник и берет свое начало именно из интереса к мордве, сконцентрированного в Этнографическом музее и отделах Об-ва.

Здесь я приношу глубокую благодарность всем тем, кто способствовал расширению и углублению моих научных интересов к мордве и помогал мне в составлении этого Сборника: моему дорогому учителю и постоянному руководителю профессору Б. М. Соколову; моим учителям—профессорам Саратов. Университета П. Г. Любомирову, С. Н. Чернову и А. А. Гераклитову; моим сотоварищам по общей этнографической работе „соратникам“ в этнографических поездках и экспедициях, так много помогших мне в технической части составления настоящей работы.

Материал, вошедший в Сборник, относится исключительно почти к мордве двух уездов Сар. губ. с мордовским населением—Хвалынского и Петровского; записи касающиеся первого, собраны главн. образ. этнографической экспедицией в Хвалынский уезд—под руководством Б. М. Соколова, в Петровский же уезд неоднократно были снаряжаемы отдельные поездки с той же целью этнографического изучения мордвы. Принимали участие в собирании и совершенно частные лица, подчас из самой мордовской национальности, что и обозначается в Сборнике в примечании. В Сборник вошли записи из следующих сел: Хвалынского уезда—Ст. Лебежайки, Еремкина, Чув.-Кулатки, Найман, Илюшкина, Барановки; Петровского уезда—Синеньких, Н.-Захаркина, Баклуш, Савкина, Н.-Савкинского выселка, Камаевки, Мачкас и др. Вообще же, не претендуя на полноту материалов и являясь начальной стадией работы, выпускаемый Сборник имеет своей целью, с одной стороны, выявление об'ективной картины жизни и творчества мордвы Сар. губ. в связи с общими условиями этнографического изучения Саратовского края; с другой, осуществляя принцип географический, пополнение уже имеющихся по Саратовской губернии опубликованных материалов по мордве.

По многим причинам саратовской мордве несомненно приходится уделять внимания несколько не меньше, чем и мордве других губерний. Конечно, можно возражать против этого в том отношении, что в нашем крае мордва подверглась

в большей степени руссификации, чем например, мордва Тамбовской или Пензенской губерний; но если бы это было и так, то во всяком случае с научной точки зрения, да пожалуй и с национальной, не меньший интерес должно представлять изучение народности в таком состоянии, также как и изучение совершенно обрусевших мордовских или инородческих групп. Умозреть пути ассимиляции и законы скрещивания физических и духовных основ различных народностей, кажется, интересно было бы не только антропологическому изучению, но и историко-культурному, поскольку это касается национальной психологии, социологической основы человеческой деятельности, экономического развития и проч., проч.

Статистические сведения относительно мордвы по нашей губернии говорят во всяком случае за то, что данную народность механически влить в состав русского населения невозможно, и сама национальность, определенно причисляя себя к мордве, не смешивая себя ни с русскими, ни с соседствующими гатарами и др., говорит за это, и кажется, что отмахнуться от голоса народности, которая называет себя своим именем, нельзя. Поселившись в шести уездах—Петровском, Кузнецком, Хвалынском, Вольском, Саратовском и Балашевском ¹⁾, мордва насчитывает в настоящее время около 250.000 населения в губернии ²⁾, при чем главный центр населения в северо-западных уездах—Петровском, Кузнецком и Хвалынском.

Петровский уезд содержит в себе следующие села и деревни с мордовским населением: С.-Бегучи, Н.-Бегучи, Синенькие, Н.-Савкинский выселок, Баклуши, Савкино, Камеевка, Каргалеяка, Мачкасы, Сосновка, Азрапино, Дубровка, Каржиман, Морд.-Норка, Наумкино, Чиндясы, С.-Назимкино, С.-Демкино, Н.-Демкино, Н.-Назим., Ст. Захаркино, С.-Славкино, Н.-Славкино, Н.-Захаркино, Н.-2 ая Дубровке, Колки, Пылково Чумаево и др.

Кузнецкий уезд—С. Яксарка, Н.-Яксарка, Сучкино, Арапино, Наскафтым, Армиево, Пиксанкино, С.-Мачим, Н.-Мачим, Ниж.-Дубровка, В.-Дубровка, Кулясово, Мамадыш, Алексеевка, Морд.-Камашкир, С.-Шаткино, Н.-Шаткино, Донгузлей, Канадей, М.-Чирклея, С.-Шемышейка (мордва обрусела).

Хвалынский уезд—Еремкино, С.-Лебежайка, Морд. Карагуза, Шалкинский хутор, Илюшкинский Х., В.-Лебежайский-Х., Н.-Лебежайский-Х., Н.-Давыдовка, Телятниково, Барановка, Губашево, Собакино, Давыдовка, Баевка Никитино, Голода-

¹⁾ Села мордов. Балашовского уезда. М.-Корай, Покровское, обрусели.

²⁾ Сведения взяты из под'отд. Нацменьшинств при Губисполкоме.

евка, Славкино, Андреевка, С.-Пичеур, Н.-Пичеур, Мор. Шемалак, Н.-Алексеевка, Найманы, Холстовка, Раштановка. Шалкино, Илюшкино, Демкино, Н.-Яблонка и С.-Яблонка,

Саратовский уезд—Оркино, С.-Карабулак, селилась мордва и в дер. Пилюгино-Сырееве, где она обрусела, а также мордва жила в Косолаповке-Яруге и в Разетановке ¹⁾.

Вольский уезд С.-Сарайкино, Н.-Сарайкино, Осановка, Каменка. Селилась Мордва и в Балашовском уезде, где в настоящее время она обрусела—в Мордовском Карае, Козловке, Репном, Лопатине и в Покровском (по реке Мелику Балаш. уезда ²⁾).

Мало того, наша губерния сосредоточивает в себе две—группы мордвы-Эрзю и Мокшу которые еще не совсем ассимилировались между собой; до сих пор по уездам еще можно найти обе эти группы, которые отличают себя друг от друга, хотя в большинстве случаев обе эти группы постепенно сливаются, именуя себя „эрзей“ и только исследователь, на основании языка, одежды и быта в состоянии отличить эти две группы. Мордовское население Старой-Лебежайки, Хватынского уезда до сих пор именуется себя мокшей в отличие от большинства эрзи, населяющей данный уезд. Старики села Камаевки Петровского уезд. тоже еще именуют себя мокшей, хотя уже большинство населения причисляет себя к Эрзе. Особенно это показательно для Кузнецкого уезда где обе эти группы представлены почти в равном количестве, и где далеко не все селения, зарегистрированные ранее как мокшанские, в настоящее время причисляют себя к таковым. Мокшанские села по Кузнецкому уезду следующие: С.-Яксарка, Сучкино, часть населения Наскафтыма, часть населения Пиксанкина, М.-Камешкир, Н.-Шаткино ³⁾.

Вся мордва указанных сел сохранила свой родной язык, и дома по настоящее время издается не иначе как на своем национальном языке, хотя это и не исключает возможности знания и русского языка. Мужское взрослое население мордвы все без исключения говорит, кроме своего родного, и на русском языке, что и вполне понятно, так как мужчина в связи с военной службой, общественными обязанностями и экономическими и бытовыми условиями, находится в более тесных взаимоотношениях с преобладающим населением края—русскими. Однако нельзя этого сказать относительно женского и детского населения мордовских сел, которое по сво-

¹⁾ Сведения о Пилюгине и Разетановке взяты у А. Н. Минха „Моланы и обряды Мордвы Сар. Губ.“.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ф. Ф. Чекалкин—Племенной состав и история населения Кузнецкого уезда. Сар. сборник II, 1882 г.).

ему положению в большинстве принуждены жить почти безвыездно в родных селах. Русский язык в процентном отношении известен женщинам и детям в громадном меньшинстве и думаю, что не ошибусь, если знание русского языка определю в 30%, во всяком случае это будет касаться Петровского, Кузнецкого и Хвалынского уездов. Кроме того нужно иметь в виду, что женщины русский язык знают несомненно хуже, чем мужчины, и из'яснение на последнем для них затруднительно, почему никогда почти не услышишь в об'яснении женщин русскую речь. Дети только за самое последнее время, благодаря русским школам, понемногу стали постигать русскую речь, тогда как детям дошкольного возраста русский язык неизвестен совершенно. Нечего говорить о том, что наибольшее влияние на мордву нужно констатировать со стороны русских, что вполне понятно исторически; хотя взаимоотношение мордвы с другими национальностями тоже несомненно.

В мордовском селе Дубровках Петровского уезда в настоящее время существует несколько татарских семейств, выселившихся из Усть-Узы-Мурзы Петровского же уезда, которые говорят почти исключительно на мордовском языке, хотя знают и татарский. Эти несколько семейств так слились с мордвою, что трудно отличить их. Мордва, приняв их в свое общество, стало уже забывать их принадлежность к другой народности. Другой пример—Чувашская Кулатка, Хвалынского уезда, где большинство населения—чуваши, и 70 домов мордовских, группы эрзи. Здесь, как чуваша, так и мордва, в большинстве своем, знают оба языка, хотя вся мордва и сосредоточивается в одном конце села. Даже в религиозных верованиях язычества¹⁾ еще в недавнее прошлое эти две народности сливались; молебница на „Кереметях“ совершали совместно, отличаясь, вместе с тем, по одежде, хозяйственному быту и проч. Однако на подобного рода примерах нельзя обосновывать положения о нежизненности той или иной народности, так как подобного рода взаимовлияния можно видеть между русскими и Мордвой в тех селах, где Мордва поселилась совместно с русскими. В с. с. Синеньких, Камаевке, Петровского уезда и Еремкине Хвалынского, где мордовское население перемежается с русским, факт обоюдного знания двух языков не подлежит сомнению и достигает некоторых даже курьезов. Напр. мордвин, при встрече с русским старается говорить по-русски, тогда как последний говорит по мордовски, отчего получается временный об-

¹⁾ В настоящее время в мордва и чуваша православные.

мен языком. Нет надобности доказывать, что такого рода взаимовлияние можно отметить и в области быта, за счет чего отнюдь нельзя ставить плюса или минуса возможности пационального бытия той или иной народности.

Мордва Саратовской губ. в настоящее время исповедует православие; процесс христианизации мордвы да и вообще инородцев в нашем крае начался сравнительно недавно, как об этом свидетельствуют архивные документы нашего края, именно в конце XVII и начале XVIII в.в. Сохранившиеся до 1844 года в селе Кулясовке при приходской церкви две приходские подворные ведомости говорят именно о том, что крещения мордвы с. Кулясовки происходило в первой половине XVIII века, с обозначением имен Кулясовцев—мордвы до крещения и, после¹⁾. Одна из этих книг озаглавлена так: „1748 года февр. 16 дня, ведомость Пензенского уезда, Узинского 2 стана, в деревне Новом Мамадышевке, Кулясовка тоже, коликое число имеется мужска и женска пола душ из мордвов новокрещенных, воспринявших святое крещение в 1747 г. декабря 6 дня, крещены тогож стану села Спасских, Кафтырево тож священник. Степаном Михайловым, и коим иноверческия и по крещении имена с восприемниками и сколько лет от рождения, о том значит ниже сего“. Об этом же приблизительно времени крещения свидетельствовали до 1845 года колокол, церковные принадлежности—потир, дискос и книги в с. Пиксанкине Кузнецкого уезда, присланные в 1750 году Импер. Елизаветой новокрещенной мордве, о чем говорят надписи выбитые на потире, колоколе²⁾. Доставленные А. Н. Минху от В. Д. Юматова архивные дела Славкинской и Захаркинской мордвы Петровского уезда о земле, показывают, что тридцатые, сороковые и пятидесятые годы XVI.в.приходятся и на крещение мордвы Петровской. Так например по приказу 1742 г. вотчинной коллегии Пензенской провинциальной канцелярии о земельных дачах, мордва села Славкина и Захаркина называется новокрещенами, хотя вместе с тем эти земельные дела констатируют еще и иное, именно, что много Мордвы было некрещенной. Копии дел тех же сороковых годов о свидетелях по земельным распрям говорят так об опросе „сторонних людей“—свидетелей: православных по пресвятой непорочной евангельской заповеди Господней, а мордву по своей вере, пошедше в правду по смертной казни.“³⁾

¹⁾ Прибавление к Саратовским Губ. Ведом. № 41, 7 окт. 1844 г.

²⁾ Ibid № 5 1845 г.

³⁾ А. Н. Минх дело Мордвы селен. Захаркина и Славкина, (Труды Сар. учен. Арх. комис. 1908 г. вып. XXIV).

Теперь в каждом мордовском селе выстроена православная церковь, что однако еще не доказывает, что с язычеством мордва покончила совершенно. Вполне понятно, если брать многочисленные аналогии, что втечении двух веков и даже меньше, при каких бы то ни было благоприятных условиях, христианство еще не в состоянии было вытеснить целиком язычества, которое осталось бытовать не только в воспоминаниях давнопрошедших лет, но и в качестве еще жизненного импульса и противодействующей силы, может быть бессознательной, но глубоко внедренной в психическую организацию мордвы. Наличие двоеверия даже среди православного русского народа, где преобладающие христианские воззрения уживаются наряду с сохранившимися следами язычества, а равно и наши записи народных верований мордвы, отображающие в этой плоскости вопрос, доказывают целиком это положение, и нет надобности ломиться в открытую дверь аргументацией существования языческого культа среди мордвы Саратовской губернии.

Территориально степень национальной сохранности мордвы больше всего, конечно, будет на границах Петровского и Кузнецкого уездов, западной части края, где она довольно тесно расселилась в когда то привольных лесистых местах. В таких селах, как в Демкине, Назимкине и Захаркине Петровского уезда, в Кулясове, Армиеве и Пиксанкине Кузнецкого уезда в с. с. — Пичеуре, Раптановке, а также и др. Хвалынского уезда еще совсем недавно — в довоенное время — национальный костюм был принадлежностью почти всего женского населения и сейчас еще пожилые женщины продолжают носить, его, тогда как в других местах национальный костюм теперь является предметом дорогих воспоминаний и, как таковой, хранится в сундуках и проч. Конечно, национальная традиция сохранилась больше всего и повсеместно по причине сохранения языка в народном творчестве и обрядах. В каждом селе с мордовским населением исследователь до сих пор при желании найдет мордовские песни, сказки и причитания и до сих пор старики воспитывают молодежь на принципе удержания народного творчества, хотя последняя под влиянием русских школ уже мало сама соблюдает это, но старина ей также понятна, как и пожилым, тогда как быт вопеваемый в песнях уже далек от современной жизни. До сих пор мордве не кажется непонятным и смешным взаимоотношение с божеством (смотри песни), к которому на серебряной зыбке, привешенной на цепи с медными кольцами, возносится по песне девушка, чтобы стать женой сына этого божества; до сих пор проклятая Лютова (смотри песни) вызывает слезы

на глазах мордвина, и посейчас верит мордвин, что знахарка бабушка Лукерья вылечит наговорной водой младенца от бесовских навождений. Нет возможности во введении распространяться о стиле произведений народного творчества мордвы, но исследование последнего, думается, могло бы с ясностью возвести некоторые мотивы и приемы к общефинской эпохе и данная задача могла быть благодарной работой сравнительного изучения творчества хотя бы восточных групп финнов. Зачин многих эпических песен мордвы, указывающий на внешнюю обстановку исполнения песни (смотри песни) и способ инструментовки, кажется, без натяжки дает возможность, если не возведения ее к финским основам эпоса „Калевалы“, то во всяком случае установления близкой аналогии с ней.

Только стоя на бывшей государственной официальной точке зрения, видя в официальном православии идейную христианизацию, смотря на механическую государственную ассимиляцию, как на органическое слияние народностей, в частности мордвы с русскими, можно говорить об уничтожении мордвы в пределах Саратовской губернии, как самостоятельной народности. Научное же углубление в национальную проблему и более серьезное изучение мордвы, как в областях археологической и исторической, поскольку вопрос удаляется от нас в прошлое, и этнографической, в пределах расширения знаний о современном состоянии мордвы, (что в настоящее время, во многих отношениях, поскольку приходится считаться с недостаточным освещением прошлого в областях быта и творчества, является особенно ценным) ставит вопрос на почву объективной науки и беспристрастного освещения фактов.

Основным занятием мордвы Саратовской губернии является земледелие. Будучи в своем большинстве по нашей губернии крестьянами государственными, и имея на душу десятины 3—6, мордва издавна стала привыкать к сельскому хозяйству. Живя в прежнее время большими семьями, и концентрируя свое внимание на обработке земли, мордва жила в сравнительном благополучии и нет возможности верить случайным замечаниям некоторых писавших о мордве нашей губернии, ¹⁾ что она живет бедно, по сравнению с русским населением уездов, тем более, что сам исследователь, о котором я говорю, противоречит себе, как и в данном случае, когда он констатирует, что отхожих промыслов почти совсем среди мордвы не существует и по реке Кададе, например, по сплаву леса, работают исключительно татары.

¹⁾ Ф. Ф. Чекалин—Шлеменной состав Кузнец. уезда (Сор. Сборник, I. II. 1882 г.).

Действительно, если брать до революционное, скорее, до военное время, то количество отхожих промыслов профессиональных в процентном отношении можно было почти свести к нулю.

Туго оставляя мордвин даже временно свое хозяйство, и только необходимые повинности, вроде военщины, заставляли его, волей—неволей, покидать насиженное место и, какой-то, особенной грустью, отсутствием удали, тоской веет от мордовских солдатских песен. По ним видно как до болезненности страдают по дому оторванные от семьи мордвинны спрашивая летящих гусей:

„Откуда вы родом,

Откуда вы племенем“ (см. песни), прося передать родным поклоны. Если же необходимо переселение за недостатком земли, то таковое возможно тесными группами в несколько семей—выселенцев из старых больших общин—таковые в Петровском уезде Ново-Савкинский—выселок, Н.—Добровки, Н.—Мачкасы (Каргалеяка), Н. Захарино, Н. Славкино и др.; в Хвалынском уезде—Нов. Пичеур, Нов. Яблонка, Нов. Давыдовка, Шалкинский хутор, два Лебежайских хутора и др. и в Кузнецком—Н. Ясарки, Н. Мачим, Нов-Шаткино, Верх.-Дубровка и др. Выселенцы из больших общин оставляют за собой название прежнего села, чтобы, хотя бы, названием связать себя с прежним местопребыванием. Гораздо охотнее занимается мордва Саратовской губернии кустарными промыслами, где есть подобная возможность, но и здесь нельзя наблюдать, чтобы промыслами занимались за счет сокращения сельского хозяйства. Промышленность для мордвы в большинстве случаев эпидручное ремесло к земледелию; им главным образом занимаются старики, которым трудно становится работать и только в зимнее время и межупарье большинство членов семьи можно видеть за подобной работой. Кустарный промысел среди мордвы распределяется в зависимости от тех или иных естественных благ территории и главным образом, сосредоточен в Кузнецком уезде, северной, граничащей с Кузнецким, части Петровского и западной части Хвалынского. Лесистые места по р.р. Узе, Кададе и Суре используется для лесного и щепного промысла; здесь занимается мордва или лесоторговлей или выделыванием телег, саней, деревянной посуды и проч. как для себя, так и для торговли по губернии (Мачкасы, Кулясовка, Барановка, Илюшкино и друг.) В Кузнецком уезде кроме того занимаются и гончарным производством, вывозя свои изделия по всей губернии (Мордовский Камешкир и др.)

Остается сказать два слова о народном образовании мордвы по нашей губернии. В дореволюц. время в Саратовской губернии национальных школ почти совершенно не существовало, если не принимать во внимание школ миссионерских иногда появлявшихся в Хвалынском и Кузнецком уезде, о рациональности которых говорить не приходится.

Национальное образование отсутствовало совершенно и народное просвещение среди мордвы преследовало одну цель — ускорение ассимиляции господствующему населению, поэтому школы в мордовских селениях находились в тех же общих условиях, как и в русских селах. Национальному языку не могло уделяться ни часу, в результате чего стало проявляться ложное отношение к родному языку, а подчас — и стыд за свою народность. С 1918 года образование национальных меньшинств принципиально как будто бы должно было пойти по правильному пути; были открыты по губернии национальные школы и в том числе и мордовские, но с самого же начала пришлось столкнуться с результатами прежней педагогической тактики, отсутствием хорошо подготовленных национальных работников по просвещению — отсюда, волей-неволей, пришлось медлить с открытием большого количества школ национальных и заняться подготовкой кадра работников в данной области. В настоящее время в губернии существуют четыре национальных школы II ступени три в Петровском уезде и одна в Кузнец. Внимание пришлось сосредоточить вообще на начальном образовании мордвы и сведения Губ. отд. народного образ. по просвещению мордвы, рисуют нам положение. (См. таблицу).

С В Е Д Е Н И Я

По народному образованию среди мордвы Саратовской губернии за 1920/21 учебный год.

№ по порядку.	НАЗВАНИЕ УЕЗДА.	Количество детей школы возврат.	Количество детей обучавшихся в шк. I ступ.	Дети оставшиеся вне школы.	Количество школ I ступени.	Количество учителей I ступени.	Количество школ II ступени.	Количество учащихся в школах II ступени.	Количество учителей II ступени.	Количество детских домов.	Библиотеки.	Избы-читальни.	Народные дома.
1	Саратовский уезд.	1788	408	1380	4	19	Нет.	Нет.	Нет.	1	2	1	1
2	Петровский „	12742	4774	8968	33	113	3	57	14	1	15	4	4
3	Кузнецкий „	7484	3339	4145	21	54	1	58	2	1	8	2	7
4	Вольский „	657	432	225	3	9	Нет.	Нет.	Нет.	1	1	1	Нет.
5	Хвалынский „	8943	3214	5892	36	96	Нет.	Нет.	Нет.	1	8	4	3
6	Балашовский „	472	184	288	3	11	Нет.	Нет.	Нет.	Нет.	1	1	Нет.

Подводя итоги сказанному выше, необходимо указать, наконец, еще на чисто современные задачи изучения мордвы вообще, и саратовской в частности. В последние семь с половиной лет войны и революции, когда бытие России обусловилось новыми жизненными путями и определенно наметился сдвиг, может быть, вековых русских традиций, когда переоценка последних пронеслась с головокружительной быстротой, в судьбах меньших национальностей России это время не могло пройти даром и в свою очередь внесло новое бурление в старое вино национального вопроса. Возможность автономного об'единения мелких национальностей, дала новый импульс к существованию, волнуя творческий дух народностей. С другой, однако, стороны, как война так и революция для многих народностей явились возможностью усиленного взаимоотношения, не только с Россией, но иногда даже и с западом; ко многому приходилось присматриваться, многому учиться и т. д.

В частности, мы видели раньше, как нехотя оставлял мордвин свою родину; в войну положение заставило самую здоровую часть населения оторваться от своих родных занятий, чтобы следовать на фронт, по всей России, иногда в плен и т. д. Ясно, что умственный горизонт мордовина-солдата должен расшириться, а яснее то, что солдат приехавший домой к своим занятиям часто пускает в оборот накопленный им за время долгой службы умственный багаж в хорошем ли, дурном ли смысле. Результат отсюда тот, что, так или иначе, это должно отразиться, если не сейчас, то на следующем поколении во всяком случае. С другой стороны революция открыла глаза на многие стороны жизни, которые до нее были скрыты. Гражданская война, бандитизм, заставили так или иначе, осмыслить жизнь в сфере внутреннего самоопределения; калейдоскоп событий сдвинул массы меньшинств с точки замерзания и отражение революции не замедлило отозваться на быте народностей. Любопытно, например, что села с населением мордовским и русским в последнее время проявляют тенденции к разделению обществ, что мы видим, например, в Синеньких и Камаевке Петровского уезда. Кроме этого, лето 1921 г. явилось временем массового выселения из обществ или на экономические земли или же просто на общественные места, и в больших размерах коснулось это и мордовских сел. Так, например в Петровском уезде выделились из Синеньского общества граждане и образовали новый поселок; из Бакуш тоже, из Савкина, из Камаевки, из Мачкас и др. Наконец, общее стихийное несчастье, посетившее наше Поволжье, голод,

с его ужасными последствиями массового вымирания, систематического обнищания, и переселенческих движений, без сомнения должны отразиться на судьбах мордвы нашей губернии, как и вообще всего населения края. С судорожным напряжением приходится изыскивать средства для пропитания и бремя материальных забот наложит и уже накладывает свой отпечаток на жизнь населения. За колоссальным недосевом, мордва Хвалынского, Кузнецкого и Петровского уездов бросается к промышленности; строятся мельницы, дранки, маслоуковы и проч. для того чтобы приобрести прожиточный минимум; в тех селах где раньше были две мельницы, сейчас можно найти их до десяти и более, организованные артелями. Трудно предположить что голод останется без последствий в смысле сохранности национальности, результаты таких бедствий бесследно не проходят.

Вывод из всего этого один: подоспело время серьезного подхода к вопросу изучения мордвы Саратовской губернии, пойдет ли последняя по пути ассимиляции или же возрождения народности через испытания—все равно. Момент важен и в том и другом случае, так как, чтобы не случилось, а одна историческая грань пройдена и мордва на пороге нового существования. Требуется усиленная работа интересующихся вопросом и прежде всего в области собирания материалов; думается, что издаваемый Сборник, несмотря на скромное количество материалов, включенных в него в этом отношении бесполезным не будет.

Михаил Маркелов.

Н а р о д н ы й б ы т .

Одежда и украшения.

Одежда женская.

В настоящее время женщины—мордовки почти все по нашей губернии носят русский костюм, особенно молодые женщины, среди которых уже распространяются моды городские. Исключение почти в каждом мордовском селе составляют три—четыре старухи, которые продолжают традиции национального костюма и вместе с ним постепенно уходят в могилу, оставляя в современном населении только воспоминания о родной одежде.

Во многих местах, национальный костюм, перестав служить своему повседневному прямому назначению, стал являться принадлежностью обрядовой действительности; так напр.: в селе Синеньких, Савкине—Петровского уезда, молодые девушки надевают костюм полностью в день проводов весны—на Троицын день: в других местах национальный костюм надевается на святках в обряде ряжения и т. д. Тем не менее почти у каждой пожилой, а иногда и молодой женщины, и по-сейчас можно найти если не полный,—то во всяком случае хоть несколько частей костюма, шитых или еще ее собственными руками, или доставшихся ей от матери, родных, и надобно видеть с какой тщательностью хранятся они в глубинах сундуков и нередко льются над ними слезы воспоминаний и сожалений. Поэтому, то обстоятельство, что национальная женская одежда уже заменена русской—не может служить причиной ненадобности описания таковой; наоборот это лишний раз подчеркивает необходимость изучения национального женского костюма, ибо возможность уничтожения последнего—на —лицо.

Принадлежности мордовского женского костюма.

Национальная одежда женщины—мордовки состоит из следующих частей с различными разновидностями:

1. **Панар** или **Пал'**—нижняя сорочка—рубаша, которая надевается непосредственно на тело.

2. **Руц'а**—верхняя часть костюма, которая надевается на *Панар*, от последнего отличается как не покрою, так и по вышивкам и украшениям. Эта часть одежды в зависимости от обстоятельств, для которых она предназначается, имеет следующие разновидности.

а) **Ист'ак-чинь-Руц'а**—будничная, повседневная одежда, мало украшенная и вышитая.

в) **Праздничный Руц'а**.—праздничная одежда предназначена для торжественных праздников и в свою очередь имеет подразделение по способу украшения: +) *Покай*—самая нарядная из праздничных *Руц'а*, надевалась в особенно большие праздники и главным образом на Рождество. В последнее время в каждом селе сохранялось по одному *Покай*, который надевался в особенно торжественных праздничных обрядах; в „Рождественском доме“ например, на святках, в нем выходила особенно красивая девушка, чтобы сплясать в этом одеянии полагающийся танец: ++) *Руц'а Кавксува*—в восемь, тоже праздничная верхняя одежда, отличающаяся тем, что имеет восемь продольных вышивок—по способу украшения близко стоит к *покаю*. *Руц'а —котова*—в шесть продольных полос; считается тоже очень богатой одеждой. ++++) *Руц'а—Нилива*—в четыре полосы, употребляемая в каждый рядовой праздник. +++++) *Кумаць—ожа—Руц'а*—с кумачевыми нашивками по рукавам

с) **Печальный—Руц'а**—одежда, которая надевается тоже в торжественных случаях, но не праздничного свойства, а наоборот, при печальных обстоятельствах и поэтому мало украшаемая. Существуют следующие разновидности этого типа *руц'а*: +) *Аварькинима—Руц'а*—плакальная; надевает исключительно невеста по вечерам во время шитья подругами приданого, когда вопит невеста, горюя о своем девичьем житье; этот вид почти совершенно не украшается. ++) *Венчама—Руц'а*—подвенечная, отличается от всех других видов способом украшения и вышивки. ++++) *Кулума—Руц'а*—смертная, которая сопровождает владительницу одежды в иной мир—отличается от других тоже вышивкой.

3) **Инильга—Пац'а**—передник, запон, надеваемый на *Руц'а*, при чем передник бывает двух видов—без груди и с грудью—последний надевается по праздникам.

4) **Панга, Сорока**—головной убор, надевается исключительно замужними женщинами (прожившими замужем не менее года) имеет следующие разновидности: +) *Свахань—Панга*—надевается в свадебном обряде свахами, отличается от *общего типа Панга* своей формой. ++) *Шлыган—Олосник*—старый тип головного убора, теперь почти не сохранившийся; в Са-

ратовской губернии местом распространения данного головного убора являлась исключительно граница Петровского уезда и Пензенской губернии. По форме этот тип отличается как от первого, так и от второго.

5) **Пр'а—Сюкс**—девичий головной убор, в настоящее время сохранивший лишь в некоторых селах обрядовое значение; надевается невестой перед увозом ее для венчания в церковь; имея на голове этот убор, она причитает, плача по родительскому дому.

6) **Лента**—тоже девичий головной убор, оставшийся с тем же значением, как и *Пр'а—Сюкс*, отличающийся от последнего только материалом, из которого он шит.

7) **Пулай**—часть мордовского женского костюма, представляющая из себя широкий пояс, надеваемый сзади. В Саратовской губернии эта часть костюма исчезла давно, тогда как в Симбирской губернии *Пулай* до сих пор остался бытовать наряду с другими частями одежды. Назначение этого пояса теперь скрыть следы менструаций у женщин.

8) **Ланумна**—сумочка, которая носится в большинстве случаев пожилыми женщинами (и детьми-девочками) на поясе, заменяющая карманы, каковых не имеется не на одной части костюма.

9) **Наркс**—пояс, узкий, длинный, для опоясывания по верх *Панара*.

10) **Нушан**—широкий кушак, покупаемый исключительно на базарах, фабричного производства, из шерстяной красной материи; употребляется для опоясывания по верх *Руци*.

11) **Хрес—Ведьмя**—покупная лента, на которой висит крест деревянный, надеваемый свахой во время свадьбы.

Материал и покррой.

1) Основным материалом, из которого шьются женские костюмы, является холст. В зависимости от той или иной части костюма, и от того, для каких случаев предназначается одежда, холст употребляется разных качеств. Нижняя женская одежда—*Панар*—большею частью шьется из посконного холста, толстого, не особенно белого. Руц'а повседневная шьется из коноплинного холста, более лучшего качества, чем холст употребляемый на рубашку. Праздничная руц'а шьется из самых лучших льняных или бумажных холстов, особенно тонких и белых. Холст большею частью употребляется белого цвета; во всяком случае для *Руци* и *Панара*; лишь на некоторые части костюма холст может употребляться разных цветов, напр.: запон часто шьется из красно-

синего клетчатого холста; внутренняя часть хвоста головного убора *Панги* часто делается из холста синего с белыми полосками в клетку, который носит специальное название: „*Тодов — лангаксынъ — котст*“ — холст — для наволочек подушек; наконец для рукавов руцъ иногда изготавливается особый холст с розовыми полосами или просто розовый в клетку холст, такие рукава называются „*Путынъ — ожат*“ — наставные рукава.

Кроме самотканых холстов на некоторые части одежды иногда употреблялись и покупные материи; особенным распространением пользовалась ткань, красного цвета „кумач“, который однако служил скорее украшением той или иной части костюма — так красные полосы кумача иногда нашивались вдоль *Руци*, заменяя вышивки.

Лобная часть головного убора *Панги* иногда тоже украшалась кумачем. Только передник иногда весь шился из кумача. Шерстяные разноцветные ткани фабричного изделия изредка тоже употреблялись на некоторые части одежды, наприм., на нагрудник передника. Белый коленкор узкой полосой нашивался иногда на лобную часть головного убора и на внешнюю часть хвоста *Панги*.

2) Кроятся отдельные части костюма следующим образом: *Панар* — Берутся четыре холщевых точи — полотнины в рост женщины и все они сшиваются продольно, без всяких вырезов, при чем две полотнины представляют из себя переднюю часть рубахи, а другие две — заднюю. Потом берется снова точ — полотнина холста, приблизительно в поларшина длиной, перегибается по-полам и сшивается — это составляет рукав, который затем уже пришивается к стану рубахи; при чем к полости нижней части передплечья пришивается небольшой вершка в три квадратный лоскуток того же материала, из какого и рубаха, перегнутый треугольником таким образом, что он является в нижней части основания рукава соединением между рукавом и станом. Такого рода ластовица называется по-мордовски: *Касала-Пац'а*. Разрезв оорта рубахи делается по среднему шву соединения двух передних полотнищ, который сверху, где должен быть ворот (*Сивя*) не зашивается; самый ворот немного вырезается. В нижней части среднего шва оставляется незашигой прорешка, приблизительно в четверть аршина длины (*Эльдзер'а*) *Руц'а* — По покрою эта одежда отличается от рубахи только тем, что одна из полотнищ холста разрезается по-полам продольно и каждая из этих половин, составляя полы *Руци*, пришиваются к боковым полотнищам, которые в свою очередь пришиты к основному спинному полотнищу — вся одежда следовательно со-

стоит также из четырех полотнищ. Ластовицы *Руци* бывают иногда и из цветного холста. *Ижилга-Пау'а*—Две точки холста приблизительно в один аршин длины сшиваются вместе; к верхней части нашивается тесемка для опоясания, край верхней части передника сберется—это тип передника без груди. Для передника с грудью берется еще две квадратных четверти аршина материи, в большинстве случаев другого цвета и качества и нашивается на верхнюю часть передника, к верхней же части груди пришивается ворот, который застегивается на шею.

Панга—Кроится головной убор большею частью старухами или женщинами опытными; часто молодые женщины и девушки, которые перед свадьбой на посиденках шьют невесте одежду; кроить головной убор ходят именно к мастерице по покрою, которая вырезает остов *Панги* из холста, после чего уже нашиваются предназначенные для головного убора вышивки. Остов *Панги* состоит из трех частей: 1) лобной части— $1\frac{1}{2}$ кв. четверти аршина (*Панга-Кон'а*) 2) такой же затылочной части (*Панга човонь*) и 3) хвоста головного убора—четверть аршина ширины и около двух длины (*Панга-Пула*) который нашивается к затылочной части продольно. К нижним краям лобной части пришиваются завязки из холста, обшитого кумачем (*Пан. а Веб'меть*).

Сватань-Панга—Покрой отличается от *Панги* тем, что лобная и затылочная часть вырезаются, наподобие камиллавки с заострением кверху.

Ослонинь-Шлыган—головной убор, который по покрою отличается от *Панги* в том отношении, что остовом убора является лубковая кора, свернутая в трубочку, загибающуюся и заостряющуюся к верхнему концу. Диаметр трубочки у основания $1\frac{1}{2}$ вершка. На этот остов нашивается большею частью материя покупная. В общем головной убор напоминает рог с загибом вперед.

Пр'а-сюкс. Лента—Покрой данного головного убора отличается тем, что он представляет из себя широкую ленту, не сшитую сверху; так что темя головы остается не закрытым.

Лакумки, представляет из себя по покрою, нечто вроде почтового конверта.

ВЫШИВКИ.

Вышивками покрываются почти все части одежды мордовской женщины. Вышиваются одежды разноцветными шерстяными и бумажными нитями. Канвы для вышивок не су-

шестует, ее заменяет самый холст, на котором подсчитываются продольная и поперечная пряжа. Пяльцы заменяют железный крючек, прикрепленный на веревочке к сумке, где находится материал для вышивания—нити. — *Кечказ-Паца*. Женщина садится на мешочек, задевает крючком вышиваемую материю, которую держит левой рукой, а свободной правой рукой, вооруженной иглой, считая нити, прокладывает узоры.

Краски для окрашивания ниток вышивок большей частью были растительные, добываемые и выделяемые мордовскими женщинами, поэтому все вышивки в смысле окраски, также как и узоры, выдерживают определенный стиль, давая тип окраски. Например, особенно, применяемый в вышивках темно-красный, бордовый цвет дает растение „Моревна“ (по-морд. Кей), которое очень распространено в пределах и Саратовской губернии; буровато-черный цвет дает кора дуба и т. д.

1. Основные элементы вышивок.

Вообще вышивание у мордвов называется: „*Викинимат*“ — для обозначения процесса действия, вышивка же на отдельной части одежды называется „*Арф*“. Каждая вышивка—узор делится на свои составные части, по способу проложения нити. Вышивка, не составляющая полного узора, называется: „*Таргавкс*“ (*Таргама*—вытаскивать из..). Самый простейший способ проложения нити в процессе вышивания—это „*Видиниста кямельдавкс*“—прямая прошивка, похожая на шитье строчки вдоль прямой линии. Такая, же прошивка, похожая на мелкие зигзаги, называется „*Кичкыра-Суря*“ (Кривая нить) Прошивка через край материала, таким образом, что материал, обметанный нитью, невиден, называется „*Каярдавкс*“. Прошивка проложенная в виде небольших крестиков, называется „*Вер'афт*“. Прокладывание нити наподобие свитой веревочки, называется: „*Курдз'а*“, причем название часто соединяется с цветом нити или „якстире курдзя“ (красный) „раужа курдзя“ (черный) „сермав курдзя“ (пестрый) и т. д. Прошивка, проложенная зигзагообразно, но крупнее чем „*Кичкыра Суре*“, и похожая на зигзагообразную тесемку, покупаемую на базарах, называется: „*Сутамс-Таргавкс*“. Плетение из шерстяных ниток, которое нашивается вместо вышивки на частях одежды, называется: „*Кружалат*“. Плетение из бумажных нитей, твердое, похожее на ткань, которое пришивается тоже на одежду, называется: „*Сюкс*“.

2. Узоры и расположение их по костюмам.

Каждая вышивка-узор составляется из первоначальных элементов. Расположение узоров в большинстве случаев производится по определенной части одежды. В некоторых случаях вышивка и украшение являются способом различения разновидностей типа той или иной одежды. Вышивка на частях одежды производится по скроенному, но еще не спитому материалу ¹⁾.

Панар—По рубашке вышивки расположены в следующих частях:

а) по груди-ввиде узких зигзагообразных линий, которые имеют несколько разновидностей и имеют собственные названия, напр.: *Цель-Сяльминя* (половина глазка) или *Пинимя-Таргавск* (овсяная вышивка) и др.

б) По краям оставленного для ворота незашитым соединяющего два полотнища шва—ввиде отдельных элементов вышивки, их комбинации, носящих разное название, напр., *Нимил'авынь-Пилиня* (ушко бабочки) с соединением элементов *Раужа-Курдзя* и *Якстере-Курдзя*.

в) Сзади—по спине рубашки такие же вышивки как и на груди в четыре или два ряда.

г) На соединении двух передних полотнищ вышивки иного типа, более широкие и называются *Вер'ав-Икильгат*.

е) По подолу вышивка еще шире чем по груди и состоит из трех веревочек (*Курдзя*) и рода узора, называемого *Галань-Лапка* (гусиная лапка).

и) По рукавам вышивка прокладывается узкая, как и по вороту.

Руц'а—По шумпану вышивки находятся в следующих частях: а) по краям-груди разреза ворота с двух сторон разреза прокладывается вышивка пилообразная, мелкая и называется *Кечкэз-Мештя-Цель* (грудной половины) б) по груди—к плечам.—отдельные элементы узоров *Сутаж-Таргавск* и рядом *Раужа-Курдзя*; самый ворот—*Кал'ардизь-Кал'ардав* (обмотанный через край), а рядом черной нитью проложены *Нимил'авынь-Пилинитъ* (ушки бабочек) в) по рукавам—у основания, поперек—элементы веревочек (*Курдзя*), а вдоль верхней части рукава несколько рядов элементов (*Сутаж, Вер'авт*) также как и по краям рукава поперек г) по спине вышивка прокладывается по краям среднего основного полотнища и состоит из черной веревочки (*Раужа-Курдзя*) и рядом узор *Нимилавынь-Пилинитъ* (ушки бабочек).

¹⁾ Расположение и расписание узоров делая по костюмам Петров, уезда—экскурсоводов Сар. Этнографического музея за №№ 146, 1418, 1419, 1421, 1423, 1405.

е) По-подолу—ввиде двух веревочек (курдзя), отделенных узенькой белой полоской и снова узора половины глазка; на венчальном чушпане внизу подшивается еще зеленая тесемка, (*Алга—Сюкс*) также как место вышивки по груди, вдоль, заменяют в свадебной руке плетеные шерстяные полосы, нашитых в соединениях между отдельными полотнищами: эти полосы плетения называются *Кружалат*.

Существуют в вышивках *Руць* и иные узоры, так например *Куда кон'ат* (верхушки домов) пилсообразный крупный узор, *Пекше—Лопат* (липовые листья), *Ат'акш—Алт* (яйца петухов и др.).

Панга. Головной убор содержит в себе следующие вышивки и в таком расположении:

а) По лобной части, снизу, широкой полосой, почти до половины, проложены как элементы вышивок так и узоры

б) По затылочной части (*Панга—Човонь*) проложена сплошная вышивка, при чем последняя бывает или очень частая (*Сяиде—Пулакш*), за которой совершенно не видно холста; такая вышивка напоминает скорее твердую частую ткань; или же редкая (*Чура—Пулакш*).

с) По хвосту головного убора вышивка проходит только по краям—узкой полосой элементов вышивок.

Украшения.

Украшения бывают двух родов: 1) предназначенные непосредственно для этого по отдельности, как-то: кольца, серги, бусы и 2) предназначенные для костюмов в различных комбинациях с вышивками.

Элементами украшений являются следующие предметы:

а) Кольца—*Суркст* большею частью медные, массивные с большим плоским медным глазком; иногда кольца, бывают оловянные и редко серебрянные. Серьги—*Пиликст* большею частью стеклянные с сердечком из медной проволоки, стеклышко имеет цилиндрическую граненую форму, вся же буса по форме напоминает знак вопроса с продленной нижней частью ¹⁾

с) бисер—*Човал'ат*—употребляется самых разнообразных цветов и во всевозможных цветных комбинациях, которые иногда имеют значение амулетов, напр. нанизанный [на нитку белый бисер в перемешку с черным и пришитый полосой к *Панге* или привязанный к руке считается сохраняющим от дурного глаза, и таким образом подобранный бисер, носит специальное название *Осод—Човал'ат*.

¹⁾ бывает и иные формы.

Больше всего бисер употребляется для украшения головных уборов, где он нашивается и в виде нитки бисерного кружева—*Човалань Решотка*, по низу лобной части, и в виде кисточек—*Ч. цект*, около висков с двух сторон головного убора, а иногда даже и по завязкам *Панги*. Кроме этого нитки бисера, нанизанные на толстый жгут плотными рядами составляют ожерелье на шею мордовской женщины. д) блестящие—маленькие медные кружочки—*Блесткат*—употребляются наряду с бисером для украшения панги, а также иногда и руки по грудной части и вышитых полос проходящих продольно по шуппану. е) цепочка тонкая медная—*Рись-мля*—украшает низ лобной части головного убора, ф) разные виды пуговиц—*Плашт'ат*—часто украшают головной убор и другие части костюма. при чем иногда для украшения некоторых частей одежды употребляются специальные пуговицы, так напр., около ушей на головном уборе почти всегда можно найти только пуговицы с стеклянными глазками—*Сяльминя морто Поз* (с глазком пуговица,) которые называются *Пилля Вакст*, (около ушные). Для *Пулай*, например, часто употребляется оловянная имитация пуговиц, или медные пуговицы (*Кивинь Плашт'ат* и *Пижинь Плашт'ат*) г) бусы самых разнообразных цветов и форм, которые именуется *Эрь-ть* с прибавлением слова, определяющего цвет бусинки; употребляются, или для ожерелий или для *Пулай* и проч. h) парча-широкими лентами или нитями—*Мишара*, нашивается на головных уборах, руках и др. частях одежды—признак богатства. i) ленты и материи базарного приобретения тоже в большинстве случаев употребляются в качестве украшений. Ленты нашивают на головные уборы; из шелковых, шерстяных тканей тоже делают различные украшения, как-то: цветы и проч. которые тоже могут нашиваться на различные части одежды. к) раковины, нашиваемые напр., вокруг *Сюлгамы* (вид булавки) Некоторые части костюма мордовской женщины состоят почти исключительно из элементов украшений, таков, например, упоминаемый *Пулай*, который главным образом делается из бисера, различным образом нанизанного и скрепленного; кроме бисера „Пулай“ содержит и *Кивинь—Плашт'ат* (олов. пуговицы) и *Эрь-ть* (бусы) и *Суликань—Повт* (стеклянные застежки) и проч.

Украшения покупались мордовскими женщинами в ближайших городах, но кроме этого часто бывало, как говорят, проезжали по селам торговцы—коробейники „шобольники“, которые возили исключительно такие украшения, меняя последние на тряпье и другие вещи. Мордовские села были особенно удачными местами для сбыта такого товара.

О б у в ь.

До настоящего времени лапти являются самой обыденной обувью мордовской женщины. Работает ли она в поле, на гумне, или по хозяйству дома—езде в будничной жизни на ее нагах можно увидеть лапти. Кожанная обувь в последнее время надевается ею в праздничных случаях и лишь молодежь начинает игнорировать теперь обувь их отцов. Пожилые женщины, особенно старухи, еще совсем в недавнее прошлое не знали иной обуви, кроме лаптей и портянок-онуч. Лапти были как будничной обувью, так и праздничной, и до сих пор еще сохранились термины для обозначения и будничного лаптя—*лат'а-карь*—и праздничного—*пара-чинь карь* (хорошего дня лапоть). Вообще мордовский лапоть отличается своим плетением и общим видом, как от чувашского и татарского, так и русского лаптя. В отличие от чувашского, мордовский лапоть плетется косым плетением, а не прямым, т. е. ленты лык расходятся от пятки не под прямыми углами, а под острыми; от русского он отличается тем, что в середине верхней части носка продольно прокладываются треугольниками перегибы лык, которые по—мордовски называются *ат'акикить* (петушки), что зависит от способа плетения лаптя. Мордовский лапоть имеет три разновидности.

1) *Карь* (лапоть) или *Лат'а-карь*, большею частью лапоть для работы, простой, удобный, но некрасивый.

2) *Пула-марта-карь* (с хвостом лапоть) отличается от обычного типа лаптя тем, что наверху задника лаптя находится приплет из лыка в четверть аршина длины и в сантиметра три ширины. Этот приплет действительно напоминает хвост и имеет то назначение, что его заматывают портянкой к ноге и лапоть получает большую крепость в пятке, не хлопая на ноге. Такого рода лапоть отличается и тем, что он более красив и тонек, так как к его плетению относятся с большим вниманием. Ленты лык очищаются для него тщательнее, колодка по форме красивее, чем колодка для будничного лаптя.

3) *Ступн'а*—лапоть отличающийся от других типов формой и назначением. По форме этот лапоть более похож на калошу; при обувании он не прикрепляется к ноге ничем и поэтому легко соскальзывает с ноги; никаких ушков ни на заднике, ни по бокам для обор на ступне не имеется. Ступни употребляются большею частью в домашнем обиходе—выйти куда-нибудь недалеко по дому, в соседство—в дальний путь они не годятся. Последний тип лаптей носится с чулками или на босу—ногу; два первых типа с портянками—

онучами, обмотанными оборами-веревочками. Любопытно, что портянки (*пракстат*) мужские бывают пораздо короче чем женские. Женщина на каждую ногу употребляет две онучи—нижнюю (*алга пракста*) и верхнюю (*верьга-пракста*): первая бывает из более грубого и серого холста, вторая же из белого тонкого холста. Каждая онуча иногда имеет до трех аршин длины и в полотнину холста ширины, особенно онучи праздничные, которые должны украшать ноги женщины. „*Аша килейть*„ (белые березы) говорит женщина о хорошо обутих и обмотанных ногах. Онучи покрывают ногу мордовской женщины до колен и обматываются оборами *карькет*—длинными веревочками из конопли, которые крестообразно расцолагаются на ноге на протяжении всей онучи.

Постройки и жилища.

Трудность описания материальной культуры инородческих групп, в частности мордвы, в настоящее время усугубляется тем обстоятельством, что легко упустить из виду многие национальные особенности быта, если изучение будет носить характер поверхностного сравнения бытовых явлений данной народности с таковыми же более многочисленной для Саратовской губ. группы—великороссов. С другой стороны действительно нетрудно подменить факты, приняв их за отражение национального духа, тогда как на самом деле они могут явиться результатом или заимствования у кого-либо, или культурной контаминацией черт двух или нескольких народностей. Поэтому в описании материальной культуры, особенно такой стороны быта мордвы, как расположение селений, усадеб, описание дворов, построек, жилищ, требуется особенная осторожность и объективно—научное хладнокровие. В данной области изучения достаточно только констатировать имеющиеся на лицо материалы, фотографируя явления, а не отыскивая особенностей быта народности; в технике работы необходимо, повидимому, установление группировки типических черт в каждой области описания, чтобы не теряться в массе индивидуальных особенностей описываемого материала.

Селения (*Вялить*) и расположение улиц. Определить закономерность расположения мордовских селений, принцип

расположения основных улиц очень трудно, по той причине, что нет общего для всех мордовских сел критерия планировки улиц. Относительно тех сел, которые размещены по рекам, или вблизи рек, правда, можно сказать, что основные улицы таковых селений растягивались вдоль рек, отступая от берега настолько, чтобы можно было по относительно прямой линии проложить улицу. Таковы по Петровскому уезду мордовские селения: Синенькие по Медведице, Мачкасы, Азрапино, Сосновка по Узе и др. Тоже можно сказать пожалуй и относительно селений расположенных по большим оврагам, или ручьям, как например: Савкино, Баклуши, Камаевка, Карга-лейка в том же Петровском уезде. Зависимость планировки сел от пахотных земель и угодий установить трудно, точно также как трудно установить зависимость расположения селений и от линии движения солнца. Некоторые села раскинули свои основные улицы с востока на запад (Синенькие, Баклуши, Камаевка) другие с севера на юг (Савкино, Карга-лейка, Мачкасы и др.) и в иных направлениях.

Храмы и важнейшие общественные учреждения, как-то школы, исполкомы, большею частью помещаются в центре селений (Савкино, Камаевка, Мачкасы), хотя имеются и исключения. В селениях со смешанным населением русским и мордовским, каковы например, Камаевка и Синенькие, храмы и школы размещены большею частью на приблизительной грани слияния обеих народностей. Селения большею частью со всех сторон открыты, без изгородей, если не считать за таковые в некоторых селах изгороди огородов, которые загораживают иногда целые стороны сел. Околица в виде плетеной изгороди, загораживающей въезд в село, с оставленным для проезда отверстием, встречается в одном селе Петровского уезда — в Сосновке (смотри предания данного села о божестве околицы „Околиц'а—Паз“).

Улицы расположены относительно правильными рядами. Почти в каждом селе имеются одна или две основных улицы, которые тянутся вдоль села; и улицы, меньшие по длине, расположенные переулками, которые менее правильны и очень часто опускаются перпендикулярами к основным улицам. Внешний вид улиц не носит характер открытых широких площадей, ибо большею частью они заполнены другими служебными пристройками—амбарами, мазанками, выходами, подвалами, которые в свою очередь составляют два порядка построек вдоль дороги и которые часто страдают от пожаров. Бывают, правда исключения, при которых некоторые пристройки, главным образом амбары, выносятся за селение, но мазанки и выхода все же остаются на улицах. (Кар-

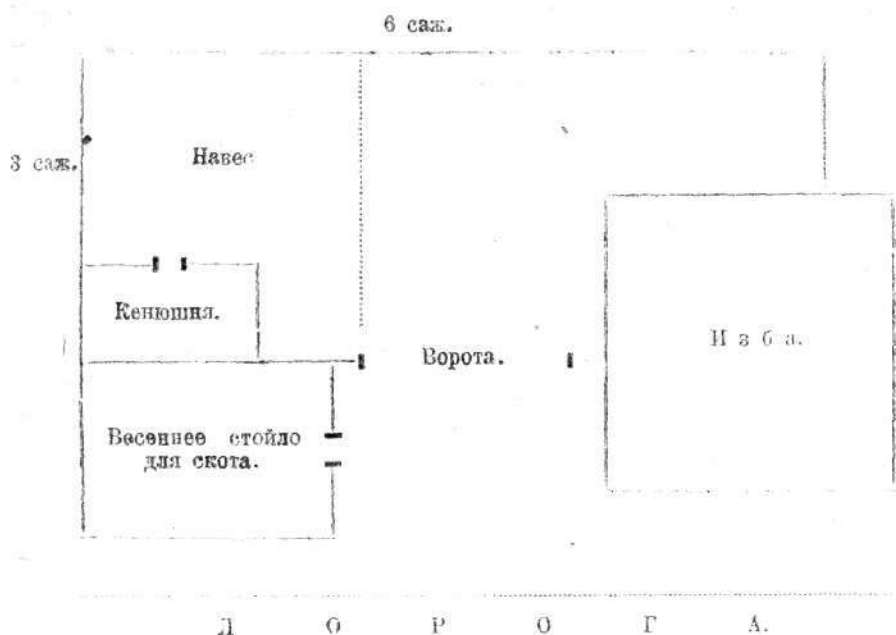
галейка, Петровского уезда), Гумна выносятся большою частью за село с той стороны, к которой примыкают пахотные угодья.

Двор (Кардаз). Чтобы более об'ективно произвести описание двора и построек, я сознательно ограничиваю себя материалом из одного села, и лишь как исключение придется приводить материал из других сел, каковой имеется. Кроме того придется провести некоторую типологизацию материала, так как необходимо выявить, по возможности, наличие в действительности имеющихся типов дворов ли, построек, или домов, не боясь занести в систематизацию те или иные наслосения или заимствования, если таковые являются теперь типическими чертами данного селения. Для описания двора беру материал из села Синеньких. Типологизацию провожу по двум принципам: во 1) — экономического благополучия владельцев — крестьян — отмечаю три типа дворов — бедного, среднего и богатого крестьянина; во 2) — по принципу времени — разделяю более старинный тип двора и более новый. За отправную точку расположения двора мордовского крестьянина с. Синеньких приходится брать улицу, как отправной пункт ориентировки в постройке дома, а вместе с ним и двора. Двор является центром размещения и хранения хозяйственного, как мертвого так и живого инвентаря мордвина. Почти всегда двор с трех сторон огораживает избу крестьянина, оставляя на открытой улице лишь фасад избы. Иногда, впрочем, двор огораживает дом только с двух сторон — стену заднюю и одну из боковых — правую или левую от дороги — улицы.

Наиболее типичным для с. Синеньких является такое расположение двора, при котором двор начинается, о чем свидетельствуют ворота, с левой стороны избы, если стоять на улице против фасада крестьянского жилья. В качестве типического бедного двора беру из с. Синеньких двор Гаврила Минеевича Вачаева. Данный двор представляет из себя площадь земли в 18 квадр. сажен огороженную плетнем; наполовину, слева от дома, если смотреть от дороги, двор закрыт соломенным навесом (*Лапаз*), утвержденным на четырех столбах. Во внешнем углу при помощи деревянных кольев и глины устроена и смазана конюшня; остальной двор никаких пристроек и служб не имеет, и имеющийся скот свободно расхаживает по всему двору. С улицы двор открывается при помощи ворот, сплетенных на поперечных сбитых деревянных перекладинах, из ивняка, продольным плетением; калитки в воротах совершенно нет, так что всякий, кто приходит, должен открывать ворота.

На улице—слева от ворот делается для скота открытая изгородь, (Калда) куда он и выгоняется раннею весной на солнце.

П Л А Н № 1 9.

План двора Гавриила Минеевича Вачаева.

Этот же двор Вачаева является типичным и для самых старых по времени постройки, дворов с. Синеньких—построен он по расчету хозяина в 40-х годах; хотя и ремонтировался, но план его и пристройка оставались теми же. Об избе мы будем говорить в другом месте.

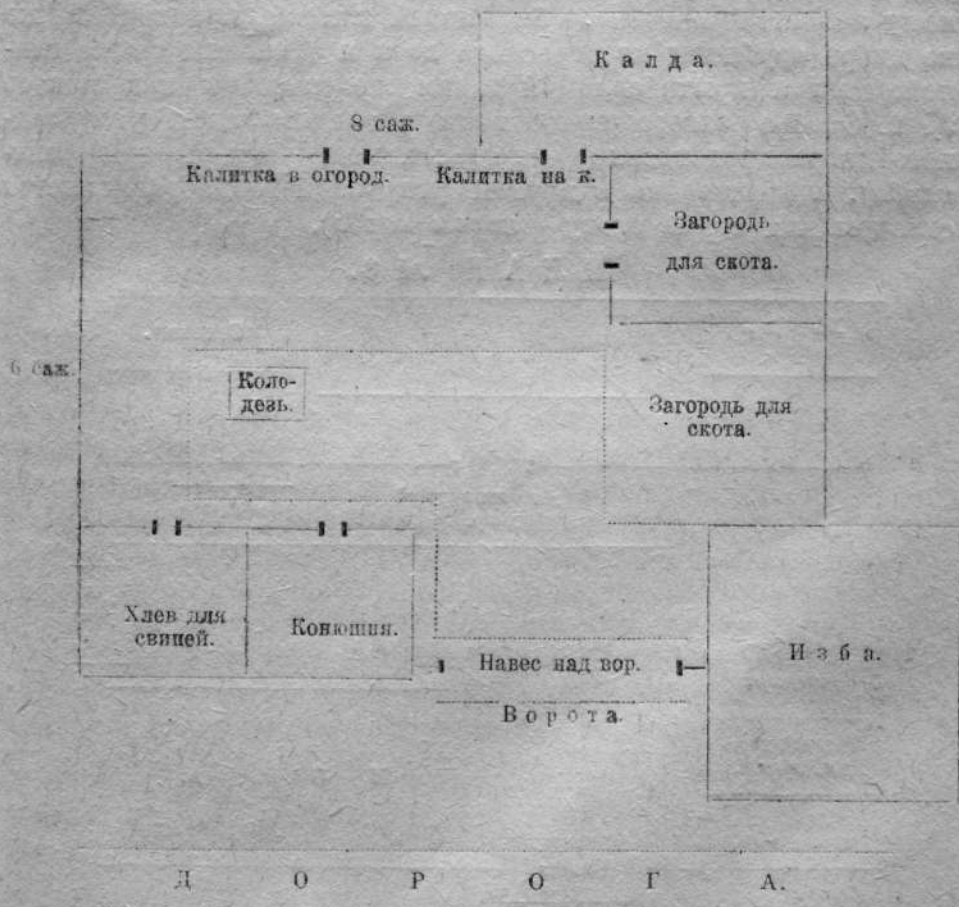
Типом двора среднего крестьянина мордвина в с. Синеньких беру двор Феодора Григорьевича Булаева. Также как и предыдущий двор, двор Булаева, если брать ориентировку с дороги, широкой своею частью расположен с левой стороны от избы; отличие этого двора заключается в следующем: площадь двора больше сравнительно со двором Вачаевским; она равняется приблизительно 48 квадр. саженим 6×8. Загорожен двор тоже плетнем, но плетень изнутри облеплен глиной, а снаружи выложен камышем. Крыша располагается уже через весь двор не навесом, а шатром в наброску соломой—незакрытой остается только средняя часть

1) Ввиду типографских условий, планы даются схематические.

двора. Ворота, ведущие в данный двор, сделаны из теса, сбитые гвоздями с жестяными пластинками, но калитки тоже нет. Над воротами сделан навес из соломы, который защищает ворота от дождя. Пристройек во дворе гораздо больше чем в бедном дворе. Ко внешней стене двора также пристроена конюшня, но рядом с конюшней расположена пристройка для другого скота, главным образом, свиней. Во внутреннем правом углу двора отгорожено плетнем место для коров с плетеными из ивняка воротами:

Во внутренней задней стене двора проделаны две калитки: одна ведет в огород, а другая на калду—весеннее помещение для скота, которое примыкает в данном случае к задней части двора. Картину на дворе дополняет колодезь, из которого черпается вода для скота.

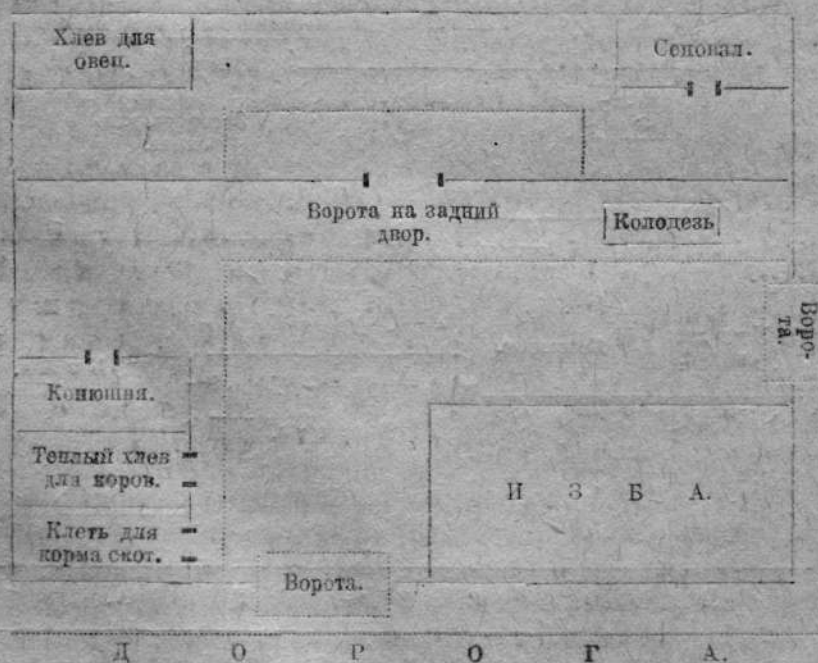
П Л А Н № 2.

План двора Федора Григорьевича Булаева.

Для описания третьего типа двора богатого мордвина взят в селе Синеньких двор Захара Арефьевича Сидорова. Главную отличительную особенность двора Сидорова сравнительно с двумя предыдущими является то, что двор разделен на две части—на двор передний—*икия-кардаз* и двор задний—*удала кардаз*, которые соединяются между собою большими тесовыми воротами, проделанными в задней стене переднего двора. От дороги двор Сидорова помещается в такой же ориентировке, как и предыдущие дворы, т.-е. изба также располагается в правом углу дворовой усадьбы и ворота двора также ведут на улицу, с той лишь разницей, что в данном дворе имеются еще внешние ворота, которые ведут в правый проулок через правую внешнюю стену, так что во дворе имеются на лицо трое ворот—двое на улицу, одни—на задний двор. Все эти ворота выстроены из теса, а над воротами ведущими на улицу устроены такие же навесы, как и на предыдущем дворе. Материалом изгороди по прежнему является плетень, обмазанный глиной, пристройки же во дворе срублены из строевого леса и обмазаны также глиной. Крыша крыта соломой таким же способом как и двор № 2. Особое загороженное место в заднем левом углу заднего двора представляет из себя помещение для овец (*рвья-карда*), а пристройка в другом углу заднего двора является складом для корма скоту—(*кором карда*).

П Л А Н № 3.

План двора Захара Арефьевича Сидорова.

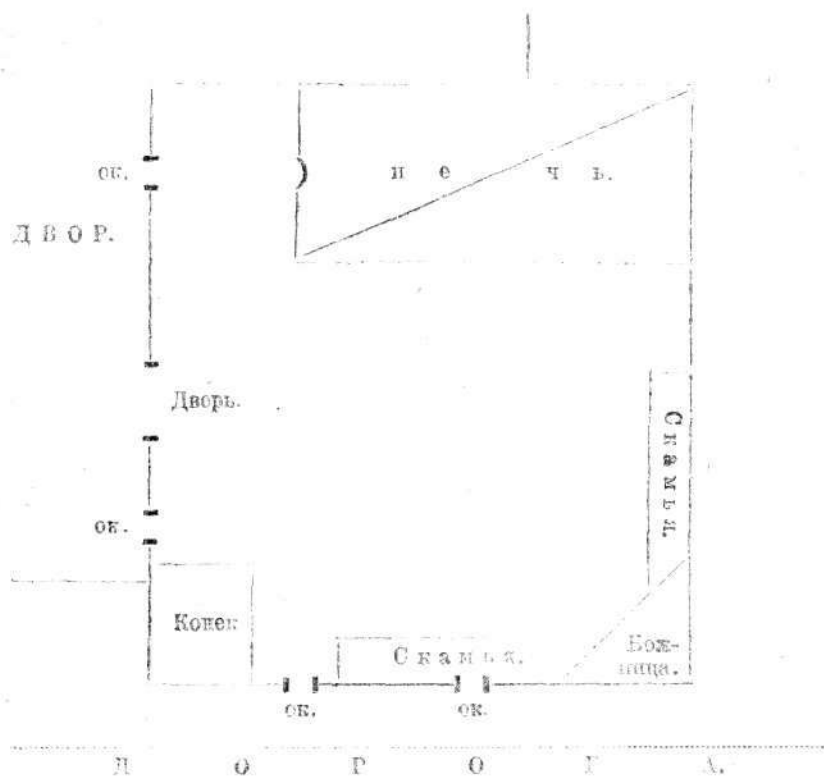
Из описанных дворов первый и последний являются также и двумя крайними гранями типов дворов, взятых в аспекте времени, именно: первый тип является и самым старинным двором, последний—самым новым двором.

Изба (куда). В описании человеческого жилья мордвы мы возьмем те же принципы как и при изучении крестьянского двора. Начнем непосредственно с обзора отдельных типов мордовских изб. Для описания типа жилища бедного крестьянина берем избу знакомого нам уже крестьянина Гаврила Минеевича Вачаева. Как нам уже известно, эта изба расположена в правом углу усадьбы, если точкой ориентировки брать дорогу. С внешней стороны данная изба представляет собою глиняное сооружение, занимающее площадь около 8 квадратных сажень— 2×4 , продолговатое, узкой стороной выходящее к улице. Покрыта изба соломой в наброску, коньковидно, но так как солома от времени слежалась, то крыша успела потерять свою первоначальную форму, обратившись скорее в навес, чем в крышу. На улицу смотрят из этого дома два маленьких окошка в четыре квадратных четверти величиной, два таких же окна обращены на двор—одно по правой стороне входной двери, другое по левой стороне. Последнее окно переделано из волокового окна, поэтому оно немного выше других окон и внутри дома видно, что оно помещается против печи. Материалом для постройки этой избы явились колья и большое количество глины. Надобно сказать, что данная изба перестроилась из черной курной избы в белую только в 1915 году, и внутренность избы осталась почти нетронутой, если не считать побелки и перестроенную печь по-белому, или как выражается мордва, по-русскому (рузке). Входная дверь, расположенная как раз в середине левой стены, вводит непосредственно в жилое помещение с черным земляным полом и с беленым бревенчатым, обмазанным в промежутках глиной, потолком. Никаких перегородок в доме нет. На лево от входа, во внутреннем углу расположена русская печь устьем к двери, иначе, к западу. Печь сбита из глины и в свою длину и ширину занимает $\frac{1}{2}$ всей избы. С противоположной стены от печи, прямо в устье последней смотрит, как я уже говорил, оконце, переделанное из волокового.

В правом северо-восточном углу дома находится стол, по двум стенам скамьи и в углу божница (*пазавакилькс*). В правом северо-западном углу расположен конек—деревянная лежанка (*конеклангакс*). Вот и вся обстановка внутренней части избы; постоянный полумрак дополняют картину, так как неоткрывающиеся окна в четыре стеклышка малы даже и для

такой небольшой площади. Таких домов в Синеньких в процентном отношении—около 8⁰/₁₀.

П Л А Н № 4.

План избы Гаврала Вацаева.

Данная изба мне очень напоминает одну известную мне курную избу, сохранившуюся до сих пор в мордовском селе Дубровках Петровского уезда. Разница между обеими этими избами заключается в том, что в курной избе окна, являясь до сих пор волоковыми, выходят исключительно на двор, к улице же эта изба обращена исключительно глухими стенами. Кроме этого, в помещение для жилья ведут две двери—одна внутренняя наполовину менее наружной, открывается внутрь избы; это для того, чтобы во время топки печи стужа не входила в избу, а дым свободно выходил;—другая наружная больше; тоже во время топки вся открывается.

В качестве типа избы среднего крестьянина берем снова избу—принадлежность двора-плана № 2—крестьянина Федора Григорьевича Булаева. Точно также мы знаем расположение дома в отношении ко двору. Точно также изба расположена узкой стороной на улицу. Крыша дома тоже соломенная, но конек устроен из теса треугольником,верху которого под

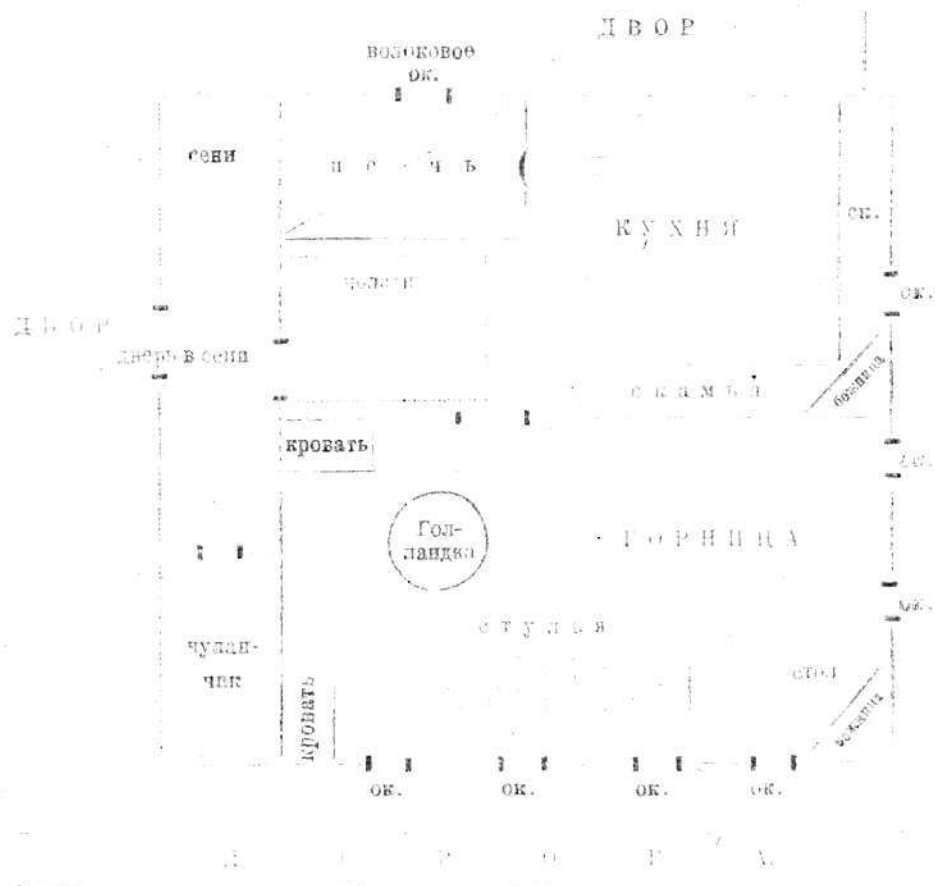
самым углом прорезано круглое отверстие. Дом срублен из соснового строевого леса, толщина которого равняется 7 вершкам в диаметре, поэтому каждое дерево распилено продольно и из таких половинок сделан сруб, причем выпуклая сторона перевьев обращена наружу, плоская же составляет внутреннюю часть стены. Стены как изнутри, так и снаружи пробиты паклей и мохом. С фасада выходят на улицу два окна с наличниками, сбитыми из досок без всяких украшений и резьбы. Величина окон равняется 15 квадратным четвертям. Одно окно выходит на улицу в левой стене и еще два окна в той же стене прорублены во двор. Внутренний вид дома носит иной характер. Правда, расположение печи остается старое,—т. е. слева от входной двери, устьем к западу; в том же месте помещается и конек, зато здесь мы уже видим дощатый пол, потолок из хорошего теса, чисто вымытые стены; правее от печки, отступя от потолка, приблизительно, на аршин, досками, расположенными параллельно печи, образованы полати, которые являются дополнением коньку-лежанке; здесь же под полатами поставлена и деревянная кровать. План данной избы по своему строению таков же, как и предыдущий; разница в некоторых деталях и в масштабе. Такой тип избы до сих пор очень распространен в с. Синеньких; в процентном отношении будет равняться приблизительно 45—50%.

Остается рассмотреть третий тип домов зажиточных крестьян из мордвы, для чего необходимо взять дом усадьбы описанной нами—плана № 3. С внешнего вида дома последнего типа отличаются прежде всего тем, что по своей форме они обращены к улице широкой своей стороной. Кроются подобные дома большей частью жестью шатровым способом четырехскатных крыш. Последние красятся или красной или зеленой краской. Ставится сруб на высоком деревянном или каменном фундаменте, который также, как и весь дом нередко обшивается тесом и иногда окрашивается в какой-нибудь цвет. Большие створчатые окна украшены пилеными наличниками, раскрашенными в разнообразные цвета.

На крышу иногда водружается имитация труб, специально для украшения. Внутренняя жилая часть во многом уже отличается от предшествующих типов. Прежде всего перед входом в жилое помещение расположены сени (*кудикильс*), иногда с чуланчиком для нужд хозяйки. При входе в избу вы увидите, что жилое помещение разделено на две части—кухню и горницу. В кухне находится печь, около печи, продольно ей, полати. Часто на печи находится волоковое оконце, которое служит теперь для того, чтобы посмотреть иногда

во двор, так как во двор окна теперь не выходят. В кухне расположены по стенам лавки; в переднем углу—божница. От горницы кухня отделяется дверью. При входе в горницу обстановка меняется. Вместо скамеек, мы здесь сплошь да рядом видим теперь стулья; на стену привешено зеркало; в одном или двух углах стоят кровати, покрытые одеялами из разноцветных лоскутов; здесь же в горнице приютилась и голландская печь, сложенная из кирпичей, а иногда даже обитая железом. Около 20%, пожалуй, такого рода домов можно найти теперь в Синеньких и все эти дома новые, выросшие на памяти даже еще молодых людей.

П Л А Н № 5.

Издана издательством Захарова Арсентьевича Сидорова.

Обряды и верования.

Моляны, опахивание, заговоры, обряды календарные и некалендарные.

М о л я н ы.

1. Айгыр озес.

Вететь наке'ав вашия—айгыр,
Хролань д'ж'и порава, пчаксызь сонда
И савьсызь аиц'ак сыря ломатня;
Пакшат iarцама эсть полтня.

1. Жеребичий молян.

Приведут в поле жеребенка—жеребичка
Около дня Флора, зарежут его,
И с'едят только старые люди.
Ребят не пускали есть.

Записано в сентябре 1921 г. в с. Сивеньях,
Петров. уезда от Надежды Сидоровой 48 лет.

2. Бабань гаша.

Бабань гаша ист'ама праздник, конань седе икиля празнувасть каждый год *Троиц'а пораст*. Пурныть р'адс сюра, пчакить вилинь рамафт букат, баратт—вьяся канцызь ков-как письма латко и iarцыть. Озньеть пазнынь максыза пизимя, чачыза сюра.

2. Молян „бабья каша“.

„Бабья каша“ такой праздник, который в прежние времена праздновали каждый год около Троицы. Соберут подряд хлеба, сделают брагу, соберут лиц, зарежут купленных селом быков и баранов—все принесут куданибудь в овраг с родничком и едят. Молятся богу, чтобы дал дождя, родились хлеба.

Записано в сентябре 1921 г. в с. Сивеньях,
Петров. уезда от Надежды Сидоровой, 48 л.

3. Бабань гаша.

Тунда, сыря бабатня пурныть бабань гашас iamкет, почт, алт, и вьясия тарка и молеть тиньга удалув и тоса идить. Майля терьцызь поныньть и служафтыть молебен и аицызь сонда. Майля iавсызь виштяньть, макасыть какныйиниь и iam, и каша и теса вьяся iarцыть и сямить.

3. Бабья каша.

Весной старые старухи собирают на бабью кашу пшена, муки, яиц и всего другого и идут за гумна и там варят. Потом позовут попа и служат молебен и покормят его. Потом разделат пищу, дадут каждому и щей, и каши и здесь все едят и пьют.

Записано в сентябре 1921 г. в с. Синеньких
от Анастасии Пирякиной 55 л.

4. Молян „Бабань гаша“.

Летом, после Петрова дня (29 июня) мордвинны, придерживающиеся языческих обрядностей, покупают на мирские деньги пять или шесть баранов и режут их в поле. Для этого богатые жертвуют баранов без денег. В поле собирается все общество и каждый приходящий берет с собой яиц и муки, а каждое семейство приносит обязательно горшок каши т. е. каждый двор должен доставить не менее одного горшка с кашей. Когда все соберутся, то старейший молится Богу и в это время все остальные благоговейно внимают словам молитвы. Молятся о ниспослании урожая, о дожде, о здравьи и вообще о благополучии. После моленья все садятся при своих загонах и едят яичницу, галушки, вареные в котлах с бараниной, кашу и баранину. Затем расходятся по домам. Если при этом случится дождь, то мордвинны радуются, веря, что Бог молитву их услышал.

Архив С. А. Щеглова.

5. Бан'а азушка.

Бан'а—азушка—матушка

Пасибя?

Шл'амызыт нардамызыт,

Экшел'амызыт, вадимазыть.

Шел'а парызыт.

5. Банная женщина.

Банная женщина (богиня) матушка,

Спасибо!

За мытье и вытирание.

За купание и мазание,

За легкий пар.

Записано в сентябре 1921 г. в с. Синеньких.
Петров, уез., Саратов. от Надежды Сидоровой 48 л.

6. „Баран—Латка“¹⁾.

В с. Савкине сохранился рассказ о старинных религиозных празднествах и молениях, которые происходили еще в языческую пору, местного населения—мордвы, недалеко от села, около родника, называемого на мордовском наречии „Баран—Латка“. ¹⁾ Этот родник находится в овраге, который раньше представлял из себя глухую трущобу, вполне ограждавшую совершение обряда от посторонних нескромных глаз. Такие овраги с священными родниками были не единичны. Сохранилось, например, воспоминание об роднике, называемом „Букалисьма“, ²⁾ но в настоящее время его уже не существует. Языческая пора давно уже прошла, но привычка молиться у родника „Баран—Латка“ еще сохранилась и по сию пору, только вместо всесильного языческого жреца, молитвами руководит православный священник. Теперь у родника совершаются молебствия о дожде, если стоит засуха, причем вместе с мордовским населением Савкина участвуют в молитве и русское население соседних деревень. Лет тридцать тому назад, а то и более у родника совершались молебствия во главе со священником о сохранении скота, причем это делалось на третьей или на четвертой неделе после Пасхи. После молебствия тутже начиналась пирушка. Последнее обстоятельство является пережитком старинных празднеств, связанных с молениями о скоте со всевозможными языческими обрядами и жертвоприношениями, на что, также косвенно наводит название родника „Баран—Латка“.

Вода в роднике очень хорошая и считается целебной.

Записано в селе Савкине со слов Прохора Дмитриевича Максимкина 60 л. 4/мч 1921 г.
П. М. Козыным.

7. „Бычий молян“—„Букань озкс“.

В этом обряде участвуют одни мужчины. Собираются они также в поле. Из одного пуда или из двух пудов меда заготавливают „пуре“—пьяную брагу и режут быка. Пуре выпивается и бычье мясо вареное съедается. И чем не сильнее перепьются, тем лучше: „пуре было сильное, и Бог сильный, и урожай будет сильный“.

В селе Старом Мачиме в молян „букань озкс“ участвуют и православное духовенство. В этом моляне причт церковный служит сначала молебен и затем участвуют в пиршестве. Тут допускается мордовский хмельной напиток.

Пуре готовится в изобилии на мирской счет.

Архив С. А. Щеглова.

¹⁾ т. е. Баранний овраг.

²⁾ Бычий родник.

8. Бычий молян.

По словом крестьянина села Наскафтыма Степана Трофимова Кузмикина, 85 лет, в селе Наскафтыме, на его памяти, мордва три раза летом, ежегодно, устраивала моляны в самом селе, у родников. Первый молян собирали у Козьего родника, тут резали *бурого* быка. Второй—у Девяткина родника, резали *красного* быка и третий молян—у Китаева родника, резали *пестрого* быка. К этим молянам варили брагу и стряпали всякое угощение на мирской счет, жертвенных быков также покупали на мирской счет. Это были мордовские моленья и праздники. Теперь все это прекратилось.

Архив С. А. Щеглова.

9. Кереметь.

В селе Армииеве в прежнее время также собирали моляны около Петрова дня в честь „Кереметь“ (по русски „резанный мед“)¹⁾ и всегда в лесу, около большой березы. Тогда все почти жители Армииева были пчеловоды. Собиралось туда в лес не только все Армииево, но приезжали и из Арапина, и из Наскафтыма родственники армиевским. Для этого праздника приносили сюда вволю хлеба, мяса, браги и вина. Сначала молились, потом пиршествовали и веселились. Однажды на этом празднике кто-то из Наскафтымских так напился, что, возвращаясь домой потерял шапку. Тогда он сказал: „Ах Кереметь, Кереметь армиевский, чапкась арась“ (шапки нет).

В настоящее время этот праздник справляют тайно только некоторые старики и старухи.

Сообщил г. Сидяков в 1902 г.

Архив С. А. Щеглова.

10. Тихон батюшка.

В селе Кадышевке есть часовня Тихона Преподобного; находится она на горе в лесу. 16 июня по старому ст. туда стекалось и стекается теперь много богомольцев. Раньше там было развито торгашество. Целебный источник Тихона Преподобного по мнению населения, очищает больные глаза. Мордва и чуваша берут воду, несут домой и очень це-

¹⁾ Объяснение сомнительно.

вят. Вообще мордовки чтут этот праздник и приходят туда в национальных костюмах. Существует даже несколько мордовских молитв к Тихону Преподобному,

- I. Тихон батюшка, Кадышевка матушка,
Не возьми моего сына в солдаты—
Другой раз семь аршин сукна принесу.
- II. Тихон батюшка, Кадышевка матушка
Не бросай моего сыну, дам тебе холстину.
- III. Тихон батюшка, Кадышевка матушка,
Вылечи мою глазу, дам холста, семь аршин сразу.

Записано в с. Кадышевке, Хвалынского уезда,
Саратовской губ.—А. Ф. Гедубовой.

11. Кереметь.

В сел. Ч.—Кулатке мордва приносила свои жертвы на тех же местах, на которых и чуваш. И даже мольбища устраивались совместные. Вот что рассказывал мордвин, старожил Чув.—Кулатки:

Мы с чувашами хорошо жили, народ они „гостистый“ хороший, как и мордва. Молились по — одинаковому, в одном месте и на праздник собирали скотину—быка, барана, селезня—и с мордвы и с чуваш, и старост выбирали и из мордвы. Я сам помню был сотником, еще носил тогда батюшке с праздника „кереметь“ заднюю ляжку в подарок и вина.

Записано в июле 1920 года в с. Чуваш — Кулатке у Белкина 97 лет.

12. Ознома молетва пизиминь гис.

Нишка Паз, покш Паз,
Макст лемьбя пизимня,
Сэтьмя варминя,
Сюрынъ д'ж'ачума¹⁾
Паксянь бравайть
Кролка, Потешка,
Бела бабанъ д'зэраза,
Озныда кисынык.

¹⁾ Слово неразобрано.

12. Молитва на моляне о дожде.

Бог пчел, всевышний бог,
Дай теплый дождичек,
Тихий ветерок,
Хлебов урожай . . .
Выправившие поле (первые засельники)
Фрол, Потешка,
Старухи Беловой сын,
Молитесь за нас.

Записано в октябре 1921 года в с. Маткасках
Петров. уезда от Василия Чапрева 55 лет.

13. Пизиминь гис ознома.

Вять бабатня ознать калма лангса, майля кундыть ват-
ракш; коса іак луга лангса чавить вишка колея и ватрак-
шинить сьулмасызь пильгида колеіянтя.

Вять жа саить сараз удума таркаста, ат'акш и пелевать
экшел'асызь эрькеса, эрькентя іордыть капста пиринь орта.

13. Моление о дожде.

Ночью старухи молятся на кладбище, потом поймают
лягушку: гденибудь на лугу вобьют небольшой колышек и
привязывают к нему за ногу лягушку.

Ночью же берут с нашествия петуха и в полночь искупают
петуха в озере (или реке), в озеро бросят ворота от огорода
(какогонибудь).

Записано в октябре 1921 года в с. Маткасках
Петров. уезда у Василия Чапрева 55 лет.

14. Сараз озкс.

Те празникстыньть миникь вялиса іакасть сека тарканты,
коса ульнись и айгор озксысь, только лиіа времава-иничида
майля кода бути.

14. Куриный молян.

В этот праздник в нашем селе ходили на то же место,
где был и жеребячий молян; только в другое время, как то
после Пасхи.

Записано в октябре 1921 г. в с. Сипоньсах,
Петр. уез. от Надежды Сидоровой 48 лет.

15. Остатки религиозной номенклатуры мордвы села Синеньких Петров. уез.

1) Юртава—богиня дома, очага—в народном воображении представляется то кошкой, то зайцем, то тем и другим попеременно (оборотень).

2) Окольца ваный Вялинь Паз—бог, хранитель села, общества, постоянно пребывает у околицы селения.

3) Калма-азыр-ава—богиня защитница, хранительница общественного погоста, находится у ворот кладбища.

4) Норов-ава Норов-Паз—хранитель хлебов, урожая.

5) Няринь-шочкось-Паз (Наринь Паз)—бог, хранитель леса, особенно липы и лыка для лаптей.

16. Астрономическая номенклатура у мордвы с.с. Оркина Сарат. уез. и Синеньких Петр. у.

1) Нурцянст—созвездие Ориона.

2) Озяскить (воробышки)—Плеяда (существует у мордвы легенда, что весной „воробушки“ тонут в воду).

3) Ирандаз—(телега), около которой есть две звездочки „Кискине“ (собачка) и „ажия“ (оглобля) (есть поверие, что собачка постоянно грызет оглоблю, и когда перегрызет последнюю, то—конец миру).

4) Наргын ги—Журавлиная дорога—этим названием именуется у мордвы млечный путь—термин часто встречающийся в мордовских песнях.

17—20. Обряды опахивания.

1. В селе Андреевке Хвалынского уезда еще в нынешнем году совершалось опахивание от заразы. Девушек впрягали в старую соху в 12 часов ночи начинали опахивание.

На каждом углу села опахивающие останавливались и кувыркались на кокурки. Говорят, что опасно попадаться на глаза опахивающим—могут убить.

Записано в июле 1920 года в с. Павловке Хвалынского уез. Сарат. губ. от местн. фельдш.—очевидца Г. Вышинского.

2) Старики во время бездождья тайно от молодых берут из церкви иконы и со свечами ходят в поле к березам (почитаемое место в с. Новой Лебешайке) ходят обязательно ночью и только старики.

Девушки во время холеры запрягались в соху (лет 10—15 тому назад) и вокруг села делали борозду, чтобы предохранить село от холеры, от заразы и от смерти.

Записано в с. Новой Лебеджайке, 20/VIII 20 г.

А. Туриной.

3. В селе Сучкине до настоящего времени соблюдается некоторые обряды языческого культа, к каковым относятся опахивание. В летний период года мордва собираются на озимой и яровой хлеб. Устраивают это опахивание так: берут соху, в нее впрягаются несколько девушек и ночью этой сохой опахивают кругом села. За сохой следует один, особо избранный, мужчина, который нет-нет да и просыплет несколько хлебных зерен, посеет. В эту ночь старые старухи уходят с образами в поле, где не видимы ни кем, остаются до рассвета и молятся. Ранним утром собираются старухи и девушки и кое-кто из стариков к приготовленным закускам, браге и медовому квасу, выставленным на столе. Одна из старух говорит по мордовски такую молитву:

„Паштянгуть, паштянгуть,, Паз корменець. Карга-сярга, матушка, юртунь кирдий юрт-ава!“ (Гость, Бог кормилец. Журавль и утка-матушка, держатели дома!).

Потом, взяв говшок с кашей и поставляя его на стол говорит: „Вона няра чакшсынтъ iamкс и няра улинь парынь сайме Паз максыза!“ (Вот сколько в горшке пшенинок (зерен) и столько бы добра Бог дал!).

После этого собирается все село. пьют, едят и гуляют весь день.

Сообщил Н. Сидяков. Архив С. А. Щеглова.

4. Чтобы не допускать заразы в село заставляют девицу сохранившую девственность, чистую в полном смысле слова, приблизительно до 12 лет, даже не имеющую еще месячных спрясть суровых ниток и этими нитками троекратно обносят село—заразы, говорят не будет.

Записано в с. Савкине от Гавр. Петрова. 73 -лет.

21. Заразань гяр'ама орожба.

„Черькстасыник, пир'асыник
Заразаньтъяр'асыник,
Ухватса лайсыник.
Пакс'а пяв павьцыник.
Лакшоса чавсыникь.

Мон мариня те орожбаньтъя заразань годстэньтъя, (1892)
мянць сеста валинь гругом сабан марта iакиникь, аватня.

21. Ворожба для срезывания (изгнания) заразы.

„Зачертим загородим,
Заразу срежем,
Ухватами проколем,
На конец поля угоним,
Кнутом побьем“.

Я слушала эту ворожбу в заразный год (1892) мы сами тогда вокруг села с сабаном (соха) ходили, бабы.

Записано в сентябре 1921 г. в с. Сячень-
ках, Петров. уезда от Надежды Сидоровой, 48 л.

22—24. Заговоры.

1. Ворынь Зюдыма.

„Покшт'ат, бабат,
Тынь кривдань правдань неецет'ада.
Видичинь варчиц'атада,
Кие Матянь іармакында саиндя
Се ломаниньт, костенькь кеденда-пильгинда,
Тяинькь угулца аштиц'акс'
Алында сярниц'акс и чурыц'акс,
Чикарда чужтыкс чикырдаза,
Чиникь, вяникь чарыйкс чараза.“

1. Заговор на вора (проклятие).

„Покойники старухи,
Вы правду—кривду видящие,
Правду ищущие,
Кто у Матроны деньги взял
У того человека высушите руки и ноги,
Сделайте его в углу сидящим,
Под себя с . . . и с . . . ,
Чтобы скрипучим деревом скрипел,
И днем и ночью колесом вертелся.“

Записано в сентябре 1921 года в селе Ся-
ченьках, Петр. уезд. Надежды Сидоровой 48 лет.

2. Орежба чинь ижитнинь эйста.

„Волица — красна девица,
Сиіакс чудикь вядья,
Сырнинь поколь—кявнить,
Максыкь Надянь сельмя галдында,
Максыкь ольный светында“

2. Ворожба от трахомы.

„Водица,—красна девица,
Серебром теки, водица,
Золотые комочки-камешки,
Отдай Наде свет глаз,
Отдай ей вольный свет“.

Записано в сентябре 1921 года в селе Си-
неньких, Петр. уез. от Надежды Сидоровой, 48 л.

3. Орожба илиматнинь эйста.

„Нилимат чаван,
Жабат чавин,
Коськеза маштыза,
Коськя чуфте, тьфу!“

3. Ворожба от жабы.

Железы убиваю,
Жаб убиваю,
Чтобы высохло, уничтожилась.
В сухое дерево, тьфу!

Записано в сентябре 1921 года в с. Синень-
ких, Петров. уез. от Надежды Сидоровой 48 л.

25. Биография знахарки Лукерьи Даниловны Колдыркаевой, и лечение ею заговором.

Знахарка Лукерья Даниловна Колдыркаева мордовка, уроженка села Старой Лебежайки Саратовской губернии Хвалынского уезда. В настоящее время она уже старуха, ей 78 лет, но еще крепкая, так по домашности она во всем помогает своей снохе, с которой живет, а в свободное время ткёт холст. В нынешнем году (1920 г.) на Пасху она овдовела.

Живет она с сыном, который женат и имеет четверых детей. Лукерья Даниловна ходит в *полном национальном мордовском костюме*: в рубахе, запоне, подпоясывается поясом, носит карман, руцю или накидку и сороку, что в настоящее время редкость, так как большинство мордовок этого села носят такие же костюмы, как и русские; полный национальный мордовский костюм из всего села носят только две старухи: Лукерья Даниловна и ее сестра Анна Даниловна. Отец Лукерьи Даниловны жил небогато, муж также небогато.

Детей у ней было всего восемь человек, из которых четверо умерли, а из остальных три дочери замужем и женатый сын, с которым она живет в настоящее время.

Теперь работой занимается она уже мало, а больше лечит—заговаривает. Лечит от зубной боли, от крови, от червей и от укуса змеи. Лечит как людей, так и скотину. Заговорам научилась от своей свекрови, которая вот уже 28 лет, как умерла; научилась она заговорам еще в молодости. „Много народу лечила и лечу и много пользы принесла“, говорит она сама про себя.

Славится она как самая лучшая знахарка во всей Старой Лебежайке, а поэтому к ней приходит много народу лечить-ся, а также приводят и скот. А если хозяин больной скотины живет далеко от ней, то он приезжает за Лукерьей Данилов-ной и увозит ее к себе домой, где она и проводит целый день, так как заговаривать надо три раза в день: утром, в полдень и вечером.

Лукерья Даниловна типичная знахарка, которая очень уверена в целебной силе своего лечения, дорожит этим и гордится. Население Старой Лебежайки относится к ней с почетом и уважением. Заговоры которыми она лечит, она не говорит. „Если она кому—нибудь их скажет, то она уже тогда сама не может больше лечить“, говорит она.

Вот некоторые способы ее лечения:

От зубной боли лечит так: берет редьку или луковицу и отрезает шесть небольших кусочков. Эти кусочки она кладет на левую ладонь, раскладывая их по три в ряд один кусок против другого, как расположены зубы во рту. Потом солит эти куски, и, спросив какой зуб болит и как звать больного, она начинает заговаривать зуб.

Сначала проводит ножом по этим кусочкам, проводит вдоль, поперек, крест накрест и при этом что-то тихо говорит по мордовски. Потом эти кусочки подносит близко к своему рту и тихо тихо что-то над ними шепчет и шопот прерывает три раза тем, что дует на них. Нашентывает очень долго, вероятно, несколько раз повторяет заговор. Кончив заговаривать, она дает один наговоренный кусочек больному и велит положить его сейчас же на больной зуб, а остальные наговоренные кусочки отдает также больному, велит их завернуть в платок, а придя домой, класть в течение дня на больной зуб, пока он не перестанет болеть.

Если к вечеру больной зуб не успокоится, то надо притти еще раз вечером для заговора.

Во время заговаривания зуба больной должен все время молчать и смотреть на знахарку, а дорогой от нея к себе надо идти ни с кем не разговаривая.

От червей у скотины лечит так: идет в поле и находит там траву *пицинь балакс*—крапиву, над которой и читает заговор от червей, и черви от этого все и выпадают.

Итти заговаривать траву надо рано утром или поздно вечером и так, чтобы никто не видел и ни с кем не разговаривать, в противном случае пользы не будет от лечения.

От укуса змеи лечит так: читая особый заговор, проводит вокруг больного места дном солонки, потом скалкой и наконец рукой. Заговор от укуса змеи повторяется в течение дня три раза.

Заговоры, которые она читает при лечении болезней, она не говорит—„пользы от моего лечения не будет, если я тебе скажу заговоры“, говорит она.

И этим она очень отличается от знахарей чувашских, татарских и особенно русских, которые, правда, хотя не особенно охотно, но все же сообщают иногда свои заговоры.

Записано со слов Лукерьи Даниловны Копдыряевой 78 лет в селе Ст.-Лебежанке, Хвалынского уезда А. И. Ключковой летом 1920 г.

26. Биография знахарки Марии Маркеловны Кочевадзевой, и лечение заговором.

Мария Маркеловна Кочевадзева знахарка-мордовка, уроженка села Чувашской Кулатки, Саратовской губ. Хвалынского уезда. В настоящее время ей 55 лет. Она замужняя, муж жив. Детей трое. Живет она небогато. Лечит она только в свободное время, между делом. Лечит от зубной боли. Заговору научилась давно от своего дедушки.

Лечит от зубной боли так: берет небольшой кусок лука, солит его и уходит с ним в чулан. Там она над этим кусочком читает заговор. Чтение заговора прерывает тем, что дует три раза на заговариваемый кусок лука. Читает заговор очень тихо, так чтобы посторонние его не слышали, да и заговаривает в чулане для того, чтобы ее никто не видел; делает все это для того, чтобы польза была от ее лечения, так как если кто услышит заговор ее или увидит, как она заговаривает, пользы не будет от лечения. Заговор, который она читает, конечно, не говорит. Наговоренный лук велит положить на больной зуб и лечь спать.

Записано от Марии Маркеловны Кочевадзевой, с. Чувашская Кулатка, Саратов. губ. Хвалынского уезда А. И. Ключковой.

Календарные обряды.

27. Пивас каіамо—бросание в пиво.

Девушки с молодыми людьми снимают просторную избу. За неделю до Рождества делают по селу сбор хлебом, мукой, пшеном, маслом, яйцами и проч. Сбор производят на подводе из дома в дом несколько молодых людей и девиц, при чем всем дающим делают приглашение в назначенный день пить пиво: „пивадо симимя моледа“ от старого до малого. Принимаются пожертвования и деньгами. Нанимают игрока-волынщика (волынка—две дудки из трости „нудийть“, введенные в пузырь из животного. Волынка имеет один клапан, с верхнего конца отверстие, а сверху открытые проходы, которые по очереди прикрываются пальцами во время игры). В назначенный день вечером в снятом заранее помещении собирается молодежь и любители старики. Девушки готовят из пожертвованных продуктов кушанья и варят пиво (брагу). Всех приходящих поят пивом и угощают закуской. После трапезы столы убираются; середину комнаты делают просторной. Все усаживаются на скамьях вдоль стен и затевают пляску, при чем в пляске принимают участие не только молодые, но и старики. На всех девицах костюм в это время должен состоять из следующих частей—панар, руця, при чем последняя—покай—разукрашенная особнным образом, и карксамо—пояс, красная лента шириной в ладонь и весь увешанный $\frac{1}{2}$ копейками, полущками, также как и руця. Сначала пляшут под игру волынки, а потом под плясовые песни всех присутствующих. Напр. поется плясовая песня: „Делиедо копейка, делиедо полущка“, а несколько человек пляшут.

Сведения взяты у Гавр. Петрова 73 лет в селе Савкине. Петров говорит, что этот обряд сейчас уже давно не существует.

28. Роштовань Гуда—Рождественский дом.

На все святки молодежью снимается дом, где каждый вечер собираются парни, девушки и пожилые люди и устраивают всякого рода игры и кроме этого здесь выполняются некоторые обряды, именно:

Первым обрядом в „Роштовань Гуда“ является обряд так называемый „туляексын панимя“—гнать поросят. Один мужчина одевается в чапан, а чтобы быть потолще, в чапан обертывают солому, опоясывается кушаком, ложится на полу и начинает охать, представляя опоросившуюся свинью. В это

время маленькие ребятишки лезут под лавку и под конек, которые и есть поросята. Приходит с улицы мужчина (пастух) с кнутом и палкой в руках, тушит огонь и начинает гнать поросят, ширяя палкой под лавки и конек, а вылезающих оттуда бьет кнутом (свитое полотенце); ребятишки без оглядки должны бежать на улицу. Во время этого взрослые или сидят или стоят на лавках.

Второй обряд т. н. „Сюлгана микшимя“ — продавать сюлгамы (булавки); из соломы или тонких прутьев делаются колечки и нанизываются мужчине на половой орган. Он ходит по комнате и кричит: «Сюлгамот микшнян, рамадо дешевасто» — Выборный староста, заставляет покупать девиц, а кто не покупает, т. е. не берет с члена эти колечки той приказывает староста 25 жгутов. Приказ выполняет одно из выборных лиц.

Третий обряд — „дегодень микшимя“ — продавать дегоды. Один мужчина садится верхом на старую ось от телеги, начинает кричать: „Кинянь дегодь? кинянь? дегодесь ванькс, моньсь теине“ — при чем ходит без штанов. Ось представляет бочку, а половой член тулку. Зрители спрашивают о цене, продавец отвечает: „Церанинь кафта фунт-пятак, аванининь максан ист'ак“. Староста и здесь распоряжается, чтобы большинство покупали женщины. Продавец покупателю отпускает по желанию чистого или смолу (в руку мочу) зрители в экстазе поют „дула-падо“.

Сведения взяты у Гаврилы Петрова 73 л. в селе Савкине Петровского уезда; обряды сейчас не сохранились.

29. Орожиіама мора.

„А мурдава мурдава ¹⁾
Мурдань боца, тол боца
Палы кандал акандал,
Толц каіатан апамат,
Вядьс каіатан аваіат“.

29. Песня во время гаданий (подблюдная).

Внутри „мурдвы“, внутри огня
Горит сера и не сера;
В огонь положу — не сгоришь,
В воду брошу — не утонешь.

Записано в сентябре 1921 г. в с. Синеважках
Петр. уез., Сар. губ. от Надежды Сидоровой 48 л.

¹⁾ Значения не помнят.

30. Кал'адат.

Кал'ада! ц'ат, ц'ат ¹⁾ койменемь,
Кал'ада! бац мешоко пр'акинимь.
Кал'ада! течи чиза кал'ада,
Кал'ада! вандый чиза Роштова,
Кал'ада! тувьян бр'а пидида,
Кал'ада! Орта лангув лисида,
Кал'ада! Веря Пазнынь озныда.

Мяйльня гость кал'адатана:

Кал'ада! Гост'а патяй апатяй,
Кал'ада! Визд'ан — бял'ан эйстыдыт.
Кал'ада! Мазый умарь лиц'адят,
Кал'ада! Сурия штирд'ат кодама?
Кал'ада! Пара ускинь гонд'ама
Кал'ада! Котет кодат кодама?
Кал'ада! Пара конёв гонд'ама.

Али пяитьсыникъ —

Кал'ада! Сурия штирд'ат кодама?
Кал'ада! Пара пиксынь гонд'ама.
Кал'ада! Котет кодат кодама?
Кал'ада! Пара ватулань гонд'ама
Кал'ада! Нурда-мушка вя кесак
Кал'ада! Лупушка-лапушка
Дай, бабай, пирожки.

30. К а л я д а.

Каляда! Цят, цят, лопаточка.
Каляда! Бац в мешок пышки.
Каляда! Нынешний день каляда.
Каляда! Завтрашний день Рождество.
Каляда! Свиную голову варите.
Каляда! За ворота выходите.
Каляда! Всевышнему Богу молитесь.

Потом гостью калядуем:

Каляда! Тетя гостья, гостенька,
Каляда! Стыжусь — боюсь тебя,
Каляда! Красивого яблочка — твоего лица.
Каляда! Нитку спрядешь какую?
Каляда! Как хорошую проволоку.

Каляда! Холст соткешь какой?
Каляда! Как хорошую бумагу.

Или просмеем:

Каляда! Нитку спрядешь какую?
Каляда! Как хорошую веревку.
Коляда! Холст соткешь какой?
Коляда! Как хорошую ватолу.
Коляда! Сани-конопель на один моток.
Коляда! Лунушка-лапушка
Давай, бабушка, пирожки.

Записано в сентябре 1921 г. в с. Сивеньях,
Петр., уезда от Надежды Сидоровой 48 л.

31. Орожбат.

Роштовань кудыста, седе-икиля, іакснсть тайтиртвя и од цѣратня орожиіама. Орожиіакшныеть лама таркас. Чѣить Уз берѣков, маднть пророб вакес и кулцыннть, мязя марить, али марить пивцыц'ат,—годысь пара уля, али эшшо мязе. Маднисть и ки улува кулцыннма: монць маднинь—мариникъ вясе сеста крандаз пулф марта чикырлѣ—нѣтя жа пара годс. Іакасть од ломатня вять и тиньгя пиривь оденькаста пр'а вяльфь (сти оденькантя удала пельдя—кянитсьѣ пр'анда и кургсынѣ таргя колоз) колозынь—олгань таргама. Ежли олгось колоз марта—сюресь паретя чаче, ежли только олга таргавя—берянь год уля. Лифнисть аватне улыц'ав и моцедалкет и вянь берть каднызь улыц'аса—ежли моцедалкетсь лякше—сыгоднѣ улитъ пара мушт—канетинь, лѣнынь, пазинь.

Од годѣнь гарча вясе кудытнинь эйса іарцыть кснавѣ, монопдсызь и іарцыть—чачыет кснавтне: од гдѣнь гарча жа орожиастъ сулифть лангс. Лисить, ежли од лов бры, улыцѣ—маднть лов лангс и сулифтинть кадсызь—валекинь здязь молеть сулифтинь ванума—ежли суливтись чалкеифь—аула годѣнь бярть чясть.

31. Гадания.

Из Рождественского дома, раньше, ходили девушки и молодые парни гадать. Гадали на многое. Побегут на берег Узы, лягут около проруби и слушают, что услышат; или услышат молотильщиков—урожайный год будет, или еще что. Ложились и на перекрестках дорог слушать—сама ложилась—слышали все тогда, как скрипит телега со снопами—также к хорошему году. Ходили молодые люди ночью и на гумна из одоньев через головы (встанет к одонью спиной—поднимет голову и ртом вынимает колос) колос с соломой вытаскивать.

Если соломинка с колосом—хлеб хорошо уродится, если только соломинка вытаскивается—неурожайный год будет. Бабы выносили на улицу мочки и на ночь оставляли на улице—если мочка заиндевет—в наступающий год будет хорошая пряжа конопляная, льняная, псковная. Пред Новым Годом во всех домах едят горох: намочат и едят, чтобы уродился горох. Перед Новым же Годом гадают и на отпечаток на снегу. Выйдут, если свежий снег падет, на улицу, ложатся на снег и отпечаток на снегу оставляют (до утра)—утром приходят отпечаток смотреть—если по отпечатку ходили—не будет во весь год счастья.

Записано в октябре 1921 года в с. Мачна-
сах Петров. у. от Марии Чавровой, 65 лет.

32. Великий бостань мора (од дз'брань).

Виривь мол'ан,
Алув мол'ан
Вирьца—кальца мясть тийн'ан?
Каль дараткить инзыд'ан,
Мазый Марянь бикьгид'ан
Мар'а патий мясть тийн'ат?¹⁾

32. Великопостная песня (парней).

В лес пойду,
Вниз пойду,
В лесу в ветлах что буду делать?
Ветловые ветви сдеру (срублю),
Красивую Марию окую обручем (возьму замуж),
Тетя Марья что делаешь?..

Записано в сент. 1921 г. в с. Сикозьенки,
Петр. у., Сар. губ. от Надежды Сидоровой 48 лет.

Некалендарные обряды.

33. Семья.

В старину семьи были очень большие даже до 40 человек, обедали на трех и более столах и жили в 2-х и 3-х домах, но не считались разделенными и расходы по содержанию велись из общей суммы. Обедать садились мужчины взрослые за одним столом, женщины за другим и наконец дети совсем особо. Старшие члены пользовались почетом, умиряли младших, а дети и снохи были в полной зависимости от старших. К старшим относились с уважением не только в кругу семьи, но и вообще. Главою семьи были

¹⁾ Песня не окончена.

отец с матерью, а если живы—дедушка и бабушка (*дебай бабай*) иногда даже отец дедушки (*нокштяй*). В случае смерти отца с матерью, старшинство переходит старшему брату и снохе (его жене). Старшего брата свекра сноха называет „*ютксо тятяй*“ (между отцом), а младшего брата свекра— „*вежсенец тятяй*“ (младший отец), жену старшего брата свекра называют „*аша авай*“ или „*аша бабай*“ (белая мать или белая бабушка); жену „*ютксо тятяй*“ младшие члены семьи называют „*мазый авай*“ (красивая мать), жену же „*вежсенец тятяй*“ снохи молодые называют „*пари авай*“ (хорошая, добрая мать); сноха двоюродного брата старшего своего мужа называет „*алляй*“ (старший брат), а младшего брата родного своего мужа она называет „*альне*“. Самый младший брат старшего называет „*ляляй*“; старшая сестра младшую называет „*сазыр*“, а младшая старшую „*патяй*“. Молодую сноху в семье называют „*одерьва*“, а младший брат и вообще младшие члены семьи жену старшего брата называет „*уряж*“.

Молодушка—сноха ни в коем случае не должна показывать своих босых ног и кос свекру и целый год не должна была при нем сидеть; если даже ее босую увидит „*уридив*“— (дружка на ее свадьбе), то она должна удовлетворить его подарками (рубашкой или полотенцем). При свекре и свекрови молодая не смеялась и не называла мужа по имени, а также и при старших других. Она даже не могла назвать именем своих детей, если имена совпадали с именем свекра. Мужа при свекре, она называла „*эй корьмай*“, боясь старших, потому что они могли наложить проклятие на младших.

В сел. Савкине одна старушка по поводу непослушного поведения ее 19-ти летнего сына, рассказала мне следующий обычай, существовавший в старое время.

Если бы у старой матери вдруг перестал слушаться ее сын, а в доме нет никого, кто бы проучил строптивого, то мать терпит-терпит и в конце концов, видя, что сын совсем от рук отбивается и ей все равно, что „в гроб ложись“, решается пустить в ход последнее средство. В знак своего безвыходного положения, берет она под мышку кусок холста, а в руки свечку и идет на сход. На сходе она объявляет старикам о своей беде и о своем бессилии справиться с ней. Старики, убежденные в справедливости слов ее необыкновенным снаряжением, тутже, недолго думая, вызывают непокорного и внушают ему хорошей встрепкой способность быть наперед покладастым.

Записано в с. Савкине со слов мардовки Терентьевой 69 лет. 4/виц—1921 г. Н. Козымын.

34. Свадебный обряд.

„Ох, эйднимь, парстя седикиля, минь звадьбатьнинь морценекь; мязя лиія, а свадьбатня пиньгинь бячтязь лама мон морцень, ведь вунак н'ара цѣрат урьвакстынь.... Моньценъ—гак кода максымизь-помі'амга-Ефнека, бабушай, кода максидизь мирьдининь—Да...эйднимь, нара ульнись свадьбам: пуря, брага ульнись доволь, боцькаса ловенекь, родн'анык как лама ульнисилт, вятя,-кота кудт, колѣнь-гяминышка ломатт кажнойсынть От, эйднимь, аштит'ана ист'а минь чокшня кудыса-(моньдянь сеста ульнись комсь колмышка год) тят'ам карть кодэ, лял'ам—іалаксым шорничить, а минь-аватня штирт'ана, миньць морот моратана. Ваньцыник сувить Проненькат колмонест, четверть вина, мартыст. Састь, озасть матиц'а алуу и мереть тятининь. „Минь-ат'а сыник тонь Ул'анань чиіафтума. Мон кода мариня те валыньть—скорей цюланув, ашт'ан тоса, ойдем гак атаргавя.

— Амякс, бабай, чиіафтыцятня ойсесть матиц'а алув?

— Іа, цѣрам, азр'а мереть матицянть эйсто: „комсь алаша, вайкя терть“ Кода жа, бути матиц'а алув озат, то н'ардо-іак апаньт'адызь, сон терт'атандат...

Ашт'ан ист'а, моньць кулцын'ан, тят'ам и мера:

— Сон ведь од, миникь Ул'анась.

— Од, од-вот и нара, миникь Пронька тожа ауль сыра, мереть сватнѣ. Как мариня, шты женихись Пронька, ист'ак ба и лисилинь тятининь-максылимимь, да пял'ан. Ашт'ан и кулцын'ан, а тят'ам и кортѣ: „Азида кардазув, ваньик кудынык чиньик. Тятининь нать мелезында тусть сватнѣ. Лисцьть сынь кардазув, а кудыса тятидимь, кортнеть тятить, судить-рядить кода тямс; Женихиньть эйсто кортнеть, роднятнинь лаига. Майля, іалаксым тярдиньдя сватнынь и кармасть кладка лад'ама, кодат казнить тямл, н'аро іармакт, одежда, пуря, вина. Мадясть пасиба Вере Пазынтя, авам и мера іалаксым дуртув:

Ну, цѣренемь, азида тярдинькь сыра родн'анык, ви-надо симимя, Улянань іалганда тярдинькь, мерѣда: „гор'анык уля, радыстинык как уля“ Те чокшнестынть іалгам каждый чокшня колмышка недл'а алиснить миникь кетста-ваксап-тийть викшнить—обр'адт викшнить моньдянь-панарг, руц'ат, пангыт; морыт морцеть, а мон лайшан. Мон парцтя лай-шинь седе икиля, Ней уж пожалуй стуфнинь вѣся. Ашт'ан, ашт'ан, да кода аварькстан:

Невестань лайшимат.

Іалгинимь боіаравинимь,
Маштыдыіа іалгинимь,

Тят'анк аванк мелест ванума,
Мелест мяльга молемя,
Мон эзинь машт, іалгинимь,
Тятян-авань мелест ванума,
Мелест мяльга молема,
Секс как монь бөкордэмизь,
Боіараваке эр'амам,
Сукаке, курваке карман эр'ама.

Ох, кода лайшинь, лама содэнь, да стуфтувсть. Вот ист'а и аштиникь минь тятидинь кудысынть остатка времаньть; викшниникь самы покш винас. Покш винасто арцть жинихимь родн'анда усксть вина, теса уж и гуляясть. Мон те времаньть іалгам марта сувинь цюланув. Мон озэнь столекс, а іалгам икилимь аштить, монь гекшемизь. Мар'асыникь жинихиньть тят'аза и меря: „адяда одерьваньть аштума“, а монь ваксса казнимь, кинянь мязя—ат'афтым дуртуу понкет, авафтым дуртуу аша викшнинь банар, роднятнинь дуртуу пракстат. Ат'афтым и моля цюлануу, кетсында кiset іармакт да кячя, брагада симимя. Іалгам монь кекшемизь и мереть атяньтя: „Іа, Сема дедай ютак одерьватя“ а сыньць аюлдасызь, кяпидить кши икилинда, тага кортэть:

„Эрькенъть трокс аютават, тять сэдъ“ Атясь таргя кisetстында іармакт и кшиньть ланга р'адте путня эйсыст, іалгам тага мереть тянда: „Те сэдьганьть, аютават, прат, зрявя пир'авкет путумс“ атясь тага р'адс-радс путэ іармакт; ней іалгам нуртить кячизында вина, сон симя монь эйса іак симьдя, а мон асиман, путня кячиньть столанке и казинь атяньтя понкет, а сон тень гис кячиньтя каія тага іармакт. Ат'адынть майля ист,а жа бабась сува, авафтым—соньдянда аша панар путынь, а роднятнининь, кинянь пракстат, кинянь нардама, а сын іармакт кячис кайсить-эр'ама чис. Аштумась ютась, іалгам монь кадымизь цюланца, а сыньсь пильгис сюкунясть сватыньтя, кильдиза алаша баіага марта, артнимя, а мон ашт'ан цюланцыньть, бута арас'ан-гак. Вянъберть гуляіасть пекь, валскинь здязь толька тусть. Покш винада майля, кафтышка недл'а тага моньдянь викшнись. Кода викшниманьк ютась, сасьть саймя Женихиньть пельдя. Кудатня, састь миньдяникь вятя ланкса, іалгам ваяя лисцьть кудатнинь стречаіамаст кардазуу, а сыньць сайниязь кудатнинь вожд'аст, чирькист чапкаст-майля кармафшысь идимаест. А мон ней уж ауль цюланца, а ваяя марто вяйца. Теса мон уридив эстянь гочкенъ, карексыня сонда нардамыса. Кудатня ней чокшненъ барьть гуляить родн'а ланга.

Валскинь здязь мон стинь, ульнись чопода карцинъ гарть а пракстатнинь карькснынъ эйсо сюлмысинъ пек, сюлмыт-

нинь бетлень и кекшень, моньць тага цюланс озень. Кода
вяся стясть, кармысть іарцама, а майля монь пурнама сэрь-
н'ама—од панарт-руц'ат орчама, а карькенэ пилыгсым и
аженивить, мон амаксынь пилыгимь юкснимасть, сѣтки
юкснимизь и одов гарьцимизь. Теса тятюшам баславамам-гак
курык кармась, а мон лайшимя кармакшнынь, пек, лайшинь,
эйднимат.

Невестань лайшимат.

Кода тат'аза баславя:

Тятюшай-горьмушай,
Аушай-дирюшай,
Баславамизь-ка
Яцы-чужойс эр'ама,
Мелест мяльга мелемя.

Кода пазаванть сайсэ іатынь дятясь:

Іатынь дятясь, тят'акай,
Іатынь зядий марийнись,
Коли вечкемга сайсамак.
Саика аша кеца баславканть,
Вить кавалала путыка.

Уридифня кяпиться невестанть кедь ланкс:

Аушай-горьмушай,
Тятюшай-дирюшай,
Остаткинида кявири кснавникс кявир'ан,
Кафта кос'ак юткува,
Лиса качамникс лис'ан.

Лифтимизь монь кудыстыньть, озафтымизь крандайс.
зыльтимизь; ваксыгым уридивь палима марта озась, вядут-
нынь эйста монь гекшемемь и туиникь минь. Околиц'ас арды-
никь минь. теса лоткенекь и вяся лисиникь крандаснынь
ейста—кудат провод'ама, теса тага винада симить. Мон-гак
валгинь іалгинимь марта. мон казн'ан тят суркет и
лайшисынь вяся іалгам:

Околиц'а тона бокса:

Мат'а боіаравинись,
Мата азыравинись,
Вя валниса кортэйнись,
Вя думниса думийнись.
Пасиба тять
Викшнимазыт стамызыт,
Лама тэвинь дяймазыт,
Сяитькиста с'элгымазыт.

Уридифня колмокетъ чартфасызъ кудатнинь, а монь уридивись моля палима марта лездеъ, леда, мольць монь гарча и колмокетъ крестезя моданть палимасыньть, мереть вядутт те поранть лама лифинь, невестанть коласызь.

Майля ардыникъ витста жинихиньтя. Монь печька икиливь арафтымизь, маштылинь уштума. Теста церьковав туиникъ венчама, уридифня тага проведеть эйсынык палима марта.

Церьковастыньть моленекъ мирьдинь гудув, теса миникъ вастымизь пазава марта и кафта наряжань ломатть (ава на-ряжав цѣракс и цѣра аваке) валымизь комол'са и сяирить монь-дянь „Сяльмизыт виське, сядиизыт ризке“ мирдимъ витста церьковастыньть моля конешнав, озэ таркас, конань тянда тоса ацызь. Монь тожа тов ветемезь панджизь кянкшиньть и мереть мирьдиньтя „вярьгиз на, ревя“ мон тандадыкшнынъ. пижнинъ, эзинъ моль. Тулкадимизь. Теса миникъ вася'а анды-мизь чен'авгзда, а майля кудув дустъ. Тоса те времанть си-мить четьверть вина.

Кода симизь миникъ мяльга састъ, ст'афтуманьк, сярь-гитьсть моньдянь: „урьва ст'а-ка азька аша панарынъ мусь-кими, чефтенеста томбама, покш кши очкынъ банима, вядь ведранъ ганлума“. Кода минъ карматана лисима, конешна-стыньть и кудув зувама, ломатня сярьгидить: „Тона пясъ чополгатъсь, миникъ пясъ валдумгатъсь“ іала ист'а пижнить: ежели невестасъ лиіа вялиста то ист'а сяирить: „Савка вялисъ чополганъ, Сининкасъ валдумганъ“.

Майля саить ведра брага лифсызь ульц'а-куньчкас и путсызь столанкс ведрасынть кячя. Вяся—ат'афтым, родня-тня р'адс молеть ведрантья, сайсызь кячиньть, и симить брагада, а киіа сима, ёрцэ кячиньть киланкс, а монь кучса-мизь кячиньть мялга, а вяся уставыми эйсо вануть „уста-вынь ванума“. Кувать ёрезь кячиньть, майля уж мирьдимъ ведранть кудув запза.

Те пораванть ардыть горныйть, сынъст вастамста мореть морыт тапсить чакшт, и вянь береть гуляить родн'а ланга, а монь Пронька марта кудыса кадымизь. Вот ист'а, цѣренемъ. и максымизь, а ней уж ауль ист'ат свадьбатня ӕрыцить.

А кода, бабай, васн'а годэньть мирдит кудыса ӕрить?

Ох, эйднимъ. васн'а годэньть трудна ӕр'амысь ульнисъ, пр'ас пангынть путума порас.

Миникъ седе икиля годэнь б'артъ урьвасъ цюланца аштѣ—и іарцэ—сима, цела год ат'афтыза анекшнесэ урьванда апак карця, и апак сълмав пр'анда—нелъз'а, ӕр'амось берянь уля. Пельгод ков'так эзинъ лисня мирьдинъ гудыстыньть, ави

динь гудыс—как, кода тятидинь кудыста погафртума сыть,
пельгод ютазь. Штирд'ат, штирд'ат, скушна сайд'андат и
ранкетат:

Удумам зась, мадимам зась,
Титянь гудув молемам зась,
Кильт'а, гнездай, тон алапиня,
Кильт'а, гнездай, тон ракшиня.

Кильдизя гнездась алашининьть,
Кильдизя гнездась ракшининьть,
Вя'лафтызя—чарафтызя,
Удалця орта ланге арафтызя.

— Кода, гнездай, покордатан,
Кода, іалгай, досад'атан,
Вашиіама ланге эльдет вашиіаза,
Вашиіаза соньць кулыза,
Пиже вашись кадувыза,

Сядий зянгорке тять улиза.

Вазыіама ланге скалыт вазыіаза,
Вазыіаза соньць кулыза.

Пиже вазысь кадувыза,
Сядий зянгорке тять улиза.

Кардув мол'ат вашись ц'ахя

Пиривь мол'ат вазысь парэ

Ист'а, іалгай, покордатан,

Ист'а, гнездай, досад'атан.

Ист'а и лайшикшнынь, моракшнынь. Берянь эр'амаса ютэ
васинь годысь, ну а майле, кода чачя эйль, ланга пр'азыт
пугат, седя эр'амысь паркетумя....

Записано у У. М. Прокофьевой старухи 78
лет. в селе Сивеньких Петров. уезда в 1918 го д

34. Свалебный обряд.

„Ох, дитятко, хорошо в прежние времена мы играли
свадьбы, что другое, а свадеб на своем веку я много играла.“
ведь, вон сколько сыновей женила... И меня как выдавали
еще в памяти.

— Расскажи, бабушка, как тебя выдавали замуж. — Да
дитятко, хорошая была моя свадьба: пури, браги, было вдо-
воль, бочками считали, да и родных-то много было, пять—
шесть домов по тридцати человек в каждом. Вот, дитятко,
сидим мы так вечером дома (мне тогда было года 23), отец
лапти плетет, братья шорничают, а мы—бабы прядем, сами

песни поем. Смотрим, входят от Прониных трое с четвертью вина. Пришли, сели под матицу и говорят отцу: „Маней—старик, пришли твою Ульяну сватать“. Я, как услышала эти слова, скорей в чулан, стою там и дух не переведу. —

— А почему, бабушка, сватья сели под матицу? —

— Как же, сынок, не зря говорят о матице: „Двадцать лошадей, одни пути“ (пословица—загадка). Как же, если под матицу сядешь, то никогда не выгонят, она спутывает...

Сижу я так, а сама слушаю, отец и говорит:

— Она ведь молода у нас—Ульяна-то.

— Молода, молода, вот и хорошо и у нас Пронька тоже не стар, говорят сватья.

Как услышала я, что жених то Пронька, так бы и вышла к отцу, чтобы отдал, да боюсь. Сижу и слушаю, а отец и говорит: „Ступайте на двор, посмотрите дом—хозяйство“.

Отцу знать поправились сватья. Вышли они на двор, а дома редители, говорят—делают, судят—рядят, как делать, о женихе говорят, о родных. Потом младший брат мой позвал сватьев и стали кладку класть, какие подарки сделать, сколько денег, одежды, пури, вина. Сошлись, спасибо всевышнему богу! Мать и говорит младшим братьям:

„Ну, сыновья, ступайте, зовите старых родных-то на запой, и девок зовите, Ульяниных подруг то, скажите радость у нас есть и горе. Девки-то уж с этого вечера целых три недели по вечерам и не выходят от нас, все вышивают мне одежду и рубашки, и шупшаны, и головные уборы, все вышивают, песни поют, а я воплю. Мастерница была вопить, только сейчас, мотри, забыла. Бывало сижу, сижу да и завоплю.“

Причитание невесты.

Подруженьки, мои барышни,
Сумейте,, подруженьки,
Отцов матерей нрав (волю) сохранять,
За их нравом ходить,
Я не сумела, подруженьки,
Отца, матери нрав сохранять,
За их нравом ходить,
За это меня оскорбили
И мое житье барыней:
Сукой, курвой стану жить.

Вот так и сидела я с подруженьками последнее времячко. Вот так и вышивали до самого большого вина. Приехали жениховы родные, привезли вина—вот уж и гуляют и пируют тут. А я с подружками опять ушла в чулан. Я села там за стол и сижу, а подружки встали передо мной и заговорили меня. Слышу, а женихов отец и говорит: „Пойдемте

невесту выкупать, а около меня уж лежат подарки: женихову отцу—шаровары, матери—белую вышитую сорочку, а родным онучи.

Вот старик и идет в чулан к нам, а сам с кисетом денег, да с кружкой для браги. А подружки мои загородили меня и говорят сверху: „Ну, свекр, проходи к своей снохе, а сами держат хлеб перед ним и скажут: „Через реку не пройдешь, нужно мост поставить“. Свекор вынимает из кисета деньги и рядом кладет их на хлеб, а подружки и говорят: „С этого моста упадешь, надо перила поставить“. Свекор опять рядом денешки кладет. Ну, тогда уж девки нальют ему в кружку вина, и он пьет и меня поит, да я не пила, а положила стакан на стол, а сама встала и подарила свекру шаровары, а он за это в стакан кладет денег. После старика приходит ко мне мать жениха—ей я рубашку положила, а всем родным жениховым—кому портянки, кому полотенцы, а они все за подарки-то кладут мне в стакан деньги „на обзаведение“.

Как выкуп кончился, подружки-то оставили меня в чулане, а сами поклялись в ноги свату, чтобы он запряг цару лошадей с колоколами кататься девкам, а я сижу в чулане, как будто и нет меня.

Всю ноченьку эту гуляли, да так гуляли, что не дай Бог, только утром уехали. После большого вина еще две недели мне все выпивали, пока уж не приехали брать от жениха невесту. Поезд приехал к нам на пяти подводах подружки—то мои все выбежали встречать их на дворе, а сами отобрали у них возки, дуги, шапки, чтобы после выкупа взять. А я теперь уж не в чулане, а вместе со всеми. Тут же выбрала себе дружку, опоясала его полотенцем. Поезжане весь вечер опять гуляют по родным. Утром я рано встала, обула лапти, а онучи то закрутила веревками туго, на туго, узлы зашнуровала и спрятала, а сама опять в чуланчик села. Когда все проснулись, завтракать стали, а потом меня собирать, новую одежду надевать, а веревки-то на ногах и не развяжут; я не даюсь им уж больно горько волю девичью терять, да нет разули и по новому обули. А тут уж и благословлять начал отец—то меня.

Причитания невесты.

При благословении отцом:

Батюшка горемычный,

Матюшка родимая,

Благословите-ка

Во чужие люди жить,

За их волей идти.

нему, но, ведь, разве сладишь с ними. В конюшне-то покормили нас ветчиной сначала, а потом ушли домой. В это время там распивают $\frac{1}{4}$ вина. Когда выпили, пришли за нами будить нас и кричат мне: „Невеста вставай, снимай белые сорочки мыть, помягче гладить, за водой сходить“. И повели нас домой и тут уж нарядили меня в красный платок. Когда я стала заходить домой, все закричали: „Тот конец села затемнился, наш конец просветлел“. В селе так кричат. Если из другого села, то так причат: „Савкино затемнилось. Синенькие просветились“. А тут уж пошло мне мученье. Возьмут ведро браги, выносят на улицу и кладут ее на стол—по очереди, сначала подходи свекр, свекровь и все родные. Все берут кружку, зачерпывают браги и пьют, а как только кто выпьет кружку и бросит ее на дорогу, а мне нужно идти за кружкой, а все смотрят стан мой и походку: „стан смотреть“—замучили меня, уж только когда жених пожалел—взял ведро и унес домой, тогда уж все пошли в дом. Тут уж и мои родные приезжают, с песнями встречают и бьют горшки. Тут уж настоящее гулянье подымется, всю ночь ходят по родным и везде пьют пурю, вино, едят все. А меня с Пронькой дома оставили. Так-то, родимый, и играли мы свадьбу, ну, а теперь уж и у мордвов-то не эдак свадьбы играют, да уж и вопить-то теперешние девки не умеют.

„А как, бабушка, вы первый год-то с мужем жили в его доме?“

— „А, сынок, первый год-то трудно мне было, пока годовного убора не наденешь на голову“.

У нас в прежнее время весь год невеста в чулане сидит, пьет и ест, целый год свекор не водит невестку разутую и с непокрытою головою—нельзя—жизнь плоха будет. Полгода пикуда не выходила (невестка) из дому мужа, даже и в родительский дом, пока из родительского дома не приедут через полгода „пятиться“. Прядешь, придешь, скука возьмет и запоешь:

Спать хочу, лежать хочу,
В отцов дом идти хочу,
Запряги ка, дружок, ты лошадушку,
Запряги ка, дружок, ты лошадушку,
Запряг дружок лошадушку,
Запряг дружок лошадушку,
Повертел—покружил,
К задним воротам поставил.
Как, дружок, оскорблю тебя,
Как, дружок, досажу тебе?
Пусть кобыла твоя ожеребится.

Ожеребится, сама оконееет,
Жеребеночек пусть останется,
Печалью сердца тебе будет.
Пусть корова твоя отелился,
А отелился — сама издохнет,
Теленочек пусть останется,
Печалью сердца тебе будет.
В конюшню пойдешь, жеребенок ржет,
В хлев пойдешь, теленок ревет.
Так, дружок, оскорблю тебя,
Так, дружок, досажу тебе.

Так и вопила, пела. Плохой жизнью проходит первый год, ну а потом, когда родится ребенок, головной убор (пангу) наденешь, тогда жизнь улучшится.

35. Мордовская свадьба.

„К девкиному отцу приходит мужнин сродник или сродница, садится под матку и говорит:—У вас есть девка, а у нас жених.—Расхваливает жениха и его родню, их житье-бытье, говорит: „У нас ведь он не курит и вино не пьет“. (А теперь считают, который не курит, тот дурак). Если есть охота отдавать, то говорят, что нужно жениху с невестой повидаться. Тут иногда невесту спрашивают о согласии, а иногда и нет. Сваха от невесты уж не выходит. К жениху посылают кого-нибудь сказать, что согласны отдать. Им приносят с посыльным пирог «копша» и водки четверть. Тут пропивают невесту. Когда угостятся, то перед уходом домой невеста дарит свекрови платок, свекру штаны, у кого есть золовка, то пояс, ленту, снохе и бабушке платки. Когда „копша“ принесут, то зажигают свечку, молятся, тогда начнут пить водку. Когда невеста одарит всех, то сваха уходит. Дня три ничего нет, только невеста начнет с девками-товарками шить, что нужно. В день сватовства, когда пьют водку, то спрашивают, когда к невесте приехать с курниками. Курники делают у жениха. Если день скоромный, то делают курники скоромные пресные и очень масляные. Заколют курицу, зажарят и целиком положат в пирог, потом положат в кашу, положат 7 яиц или 5 яиц (четное число яиц не положат, а то будет несчастлива невеста), покроют, сделают крендельки, звездочки и кладут на курники. Курники делают в 1 арш., $\frac{3}{4}$ арш. в ширину. Пекут обыкновенно 3 курника, 2 и 1. Делают невесте пирог пресный, масляный. Положат мяса, 3 яйца (не 4) и покроют. У жениха сродники запрягут лошадей и на 3 подводах поедут к невесте отец жениха,

мать, брат и замужняя сестра, поедут человек 5 с курниками. Мать жениха возьмет невесте подарок: шаль или на сарафан. Как приедут, войдут, поздороваются, принесут курники и пирог, позовут крестного невесты, ближайших родственников и говорят о кладке. Спрашивают, сколько родня невесты просит кладки (руб. 25—40), говорят также и про одежду. Если жених дает шубу, сапоги, то кладки просят меньше. Если согласны на кладку, то отец и мать жениха будут просить подарки, говорят, что у них есть родня, ее нужно подарить получше. Женихова родня возьмет пару лошадей, и один человек от жениха, один от невесты поедут приглашать родню; к невестинной родне придет невестин сродник, а к жениховой родне—родственник жениха. Они приглашают курники есть и водку пить. Всех зовут к невесте. Невестин отец покупает свечку, ее зажгут, помолятся и сядут пить и есть, сначала режут курники, резать заставляют счастливого человека, а счастливым считается тот, кто богатый, или у кого много сыновей, едят курники и водку пьют. Мать невесты в это время готовит стряпню. Стряпню эту подают на стол. Невеста в это время не дома, а где-нибудь в шабрах, с ней девки и молодые женщины сродницы. Жениховы отец и мать просят показать им невесту. Ее снаряжают в шабрах, кладут ей на голову ленту (сшитая из красивых тряпок, лента спускается на глаза—невесте всех видно, а ее самоё не видно. Иногда эта лента делается с павлиньими перьями). Девки и молодые бабы с невестой идут домой. Родителям жениха и их сродникам принесут по стакану водки. Они не пьют водки, а держат стакан с водкой на руках. Невеста, девки и молодые бабы становятся на колени, кланяются, просят выпить стакан: „Пейте, мы не встанем так“. Выпьют. Невесте подарят шаль, на сарафан и на кофту. Девки и молодые женщины просят лошадь—покататься. С ними едет и невеста. Жениховы родные поют, пьют и едят. Как приедет невеста, то мать ее станет готовить подарки. Свекровке рубашку-станушку, свекру рубашку, сестре жениха фартук, брату рубашку, снохе рубашку, крестному рубашку, или штаны, крестне рукава или кофту. За эти подарки родня жениха кладет деньги, потом все прощаются и едут домой. Мать жениха подарки держит в руках. Пока едут домой, она их роздаст, напр., крестному отдаст подарок и поет: „Благодарю тебя, что нянчил, ухаживал, за это тебе подарки“. Как приедут, у жениха соберутся сродники глядеть подарки. Мать жениха, когда роздаст подарки, то благодарит всех и поет. Если есть бабушка, т. е. старушка, мать жениха благодарит и ее за то, что она нянчила. Сродники уходят по домам.

Неделю или две, а то и месяц ничего нет. Девки работают у невесты, шьют жениху и его сродникам подарки. Потом женихова мать стряпает, зовет всех своих сродников (невестина родня не пойдет) *на радость*, купят водки, сварят пива, едят и пьют. После угощенья расходятся. Жених или его сродник пойдет к невесте узнать, когда взять невесту и когда придут *чиньбутома*, когда зеркало нести. Девки и бабы наряжаются в лучшие свои одежды, соберутся у невесты, возьмут жениху рубашку, штаны, перчатки, чулки, шарф, носовые платки положат в карман, серебряные деньги также обязательно в карман положат, мыло духовое, 3—4—5 утиральников, подрушники (2 к иконам, 1 к зеркалу), если есть бабушка, то и ей делается подрушник, жениховой матери сделают сборник, карман (зено), отцу жениха сделают из разных доскутов кисет (питэрь). Потом берут зеркало и выходят. Если жених с невестой односельцы, то девки, как выйдут, около двора становятся рядом и поют песни. Раньше попарно не ходили, а ходили 13—15—17. У жениха отпирают ворота. Девки, как дойдут до дома жениха, то зеркало закрывают платком и становятся на крыльцо. Родные жениха вынесут на крыльцо водку или бражку, наливают стаканы и подносят бабам и девкам. Они не станут так пить, а будут просить жениха посмотреть: „Если жениха не покажете, то зеркало и все не отдадим“. Жених выходит, кланяется, становится на колени, тогда они выпивают водку и входят к жениху в дом. Там уж им приготовлено на 2-х на 3-х столах угощение. Девки сначала отдадут подарки, зеркало, женихову рубашку, карманы, сборник. Утиральники и подрушники так не отдают, а отдают за выкуп. Потом сядут за стол, их угощают хорошо — закуской и водкой. Родня невесты сидит, угощается, а родня жениха стоит под ряд. Перед уходом девки просят два венка, один оставляют целым, а другой развяжут, тут девкам дают и мыла. Девки уходят. После их ухода у жениха остаются его родные: девки и бабы. Когда невестину родню проводят, то приходят старые бабы готовить стряпню и угощать женихову родню. Тут пьют, едят, поют песни, после готовят 3 или 5 лошадей, девки и молодые бабы поедут кататься, а старые бабы начнут печь блины. Как приедут девки с катанья, то их сейчас же угощают блинами, потом начнут делать курники. Делают большой курник шириной в 2 или 2½ арш., высотой ½ арш. Его делают из пресного теста: сначала постелю кашу, положат 3 или 5 кур целиком; потом опять теста, опять каши и мяса. Пекут этот курник долго, один бок испечется, другой подставят, т. к. в печку он нейдет, не пролезет. Сродники в это время несут масла, кур. Кроме этого большого курника пекут еще 4 курника помень-

ше с мисом и с кашей. Невесте делают из теста птицу. Как голубя, испекут, повяжут голубю на шею красные нитки и завернут в новый холст. Отец, мать и брат жениха поедут к невесте с маленькими курниками, с водкой и подарками. Невесте на кофту или на фартук дарят. Там соберут отделенных братьев и крестных. Отец жениха и мать приезжают за советом, сколько народу на свадьбе будет и сколько нужно водки. Как им уезжать, невеста дарит свекру портянки, а свекровке на кофту, кому кольцо, кому пояс. Родные жениха уезжают домой. Как уедут гости, то у невесты топят баню, и невеста с девками и бабами идет в баню париться. На другой день утром у жениха все готовят. Топят печку, стряпают и убирают. Запрягут пару лошадей, сядут два мужика и едут наряжать родственников на свадьбу, просят человека и лошадей. Все соберутся и запрягут 3—5—7 лошадей. У жениха собирают столы и кормят родственников: старых сажают за передние столы, а молодых за другие. Как кончат обедать, то родители жениха им кланяются. Которые едут за невестой, те как угостятся, то встают; которые же остаются, те сидят. На стол растиляют белую скатерть, кладут на стол для невесты простой пирог, четверть водки и солоницу с солью. Старый счастливый человек зажигает свечку, старики молятся, и им наливают из четверти водки. Которые едут за невестой, те кланяются старикам; старики водки не пьют, а держат стаканы в руках. Им кланяются в ноги и говорят: „Пейте, благословите нас невесту брать“. Те пьют; курники, водку и бражку берут с собой, а мать жениха берет подарки: отцу невесты рубашку, матери шаль, а невесте на платок или тоже шаль. Когда доедут до невестина двора, то их во двор не пускают, запирают ворота и просят денег: „Если денег дадите, то пустим“. Отец жениха дает денег, и их пускают во двор. Невеста сидит вместе с девками на кровати, закрытая занавеской. Курники, водку принесут на стол. Невесту в это время берут к родственнику. Когда принесут большой курник, то родители невесты сидят на лавке, а родители жениха зайдут рядом и встанут. Мужики большой курник держат сзади их на досках. Женихова мать говорит: „Спасибо, растили дите, научили, нянчили, за это вам курник и подарки“. Дарит им подарки и родителям невесты кланяются в ноги, кланяются также и те, которые с ними ехали. Невестиным родителям от жениха здесь принесут водки, кланяются и благословляют. Родню жениха сажают за стол. Один от жениха, другой от невесты, два мужика поедут по родне и скажут: „Приходите водку пить“. Все собираются. Каждый несет невесте лепешку, курник и кладут их в сундук. Большой курник теперь не едят, а едят малень-

кие, пьют водку; после мать невесты угощает гостей своей страпней.

Как кончат угощаться, то мать невесты родне жениха дарит подарки, за что те дают деньги, которые идут невесте. Как кончат угощение, то все уберут, на стол поставят чистую скатерть, положат пирог, водки и три свечки и начинают благословлять.

Когда угощаются, то женихова мать с родственником парнем идет к невесте в шабры и принесет ей подарок, а девки не пускают ее и просят денег. Она даст им денег, а невесте дарит подарок, потом ей подает водки. Невеста сама не пьет а отдает подруге. В стакан с водкой свекровь кладет денег. Подруга выпивает водку, а деньги отдает невесте. Свекровь уходит, а парень остается. Ему дают холста 4—5 аршин и наряжают его, за это с него просят денег. За их труды (за шитье) он дает денег, потом вместе с девками идут к невесте, его называют *уридись*. Наряжают этого парня (*уридивь*) в избе у невесты.

Брат невесты и два мужика пойдут к шабру за невестой и принесут ее на руках домой. Начинается благословение. К иконам ставят свечки и зажигают их. Отец берет икону, мать зажженную свечку. Невеста стоит между своими родителями и родителями жениха. Она подходит к своему отцу и говорит: „Благослови к чужому отцу с матерью“. Поцелует отца, икону, поклонится в ноги, потом возьмет икону, с ней подойдет к женихову отцу и скажет: „Если возьмешь любо, то возьми на правую руку икону, если берешь не охотой, то возьми на левую“, отдает икону и кланяется в ноги. Потом подойдет к матери, возьмет свечки и скажет: „Благослови к чужим жить, счастливой быть“, берет свечки и кланяется в ноги, подходит к свекровке и скажет также, как и свекру, отдает свечи и кланяется в ноги. потом опять подойдет к своему отцу и жалуется, зачем он отдает: „Как буду там жить? Как они живут? Я не умею так жить“, целует ему глаза, руки за то, что поили и кормили, последний раз кланяется в ноги. Потом также подойдет к матери, также поцелует и поклонится в ноги. Потом также подойдет к брату, крестному, воротится к иконам и скажет матери и отцу: „Когда я выйду из дома, вы не выходите наружу и не глядите в окно. Если вы выйдете наружу, то я буду несчастной, если посмотрите в окно, то буду собирать куски“. Невеста выходит из избы, около нее девки, она сидит вместе с свахой и женой брата на пару своих лошадей, сядут только трое, девки тоже с ней стоят. Пары остановятся. Уридивь держит шапку и проходит три раза кругом лошадей, как дойдет до ворот, то сделает

крест, чтобы никто не испортил невесты. Родители жениха идут впереди поезда пешком, отец с иконой, мать со свечкой. Если односельцы, то родители жениха идут пешком до церкви. Не дойдя до церкви, лошадей остановят. Урядивъ три раза проходит вокруг лошадей, где стоят родители жениха, там он делает крест. После этого мать и отец сядут на пару и едут домой. Невеста благодарит всех товарок за то, что шли. Любимая ее подруга остается, невеста ей скажет: „Дружно жили, после меня носи эту ленту“. Эта лента — девичья жизнь. Невеста скидает с себя эту ленту, подает товарке и велит беречь ее. Невесту сваха покрывает платком и, пока нет жениха, приведут в сторожку. Жениха снаряжают сродники, когда он вымоется, девки и молодые женщины надевают на него рубашку и красные холщевые штаны, которые шила невеста. Потом на паре жених едет в церковь. Обвенчают. Невесте до венца косу немного плетут. Как приедут домой, то жених, невеста и сваха выйдут. Их встречает отец с хлебом, мать с солонницей, с ними выйдет старая страшная старуха в старом малахае, возьмет на заново хмеля. Молодые подойдут к отцу, поцелуют его, пирог, поклонятся в ноги, также и матери. Как им идти домой, старуха через голову невесты бросает хмель, чтобы молодая хорошо работала, была бы легкая на работу. Зайдут домой, мужик принесет брату и снохе по стакану водки. Отец жениха положит им в стакан денег. Родные жениха кланяются родне невесты, чтобы они выпили водку и дали бы им молодую. Посадят брата и сваху за стол, молодую же вместе с молодым возьмут в конюшню. Минут 10 их оставляют там одних, потом подойдет к дверям мальчик и скричит, чтобы отпирали. Эти отпирут и подарят ему кольца. Туда придут молодые мужики и женщины, принесут водку и пьют. Бабы плетут молодой волосы на две косы и наденут сборник и шаль. Ведут их домой. Как придут домой, то всей родне по стакану водки. Молодые стоят против родителей молодого (родители молодой и родные, кроме свах сюда не приходят). Молодые им кланяются в ноги, а бабы тоже. „Благослови, учи, как жить с вами“. Родители молодого говорят, что нужно работать и жить в совете. Молодому все дарят деньги, молодую уводят в чулан. Здесь гуляют, едят и пьют. Этим кончается день.

На другой дань родня молодого тоже гуляет. У матери невесты едят большой курник, там гулянье особое, родня молодой к молодому гулять уже не приходит. Большой курник едят бабы и старухи. Положат его на стол, зажгут свечку и долго молятся, потом его едят, пьют водку и расходятся по домам.

Свахе и двум мужикам после гулянья привозят из дома курника, меда и всего. Сваха в доме у молодого всех угощает привезенным добром. Родня молодой тогда за столом не сядет, а подбивает. Когда кончат, то сваху и двух мужиков от молодой провожают домой. На третий день затопят баню, скажут родне, чтобы приходили парить невесту, т. е. молодую. В самой бане молодая делит ребятишек, баб, свекровь подарками (кофты, ленты, кольца, рукава). После бани старухи вынимают из сундука лепешки, несут их на стол, молятся (сюкур ознома), едят. Потом возьмут водки, молодой велят брать ведра и коромысло и заставляют ее идти за водой. За ней пойдут все. Старая старуха возьмет копейку, нож, начнет бормотать, чтобы ее никто не испортил, и копейку трогает ножом. Потом старухе и молодым бабам поднесут водки. Молодая бросит кольцо, а то нельзя воду нести. Бабы черпают воды и отдают ведра молодой. Придут домой и разойдутся.

Запись в 1920 году в Н.-Лебежайке Хвал.
уезд. Тюриной А. И.

36. Свадьба.

Родители жениха и невесты затевают свадьбу без ведома их. Ни жених невесту, ни невеста жениха почти не знают. Какой-бы не был жених (слепой, кривой, убогий), невеста не может от него отказаться. После венца из церкви, молодых привезут к жениху на двор. Невеста становится в телеге и начинает вопить. Позади телеги стоит мужчина „уридивь“ (дружка), у которого в правой руке „тор“ (танка). К воющей невесте подходят двое мужчин и берут ее на руки, а она обнимает их своими руками за шею. Таким манером ее вносят на крыльцо избы, где ее встречает пожилая женщина, одетая в вывороченный полушубок с вывороченной же шапкой на голове, называемой „офта“ (медведь). Она кидает на молодую горсть хмеля и говорит: „как легок хмель, так пусть будет легка твоя нога“. Затем молодую вносят в избу и ставят около печки. Там ей дают немного закусить. У молодой голова закрыта платком. Через час молодую ведут в амбар, где приготовлена уже постель, и где ее ожидает молодой. Подойдя к двери амбара, провожающие молодую говорят: „вяргис, кундак ревя!“ (волк, волк, лови овцу). Тогда молодой открывает дверь и берет молодую за руки и тащит в амбар. Если молодой тщедушный, а молодая сильная, то ему помогают „уридивь“ (дружка) и сваха. Потом молодых запирают в амбаре, а родственники их гуляют, т. е. пиршествуют.

ствуют и веселятся. На другой день молодых поднимают и приводят в избы. Молодая все еще покрыта платком. Тут зовут мальчика, который снимает с головы молодой платок и говорит (если она взята, например, из деревни Арапиной в село Наскафтым) „Арапинась чополгаць, Наскафтымьсь валдылгаць“ (в Арапине потемнело, а в Наскафтыме разсветло). Потом он три раза обернет платок вокруг головы, после чего платок повяжут молодой концами назад. Молодая тогда со всеми раскладывается и подносит всем браги. Через два или три часа ей дают другое имя, смотря по тому за кого она вышла замуж: за старшего, среднего или младшего сына этой семьи. „Аша-ава“ (белая баба) в первом случае, „пара-ава“ (хорошая баба), во втором; „вежа-авай“ (меньшая баба) в третьем. Давая это новое имя, берут коровой хлеба, прикладывают молодой ко лбу и стучают обухом топора по хлебу, при чем говорят „пара ава, вежа ава, эр'ак лямьс аша ава“ (хорошая баба, меньшая баба, будешь носить имя белая баба). После этого гости собираются уходить, на улицу выносят стол с брагой и вином, и молодая выходит провожать гостей, исключительно родню со стороны молодого. Тут сваха поет: „вай-дяк, вай-дяк, вай-дяк! И дявя вай-дяк, вай-дяк-дяк! Пасиба кшизынк салызынк! Пасиба пара валузунк и пасиба ломанькс тя имзунк! Мязе сэвиник семиник Верепазысь пешт'асэ!“ (Вай-дяк, вай-дяк, вай-дяк-дяк! идява вай-дяк, вай-дяк-дяк! Спасибо за хлеб, за соль! Спасибо за хорошие слова и спасибо за почет! Что съели и выпили—Господь вам дополнить!).

Сообщил Н. Снядьков в 1902 году.
Архив С. А. Шерлова.

37. Свадьба.

Перед тем, как ехать к венцу, отец и мать жениха в сопровождении дружек, которых бывает от 5 до 13, а иногда и более едут за невестой. Под'ехав к дому невесты, начинают стучать в ворота и просят, чтобы их пустили. Привратник или привратница (мальчик или девочка) не впускают, тогда стараются его подкупить, предлагают денег, он не соглашается, сумму подкупа увеличивают, и привратник сдается, ворота отворяются и свадебный поезд въезжает во двор. Отец и мать невесты с хлебом и солью встречают их на крыльце, целуются, перекладывают соль из одной солонки в другую и идут в дом, здесь начинают угощаться, а невеста вопит (причитает и плачет); тогда дружки берут ее на руки и уносят к шабру (соседу), с которым уговорились об этом

заранее, там дружки угощаются, а невеста продолжает вопить. Между тем в доме невесты, угостившиеся отец и мать жениха спрашивают невесту, чтоб вести ее к венцу. Невесты нет, ее начинают разыскивать среди соседей, находят, и дружки на руках несут ее в дом отца. Здесь ее благословляют (при чем она опять вопит), дружки выносят ее на руках и сажают в сани или в телегу, едут в церковь, вносят невесту в церковную сторожку, где она дожидается жениха. Когда жених придет, ее вносят на руках в церковь.

После венца на руках выносят в телегу, на руках вносят и в дом мужа.

В доме мужа женщины, родственницы мужа и соседки начинают молодую ругать и стыдить, что она пришла в дом чужого ей человека. Минут через 5 после того, как приехали, молодую ведут в конюшню или выход (род кладовой — устраиваемой на дворе или на улице около дома) к мужу, который ее уже ожидает там. Женщины, приведшие ее, говорят мужу: „Волк, волк, вот тебе овца, бери ее!“, после этого вталкивают ее в конюшню. Конюшня для молодых отводится не только летом, но и зимой и первый год молодые входят в дом только обедать. Все свободное время проводят в конюшне.

Записано А. Ф. Голубевой от морд. дер. Найман Анастасии Возвиной в 1929 году.

38. Свадьба.

Сначала придут сваты — мать и отец жениха. Родные согласятся, невесту спрашивают. Невеста говорит: „я не знаю, дайте мне жениха“. Привезут потом жениха. (В старину этого не бывало, невеста жениха не видала). Жених приходит. Призовут где-нибудь во двор невесту, и там потихонечку она разговаривает с женихом. Родители не знают об этом. Согласятся, просватают девушку, жених уезжает, а родители жениха остаются. Жениховы родители покупают водки и стряпают один курник, большой. Сделан он из сдобного теста. потом идет крупа, потом мясо, а в серединке курица, кругом нелупленные варенные яйца и потом уже покрывают тестом. Богу помолются, выпьют водки, поедят и поедут домой. Через неделю или 4, 5 дней опять придут без жениха и привезут курников много 4, 5, 6 и придут на паре. Тут уже они поют песню. Когда сядут за стол, стрежут у курников верхушки, возьмут; соберутся подружки невесты (оденутся почище), подойдут к столу, потом поклонятся старикам. Женихова мать должна подарить невесте

что-нибудь на платье или на кофточку. Потом все эти барышни (подружки невесты) поедут на лошадях кататься. Катаются до тех пор, пока остальные гости вылезут из за стола. Когда гости сидят за столом, невестина мать и отец дарят жениховой матери и отцу, деверям, невесткам, а женихова родня дарит невесте и ее родным на платье, на кофточку, мужчинам на рубашку, портянки-онучи. А потом, когда одарят, поставят тарелку и все, кого дарят, дают деньги 5, 10, 15 и 20 коп.—это считаются большие деньги. Уезжают все по домам. Остаются только близкие помогать невесте. Через три, четыре дня приезжает опять свекровь и какая-нибудь женщина смотреть невесту: несут два, три курника, невесте курник вроде подарка, а на курнике платок. Сядут за стол, пьют, кушают, поют, едят курники, а девки на этих лошадях катаются. Опять через неделю назначают вечер. Жених придет с кавалерами и барышнями к невесте и привозит конфеты, закуски, водки (раньше пива) и здесь невеста соберет подруг и кавалеров родных только. Сядут все за стол, по парочке, жених и невеста рядом и наливают водки и подносят жениху и невесте. Соберутся родные женщины, *стоя* вокруг невесты и кричат: „горько“, „нужно поделастить“. Тогда жених невесту целует. Вообще все кавалеры целуют барышень; играет музыка, гармонь (двухрядная). Танцуют, поют и раз'езжаются.

Потом через некоторое время соберутся от невесты все барышни и понесут зеркало, утки подружки (из лоскутьев), вешают внизу зеркала жениху. Сядут за стол, там их угощают и потом раз'едутся. На другой день едут невесту брать все кавалеры на 7, на 5 подводках (нечетное число непременно, так принято), приносят много курников и усаживаются за стол все эти гости. Барышни опять подойдут к столу и просят разрешения покататься. Гости поют песни, но не танцуют, и вылезают из-за столов. Невесту сряжают, она бывает где-нибудь у шабров. Невеста дарит что-нибудь—или колечко, или ленту, или деньги своим подружкам. Провожатки невесты возьмут ее от шабров и проводят в ее дом. Она заходит в чулан. В самом доме уже все уберут, оставляют на столе пирог и соль. Слева у стола стоят свекор и свекровь, справа мать и отец, а гости позади. Невеста выходит из чулана, накрытая платком, становится она между своими родными и жениховыми. Невеста одета в белое или поднебесное, или розовое, лишь бы не темное платье. Невеста плачет, просит благословения. У отца в руках икона, у матери свечка. Отец благословляет дочь, целует ее и дает ей икону. Невеста кланяется ему в ноги и передает икону своей свекрови. Прежде чем подойти к отцу с матерью,

невеста обращается к свекрови и говорит: „Ну свекровь, смотри на меня, если меня любя возьмешь, то возьми икону на правую руку, положи ее на правый бок, а если не мина я вам, то возьми икону на левую руку и положи ее на левый бок. „Своим родным невеста говорит: „В глазах потеряла солнца свет, а под ногами затряслась земля“. Потом обращается к матери, возьмет у ней свечу, опять подойдет к свекрови, подает той свечу. Потом опять повернется к отцу и говорит: „Благослови меня отец, я не прошу у тебя золота, ни серебра, а прошу только благословенья: не береза“, говорит, „перед тобой, тятя, стоит и не листья березы падают, а твоя дочка перед тобой стоит и горькие слезы проливает“. Потом поцелует отца, поклонится в ноги и отходит. Потом подходит к матери и те же слова говорит, целует и отходит. Провожатые, два мужика, возьмут ее и поведут: она три раза поклонится в ноги и пойдет, а во время выхода говорит: „Как дым; подымусь я от своего дома и, как горох, покачусь с родного двора“. Потом запрягут пару и все, стоя, поедут. Невеста вопит и три раза кольцом махнет и колечко медное бросает на то место, где раньше играла.

Подружки поют; доедут так, стоя, до церкви. Все барышни слезают, одна только невеста остается и одна подружка с ней. Подружки прощаются с невестой и целуются с ней. Только близкая барышня или сестра остается. Невеста говорит этой барышне: „Ты Расскажи про меня отцу с матерью“. Потом прощается с ней и если есть лента, то отдает ей, если платок, то махает ей платком, потом прощается, пересаживается к родным жениха и уезжает.

Доезжают к сторожке около церкви, едут за женихом. Их повенчают и приезжают домой. Одна женицина и два мужчины (это родные или братья) тут садятся, пьют брагу, едят блины, пирожки, пьют вино и все раз'езжаются. Поют все, что попало.

Таким образом, говорила рассказчица, совершается свадьба теперь.

Записано в 1920 году в Ч.-Кулатке В. М.
Крупнов

39. Невестань лайшимат.

Ауф покштятня, ауф покштятня,
Сай-джись лисимя поланзи,
Сада, пеняцязь покштятня,
Ваннумазь покштятня,
Кода чарафтан, кода вялафтан

Аюф ¹⁾ тятятнай, тятятнай,
Баславамак тятякай,
Лама тятькас, лама авкас,
Аюф маштан тятьканям,
Ломань мелень ванума,
Ломань горэнь гирдимя,
Аюф вят'ан, тятяй, аюф вят'ан,
Ушка паласа баславканьть.
Баславамака тятянй,
Аф кафта чине эр'ама,
Аф кафта вяня удума,
Баславамака тятянй,
Кувака пимьгинь эр'ама,
Кувака пимьгинь бячтимя.

39. Причитания невесты.

—Деды-прадеды, —деды-прадеды,
Пришел день выходить замуж,
Придите с жалобой, деды-прадеды,
Посмотрите на меня, деды-прадеды,
Как буду кружиться, как повернусь,
—Отцы вы, тятенька,
Благослови меня тятенька,
Ко многим отцам, ко многим матерям.
Не умею, тятенька,
На людской произвол смотреть, (подчиняться людск.
произв.),
Людской характер держать (под чужим влиян. жить),
Не прошу, тятенька, не прошу,
Погоди ка поцелую благословенье.
Благослови ка, тятенька,
Не два дня жить (замужем),
Не две ночи спать,
Долгую жизнь жить,
Долгую жизнь проводить.

Записано в 1921 году в октябре в с. Мач-
асах, Петров. уез. от Вас. Чапрева 55 л.

40. Свахань мора невестаньть орта дангса и вудыгса.

—Панджидаа, панджида,
Васыла таркаста ардынникь.
Нолдамизь-ка, нолдамизь,

¹⁾ Непереведено.

Кедець билыгинь эжд'ама,
Каринь бракстань кост'ама,
Кяниря пакарьга кедемь балицьть,
Пуспангава пилыгимь балицьть,
Вача цякинь андума,
Лист'а-лат'а карчизым,
Боіарава-свахинимь,
Визд'ан киіакс ланга молемамь,
Кивиса валызь киіаксыт,
Визд'ан эземь бр'аздыт озама,
Сииаса валуфт эземетт,
Нака кундыкь боіарава-свахинимь,
Теньцетт кеца баславканьть,
Кода чумбраста баславимизь,
Ист'а чумбраста сынникь,
Ил'а варьть, дугакай, ил'а варьть,
Ауль юмама сайд'адызь,
Ауль арама сайд'адызь.

40. Песня свахи у ворот и в доме невесты.

—Открывайте-ка, открывайте,
Из дальнего места приехали,
Впустите-ка, впустите,
Руки ноги согреть,
Лапти, портянки выеушить.
По локти руки иззябли,
По колена ноги иззябли,
Голодных накормить,
Выходи-ка навстречу.
Барыня-сваха.
Стесняюсь идти я по полу,
Оловом залит пол твой,
Стесняюсь сесть я на лавку,
Серебром залиты твои лавки,
На-ка возьми, барыня-сваха,
В свои руки благословение,
Как в здоровьи благословили нас,
Так в здоровьи прибыли мы.
Не плачь, сестрица, не плачь,
Не для потери тебя берем мы,
Не для (того, чтобы) извести тебя берем мы.

41. Свахань мора сыргамста одерьва мяльга.

Пошт'ангыт Паз, вере Паз,
Корьменець,
...¹⁾ мазый вайгильнымь
Лялянь дж'ачсь пазыза
Нодзась пара славиня.....
Пялить вилива с'адува,
Родн'ава-шаброва.....
Нолдась пара слава,
Мастыр ёжова нолдэзя,
Мяниль ежова гайкстизя,
Пара славась вить бокас,
Берянь злавась кярчь бокас.

41. Песня евахи при сборах за невестой.

Великий Бог, всевышний Бог,
Кормилец,
... Красивый голосочек,
У старшего брата Бог родился,
Пустил хорошую славу.....
Боятся по селу-деревне,
По родным и шабрам....
Пустил хорошую славу,
Вблизи к земле пустил ее,
Вблизи к небу загремела.
Хорошая слава в правый бок,
Дурная слава в левый бок....

Записано в 1922 г. в октябре в с. Мачка-
сах Петров. уезда от Вас. Чаирова 55 л.

42. Лайшимат мирдинь гис.

Ох поланяй, поланяй,
Кафты бабат куде кадат,
Ки ланге надеязь.
Почт'ажаф афуля,
Мазый каринь годай афуля,
Ох поланяй, поланяй
Пяньгинь гярий афуля.
Ох . . . Ох . . . Ох . . .
Мяеть карматано тьяйнимя,
Томбалл молемя афкимарто,

¹⁾ Слово неразборчиво.

Афкимарто думамо,
Аркимарто кортамо.
Ох . . . Ох . . . Ох . . .
Н'ардо лоткай войнэнесь,
Н'ардо муеве пянесь,
Н'ардо¹⁾ . . . сяльмизо.
Трисподни войнась афтуе.
Сыргась пурнась войнась,
Кадсь сыре атятнень,
Кадсь сыре бабатнень.
Ох. Ох . . . Ох . . .

42. Причитание о муже.

Ох, муженек, муженек,
Двух женщин в доме оставляешь,
На кого надеясь.
Помольца муки не будет,
Плетельщика красивых лантей не будет.
Ох муженек, муженек,
Дроворуба не будет.
Ох . . . Ох . . . Ох . . .
Что будем делать,
На ту сторону идти не с кем,
Не с кем подумать,
Не с кем поговорить.
Ох . . . Ох . . . Ох . . .
Когда окончится война,
Когда будет найден ее конец,
Когда ее глаза.
В преисподнюю не уходит война.
Снарядилась, собралась война,
Оставила старых стариков,
Оставила старых старух
Ох . . . Ох . . . Ох . . .

Записано в июле 1920 г. в с. С.-Лебезянка,
Хвалынского уез. от Анастасии Афанасьевой 35

43. Перевод свадебной мордовской песни.

Зеленый сад, красивый сад, ходит красна девушка и плачет. Оди́н парень уви́дал ее, что она плачет, спросил ее парень: „Зачем ты плачешь и унываешь?“ Она отвечала: „Как мне не плакать: у меня большое горе. Меня сударка оставил без внима́нья“. — Не плачь, красна девушка, не плачь, кра-

¹⁾ Слово не разобрано.

савица, я близко к тебе подойду. Не плачь, красна девушка, серебряное кольцо я тебе отдам". Подошел парень и поцеловал и отдал серебряное колечко. Моя красавица стала смеяться. Приходят отец с матерью и закричали: „Выдь, моя доченька, выдь моя красавица“— „Не выйду. Оставьте меня красную девушку, с любовью жить. Благословите, отцы, матери, с любовью жить“. Они сказали: „Завернем домой и подумаем“.

Записано в с. Новой Лебежайке, 18 VII—20
А. И. Тюриной.

Похоронный обряд.

44. Обряд с лаптями.

„Лапти мордвину и сам Бог дал, велел всю жизнь носить. В старое время мне дедушка говорил, лапти вешались на конек избы вместе с рождением человека. Он жив до тех пор, пока перевязка лыковая не сгниет и не оборвется, тогда и старика умирать заставляют; а если он раньше умрет, то это не своя смерть—его или колдун, или шайтан увел и этого человека боялись до тех пор, пока лапти с конька не упадут. У нас был „Карь-паз“—лапотный бог“.

Записано в 1920 г. в с. Чув.-Кулатке от
М. Белкина 97 л.

45. Похороны.

Умирающего кладут на лавку к переднему углу головой, ногами к двери, у его изголовья на окне ставят кружку воды и кладут одну копейку денег. Затем после смерти провожают рыть могилу могильщиков; при чем перед уходом могильщики едят, берут лопаты, мерку (онкс) для измерения и хлеб и отправляются. Когда тело покойника-цы приносят к могиле и опускают в могилу, высекают огонь железной лопатой о медную монету или камень и этим как-бы дают свет умершему. Затем на крышке гроба меркой делают четырехугольник, обозначающий окно (вальма), чтобы пропустить свет в гроб. Во время шествия с покойником в церковь, первому попавшемуся навстречу дарят кусок холста и лепешку. Стружки от гроба относят в определенное место за селом „похтянь бабань чуки прыв“, большей частью около кладбищ. Там едят и пьют брагу от 3 до 7 старух, после чего пляшут приговаривая: „ней шканок времанак, ней тайтирень пиванок“. ¹⁾

Сведен. собраны от Гаврилы Петрова 73 л.
в с. Савкино, Петр. уезда.

1) Теперь пришло наше время, теперь наше девичье пиво.

46. Когда умирает у мордвы кто-либо из мужчин пожилых лет, то его убирают (вымывают и одевают во все чистое) и кладут в передний угол избы. Затем приглашают старуху, знающую старинные мордовские молитвы, и та, взяв старую медную монету и ножик, скоблит эту монету и говорит: „На вот сяльмить килязя сяват. Понда пиже, понда си́а и кабаке и табаке! Иляк моря прять, iarцак и симть!“ (На вот, чтобы глаза твои не завидовали.—пуд меди и пуд серебра на кабак и на табак! Не мори себя ешь, и пей!) И в настоящее время в селе Наскафтыме мордва ходит на кладбище и скоблит над могилою родных медные монеты, приговаривая: „Понда пиже, понда си́а и кабаке и табаке!“ Если покойник был мастер плести ланти, то ему в гроб кладут кочедык и лыки, чтобы он и на том свете плел ланти. Если прежде его умирали младенцы, то его просят, чтобы он и им плел ланти.

Архив С. А. Щеглова.

47. Гора плача.

Верстах в двух-трех от с. Лебежайки есть гора, которая по мордовски называется „Урьке-пра“—*гора плача*. Существует такое предание о горе. Давно, когда Лебежайка еще только начала заселяться, на эту гору мордва носила своих покойников, умерших зимой, и привешивала их на березы.

Весной уже покойник хоронился в могилу. А на горе в продолжении 3-х дней родные покойника плакали. От этого гора получила свое название.

Записано в 1920 году в с. Ст.-Лебежайке от стариков.

48. Поминки до 6 недель.

Одежда умершего (мужчины или женщины—все равно) хранится в переднем углу до 6 недель; здесь же в переднем углу стоит сшитая из мохров кукла, изображающая покойника. Когда проходит шесть недель, одежду и куклу берут с собою в баню родные, обмывают ее, чтобы душа „чистой в рай вошла“. До шести недель душа находится дома. После бани на следующий день устраиваются поминки. Приглашаются старики и старухи; с ними приходят и дети. Совершают обряд моления и принимают есть приготовленную еду. Одежду покойника кому-нибудь отдают. После еды выносят четверо подушку, держа за четыре угла и подносят к сорной яме на дворе и отряхают ее окончательно, провожая его душу в загробный мир, которая до этого была здесь.

Сведен собраны от Гавр. Петр. 73 лет в с. Савкине П. у.

49. Поминки в поле

Если умерший мужчина, то летом во время жнитва, на долю умершего оставляют несжатой около одной сажени — полоску (на женщину просо, или коноплю или лен), так как покойник на том свете захочет есть и если не оставить для него хлеба, то он должен быть голодным. Дня через 3, две старушки с двумя тремя малолетками с брагой и стряпней идут на загон, чтобы сказать покойнику, что на него оставили хлеб. Придя на загон, называют по имени умершего: „Вана покштей. Вере Пазысь максель тондыть нара тарка, минь сыникь офтаме. иты минь тондыть кадыникь розь. вачыда ил'а аште, ил'а меляфтт чи ютазь сатана. нусыникь тондены, а ней карауликь“ затем садятся едят, пьют и уходят. После этого в назначенный день собирают родню и едут на загон жать, оставленный для покойника хлеб. Приезжают на 2—3 подводах. Берут стряпню — брагу мед и проч. Сжав хлеб, начинают поминать покойника, напиваются часто пьяными и трогаясь в обратный путь; подводы едут впереди, а публика идет сзади с песнями и пляской — это значит, что умерший не велел скучать, а велел жить весело с песнями и пляской.

Свидетелья собраны от Гавр. Петрова 73 л.
в с. Савинке 11 г.

50. Поменкат.

т-бабат, улист чанетинкт ¹⁾ арцид пана, сяльмис ил'ада вант, удада ил'ада аштя; Келенк улист кувакат: сяльмида сяльмис ил'ада вант. Калма ушилдый Якув, омбоня Олёна, колмоця Олда... Иа, покшт'ат бабат, вяся акочкавадада лямь, да лямьс, улить лямьтимить, улить пилифтимить, яминь-белень гундафтимить — удада ил'ада аштя саида аштит, иаршада мартынок.

50. Поминки.

Родители — старухи, пусть будет . . . становитесь в пары, в глаза не глядите, назади не стойте, пусть ваши руки будут долгими, в глаза друг другу не глядите. Первый начавший могилу Яков, вторая Олёна, третья Евдокия... Ну, родители, старухи, всех не переберешь. Есть без имен, есть без ушей (глухие) есть без племен — назади не стойте, берите ложки, ешьте с нами.

Записано в 1921 году в сентябре в с. Спасских Петр. уезда, у Надежды Саторовой 48 л.

51. В с. Савкине существует обычай, что в день помин по умершем, устраиваемых по смерти покойника в 9, 20 или 40-й день—после обеда, остатки в виде крошек, скорлупы и т. п., стряхиваются со стола прямо на пол и затем не выметаются, а остаются там до следующего дня. Указанный обычай объясняется тем, что выметание пола в этом случае явилось бы прямым неуважением к покойному, т. е. вместе с сором выметается и сам покойник.

Записано в с. Савкине, со слов диакона Соколова 45 лет. 4/VIII 1921 г. Н. Козницын.

52. В с. Савкине существует обычай, который, повидимому, берет свое начало еще из глубокой языческой древности. В те дни, когда, по обычаю православной церкви, совершаются панихиды по покойникам прямо на кладбище, мордва, делает номинки на могилах, причем тесный круг родственников, поминающих покойника на его могиле, делает вид, что и тот принимает участие в обеде. Покойника угощают и беседуют с ним, отаивая из каждого блюда в могилу часть его содержимого (брагу и пр.), а на могилу кладут лепешки.

Записано в с. Савкине со слов диакона Соколова 45 лет. 5/VIII 1921 г. Н. Козницын.

53. Тарьдимавь лайшима.

Аушай, горьмушай,
Ад'а кота нядлянъ пештекъ вача цякинить.
Витикъ пучканъ ¹⁾ задийнить
Аушай горьмушай,
Нолдасынь мон сяльвядимъ.
Кота нядлянъ мода пульнить шл'асан.
Нолласа курга потста вальгийнимъ,
Мода марыть штафсан.

— Иста, лайша кота нядлянъ поменкаса тйятириза аванъ лярдима таркаса, куда икиля, орта столба вакса.

53. Причитание на зазыв (покойницы).

Матушка горемычная,
Иди утоли шестинедельный голод.
Успокой сердце
Матушка горемычная.

¹⁾ Значение непонятно.

Пущу я свои слезы—
Шестинедельную земельную пыль смою,
Пущу из своего рта голос.
Земляной бугор открою.

— Так вопит на шестинедельных поминках дочь, на месте (во время) зазыва матери, перед домом, около воротного столба.

Записано в сентябре 1921 года в с. Синевских
Петров. уез. от Надежды Сидоровой 48 л.

54. Лайшимат.

Аушкинимат аушай...
Корьменецькам тиринимь,
Лазувсь пильгя алдым мастырысь.
Конелкава ваіасть пильгинимь,
Сась пачкытьсь кулумась, аушай,
Валда вальмава больши аванат,
Сядий грудит больши амаря,
Пекставсь ней кургинит.
Вясь ютась аушай,
Вянись мар'авсь годышка.
А тон эзить нолда пильгинить, аушай...

54. В о п л и.

Матушка ты, моя матушка,
Кормилица, кормилица,
Треснула под ногами у меня земля,
По колена утонули мои ноги,
Пришла—дошла, матушка, смерть.
В светлое оконце больше не смотришь,
Сердце в груди больше не слышит,
Закрылся теперь рот твой,
Ночь прошла, матушка,
Ночка длилась (как буято) с год,
А ты не спустила ног своих матушка...

Записано в октябре 1921 г. в с. Синевских
Петр. уез. от Надежды Сидоровой, 48 л.

55. Лайшимат.

Зор'а ланга:

Іакинъ бакинъ кардазга аушай.
Лисинъ гудув аушай,
Чокшнень зор'а зореня,
Валцкинъ зор'а зореня,
Кырвасть зор'а валдыня...

Лифтима таркаса:

Сядий марий, аушай,
Чештя пула пация аушай,
Кан'а чаея тять аштиме, аушай,
Кявиря кенавнике кявир'ат,
Ласиба вялинь з'адынъ народнынъ,
Можит конанинь ефтать бер'ань вал,
аушай,
Вялинь з'адынъ эриц'ат, простенькъ аушай.

55. В о п л и.

На заре:

Ходила я по двору, матушка,
Вошла в дом, матушка,
Вечерняя заря, зоренька,
Утренняя заря, зоренька,
Жажги зоренька свет...

Тоске:

Слышащее сердце, матушка,
Мягкий платок, матушка,
С часок тебе быть здесь.
Круглым горошком укачешься,
Спасибо всему сельскому народу,
Может быть, кому сказала недоброе
слово,
Сельские жители, простите матушку.

Записано в октябре 1921 г. в селе Синень-
ких Петровск. уез., Саратов. губ. от Надежды
Сидоровой, 48 л.

Народное творчество.

Легенды.

1. Легенда об основании села Савкина, Петровского уезда, Саратовск. губ.

Об основании села Савкина существует следующее сказание. Лет двести тому назад жил воин Савка (Савелий), который откуда-то явился и привел с собой отряд воинов—мордвы-эрзи. Говорят, что Савка-воин занял пространство земли в таком количестве, какое он мог об'ехать на своем коне в два дня. По мнению предания, площадь земли, которой завладел Савка равнялась всей площади Петровского уезда.

Савка пришел в места нынешней Савинской волости и поселился верстах в четырех от теперешнего села Савкина в глухом лесу.

Там он построил себе дом и дворовые пристройки, вырыл колодец и т. п. Но потом Савка почему-то переменял место жительства и поселился на месте нынешнего села, которое и приняло впоследствии его имя, называясь двумя названиями „ст. Войково“ и общеизвестным „Савкино“. Как Савка так и его войска были язычники, только их потомки приняли христианство уже „около 6—7 колен тому назад“. Рассказывают, что следы от прежнего жилища Савки еще недавно были заметны каждому. Сохранились, напр., до самого последнего времени: место избы Савки в виде углубления в земле, потом колодец, толщина бревен в срубе которого удивляла всякого. Сохранялась также почти до последнего времени огромная старая сосна, росшая еще при жизни Савки около его дома. Теперь сосну недавно срубили, колодец завалился, да и молва о Савке живет только среди немногих стариков и старух, которые, между прочим, и сейчас подают

за литургией в церкви поминания „за упокой“ с именем „Савки-воина“.

Память о Савке-воине когда-то чтилась с особенным вниманием, и его прямые потомки гордились его именем. И до сего времени указывают около пяти дворов потомков Савки воина, которые теперь выселились из села Савкина куда то к Петровску недалеко от д. Ножкина.

Записано со слов Дмитрия Дмитриевича Максимкина 30 л. 5/VIII—1921 г. Н. Козиным.

2. В с. Савкине старухи рассказывают известную легенду про золотого гуся, которая в их передаче состоит в следующем.

Какой-нибудь богатый скряга, имеющий большие деньги, рассердится несправедливо на своих ближайших родственников и лишает их возможности воспользоваться наследством, зарыв деньги (золото) где нибудь в потаенном месте. Скряга умирает, но деньги его не остаются лежать в скрытом месте. В один прекрасный момент ночью они выходят из своей могилы, превратившись в гуся, и этот гусь ходит по ночам и может какому-нибудь счастливицу попасться навстречу. Но взять богатство надо умеючи.

Не дай Бог человеку, который увидит в неурочную пору гуся, принять его за **наваждение**. испугаться и выругаться черным словом—богатства ему тогда, как своих ушей, невидать. Наоборот, при встрече гуся нужно перекреститься и швырнуть его ногой, при этом гусь рассыпается золотыми деньгами, и счастливый может их взять.

Записано со слов Анны Максимкиной 30 л. 5/VIII—1921 г. Н. Козиным.

3. Легенда о лесе (который находится по дороге в сел. Еремкино).

Раньше долгое время выходила из этого леса *мордовка-молодушка во всем мордовском обряде*. Молча садилась на телегу, проезжающего мимо этого леса, и ехала так почти до самой деревни. И там только соскакивала и убегала в лес.

Записано от Лукерьи Давыдовны Кольдыкаевой, село Старая Лебежайка, Саратовской губ. Хвалынского уезда А. П. Ключковой.

С к а з к и.

Василий Савичев—автобиография.

Ослеп—годов 12 уже будет. От этой самой нехватки все, от нужды. Зимнее время—разувкой ходил. Вот зимнее время шел из Одоевщины пешком, в чем мать родила. Дошел до Дворянской Терешки, хотел там лапти купить. Да не было 5 копеек „Ну иди, говорят, не дадим лаптей“. Дошел до Зеленского, до татаров. Ночевать меня не пустили „Ну, думаю, дойду до леса—там заночую“. А снег, валит и дует погода сырая и холодная. И мне пришлось уйти оттоль. А справа в щеку дует мне ветер. Я по ветру держался все. Дорога длинная, а лес срубленный. Я шел бугром—„Ну, думаю, доберусь какнибудь до селения, до гумна“. Ну, я по бугорку пошел, и привела меня незнакомая дорога до Зеленского леса. Полухубка не было тогда у меня. Вышел я на это поле часов в 11—12. Испугался я, упал на колени и стал дорогу искать. Нашел колесницы—большая дорога. Взглянул на левую сторону—темнеет. Пошел. Кустья, лесок это будет, Новозеленский лес. Ноги зябнут, а уж не чую. Нашел ямочку—подошел лес. „Ну если Бог велел—покурю, да помру“ (есть пословица—покуришь помрешь и не покуришь помрешь). Потом стал молиться, чтобы Господь показал правильный путь. И стал держать правильный путь навстречу ветру. Слышу—лают собаки. Не знаю, какое селение. Угодил в гору и ветлы, будто, шумят. Слез с горы, а в долине есть мельница. Пошел около двора. Огонек—захотел пить. Попросил—напился. Хозяин велел взойти—согреться. Я говорю: „Нельзя, если взойду—ноги отогреются и заболят, а надо идти“. Пошел в сад через проулок и насили, насили добрался до улицы. Зашел в глинушку—пол земляной и отогрелся. С этого времени ноги не упали, а болят и глаза болят.

Всегда теперь живу в Лебежайке. Простудился лет 20-ти—нужды справлял—Сейчас 54 года. Сказки начал рассказывать, как работать перестал. „Если память есть—как не послушаться сказок“. Сказки перенял и в этой деревне и в других за Волгой в деревнях Соловшихе и Одоевщине. Был и в Киеве, но там сказок не слышал. Рассказываю по-мордовски, а слышал и по мордовски и по-русски. Которые слышал по мордовски—те перевести на русский язык не сумею.

Ст. Лебежайка, Хвал. уезд, 19 июля 1920 г.
Записано М. П. Советовым и Т. М. Акимовой.

4. Бармынка.

Вот было 2 короля: Елисей король и Бармынка король. Ну вот у этого Бармынка короля имелись большие табуны всякой скотины, рогатой и овец. И у него жена была уже старая. А у Елисея были дочери. Вот они сидели и пряли маждая перед своей окошкой. Вот Барманка проходит. Вот Барманка проходит под окном и подошел к окошку большаку. А она говорит: „Кабы взял меня Барманка в жены я бы одной салмой прокормила весь мир. И он эту дочь не взял. Подошел к сиредней дочери а она говорит: „Кабы взял меня Бармынка король супругой я бы однеми нитками запряла весь мир“, а третья говорит: „кабы взял меня Бармынка-король супругой, я бы в одном брюхе принес ему 12 сыновей“. И это ему понравилось. Взял он ее в супруги и обвенчались свадьбой. А старая жена осталась. Только кормит ее, а не живет с ней. Жили год. Вот оберемилась молодая жена и приходит время родить ей. Хотели позвать баушку, а старая жена баушкой умела ходить сама. „Чем говорит баушку звать—я сама все сделаю“. И отвели их, где пекарный дом. Вот начала родить. Первого сына Бог дал им, и старая жена через зло, зачем бросил ее король, подняла его вверх и ударила об пол и обратила птицей (а она была чародейкой). И улетел, обернулся кукушкой. Первый улетел в лес, Бог дал другого. Она и другого подняла вверх и бросила об пол. И так все одиннадцать сыновей стали кукушками—улетели. А двенадцатого подняла вверх и обратила собаченкой. А сама пошла сказать Бармынка-королю. „Вместо двенадцати сыновей—королю одну собаченку родила! Он не поверил. Послал прислугу. Пришла прислуга—сказала. Он ей не поверил. И вторая прислуга сказала и опять не поверил. Пошел сам смотреть. Увидел шенок и приказал он сделать бочку и железный обруч и туда положили и кутенка и ее. Спустили в море и пищу дали. провернули только туда дыру, чтобы не умерли в бочке. Кутенок день растет и другой растет, и говорит, „что мама, где мы?“ Она все рассказала, что родила 12 сыновей и колдунья всех обратила кукушками, а тебя обратила кутенком. Он и говорит. „Вот Бог дал бы благословения изо дна моря бочку на верх бы переправил“ (а бочка уже не шаталась, значит на дне стояла)—хорошо бы было, сынок, говорит мать—И закачалась бочка „это мы наверху, похоже“. „Ну если бы Бог благославил, подуло-бы эту бочку на берег, чай ходит народ, кто-нибудь нашел бы нас“. Слышат бочка перестала шататься. „Ну значит Бог привел нас на берег“. И он опять живет день и разум прибавляется. И говорит: „Эх, мамаша, Если бы Бог привел,

чугунный баран и бочку пырнул, да дно бы прошиб". И откуда ни возмись чугунный баран, ткнул бочку и дно вышиб. Они вылезли из бочки с кутенком. А тут луга был большой и питались ягодой всякой и травой. И кутенок, хоть кутенок, но память работает в нем человечья „Пойдем, мама, изобретем какое нибудь имущество". А мать говорит: „Уйдешь и меня покинешь, а мне одной будет скушно". Ну потом мать благословила кутенка, только просил не бросать его. Он говорит: „я послушаю, что на свете слышно, а тебя не брошу". Идет вдоль воды и плывет судно. Везут бурлаки вдоль берега. Увидал их кутенок, побег к матери и рассказал „вот что я видел на свете. Идут люди и везут большую посуду. Надо и нам выстроить дом!" — Эх, да как мы выстроим, кабы ты был человек, а то ты кутенок — „А мы мама Бога помолим". Настал ночь. И они легли отдыхать с матерью. Проснулись глядят — палатка и парадное крыльцо к морю. И обрадовалась мать и говорит. „Вот как ты просил, так тебе Бог и дал". Живут они; и вот второй раз идут бурлаки. Позвал он их. А они удивились: сколько раньше этим местом ездили — ничего не видали, а теперь тут палаты. Поели они и оставляли им разные фрукты и подобное... и просили их всегда заезжать, когда поедут мимо.

И стал он опять у матери проситься ехать с ними. Мать боялась, но благословила, а он за хвост зацепился и поехал с судном. Вечером, как приехали домой, сварили галушки (кусли) и поставили на стол в деревянной чашке: Их много народу. И кутенок засел в подлавку и слушает, что будут говорить об их помещении с матерью, говорить будут. (А эти судна были у Бырмынка — короля с товарами) и говорят бурлаки, и рассказывают Бармынка — королю „какой страшный палатку там сделал — лучше твоей палатки". — Кто же живет там? — „Одна только женщина красивая и живет с ней кутенок, который говорит человеческим языком". А старая жена слушает и поняла кто это, и говорит: „Ну уж и причудие! А вот в степи есть золотой бык, а на роге поставлена баня, а на другом — молочное озеро. Хоть в бане выкупайся, хоть молоком скупайся. „А кутенок макнул хвост в кусли и всем помазал, а сам пришел домой и говорит матери: „Вот какое я еще знаю причудие — надо достать!" — Не ходи, сынок, мы и так хорошо живем". — „Нет — пойду". Ну и пошел. Нашел быка и говорит: „По Божьему веленью, по отцову благословению, чтобы этот бык пришел к нам" — И привел его. Ввел во двор против окна.

И опять приехали корабли, истопили им баню, выкупали их и искупали молоком в молочном озере. А кутенок го-

ворит! Ну, мамаша—я опять пойду с ними!“.—„Да, будет, говорит, сынок!“.—„Нет—пойду“. Доехали опять до городу с суднами и опять зашли в пекарный дом, где кормят рабочих. А бурлаки вторично стали рассказывать королю: „И еще там причудие, стоит под окном золотой бык. На одном роге баня, а на другом молочное сзеро!“.—„А кто же наживает?“.—Наверное кутенок.—А жена старая и говорит: „Вот есть сад, там яблоня—с ладоню листки и золотые яблоки. Сидят на нем птицы и поют песни. Шомпыльна вверх ползает—сказки рассказывает, вниз спускается—рассказы рассказывает. Вот это (говорит) причудие“. Собаченка услышала, макнула хвост и всем обмазала. А жена рассердилась и говорит королю: „это не простой кутенок, а подлогу, кто-нибудь хочет иметь над тобой“. А он прибежал и стал опять у матери просить отпустить его. А она говорит: „да как ты сделаешь, кабы ты человек был. Да как ты доставишь“. А он нашел сад и говорит: „Господи, погоди двигать дерево!“.—И кутенок вперед идет, а дерево рядом за ним; И привел его кутенок и поставил перед окном с быком рядом. И стала мать радоваться. „Вот Бог не оставляет меня, хоть злой человек и обратил моего сына кутенком“.

И вот третий раз судна проходят, и остановились пообедать подневать и интересуются, что это за чудо. „В бане выпарились, и заставили птицу петь и рассказывать рассказы, сказки“. Поехали домой. Приехали опять к Бырмынка королю и рассказывают ему. А кутенок опять зашел в комнату между их. А король всегда здесь галушками кормит своих рабочих. И рассказывают: „Вот причудие то, все увеличивается и увеличивается, и в бане выпарят, рассказы рассказывают, и сад вырос“. А жена и говорит: „Вот так причудие. Вот я знаю так причудие. Вот в одном месте в лесу в темном, находится 11 братьев в одно лицо и одной красоты—который плотник, который музыкант, который столяр“. А кутенок вышел из под стола, макнул хвост и всем по губам помазал. Прибежал кутенок домой и говорит: „вот какое чудо—в лесу, в степи есть. И братьев и по твоим рассказам—это будут твои сыновья. Я пойду их приведу, они работать будут, а то я работать не могу“.—„Не ходи сынок, пропадешь!“ Но он пошел. Вот избенка на куриных ножках вертится кругом—никому подойти нельзя. „Не вертись, избенка, кругом, а стань к лесу залом, ко мне передом“. Вошел и говорит братьям: „пойдемте кормить мать, а то вы живете как господа, а я не могу на нее один работать. Взяли братья свои струменты и музыканты и пошли. Взошли в избу, поздоровались с своей родительницей. И будем, говорят здесь жить и будем воспитать себе проеэжик“.

И в четвертый раз проезжает судно. Вышли братья встречать. И остановили судно и в бане вымыли и сказки рассказывали и играли на инструментах и собаченка при гостей плясал от радости, что привел братцев. И опять говорят: „Я пойду еще раз—чтонибудь услышу“. Не ходи, говорит мать.—„Нет пойду. А если уж пропаду—все одно, теперь братья тебя прокормят“. Прицепился назади судна и поехал. И стали опять бурлаки рассказывать Бармынка королю—„вот причудие то, так причудие: там одиннадцать братцев от одного отца и матери и лицом одинаковы“, и ростом одинаковы и платьем одинаковы“. А жена говорит: „ну, Бармынка король, плохо тебе, собери войско и иди на них, а то убьют, говорит, тебя“.

И собрал король себе войску и пошел войной, а кутенок вышел из под стола, макнул хвост и всем помазал и королю, и жене и всем бурлакам. Пришел домой и рассказывает о войне, „что будем делать, а кутенок и говорит: „мы примем и остановим все войско. Не будем шапки поднимать—а недалут ни одного выстрела. И берите сначала короля себе на руки“. Вот вперед едет король с повозкой в экипаже, и за ним сила едет шестьсот ружейная. И не доходя версты остановились. За этим за всем следил кутенок. „Ну, говорят, выходите встречать гостей. Берите всякую музыку: кто скрипку, кто балалайку, а я впереди буду итти плясать, и увидал король, подошел заинтересовался. А они позвали его к себе. Вошли в избу, приготовили разные кушанья и пойлы и истопили баню, вымыли и в молочном озере, сорвали яблоки золотые в тарелок и спрашивают их: „вы ездили по разным городам, расскажите м. б. знаете какоенибудь причудие. Они говорят „не знаем“, а мать лежит на печке. И спрашивает у матери причудие. А она и говорит: „какие я сказки расскажу? Вот вышла я замуж и 12 сыновей родила, а старая жена обратила их кукушкой—я сама про себя сказку расскажу, а то сказку не знаю“. И все рассказала. „Теперь живем, Слава Богу“. А Бармынка король слушает. Кончила королева этот рассказ, а король и говорит: „разве вы будете мне супруга?“ „Да, наверно. Вот 11 сыновей, а двенадцатый кутенок. Это он все сделал“. И взял он сыновей к себе и жену. А старую жену привязали к жеребцу и пустили в поле и ее разорвало на части.

Записано от Васил. Савичева, ст. Лебежайна.
Хвалын. уезд. 18/чл 1920 г. Т. М. Акимовой и
М. П. Советовым.

5. Про купцов.

Жил купец—имел капитал большой и старую девку. Что нам делать? А имущество уничтожить не хочется. Умерли отец с матерью—взяла она лавку закрыла и стала деньги для мальчишки—маленького брата беречь, (а ему 6 лет было). Стал он побольше—ходит по улице. А сестра видит—дело плохо—надо его учить на ум. А у них жеребец и корова отца в воспоминание души родителей остались. „Ну, надо говорит, женить тебя, надо брать из хорошего дому. Вот из этого хочешь? Пойдешь сватом—отдадут за тебя“. Нет, говорит, сестра, даром что она красива, а бедна—не возьму за себя ее. А он повадился с товарищем в б...к ходить. И говорит: „если будешь насильно отдавать—уйду от тебя!“ И говорит сестре: „Вот отсюда возьму!“ А сестра говорит—это нехорошо! Распутная девушка. Но, говорит возьми, все равно. Женился. Живут год хорошо. Начали торговать. И у них народилось дите. Вот поехал он за товарами. Проводила его сестра, скажем, в Сызрань, в Москву. А уезжая, он приказал жене: „ты пригляди за домом-то. Как бы не вышло распутного дела какого!“ А жена пригласила друзей своих из б...а и говорит: „Как бы это сделать, что бы не любил он сестру и осердился на нее не давал бы ей быть хозяйкой“. И говорит: „давайте, у лошади ноги по колена обрежем. Тогда он осерчает и не будет сестру любить“. Так и сделали. Вот сестра встречает—ему и все рассказывает. „Вот, говорит, жена призвала друзей и нарочно, что бы ты осерчал на меня, ноги у лошади обрезали“. А он не осерчал. „Ну, говорит, другую купим. Эта старая—надо другую“. Опять товар у него вышел. И опять поехал покупать. „Ну, сестра, смотри за хозяйством и за женой—она в глупом положении. Говорила ты мне, что не надо такую брать. Ну, да теперь нечего“. Вот уехал. Она призвала друзей опять. Он, уезжая, говорил: „Сестра, если что случится—нарочного пошлите за мной, я товары брошу—и так пришлют, а сам приеду“. А други собрались и говорят: „Надо жеребца заколоть, тогда он осерчает. Закололи жеребца. Вот приехал он сестра выходит, плачет, а жена говорит: „Смотри сестру любил, воспитаешь, а она заколола. Не веришь?—посмотри!“ Он пошел и говорит: „Ну неправда, что она заколола, она и в конюшню то боялась войти, а не то что заколоть“. И не осерчал.

Вот опять он уехал. И опять пришли други стали думать. „Давайтека, говорят, зарежем первое любимое дите, тогда он на нее осерчает“. Зарезали и бросили под диван. Приехал он и первым делом спросил дите. Узнал, что закололи его и осерчал, наконец. „Ну, сестра, я все тебя жалел, а теперь

ты вот какую штуку сделала! Казнить я тебя не буду, а вот за пригорком есть сад—там ты будешь жить. И прислугу и пищу я тебе дам, а только видеть ты нас не будешь“.

Так она и жила там. А он не стал не навидеть ее, как праздник едет в сад и пищу привезет. Вот один раз в праздник время воскресное и пошел он. А жена опять хотела добиться, чтобы не любил он сестру. Приехал он в праздник к сестре и говорит „вот я купил, сестра, жеребца. Посмотри“. А она говорит: „давай чаю напьемся“. А он говорит: „пождем, пока мы съездим—самовар скипит“. Привез он ее через степь в лес и говорит: „ну, сестра, я всегда тебе верил, а теперь не верю слезам—и прощайся с Богом. Я все не верил жене, а теперь пришлось поверить“. Она заплакала, брат опять пожалел, и говорит. „Подними руки“. Она подняла руки; брат обрезал ей ладони и ее оставил. Все лето она ходила там и питалась ягодами. Настала зима. Холодно. Она из лесу да все дальше шла, да все дальше. Подошла к воде. Пошла вдоль воды. Смотрит—сад. Подошла к саду. „Пойду, говорит—чей сад? Кто хозяин будет“. 3 года она ходила и осталась нагишем, одни лоскуты остались по плечам только. Вот сидит она в кустах. Идет хозяин и собака брешет. И пошел хозяин и говорит: „женский пол, или мужской пол,—если женский пол нагишем не—подойду“. „Я говорит женский пол и нагишем. Ежели отцы матери есть—принеси одежду, я одену“. А это был хозяин молодой, неженатый человек и богатый“. Принес он и говорит: „ну выходи, надевай“. А она говорит: „ты уходи дальше и повесь, а у меня ладошь нет—и я тогда одену“. (А она ну стара примерно, но больно красива). Привел он ее в дом и живет она у них год. И наняли к ней хозяйку, чтобы руки были. Дошли ему года пожениться. А он и говорит. „Я хочу взять, которую нашел в саду. Разве у нас капиталу не хватит?“ А отец с матерью и говорят: „Ну она будет беременная, родит, как за дитем будет ходить?“ А он говорит: „разве у нас капиталу не хватит?“ Женились они. Живут год. Родилось дите. Еще год и еще дите. Собрались отец и мать умирать. А он торговать пошел и ее оставил биреминной дома и говорит: „Если она собирется родить—позовите меня и приеду“. Уехал, а утром привел Бог и родила она мальчика. Послали мальчика нарочного—приехал он к пристани, а там уж его нет. Нечего ему делать. Пришлось ему остаться переночевать. Остановился он в том доме, где брат ее живет. А у него была записка в кармане. Стали ужинать, почевать. Он и говорит—„вот уехал мой хозяин, а меня послали за ним“. „Да какой такой?“ „Да вот такой—у него жена безрукая в саду нашли“. А жена слушает. Лег он спать—дали ему отдельную кровать. Лег он, а пальто повесил над кро-

вацию. Ночью жена встала, вынула записку и положила другую чтобы эту женщину с дитем из дому выгнать, „если не выгоните—то плохо будет“. Это как будто сам хозяин написал. Приехал мальчик обратно. Отец прочитал записку и говорит: „Какой случай вышел. В любви брал, а теперь говорит, чтобы до приезда выгнать. Ну-да надо, а то и на нас осерчает“. Ребенка крестили и отвели ее опять в лес. А мальчика привязали к ней полотенцем. Ходила она ходила 3 года и дите воспитала. И дитю как надо давать сосать—то давала. Ходила, ходила и говорит: „вон селишко надо перейти через воду, м. б. там отдать воспитать дите, а то как я безрукая, что с ним буду делать?“ Вдруг полотенце перегнило и дите упало в воду. Заплакала она. „Господи дай мне ладони, хоть взять дите из воды, а потом возьму опять“. И махнула руками—у ней стали ладони. Подняла дите и пошла на родину. А мальчик уж развязался и ходит. Вот в лесу нашла тропочку, блестит огонек—и говорит: „Может быть проезжие ночуют? Переночуем. А может быть какой лесничий дом“. Взошли. Избенка пустая стоит шкаф большой. И книги массыя стоят. Посидели малость и является старичек и говорит: „Ну вот, Бог мне гостей привел. Ну вот, пойду принесу дровец—надо что-нибудь сготовить“. Сварил, покормил и легли спать. Утром встает мальчик и говорит: „Ну с такого то году давайте мне, дедушка, книгу“—а старик говорит: „Что ты, сынок, можешь разобрать в книге? Ты 3-х лет. Да у меня с такого году нет книги“. А стали в-рочать и мальчишка нашел с самого с низу книгу и говорит: „ну нашел“.—„Ну с Богом! Если надо—возьми!“ Проводили их и пошли они, где примерно братишка ее живет. Переехали, хотели в том городе переночевать. Переночевали и утром мальчик заявляет голове, (тогда голова был еще). „Так и так, говорит, соберите сходку и сделайте на этой площади балкон“. А им больно чудно,—мальчик на четвертом году и хочет сделать сход. Ну сделали.

И приказывал: „соберите всех и старых и малых, из каждого дома по 2 человека—а кто не пойдет, то насильно“. Ну это им интересно—история. И он велел милицию поставить, чтобы ни одна душа не ушла от сходки. И голова наказывал, чтобы никто не ушел, а мальчик и говорит: „Ну слушайте, господа“, (раньше господа были начальство-то). И начал он читать: „вот оним временем остался я у матери.— Это будет моя родитель, которая воспитала меня без рук на груди. И Господь дал ей руки. Вот теперь надо в дедушкин город пройти. А вот в этом городе был братишка матери. Они открыли торговлю и стала его на разум наставлять, чтобы не пропало отцовское имущество. Вот воспитывала

она брата до времени. Собрался он жениться. И он взял себе супругу из бар...ного дома. Взял—а супруга стала подлогу иметь на мою мать. Корову, лошадь и дите загубил, пока отец ездил товарами. Ну так и рассказал—на сестру какую подлогу имели, дитю закололи. Братишка рассердился на сестру и отвели ее в сад жить. А жене все досадно—зачем доставлял в сад пищу. И доказала ему, чтобы от сада отстранить и не воспитывать. И он там отсек ей обе руки. Потом Бог привел ей добрых людей и взяли на воспитание, а жена и тут сделала такую случаю, чтобы мать отстранить оттоль. Нарочный приехал, а она положила письму, чтобы выгнали ее из дома. И вот скитались мы 3 года. И я так вырос, привязанный к груди. Переходили через воду—оборвалось полотенце и я упал. Она стала Бога просить, чтобы Бог дал ей руки—вынуть Бог дал. А теперь Господь привел—в дедушкин город“. А как стал он сказывать—жена отходит от сходки и на ту сторону переправляется. А он стал доказывать с балкону, чтобы никого не пускали от сходки. А дядя не вредил это дело—только супруга. Взял их дядя и накормил и ушли в город к родителю, где она выходила замуж. А дядя жену привязал к жеребцу и привел в дикую степь и разорвало ее на мелкие части.

Записано у Василия Савичева—мордвина.
Ст. Лебезайка, Хвалыск. у. 19/VII—1920 года.
М. П. Советовым и Т. М. Акимовой.

6. Догадливая старуха.

Вот в одном месте, в дальнем пути (раньше то ведь расстояния были большие), один человек идет: дорогой захворал, да и пришлось ему в лесу под дубом ночевать. А там был стан и обед и ужин варили. Он и говорит „наверно там люди бывают, но всетаки, говорит, пойду я на дуб“, а сам не знал какие люди будут. Вот пришла темная осенняя ночь; приехали двенадцать человек. 13-й атаман, он видит дело плохо—недобрые люди. А они выпрягли лошадей и начали ужин варить. Один и говорит, „наверно есть здесь человек“, а другой говорит: „откуда здесь человеку быть?“. Вот захотел он на двор, стал с... акkurat в котел угодил. „Наверно человек“, говорит один.—„Нет божия роса“.—Утром встали, умылись и начали могилу рыть, и в одну начали деньги сыпать (по стариному пятаки), а другую для людей, и одному, метали жребий, снесли башку долой, положили в могилу и благословили казну. А тут примерно большая река бежит, а там и тут гора. Они и сказали кто сумеет, чтобы гора с горой сошлись, тому достанется и казна. А он слез

с дуба, пошел в селение переночевать к вдовице, и говорит: „Вот я каким случаем попал к тебе. Вот, бабушка, казну закопали большую, только достать трудно, гору с горой сводить надо, а посредине вода“. Это легко говорит старуха.—Да насыпали с горы земли мешочек и переправили на другую, а со второй на первую. Приехали, а казна сама вышла. „Ну, бабушка, говорит, казну я с собой не возьму—я из дальнего пути,—а ты бери себе“.

Записано у Василия Савичева—мордвина.
Старая Лебежайка Хвалыск. у., 19 VII 1920 г.
М. П. Советовым и Т. М. Акимовой.

7. Сказка о слепых.

Вот жили были двое слепых, (как я сам), в одном селе. И ходили друг к дружке, а детишек не имели никаких. Пошел один слепой к товарищу и говорит: „давай игру затеем какуюнибудь!“—„Давай! Один слепой в шапке держал деньги—другой же в боченке. Он и говорит „давай боченок катить. Я к тебе покачу—ты пымаешь и ко мне кати“. Один человек и подслушал, как катать будут боченок. Один слепец катнет туда, другой оттуда. А этот человек и взял боченок себе. Один и говорит: „ты зачем боченок мой, куда катнул?“ А другой говорит: „я тебе катнул—не знаю, куда ты дел. Вот надо в шапке держать деньги“. А этот человек взял и шапку. А этот слепой и говорит: „А ты за боченок у меня шапку взял“—и наложил ему.

Записано у Василия Савичева—мордвина.
Старая Лебежайка Хвал. у. 19/VII 1920 г. М. П.
Советовым и Т. М. Акимовой.

8. Случайное преступление.

В однажды время я по дороге ходил по разным сторонам. В одном прекрасном селе пришлось мне проситься переночевать—и в аккурат пришлось мне к хозяевам—муж и жена, а детишек нет. А жена биреминная—„куда же мне лечь?“—„Да вот ляг на печку!“ А хозяина дома не было. Вот ночью собралась она родить и посылает! „ступай дядя, позови бабушку“. Есть там за селом бабушка старушка. Пошел я к бабушке. „Вот так и так—до вашей милости“.—Да на чем же ты повезешь меня?—„Да хоть на себе“. Вывел старуху и понес. Но вот аккурат тяжело стало. „Встань, говорю, бабушка, на колодец; я отдохну“. А она хлоп и упала в колодезь. Чего делать? Ну пошел я на квартиру, а ей уж Вот

дал дите. — „Ну что, привел бабушку?“ — „Нет, она ушла куда-то“ — „Ну хорошо, дядя, ложись с ребенком на печку“. Лег я, а ребенок ворочается, я думал кошка — хлоп на пол — убил его. Утром сама лежит роженица и не смотрела дите. Пошла женщина баню типить, а я обулся, средился и марш. Не успел селение выйти — розыски пошли. И старуху ищут, и дите ищут, и спрашивают, нет ли здесь нищего. — „Есть, да не знаю какого селения“, а я тем временем скорее да бежать.

„Это выдумал я сам ныне ночью.

Которые по русски я слышал сказки — те могу рассказать, а которые помордовски — те не могу перевести“.

Ст. Лебежайка Хв. у. 19/VI 1920 г. Записано М. П. Советовым и Т. М. Акимовой.

9. О священстве.

Было одно село большое, в котором было 12 церквей и значит 12 попов. Собрались раз попы и стали кутить. Один поп и хвалится, говорит что у него есть 500 рублей денег, которые он всегда носит с собой, даже когда служит. И все попы расхвастались один перед другим, у кого сколько денег. В селе жил один старик — очень бедный, у которого все имущество заключалось в козе. Жил он со старухой. Старик и подслушал все, что говорили попы — и задумал одно дело. Вот он и говорит старухе: „оденься во все белое, как причащаться, а я пойду позову священника“. Старуха легла, — а старик пошел к священнику и просит его притти причастить ее. Поп спросил — где он живет. „Далеко на том конце“. „На чем же ты приехал?“ — „Да пешком пришел“. Священник отказался идти пешком и старик предложил донести его на горбу. „А что ты мне дашь“ спрашивает поп. „Да вот у меня коза есть“. „Не гревенник, а коза“, подумал поп и согласился, сел на горб старика и поехал. Приехали они, донес его старик до сеней, взял сердешник и убил попа, а старухе говорит: „ну причастил“. Забрал у него деньги, а самого бросил под пол. Потом пошел за другим и так перетаскал всех 12 священников. Сидят они считают деньги. В это время идет по селу солдат, увидел огонек в избушке и хотел зайти. Стучит — но ему не отвечают, он перескочил через плетень и вошел в избу. Видит, что старик со старухой считают деньги и спрашивает, что они делают, а старик и говорит ему, что он дал бы солдату денег, если бы он отнес священника в озеро. Вот взял солдат попа, принес к озеру, привязал камень и бросил попа в воду. Пришел к старику и говорит, „ну я отнес“, а старик облил другого священника водой и

говорит: „как же это ты отнес? Ведь он вот опять прибежал“. Нечего делать—понес солдат другого попа. И так пришлось перетаскать ему всех священников. А караульщик, когда солдат проходил мимо—спрашивал его „кто идет?“—„Чорт пона несет!“ Когда солдат понес последнего священника, караульщик побежал к благочинному и говорит ему: „чорт понов уносит—уж одиннадцать унес, скоро за вами придет“. Благочинный испугался и мокрый бросился бежать. А солдат поймал его: „ага опять ты бежать!“ Схватил его и опять бросил в воду. Пришел к старику и денег не взял.

Записано у Василия Савичева—мордвина.
Старая Лебежайка Хвал. уезда, 19 VII 1920 г.
М. П. Советовым и Т. М. Акимовой.

10. Явленная икона.

Парень девке слил кольцо и подарил, а девка парню вроде часов круглую. Вот парень пошел купаться. Разделся. Потом средился, как следует, и ушел домой. А слиток, (подарок-то), оставил на берегу. Домой пришел—смотрит, а в кармане подарка-то и нет. А сзади него был человек увидел—какая-то фигурия лежит на берегу и говорит: „это явленная Божия Матерь. Надо священника звать, я недостойн брать ее сам“. Накрыл шапкой и ушел за священником. А парень пошел искать свою вещь; нашел место, смотрит шапка. Открыл, взял вещь, сам же поср... и накрыл шапкой. А священник пришел, отслужил молебен как следует. «Ну говорит, открой шапку!»—Нет я не могу, говорит тот,—я недостойной человек, а ты открой. Ну священник и говорит: „благословите меня—я открою!“—Открыл—а там, вон что, и обиделся. „Ты что же это надо мной смеялся что-ли?“

Записано у Василия Савичева—мордвина.
Ст. Лебежайка Хвал. у. 19 VII 1920 г. М. П. Со-
товым и Т. М. Акимовой.

Биография сказочника Матвея Белкина.

Вот он, 97 летний старичек, со слабым дрожащим старческим голосом, но на вид довольно бодрый сидит на заваленке, около него его сын старик, лет около 65, и правнучка—девочка, посадив к себе на спину братца 1 года и неистово подскакивая с ношей, старается своим „аля ля ля, ля-я ля, ля ля, ля-ля-ля“—заглушить крик ребенка. Познакомиться со стариком было не трудно; Подозрительности никакой, повиди-

тому, старик не боится за свою судьбу. Быстро перешли мы к рассказыванию сказок и других родов народного творчества (смотри запис. у него сказки). Замечательно то обстоятельство, что солдатчина оставила на нем неизгладимый след, при том в хорошем смысле. С таким видимым удовольствием рассказывал он о своей солдатской жизни. Это, по видимому, был большим сплошным праздником для человека в его серой обыденной жизни, который никогда не забывается, и удивительно, что он до сих пор еще помнит почти все детали той жизни; рассказывая о товарищеских попойках, он не забыл ни одного имени и отчества; его рассказ постоянно перескакивает такими фразами „говорил я Егору Петровичу: „Не ходи брат воровать вино“, вот и налетел на капрала, а его благородие Петр Семенович строгий был человек“. Давно уж нет, наверно, на свете его друзей, но последний из товарищей еще живо помнит молодые дружеские проказы и нужно видеть с каким воодушевлением рассказывает старик о них. Солдатчина для него скрасила жизнь, для натуры ищущей постоянно, она была просветом и пищей для бойкого ума. Посмотрите, как отразилась жизнь солдата на его манере рассказывания. В тех сказках, где фигурируют цари, все герои называют его „Ваше Императорское Величество“, в тех местах, где нужно здороваться, хотя бы даже с колдунами, приветствие никогда не проходит без военного „здравия желаю и т. д.“, хотя бы герои, участвовавшие в сказке и далеки от военной жизни.

Повидимому, Матвей Белкин был самым бойким солдатом александровских времен. Не даром он был любим и назывался „шутком“. „Кто может играть из вас штуки“, бывало, капрал спросит— „Я ваше благородие!“ „молодец“ „рад стараться“.. вот и играли эти „штуки“ (смотри).

Оказалось к великой радости этнографов, что эти штуки есть ничто иное, как две народные драмы: „Барин и Слуга и Подка“. Вся драма почти рифмована и замечательно, что Белкин, спустя 50—60, лет прекрасно помнит рифмованные концы. Правда обе комедии он соединил, но очень много еще в памяти старика. Мало того, нужно видеть с каким чувством, с бодростью и подчас игривостью декламирует старик патетическое место сцены: „Златокуры, Златомеры“. Старческие глаза освещаются необыкновенным блеском, тем, которым горели эти глаза повидимому лет 60 тому назад. „И есаул был—а господа офицера всегда угостят меня за белой головкой“—еще бодро в приливе воспоминания говорит старик, но увы удушливый кашель таким приступом находит на старика, что страшно и стыдно становится подчас, за то, что беспокошь его. Каждый день приходили мы к нему и ка-

ждый день с видимым удовольствием рассказывал он нам или сказку или же был из своей солдатской жизни. Сказки рассказываемые ими, повидимому, большинство слышались им в солдатах и только немногие местного характера.

— Дедушка ты помнишь крепостное право?

— Как же я помню и меня секли только в солдатах, вино воровали—дали двадцать розг да солью посыпали. „Простите ваше благородие, кричу я, а сам кой как держу портки-то“—Ага, говорит бурмистр, больше не будешь, что говорит, Белкин, больно?

— Больно, ваше благородие!

II. Ч у д а.

Алясь ульниесь охотникъ. Іакъ охотас виривъ, іакъ калс эрькевъ. Эрясь сон козяйканда марта кавыннида. От, меря алясь козяйканда туртуу: „Мол'ан охотас, мязя-іак чаван можит“ „Аз'а“ меря козяйказа. Тусь. Іакась, іакась, вйкя-іак птиц'а эзь некъ, вйкя-іак зверь—а нумула, а вяръгиз, мязя-іак эзь некъ, куть аварьтъ. „Вана чудась, ков мольцьтъ звертня, птицятня“. Тусь кудув чава, мязя-іак эзь леттъ. Моля эрьке берекка, сонъць моля, сонъць думя: „Улильть снасть, калт кундавлинъ, а ней только котёл гетцым“ „Хушъ симан штоли-меря алясь, и кармась котелцыньтъ вядъ таргамма. Только кармась котелыньтъ вяде нолдаманда, комась. вядстыньтъ кода кирн'афтъ котелынтя кал. „Вана чудась“ меря охотникисъ „Те мянь дж'уда“—моманьке кортэ калысь, „тон аз'а Лебежаев, тоса эря богатырь татар-Змолька, сон ефня тять чуда, те чуда“ Думась-тайсь алясь, мясть тайн'ат, эрявя молеме тов. Тусь. Сась Лебежайс, витета суvasь татар Змольканьтя и меря: „пара ломанъ, тон, мереть, лама чудат солдат, ефнекъ вйкишка“ „Монъ дж'удатня, меря Смолька, ауль тонъ дуртув а пр'азыт, азъка іамщик Егорнень, кетсында погонщик андытъ, сынъ дять ефнеть чуда. Лисъць кететында охотникисъ и меря“: „Маньчить и монъ манизизъ“, а сонъсь суvasь Егорнень и меря-тая погонщикининъ: „Чуда солдатада, а тыньць аефнет'ада. Сонъць пийдя. Солатана, кортэть сынъ, шты тон охотникат, а мязя-іак эзить чафт, аз'ыка, іалгай, охотникъ юрув. Тоса уля килий дж'юфта, озак, кекшезь, сонда алув и кармить чиимя нумулт, вяръгизт, офт, чафт только-ачавувить“. Думась—тайсь алясь, мольць охотникъ юрув (Лебежай вирьца) только стясъ таркантя, кода кармить чиимя вяръгизт, нумулт, офт, чавя, вот чавя-цела куц'а чавнысь, а зверьтня іала чинтъ. „Вана чудась“ меря

охотникисъ—толька ист'а кортась, ва сцэ эсивда кардайса аштя плетень ала-вьяся скотенанда чавнындя.

„Вот те чуда“!

11. Ч у д о.

Молодец был охотником. Ходит на охоту в лес, ходит за рыбой на озеро. Жил он с женой вдвоем. Вот и говорит молодец жене:

„Пойду на охоту, может быть убью что-нибудь“. „Ступай“ говорит жена. Пошел. Ходил, ходил ни одной птицы не видел, ни одного зверя—ни зайца, ни волка, ничего не видел, хоть плачь. „Вот чудо, куда девались звери и птицы“. Пошел домой пустым, ничего не застрелил. Идет по берегу озера, сам идет, сам думает: „Были бы снасти, рыбу половил бы, а теперь только котел в руке“. „Хоть испью чтоли“—говорит охотник и стал котлом воду вытаскивать. Только стал котел в воду опускать, рыба из воды как прыгнет в котел.

„Вот чудо“ говорит охотник. „Это что за чудо“ по-человечьи говорит рыба „ты ступай в Лебежайку, там живет богатый-татарин Смолька, он расскажет тебе чудо, вот это чудо“.

Думал-делал молодец, что будешь делать, нужно идти туда. Пошел. Пришел в Лебежайку, прямо зашел к татарину Смольке и говорит: „Добрый человек, ты, говорят, много чудес знаешь, Расскажи хоть одно.“—„Мои чудеса, говорит Смолька, не для тебя, не твоей голове, ступай к ямщику Егору, у него кормят погонщики, они тебе расскажут чудо“. Вышел от него охотник и говорит: „Врут, и меня обманули“, а сам зашел к Егору и говорит-делает погонщикам: „Чудо знаете, а сами не рассказываете“. Сам смеется. „Знаем, говорят они, что ты охотник, и ничего не убил, иди-ка, товарищ, в охотничий холм, там есть дерево-береза, сядишь спрятавшись, под него и будут бежать зайцы, волки, медведи, бей только—не перебить.“ Думал, делал молодец, пошел на охотничий холм (в Лебежайском лесу), только встал на место, как стали бежать, волки, зайцы, медведи—вот бьет, вот бьет, целую кучу набил, а звери все бегут: „Вот чудо“ говорит охотник—только так проговорил, смотрит у себя на дворе находится под плетнем—всю скотину свою побил.

„Вот это чудо!“

Записано в 1920 году от М. Великина.

12. Золотая невеста или Иван Коротков.

Был охотник. Пошел в лес, в лесу береза, а на березе гнездо. Над гнездом летает птица. „Ах, надо убить эту птицу, пригодится“. Убил. Думает: „Ах, напрасно убил я эту птицу—у ней могут быть дети“. Полез на березу—в гнезде яйца. Взял их, пришел домой и отдает старухе: „На, говорит, вари старуха яйца, а птицу зажарь“—„Нет, говорит старуха, яйца по утру сварим“—„О ты умно говоришь“. Курицу съели вечером. По утру старуха затопила печку и пошла яичницу делать. Глядит, а в горнице, вместо 21 яйца, 21 мальчик и все уже говорят. Побежала она к старику и говорит: „Ступайка-ка старик, сколько у нас детей-то“—„Что-ж, говорит старик, скорей их корми“.

Старуха на карачки встала, калачей достала—едят, только ложки стучат. Целый год кормили их—трудно, да ничего, и мальчики растут не подним, а по часам, как тесто ищеничное и через год выросли они богатырями. Вот они и спрашивают старика: „Ты, папаша, каким ремеслом занимаешься?“—„Да я, говорит, охотник, в лес хожу за дичью да веляю так жить“—„Нет, говорят все сразу 21 молодец. Нам надо траву косить. Купи, папаша, нам косы“. Нечего делать, поехал мужик на базар, а там сидит косник. „Почем коса?“—„40 копеек!“ Взял сразу 21 косу, а косник обрадовался. Приехал. Сыновья припаслись, насадили косы и говорят: „Ну папаша, благослови нас!“ Поехали (а года были хорошие тогда, луга не делили—кто сколько хочет!). Накосили стог. Пришли, старик и спрашивает: „ну, как?“—„Ступай—накосили по стогу „Отец смеется“ по стогу!? „Поехал отец смотреть и удивился—правда по стогу—хорошо!“.

Стоит стог под'еденный бок. Кто сено ест? Не знай. Караулить пришлось по очереди. Идет последний Иван Коротков—короткий, да здоровый. У старика на дворе весы, он хлеб не сеет, а покупает. К вечеру Иван Коротков и спрашивает отца: „Папаша, что это за картошка?“—„Это гиря два пуда—„Я возьму ее поиграть“. Пошел, а по дороге гирю за 10 верст кидает. Пришел и лег спать.

Прибежала кобыла и 21 жеребенок и траву едят. Как ударит гирей по лбу: „Стой не прыгай—мне ехать на тебе“ и сел на лошадь и поганяет кобылу, а 21 жеребенок бегут за матерью. Приехал. Стали жеребят кормить, а они растут не подним, а по часам. 20 братьев выбрали себе самых лучших жеребят, а Ивану Короткову шелудивый остался. Печаль взяла Ивана—сидит и горюет. А жеребенок и говорит человеческим голосом: „Ты что горюешь, Иван Коротков, ты только меня корми хорошенько, я лучше их всех буду, только слу-

шай меня. Теперь год жили. Ну, папаша, жени нас всех сразу“, говорят молодцы. Отец говорит, „Достатку не хватит всех сразу женить“. Иван Коротков и говорит: „Нет жени, а то я состарюсь, тогда сами пойдем жениться“. Сели верхом на своих коней и поехали напрямком. Нашли Бабу-Ягу. „Ах, волчьим мясом пахнет—я с'ем вас“.—„Мой мечь, твоя голова с плеч“, говорит Коротков,—невесту нам надо“. У Бабы-Яги была сестра, тоже ведьма. Конь и говорит: „Смотри нам трудно будет, у этой дочь есть, ее нет дома, ты надень ее платье, а свое ей отдай, когда придет Иван Коротков“. Так и сделал, и Баба-Яга убила свою дочь.

У царя жена померла, собрал *царь* Синод. Услыхал он, что где-то „Золотая невеста живет.—„Кто достанет, тому награду дам.“—„Согласись Иван, достанем невесту.“—Иван Коротков согласился—поехали. „Вот что, Иван, говорит конь—купи семь шкур лошадиных и надень их на меня, Золотая невеста живет на дне окиана--мы ее достанем. Только смотри, если пузыри пойдут из воды красные, когда я там буду, то меня не жди—я не жив, а если белы, то жив“. Сделано. Смотрит Иван, а пузыри белы идут.

Золотая невеста на дне морском катается в хрустальной коляске, белорыбица у ней кучер. Иванов конь корневую—зубами, пристяжку ногами и украл золотую невесту с коляской.

Привез Иван Коротков невесту и императорскую милость получил. Царь и говорит невесте: „ну давай законный брак принимать!“.

„Позволь хоть с недельку оглядеться“—а сама думает: „старый хрыч“. Конь и говорит Короткову: „Давай жениться, только слушай меня. Возьми три котла, поставь их перед окном золотой невесты, вскипяти в них воду и смолу. Когда будет невеста в окно глядеть, ты ныряй в каждый по очереди“.

Глядит невеста в окно. Нырнул Коротков в один, нырнул во второй—стал красавцем, вышел молодым, нырнул в третий—вышел богатым по княжески одетым.

Золотая невеста говорит царю: „ступай, ныряй в котлы—помолодеешь, как Иван Коротков. Царь нырнул в один—обжегся; в другой—борода отвалилась, лицо облезло, глаза лопнули; нырнул в третий котел, да там и остался. Была свадьба, только Иванова. Меду было много, народу было много, царем тут стал Иван, государыней Золотая невеста.

13. Сказка о богатом и бедном.

В некотором царстве, в некотором государстве именно в том, где мы живем, на ровном месте, как на бороне (это не сказка, а присказка, не скоро оказка сказывается, сказка впереди 25 верст) жили 2 брата старший богатый, младший бедный. Меньший брат был охотник, детей много, ходит, ходит на охоту и ничего не убивает, жена бранится. „Ух, такой-сякой, не мазанный сухой“. Пошел раз на охоту, не убил ничего да и говорит: „Господи, хоть бы чорт увидал“. Глядит идет старичек старенький. Охотник и спрашивает его: „Старичек, где мое счастье?“—„Ты счастье ищешь? Приходи завтра на это место“.

Приходит утром, глядит бежит заяц—убил его, принес домой, сварили, с'ели. По утру опять пошел, а старуха бранится опять. Идет тот же старичек и говорит ему: „Ты, молодец, все счастье ищешь? Ты знаешь мельницу, которая за 8 верст ступай туда, там есть озеро, на берегу лодка опрокинута лежит, ступай и ложись ночью под лодку“. Пошел охотник к лодке и лег под нее спать. Ночью вылез из воды самый старый черт и маленький к нему. Старый и спрашивает: „Ну что на белом свете творится?“ „Да вот“, говорит маленький „у мельницы никак плотину не запрудят, да в одном городе вода пересохла“.—„Дураки, вырыли бы куст у плотины и сразу бы запрудили воду, а вода в городе на бугре (как в Хвалыне)“, и ушли. По утру мужик вылез оттуда и пошел домой да зайца убил и обрадовался. А дома муки нет, пошел на мельницу просить муки. Пришел, а мельница не мелит, плотина распрудилась и никак не запрудят: „Бог помочь! али плотину не запрудите?“—„А как ее запрудить?“—„Я могу, если Господь поможет“. Заставил вырыть куст и запрудили. Стала мельница молотъ. Хозяин велел нарядить 12 подвод и насыпал 12 возов муки всякой и пшеничной и ржаной и велел везти к мужику. Привезли. „Давай амбар“ „Да у меня нет“. Ну пошел к старшему брату и в его амбар высыпал муку 12 возов. Ну говорит, ступай с радости возьми водочки. Выпили. Не обидели бедного мужика.

Пошел мужик в город, где воды нет. Пришел в келью к одной бабушке, а у ней дочка. „Пусти“, говорит, „бабушка почевать“.—„Да я бы пустила да у нас воды нет в городе“. А он и говорит: „Я бы мог пустить воды на этот город“.—„Ну, иди“. Сели обедать, а воды нет: „Ступай, говорит, купи воды“—за $\frac{1}{2}$ ведра целый рубль заплатили.

Об этом в городе доложили городничему. Приехали к мужику, городничий спрашивает: „Можешь ты, мужичек воду

пустить на наш город?— „Так точно ваше благородие!— только дайте мне 50 человек рабочих?! Собрали рабочих и повел мужик их на гору и стали копать воду. Рыли, рыли, а вода не идет. Стали ругаться, не поверили ему и избили. Мужик один стал копать и потекла вода.

Отслужили в городе молебен, собрали ему денег да лошадь дали с упряжкой. Приехал домой на жеребце, а жеребца то ставить некуда—ни кола ни двора. Мешок с деньгами—прямо в подпол. Стал строить дом. Выстроил, загородил двор и жить стал лучше брательника. Вот богатый завидовал и пришел к меньшему и спрашивает: „где ты, брат, денег раздобыл?“ Он и рассказал ему как было дело. Пошел и лег под лодку. Вышли черти и говорят промеж себя: „Ведь нас прошлый раз кто-то слышал—и плотину запрудили и воду пустили на город, уж не под лодкой ли кто, давай посмотрим“. А там мужик—старший брат. „А, говорят черти,—попался!“ И убили старшего брата.

Записано в 1920 г. от М. Белкина.

14. Ювкс (Сяиня).

Арьясть атят—бабат кывынист, кафта эйдист—нилинист. Ирась бабась кулысь. Эйтне какшне и мереть тетянст туртув. „Сайть одава тяттай, сайть,“ думась, думась атась и сайсь эстанда од ава. Эрить аштить. Од аваня авечкеветь ародный эйтня, чавэ эйсест, нарьге. Ютась аламушка время вот од авась и мерэ: „Азя атя, юмафтыть эйдит, сеста мон карман мартыт эряма, аюмафсыть, акарман“ мясть тэйнимс? Тага думя атась вот и меря какшнининь: „адяда виривь пяньга мяльга, пяньганык лисцьть“—адя тяттай—радувакшныть эйтня; мольцьть-тяйсть. Вот атась и думя кода бу юмафтумаст эйтнинь. Сюимась сон морке чуфта пя и меря какшнининь. „Тынь азида, кочкада ягудат, а мон кяр'ан пяньгт“ „Ну, ну мерьсть эйдинда и тусть. Вармась пува: „калцк, калцк“ ттяя чуфтысь «Вунак коса тяттам пяньгат кяр» —мереть эйтня а сыныць іала кочкеть, іала кочкеть. А атась давно уш тусь кудув. Кармась чоподимя. „Адя тятянинь“ кортэть эйтня. Мольцьть чуфтыньтя, ваныть те сон истя тятня „калцк, калцк“— «Я юмафтымизь патякай» меря ялаксысь „ков ней мольдяна амуіавя кудысь, вирись покш“ кормасть авардимя аварьцьть, аварьцьть и сярьгитьсь.

„Виринь дятят, вирь ават
Сада мартынык удума
Сада мартынык аштимя“

— Ужуда, ужуда эйднимь, сярэгитьсь Іага-бабась кильца човар алашам, очка крандазым, сайса пятькиль—локшэм учысть эйтне тага сярэгитьсь:

„Виринь дятят, вирь ават
Сада мартынык удума
Сада мартынык аштимя“

Мар'асызь арда Іага—бабась:

„Кулдыр калдыр калцк
Кулдыр калдыр калцк“

Ардсь Іага—бабась човар алашаса, очка крандайса паньць пятькиль локшоса—„Ну ад'ада эйднимат моньдянь“—саиндя пакшатнинь эстянда кудув матьотиндя удума ауль вийц. Валцкижь стязь ванэ патясь іалаксыза арась, мясть тьяиниме, кудуванть якя сяиня. Матиджвсь Іага—бабась чить, вот сяиниць кода аварьгадэ:

„Бя патькай, бя авкай
Узирть, пайльть човатыть
Монь кыргава таргатыть“

Тага содэзя патьказа: „вай авакай, те іалаксым“ и тусь мартынза. Мольсть, мольсть вирьга, лицьць покш ки данге и молець киіава сынць аздыть ков. Ваньць купецть сыть эйзыт и саизь сяининть и тьяитирнинть мартысть и тусть. Мольць, мольць—пачкытсь ошов, кармасть микшнимя товарыст эйса. Тува іутась Іага—бабанть тьяитириза—неезя сяининть—мирдинстэ—рамикь да рамикь сяининть „зняра ил'а макет, а рамикь“ Тусь мирдиза а сон и думя: „те сяиниць авань, ужа мон мусан пянда“...

14. Сказка. (Козлик).

Жили старик со старухой двое, два ребенка—четверо. Упала баба, умерла. Дети и говорят отцу: „Возьми мачеху, тятя, возьми“.

Думал, думал старик и взял себе новую жену. Живут, живут—мачихе нелюбимы неродные дети, бьет их, издевается над ними. Прошло немного времени, вот мачиха и говорит: „ступай старик потеряй детей, тогда я с тобой буду жить, не потеряешь не буду“.

Что делать? снова думает старик; вот и говорит детям: „пойдемте в лес за дровами, дрова вышли“: — „Пойдем, тятя“, радуются дети. Пошли, сделали. Вот старик и думает, как бы потерять детей. Привязал он к сучку отрубок дерева и говорит детям: „вы ступайте собирайте ягоды, а я нарублю дров“, — „Ну ну, сказали дети“ и пошли. Ветер дует стук, стук...

слышится на дереве. „Вон где отец дрова рубит“, говорят дети, а сами все собирают, все собирают. А старик давно уже уехал домой. Стало темнеть. Пойдем к отцу говорят дети. Подошли к дереву, смотрят, это он так стучит: стук, стук... „Эх потеряли нас, сестрица“, говорит брат, „Куда теперь пойдем, не найдем дом, лес большой, стали плакать.“

Плакали, плакали и закричали:

„Лесные отцы, лесные матери,
Придите с нами спать,
Придите с нами побывать“.

„Погодите, погодите дети“ закричала Баба—Яга, запрягу пест—лошадь, колоду—телегу возьму, ось кнут“. Ждали, ждали дети, опять закричали:

„Лесные отцы, лесные матери,
Придите с нами спать,
Придите с нами побывать“.

Слышат, идет Баба—Яга:

„Кулдыр—калдыр—калиц
Кулдыр—калдыр—калиц“...

Приехала баба—яга на песте—лошади, на колоде—телеге погоняла осью—кнутом. Ну пойдемте, детки, ко мне. Взяла детей к себе домой. Положила их спать не вместе. Встав по утру, смотрит сестра братца нет.

Что делать? По дому ходит козленок. Заснула Баба—Яга днем, вот козленочек как заплачет:

„Бя, сестрица, бя мамаша,
Топоры, ножи точатся,
К моей шее просятся“.

Как-то узнала его сестра: „Матушка, да ведь это братец“ и пошли с ним. Шли, шли по лесу, вышли на большую дорогу, идут дорогой, сами не знают куда

Смотрят, купцы едут к ним, и взяли козленка и девочку с собой и поехали. Ехали, ехали, добрались до города, стали распродавать свои товары. Там проходила дочь Бабы—Яги, увидела козленочка и мужу (говорит) купи да купи козленочка: „сколько не заплатишь, а купи“. Пошел муж, а она и думает это козленочек мамин, уж я покончу с ним“...

15. Содань іовкст.

- 1) Вирьц чачсь, вирьц касць, вирь гніава акельгя?—
Изама.
- 2) Вирьца лов вакан?—Нумула.
- 3) Мязя куда угулув аст'афтувя?—Пикс.
- 4) Куда угульца офта раньгя.—Варма.
- 5) Лата вяльф мезя аердова—Толга.
- 6) Вирьца вярь лапаз—Пизилт.
- 7) Нилинист братинист вя вар'ас чурьць—скалынь ботть.
- 8) Нилинист братинист вайкист вайкист асасыть—
Чарьць.
- 9) Кафта чукить, кафта іажить, Окулена ювудэ—
Мельнец'а.
- 10) Виривь моля атиня, мукурсында сэнь банкся—Узирь.
- 11) Вирив моля бабиня икилинда уткат паня.—Пильгя
сурт.
- 12) Комсь алаша вайкя тертя—Матиц'а.
- 13) Кунст баба пурцындя ¹⁾—Очка кши човордама.
- 14) Мит'а тей, Мит'а тов, Мит'а суvasь акс'алув—
Геньцьць.
- 15) Лата ланга ат'акш чийня—Пожар.
- 16) Нилинист братинист вя кошма ала. Столь.
- 17) Нилиньгяминь бал'аса мукурыза неіавя.—Капста пр'а.

15. Загадки.

- 1) В лесу родился, в лесу рос, а по лесной дороге не
пролезает.—Борона.
- 2) В лесу блюдо снегу.—Заяц.
- 3) Что нельзя поставить у угла дома?—Веревка.
- 4) У угла дома медведь ревет.—Ветер.
- 5) Через крышу что нельзя перебросить.—Перо.
- 6) В лесу крыша крови.—Калина.
- 7) Четыре братца в одну дыру с...—Коровьи сосцы.
- 8) Четыре братца друг друга не догоняют.—Колеса.
- 9) Двое толкут, двое мелют, Акулина сеет.—Мельница.
- 10) В лес идет старичек, на ж... синяя заплатка.—
Топор.
- 11) В лес идет старушка, перед собой уток гонит.—
Пальцы ног.
- 12) Двадцать лошадей, одни путы.—Матица.
- 13) На спине баба.—Квашня.

¹⁾ Слово не переведено — звукоподражание.

- 14) Митя сюда, Митя туда, Митя залез под лавку.—
Веник.
15) По крыше бегают петушок.— Пожар.
16) Четыре братца под одной кошмой.— Стол.
17) В сорока рубашках, а ж... видно.— Вилоч капусты.

Записана в сентябре 1921 года в с. Си-
пельных, Петр. уез. от ребятшек.

16. Народная драма — „шутки“.

— Здравствуйте, господа!
Я приехал к вам сюда,
Я не пан, не барин,
Я по Волиге есть атаман.
Я в туретчине бывал,
Красным товаром торговал,
Да никому так даром не давал
С мертвых кровь метал.

Барин — „Ванька малый!“
Слуга — „Чего изволите барин голый?“
Барин — „Дайка водки алой.“
Слуга — „Да где ее взять?“
Барин — „В поставе.“
Слуга — „Какой чорт ее там поставил?“
Барин — „Посмотри, брат, в другом!“
Слуга — „Я семь раз обежал кругом
Да нет не в одном.“
Барин — „Фу чорт возьми прогляту телегу,
Стало быть я был пьян у твоей
матушки в гостях.

Барин — „Ванька малый!“
Слуга — „Чего извольте барин голый?“
Барин — „Ты лошадь-то напоил?“
Слуга — „Все четыре ноги подрубил
батюшка—барин.“

Барин — „Ах ты мошенник!“
Слуга — „Я не мошенник, а кошельник.“
Барин — „Она околела?“
Слуга — „Помер, батюшка.“
Барин — „Зачем же ты подрубил?“
Слуга — „Как же барин:
Прорубь то нисковатый
Рылом пить не доставал
Я взял, да подрубил ноги-то.“

- Барин — „Ах ты, сукин сын!“
 Слуга — „Я не сукин сын,
 А саламаткин сын,
 Саламатку едал—
 Твою бабушку побивал.“
- Барин — „Ванька малый!“
 Слуга — „Чего извольте барин голый?“
 Барин — „Деревенский староста здесь?“
 Слуга — „Здесь батюшка—барин.“
 Барин — „Ты был у моих крестьян?“
 Староста — „Был батюшка—барин“
 Барин — „Ну как мои крестьяне живут?“
 Староста — „Твои крестьяне живут хорошо.
 На семи дворах один топор.“
- Барин — „Ну, лучше—не засекутся.
 А как у них хлеб урожай?“
 Староста — „Уродилось батюшка—барин—
 Колос от лолоса не слышать
 человеческого голоса,
 Сноп от снопа—верстовая столба.“
- Барин — „А куда вы хлеб девали?“
 Староста — „Мы давай-ка его жать.
 Давай-ка возить,
 Сложили на печной столб,
 Склали в скирды,
 У нас был толстый кот,
 Вильнул хвостом—
 Этот скирд уронил в лахань,
 И стали мы солоды делать,
 Делать брагу таку брагу,
 Выпьешь стакан будешь пьян.“
- Барин — „Четвертным поленом оплести тебя,
 Такой будешь пьяный
 что и дверей не найдешь;
 Ну а как мои индюшки живут
 у моих крестьян?“
- Староста — „Твои индюшки вывели телушки.“
 Барин — „Большие они яйца несут.“
 Староста — „Большие батюшка—барин.“
 Барин — „А как большие?“
 Староста — „С коретно колесо.“
 Барин — „А как вы их щупаете?“
 Староста — „Загоним в лес,
 Вырубим шест,
 И ширием в ж...
 Если с яйцом, то этот шест зацепит

Если без яйца, то до городишка пролетит
этот шест.

Барин — „А если она околеет.“

Староста — „Мы будем резать да есть.“

— Ох ты жаром пылаю,
С неба звезды хватаю.
Злотокуры, злотомеры!
Кем вы только разорены
Чем ты меня караешь?
Я тебя карать не буду
Посмотрика вернее.
Что там только есть.

Вижу!

Что ты видишь?

Керчь!

Что за черти —

В воде черти,

В лесах сучки,

В городах полицейские крючки!

Жаром пылаю с неба звезды хватаю

Есаул!

Что извольте господин атаман?

Поди крикни моим ребятам сделать

Лодку на ходу ходку,

Весла по бортам,

И карабельщики по своим местам!

Наш винтовка верно бьет.

Есаул!

Что извольте господин атаман?

Ступай прикажи моим ребятам

Спеть „Вниз по матушке по Волге“

(Песня)

П е с н и.

1.

Вирь д'жириса Эрзянь д'зерась пиянькь кярясь,
 Вирь д'жириса Мокшонь алясь поленцясь,
 Соньць кяря Эрзянь д'зерась—авардя.
 Соньць кяря Мокшонь д'зерась—меляфтэ.
 Веревь варчтась Эрзянь д'зерась варма арась,
 Тага варчтась Мокшонь алясь пяльть арасть,
 Вармафтума чуфтынитня чикырдыть,
 Пизимьфтимя тикшинитня росаить.
 Варчтась паскс'ав Эрзянь д'зерась Губатт сыть,
 Тага варчтась Мокшонь алясь Ногайт сыть.
 Чиизь дукшнысь Эрзянь д'зерась пакс'а пив,
 Молезь дукшнысь Мокшонь алясь виристыньть,
 Сэдня алув Эрзянь д'зерась кекшекшнысь,
 Сэдинть потмов Мокшонь алясь сувакшнысь.
 Вяся кекшевсь Эрзянь д'зерась кекшевкшнысь,
 Сумань болаза Мокшонь алянть эзь гекшевь,
 Губатнэ ютызь Эрзянь д'зеранть эзизь некъ,
 Ногайтвининь Мокшонь алясь эзь приметав,
 Сехтя майля сыра Ногай ютакшнысь,
 Верблюд ракшса сыра Губан молекшнысь,
 Ниля сямья пиня сонда марта чикшнысь,
 Сэдинть алда Эрзянь д'зеранть неезя,
 Карь булыда Мокшонь алянть таргизя.
 Вярить кшнаса сыра губан сюлмизя,
 Ракшында ланге сыра Ногай ердызя,
 Губан мастырц Эрзянь д'зеранть ускизя,
 Ногай мастырц Мокшонь алянть пачтизя:
 Кода почт'авсь Эрзянь д'зерась орта ланге,
 Сяргитьсь губан, сыра Ногай, полан'анстэ:
 — Лист'а-іака, губан-ава лист'аіа,
 — Лист'а-іака, Ногай-ава лист'аіа,
 — Вя кеднесыт губан-ава лифт' кшиня,
 — Омбоцесыньть Ногай-ава лифт' салдыркэ,
 — Мон васькама губан-ава тять ускинь,
 — Мон оймама Ногай-ава тять туинь.
 Кан'а чиня Эрзянь д'зерась эр'акшнысь,
 Кан'а кафта, Мокшонь алясь, аштикшнысь.
 — Кяр'ак моньдянь, Эрзянь д'зера, пиянгинить
 Теса церат, Мокшонь ал'а, акярить,
 Уштык моньдянь, Эрзянь д'зера, кудынимь,
 Теса церат, Мокшонь ал'а, аштыть;
 Теньцекаіа, Эрзянь д'зера, киіакскимь.

Песни.

I.

На опушке леса парень—Эрзя дрова рубил,
 На опушке леса молодец Мокша вырубал,
 Сам рубит парень—Эрзя, сам плачет,
 Сам рубит молодец—Мокша, сам горюет,
 Взглянул вверх, парень—Эрзя, ветра нет,
 Опять взглянул молодец—Мокша, облачков нет,
 Без ветра деревья поскрипывают,
 Без дождя травки покрываются росой,
 Взглянул в поле парень—Эрзя губаны идут,
 Взглянул опять, молодец Мокша Ногаи идут.
 Вегом уходил парень Эрзя на конец поля,
 Идя уходил молодец из лесу,
 Под мост парень—Эрзя прятался,
 Внутри моста молодец—Мокша заходил.
 Весь спрятался парень Эрзя, спрятался,
 Пола сумани*) у молодца—Мокши оставалась неспрятанной,
 Губаны прошли парня Эрзя не увидели,
 Ногаями молодец—Мокша остался незамеченным.
 Сзади всех проходил старый Нагай,
 На лошади—верблюде старый губан проезжал,
 Четырехглазая собака с ним бежала,
 Под мостиком парня—Эрзя увидала,
 За лапотный хвост молодца—Мокшу вытащила.
 Сырым ремнем старый губан его связал,
 На свою лошадь старый Ногай, перебросил,
 В страну Ногаев молодца—Мокшу доставил.
 Когда доставлен был парень—Эрзя перед ворота,
 Закричал Губан, старый Ногай, жене своей:
 — „Выходи ка, губанова жена, выходи ка,
 Выходи ка, Ногайская жена, выходи ка,
 В одной руке, губанская жена, выноси хлеб,
 В другой, Ногайская жена, выноси солонку“
 Я предмет издевательства, губанова жена, тебе привез.
 Я отдых, Ногайская жена, тебе доставил.
 Не то день парень—Эрзя теперь жил,
 Не то два—молодец Мокша теперь был.
 — Наруби-ка, парень Эрзя, мне дровец,
 Мужчины здесь, молодец—Мокша, никогда не рубит;
 Истопи ка, парень Эрзя, домик мой,
 Мужчины здесь, молодец—Мокша не топят;
 Подмети ка, парень—Эрзя, мой пол,
 Мужчины здесь, молодец—Мокша, не подметают;

*) Одежда.

Теса церат, Мокшонь ал'а, атенъцеть;
 Нурцикаа, Эрзянь д'зера, монь эйднимь,
 Теса церат, Мокшонь ал'а, ануриць —
 Утю-балю, губан бакша, балю — лю,
 Балю, балю, Ногай бакша, балю-лю;
 Пир'а пельдя, губан бакша, люкштятт'ан,
 Пр'аса правла, Ногай бакша, мон маштан,
 Пильге пельдя, губан бакша, люкштятт'ан,
 Пильге вийда, Ногай бакша, мон маштан.
 — Мякс сюдысак, Эрзянь д'зера, монь эйдимь,
 — Мякс азнысак, Мокшонь ал'а, монь бакшам?
 Кода лямиза, Эрзянь д'зера, тонь тятъкат?
 „Мяйсь лямиза, Губан-ава, монь дят'ам?
 „Монь дятинимь, Ногай-ава, Дуброва“
 „Кода лямиза, Эрзянь д'зера, тонь авкат“
 „Мяйсь лямиза, Губан-ава, монь авкам?
 — Монь авинимь, Ногай-ава, Дубурда“.
 „Кода лямиза, Эрзянь д'зера, тонь патькат?“
 „Мяйсь лямиза, Губан-ава, монь патькам?“
 — Монь патькинимь, Ногай-ава, Уляша.
 — Ох, іалакским, Эрзянь, д'зера, роднѣйнимь,
 — Ох, азырнимь, Мокшонь ал'а, тутана,
 — Сыря Губан минь дж'авлана юмамга
 — Сыря Ногай минь машттана арамга.

Записано в октябре 1921 г. в с. Мачкасах,
 Петр. у. от Василия Чапрева—53 лет.

II.

Вирь д'жириса Мокшонь, алясь пямькъ кярясь,
 Вирь д'жириса Эрзянь д'зерась пямькъ кярясь.
 Васть вачкыдя Мокшонь д'зерась, кавксть варчтэ,
 Васть вачкыдя Эрзянь алясь, колмоксть варчтэ.
 Вармафтума чуфтынитня чикыргацьтэ,
 Росафтума тикшинитня куваргацьтэ,
 Пизимфтимя, вай, пяльнитня раужкацьтэ.
 Икиливь варчтась Мокшонь алясь, губант сыть,
 Удалув варчтась Эрзянь д'зерась Ногайт сыть.
 Вай, козэнь—гозэнь Мокшонь алясь кекшекшнысь?
 Козэнь—гозэнь Эрзянь д'зерась кекшекшнысь?
 Пакс'а кунчкаса вай сэдня ульнись тязь,
 Сэдниньтэ алув Мокшонь алясь сувакшнысь,
 Сэдниньтэ алув Эрзянь д'зерась кекшекшнысь,
 Вая тарканда Мокшонь алясь кекшендя,
 Сумань болаза Эрзянь д'зеранть эзь кекшев.

Покачай, парень—Эрзя, моего ребенка,
Мужчины здесь, молодец—Мокша, не качают.
— „Утю—балю, губан—ребенок—балю—лю,
— Балю—балю, ногайский ребенок, балю—лю
Головой, губан—ребенок, брошу тебя,
Ума в голове, ногайский—ребенок, лишу тебя,
Ногами, губан—ребенок, ударю тебя“.
Силы ног, ногайский ребенок, лишу тебя“.
— Зачем проклинаешь, парень—Эрзя, мое дитя,
Зачем проклинаешь, молодец—Мокша, ребенка?
— „Как зовут, парень Эрзя, твоего отца?“
— „Зачем имя, губанова жена, моего отца?“
— „Мой батюшка, ногайская жена, Дуброва“.
— „Как зовут, парень Эрзя, твою мать?“
— „Зачем имя, губанова жена, моей матери?“
— „Моя матушка, ногайская жена, Дубурда“
— „Как зовут, парень—Эрзя, твою сестру?“
„Зачем имя, губанова жена, моей сестры?“
„Моя сестрица, ногайская жена, Уляша“.
— „Ох братец, парень Эрзя, родненький,
Ох, дорогой, молодец Мокша, уедем-ка,
Старого губана мы убьем, чтобы пропал.
Старого Ногай мы убьем, чтобы сгинул“.

II.

На краю леса Мокша—молодец рубил дрова,
На краю леса Эрзя—парень рубил дрова.
Раз ударит Мокша—молодец—два—посмотрит,
Раз ударит Эрзя—парень—три—посмотрит.
Без ветра деревья заскрипели,
Без росы травушка заросилась,
Да без дождя тучки зачернелись.
Вперед взглянул Мокша—молодец, идут губаны,
Назад взглянул Эрзя—парень идут Ногайцы.
Ой, куда, куда Мокша—молодец прятался?
Куда, куда Эрзя—парень скрывался?
Посреди поля, ой, сделан был мостик.
Под мостик молодец—Мокша прятался,
Под мостик Эрзя—парень укрывался;
Все места Мокша молодец прятал (там)
Пола сумани*) у Эрзи—парня осталась неспрятанной.

*) Сумань—мордовская верхняя одежда.

Вися губантнэ Мокшонь алянтэ ютакшныз.
 Удаву кадувсь да сыря Ногаись,
 Мякивь гадувсь мясть быти сыря Ногаись.
 Ниля сальмиса губанынть пинеза.
 Верблюдынъ губанынть ракшыза.
 Ниля сальмиса пинисъ Мокшонь алянтэ нееза,
 Сумань болнэньтэ Эрзянь д'зеранть кундызя,
 Сэдинть алда Мокшонь алянтэ таргизя.
 Ракшында трокс Эрзянь д'зеранть губанысь каизя,
 Вярискъ кшнаса Мокшонь алянтэ губанысь сюлмизя,
 Кудувгавов Эрзянь д'зеранть туизя.
 — Вай листька, листька, губан-ава листь ка-йа,
 — Тоньдять туинь Ногай-ава урия,
 — Анык пл'авкскя—нардавкскя,
 — Сура iamкскинь гонд'ама.
 Кавалалда губан-авасъ Мокшонь алянтэ кундызя,
 Кудувгавов Эрзянь д'зеранть ветезя.
 Мязинь дявнис сонда ней кармавцыникъ?
 Мязинь дявнис сонда ней кашардцыникъ?
 Чить ваныфтан мон кетстында стадыня,
 Вять ваныфтан мон кетстында тякиня.
 Чить ваныфтыть сынъ гететында стадыня,
 Вять ваныфтыть сынъ гететында тякиня.
 — Улю-бало, губан эйдъ, балюлю,
 Шулю-бало, Ногай эйдъ, балюлю,
 Пир'а пелевь, губан эйдъ, люкштятт'ан,
 — Пр'аса прявнис, Ногай-эйдъ, сувамга,
 — Пильгя пелевь, губан-эйдъ, люкштятт'ан,
 — Пильгя вийнис, Ногай-эйдъ, сувамга
 — Ароднэнетъ, губан-эйдъ, содэшкат,
 — Араскинеть, Ногай-эйдъ, содэшкат.
 Кудувгавов губан авасъ сувакшнысь,
 Ваксозонда Мокшонь алянтэ озакшнысь.
 „Вай костэн'ат, Эрзянь д'зера костэн'ат?
 — Кона мастырынъ Мокшонь ал'а чачумнить?
 „Кона таркининъ Эрзянь д'зера касумнить?“
 „Монъ чачумнимъ, губан-ава, тять мязьнинъ?
 Карга мастырынъ, Ногай-ава, чачумнимъ.
 „Тятять лямиза, Мокшонь ал'а, кодама?“
 „Тятьканъ лямиза, Ногай-ава, тять мязьнинъ?
 Тятьканъ лямиза, губан-ава, Пианза“.
 „Авкатъ лямиза, Эрзянь д'зера, кодама?“
 „Авканъ лямиза, Ногай-ава, тять мязьнинъ?
 Авканъ лямиза, губан-ава, Мианза“.
 „Эситъ лямнить, Мокшонь-ал'а, кодама?“

Все губаны Мокшу—молодца было прошли,
Позади остался лишь старый Ногаец,
Зачем-то остался старый Ногаец назади.
Собака губана четырехглазая,
Верблюд у губана—конь.
Четырехглазая собака Мокшу—молодца видела,
За полу сумани*) Эрзю—парня уцепила.
Из под моста Мокшу—молодца вытащила.
Через коня Эрзю—парня, губан перебосил,
Сырым ремнем Мокшу—молодца губан связал,
В дом к себе Эрзю—парня он привез.
— „Ой—выдь, ты выдь, губан—баба, выдь-ка ты:
Тебе привез я подарочек,
Заранее вымытый вытертый
Подобно просняному пшену“.
Под руки парня—Эрзю губан—баба прижала.
В дом к себе Мокшу—парня повела.
— Что заставим его делать мы теперь?
К какому делу мы его приспособим?
— Днем заставлю пасти стадо я его,
Ночь заставлю ребенка нянчить я его.
Днем заставила пасти Мокшу—молодца,
Ночью—качать Ногайского ребенка—Эрзю паренька.
— Улю—балу—губан—ребенок, балу—лю,
Шулю—балу, ногайское дитя, балу—лю.
Головой тебя ударю, Ногайское дитя,
— Чтобы до мозга головы ты вошел (в землю) ногайское дитя.
— С ног тебя ударю, ногайское дитя.
— Чтобы до силы ног ты вошел, ногайское дитя.
— Не родное, губанское дитя . . . (не переведено)
— Не (не переведено) . . . ногайское дитя, . . . (не переведено)
Вошла в дом к себе ногайская жена
Около молодца—Мокши она села.
— Ой, откуда ты, Эрзя—парень, откуда ты?
Какая страна твоя родина Мокша--молодец?
Какая страна тебя вырастила Эрзя—парень?
— Моя родина к чему тебе, Нагайская жена?
В стране журавлей моя родина.
— Отцу имя молодец—Мокша каково?
— Имя отца к чему тебе, ногайская жена?
— Отца зовут, губан—баба, Пиянза.
Матери имя, Эрзя—парень, каково?
— Имя матери к чему тебе, ногайская жена?
— Мою мать зовут, губан—баба, Миянза.
Твое имя, Мокша—молодец, каково?

*) Сумань—мордовская верхняя одежда.

— Мое имя к чему тебе, ногойская жена?
 „Эсинь лямим, Ногай-ава, тянь мязьнинь?
 Эсинь лямим, губан-ава, Паксиня“.
 „Патькоть лямниза, Эрзянь д'зера, кодама?“
 „Патькань лямниза, Ногай-ава, тять мязьнинь?
 Патькань лямниза, губан-ава, Уляша“.
 „Ох, іалакским, монцень Паксинись,
 Кодама арцимис, вай, Паксиня, арцит'ана?
 Кодама правнис, вай, Паксиня, кундатана?
 Вай минь машиныньк сыра Ноганть“ *).

Записано в октябре 1921 г. в с. Сивень-
 ких, Петр. уезда, от Анастасии Цирякиной, 55 л.

III.

Пиксан'аса*) од вялиса
 Ки. мар'авя, пекъ сюпавста,
 Ки. мар'авя, пекъ козевста?
 Одань Зема, Сема сюпав,
 Одань Зема, Сема козев,
 Пондан'аса сиіан'анда,
 Кафтын'аса пижан'анда,
 Шир'а лангса, сон, столангса,
 Іармак ловнэ, іармак цетэ,
 Іармакынь долж сон асодэ.
 Сема думя торговама,
 Сема думя нажувама,
 Азька, пола, ушт пси ба'на
 Канта—іат'а кяльмя вяд'ня,
 Орчась—карясь, полаза наряжась,
 Коск сыркакшнысь, сеск молекшнысь,
 Пси баниня сон уштыкшнысь,
 Кяльмя вядня сон кондыкшнысь.
 (Сась кудув и меря мирьдинстэ):
 — Азька, полай, пси бонинивь,
 Еварт'а—іа кяльмя вядьца.
 Коск молекшнысь, Сема пар'акшнысь,
 Кяльмя вядца сон евардыкшнысь.
 (Сема сась кудув и меря):
 „Аца-кая, полай, таркинимь,
 Лавц'ас тока ацамнимь,
 Потолокс тока тодовнимь“.
 (Матидивсь Сема и сыргытьсь)
 — Полагей, ней полайнимь,
 Полагей, ней вастыйнимь,

*) Пиксонкино—мол. село Куан. уезд. Сар. губ.

Меня зовут, губан—баба, Паксине.
Сестры твоей имя, Эрзя—парень, каково?
— Сестры имя—зачем тебе, ногойская жена?
— Сестру зовут, ногойская жена, Уляша.
— Ой ты, братец мой, братец Паксине!
Что подумаем с тобой, что мы сделаем?
За мысль какую мы уцепимся?
Мы убьем Ногойца старого.

III.

В Пиксанкине—новом селе
Кто—слышно—очень богат,
Кто, слышно, слишком богат?
Одань Сема, Сема богат,
Одань Сема, Сема богат,
В пуловке—серебро,
В двух—медь,
(непереведено*) на столе он,
Деньги считает, деньгами побрякивает**).
Толк в деньгах не знает он.
Сема думает торговать,
Сема думает наживать.
— Ступай жена, истопи горячу баню,
Принеси-ка воды холодной,
Оделась-обулась, жена наряжалась,
Как собиралась так уходила,
Горячую баню истопила,
Холодную воду приносила.
(Пришла домой и говорит мужу):
— Ступай, муж, в горячую баню,
Окатись холодной водицей,
Как приходил Сема, парился,
Холодной водой окупывался.
(Семен пришел домой и говорит):
„Постели ка, жена, мою постель,
Пусть до полок будет постель,
До потолка коснутся подушки“.
(Заснул Семен и проснулся).
„Пелагея—супруга,
Пелагея—встречающая,

*) Значение слова неизвестно.

**) Точнее—щелкает.

удат, кан'а ашт'ат.

Коск мадикшнннъ, матидивкшнннъ,
Длара оннэ мон нескшнннъ,
Титня, кофня монь пр'а валькссым
Валда тештня эльнесым

(Козайказа мера):

— Ох. Сема, полэйним, Сема, вастыйним.

Бути мол'ат торговама,
Бути мол'ат нажувама;
Ил'а мольт'а Тишь патятя,
Ил'а мольт'а Тишь аватя,
Грошкя каіак, лиіав зувак,
Кафта каіак, лиіас валтак

(Тусь торговама Сема)

Пачкыць пат'анда орта икиливъ,
Кардса—лишмиза асувафтувя
Патинида кардазув.
Сувафтызь кардса лишминда
Кафта пельля кардазув

(Пат'аза мера):

— Ад,а,—каіа, іалакским, кулув,
Ил'а—ка, іалакским, сува те кудыннъ
Те кудысыннъ чукить, іажить,
Чукить, іажить—пуль нолдѣть,
Тонь одежат гад'авить".
Сувафтызя пат'аза скотный гудынис,
Одежанда каіафтызя,
Андызя, симдизя,
Авасъ тлида чефта таркиня,
Коск мадивкшннъ Сема, матидивкшннъ
Патьказа баранке керчендя
Семань кафта пильгинда,
Нолдэзя качамникс ойменза.

Записано в сент. 1921 года в семье Сисем-
ках, Петр. уез. от Анны Павловны 55 лет

IV

Сисимъ годнать Кул'а сэрелись,
Ацамнъ марта Кул'а вйякиндысь,
Тодовня лаца Кул'а лавташкаться.
Вай атясь, атясь, Кулянъ дятясь,
Вай бабась, бабась, Кулянъ авась;
Татьказа озась Кулянъ бильгя пяс,
Авказа озась Кулянъ бир'а пяс.
— Дай алфтабыникъ васинъ зувининъ,

Не то спишь, не то бодрствуешь.

Как лег, так заснул,

Всехороший сон видел:

Солнца и луны у меня над головой,

А светлые звезды в подоле“.

(Жена говорит)

— „Ох, Сема, муженек, Сема, встречающий,

Если пойдешь торговать,

Если пойдешь наживать,

Не ходи к старшей своей сестре Тиши,

Не ходи к матери Тиши,

Грош положи, в другое место заходи,

Два клада, в другое место слазь“.

(Ушел торговать Семен).

Добрался до ворот сестры.

Лошадь, стоялую в конюшне, никак не введешь

К сестрице на двор.

Ввели лошадь, стоящую в конюшне,

С двух сторон на двор.

(Сестра говорит):

— „Пойдем-ка, братец, в дом,

Не входи в этот дом,

В этом доме сеют, мелют,

Сеют, мелют, пыль поднимают,

Твою одежду замарают“.

Ввела сестра его в скотный дом,

Одежду скинула ему.

Накормила напоила,

Постелила ему мягкую постель,

Как ложился Сема, так засыпал,

Сестра как барану спутала

Семену две ноги

И дымом выпустила его дух.

IV.

Семь лет Куля (Акулина) болела,

С постилкой Куля сравнилась,

Как подушка побледнела.

Ой старик, старик, Кулин отец,

Ой старуха, старуха, Кулина мать:

Отец сел у Кулиных ног,

Мать села у Кулиного изголовья.

— Давай помолвим (пообщаем) ее за первого вошедшего;

— Дай алфтасыникъ первой кявкстейиниъ.
 Ацамста чирькавць Кул'а рунгында,
 Тодовста кяпиць Кул'а пир'анда:
 Вай, ацась авкась аша столешнекъ,
 Вай, кырвасць тятъкась валда свеченя.
 Тарка крайнива налдась пильгинда.
 — Дай-ка, авай цюлкам, — башмакым,
 Цюлкам, — башмакым, нилива пал'ам,
 Нилива пал'ам, котова руц'ам,
 Котова руц'ам, шялинь гушакым,
 Шялинь гушакым, пяркъса запоным,
 Перъкса запоным, мешкса нар'адым,
 Мешкса нар'адым, пр'аса пр'а суримь.
 Вай, орчась, — карясь, Кул'а наряжась,
 Орта ушув Кул'а лисикшнысь;
 Вай чинь зд'амов варчтась — кяпиць пизимя пяль,
 Чи валгумнивь варчтась — нолдась пизимья.
 Вере Паз налдась сия лавсинда,
 Сиянь лавсинда, рисьминь ведьменда,
 Рисьминь ведьменда, тармак пиживь, аней, крюканда.
 Вай озакшнысь Кул'а сиянь лавсиньтя,
 Вяеть люкштядизя, аней, чуфтынъ зерь;
 Кавкъсть люкштядизя, аней, кафтынъ зерь;
 Колмокъсть люкштядизь — Вере Пазынть кутс,
 Вере Пазынть кянкш крайниза пандж'увсь.

Записано в сентябре 1921 года в с. Сидоров-
 ках, Петров. уезда от Надежды Сидоровой. 40

V.

Чичумада Митянь Гул'а удалась,
 Касумада боіаравась угад'авсь,
 Колыньгяминь годт Митянь Гулясь девкаке эрясь,
 Годэнь гор'ас колоньгяминь пал'ат тайсь
 Палянь гор'ас колыньгяминь руц'ат тайсь,
 Руцянь гор'ас колэньгяминь запотт тайсь,
 Пириянь гор'ас колэньгяминь пангыт тайсь,
 Макынь лопат Митянь Гулянь пал'анда,
 Макынь листкат боіараванть руц'анда,
 Макынь дзветкат Митянь Гулянь икильга — пац'анда,
 Пижинь голыц'ат Митянь Гулянь пангында.
 Орчась, карясь Митянь Гул'а наряжась,
 Орта крайга боіаравась лисикшнысь,
 Ульцянь гувалт туикшнысь.
 Карче енда Митянь Дюма Митянь Гулянь вастызя.
 „Сайт'ан, зайт'ан, боіаравась, покш урвакс,

— Давай помолвим ее первому спросившему.
С постели Куля подняла свое тело (стан),
О подушки Куля подняла голову.
Ой постелила мать белую скатерть,
Ой зажег отец светлую свечу,
По краю постели опустила она ноги.
— Давай-ка, мать, мои чулки—башмаки,
Чулки—башмаки, в четыре (ряда вышивки) сорочку,
В четыре—сорочку, в шесть—шущпан,
В шесть—шущпан, шалевый (шерст. красный) кушак,
Шалевый кушак, поясной запон,
Поясной запон, на грудь украшения, на голову убор.
Ой оделась—обулась, Куля нарядилась,
На улицу за ворота выходила;
Ой на восток посмотрела—поднялась дождевая туча,
На запад посмотрела—пошел дождичек.
Всевышний бог опустил серебряную зыбку;
Серебряную зыбку, тесьма из цепочек;
Тесьма из цепочек, денежной меди.—ой крючки.
Ой садилась Куля в серебряную зыбку,
Раз оттолкнулась—на высоту дерева,
Два раза оттолкнулась на высоту двух деревьев,
Три раза оттолкнулась—до дома Всевышнего Бога.
Край двери у Бога открылся....

V.

Рождением Дмитриева Куля (Акулина) удалась,
и по росту сударыня вышла.
Тридцать лет Дмитриева Куля в девушках жила,
По каждому году тридцать сорочек сделала,
По каждой сорочке тридцать шущпанов сшила,
По каждому шущпану тридцать запонов сделала,
На голову тридцать панг (гол. убор) сделала
Маковые листья у Дмитриевой Кули сорочки (вышивка),
Маковые листья у сударыни шущпаны,
Маковые цветы у Дмитриевой Акулины передники,
Медные кольца у Дмитриевой Акулины панги.
Оделась обулась Дмитриева Акулина—нарядилась,
За ворота сударыня выходила,
Вдоль улицы проходила.
С противоположной стороны Михайлов Тимофей Дмитриеву
Кулю встретил.

Ох мон зайт'ан, боіаравась, хрестыіанкакъ",
 „Мон амол'ан, Митянь Дюма, тоньдять покш урвакъ".
 — „Ужа кявксан Митянь Гул'а мон дятят.
 — Искуваса, боіаравась, мон авать".
 — Мякс амол'ат Митянь Гул'а покш урвакъ?
 Мон авечкса, ох тятюшай, нуиманть,
 Кялий икильксинь, ох авакай, саиманть.
 Мон авечкса саядя пяткань путуманть
 Ох мон вечкса экше таркаса аштиманть*)).

Записано в сентябре 1921 года в д. Н.-Сав-
 кинском выселке от Марфы Пензовой, 63 лет.

VI.

Мякс аіакат, іалган'акай, миньдяникъ пакарить марта?
 Мякс аіакат, іалган'акай, гребушкат марта?
 — Тят'ам арась, іалган'акай, кудыса,
 Авам туикшнысь, іалган'акай, вяшнимя,
 Вяшнись, вяшнись, іалган'акай, эзизя мук.
 Чикыргались, іалган'акай тятянь ортась,
 Лавузвн'акшнысь, іалган'акай, тятянь гардазванный—пинитня,
 Пешкедекшнысь, іалган'акай, пара ракшыда тятянь гардазысь,
 Пешкедекшнысь, іалган'акай, тятянь гардаз боца тулытня пара
 збруйда, чирькида, ашкыда,
 Пешкедекшнысь, іалган'акай тятянь куда поца тулытня та-
 тарынь жбагада,
 Пешкедекшнысь, іалган'акай, тятянь столекшесь од татарныда.
 Акозэнь, акозэнь кекшемс моньдянь, іалган'акай,—кекшнень
 кудикилив очка алув.
 Вяшнись. вяшииесь, іалган'акай, сыря татарт муимизь,
 Сыря татарт, душман датарт, муимизь.
 Татарт ускить, іалган'акай, а монь алис'ан
 Силуй—милуй іалган'акай. сынь монь даргимизь,
 Татарт вететь, іалган'акай, а мон амол'ан,
 Силуй—милуй, іалган'акай а монь саимизь,
 Татарт озафтыть, іалган'акай, а мон аозан,
 Силуй—милуй, іалган'акай а мон озакшнынь.
 Татарт ардыть, іалган'акай, а мон аіардан,
 Силуй—милуй, іалган'акай, а мон адыкшнынь.
 Татарт венчать, іалган'акай, а мон авенчан,
 Силуй—милуй, іалган'акай, а мон венчакшнынь
 Татарт матьсть, іалган'акай, а мон амад'ан,
 Силуй—милуй, іалган'акай, а мон мадикшнынь,
 Татарт вяшить, іалган'акай, а мон амаксан,
 Силуй—милуй, іалган'акай, а мон максыкшнынь*)

Записано в сентябре 1921 г. в с. Спиченьки,
 Петров. уезда, от Анастасии Пирякиной, 55 лет.

VII.

Чачумада, касумада Голев удалась.
 Голевынъ тятаза—аваза думить урвань д'ж'иіама,
 Голевынъ аваза покш кши очкында катсэ сондянда панимъ.
 Тят'аза катсэ Голевинъ кардца лишминда.
 Орчась, карась поряжась, тусть урвань джиіама,
 Вся окрыгынть іакизь, вся уездынись чарфтызь.
 Покш кши очкында Голев аванда панизъ,
 Кардца лишминда тят'анда андызъ,
 Голевынъ гонд'ама эсть мук урва сынъ,
 Голевынъ гонд'ама эсть мук васькама.
 Голевынъ зась іалгаза Роштованъ гудув модемя,
 — Ад'а-ка, іалгай, Роштованъ гудув,
 — Ад'а-ка, іалгай, киштимъ кудув.
 Голев сувафтызъ котова тарганъ пал'анда,
 Кавксува тарганъ руц'анда
 Горниторовый фатанда.
 Орчась—карясь Голев наряжась,
 Тузь Голев Роштованъ гудув,
 Моля, моля—іахыдъ,
 Козэнь асатэ—кирн'афтэ,
 Пачкытьсь Голев Роштованъ гудув
 Пачкытьсь Голев киштиманъ гудув.
 Голевынъ даргизь каштимъ,
 Пр'а вяльксында потолот ердэ,
 Иильгалдында мостенат синдя
 — Ох, іалгакай, ад'а-ка кудув.
 Мяке быти сядимъ ризнэ,
 Пачкытьсь Голев тят'анда орта лангэ,
 Корменець тятъказа Голевынъ кудув анолдасэ.
 — „Мерт'а—іат'а іатынь дят'асэ“
 „Ох тятюшай горьмушай,
 Кодама думниса думидя“
 Кодама правнис кундыля?
 — „Мерт'а—іат'а іатынь дят'асэ“.
 „Ульт'а—іат'а іатынь дят'асэ“.
 Мольць Голев кудикилькс икиливъ.
 Анолдасэ шкининъ авказа:
 — „Мерт'а—іат'а іатынь авасэ“ —
 „Ох, аушай горьмушай,
 Кодама думниса думидя,
 Кодама правнис кундыля?“
 — „Мерт'а—іат'а, іатынь авасэ?“ —
 „Корменецьким аушай,
 Ульт'а—іат'а іатынь авасэ“.

По рождению и по росту Голева удалась,
 Отец и мать Голевы думают сноху сватать.
 Мать Голеве большую квашню оставит печь,
 Отец Голеве оставит лошадь в конюшне.
 Оделись, обулись, нарядились, поехали сноху сватать,
 Весь округ об'ехали, весь уезд обошли.
 Большую квашню матери Голева выпекла.
 В конюшне лошадь отца накормила.
 Как Голева, не нашли они снохи себе,
 Как Голева, не нашли себе предмет издевательства.
 К Голеве пришла подруга звать в Рождественский дом.
 — „Пойдем-ка—подруга, в Рождественский дом,
 Пойдем ка, подруга, в плясовой дом“.
 Голева внесла в шесть рядов рубашку,
 В восемь рядов шушпан.
 „Горниторовую“ фату.
 Одевалась, обувалась Голева наряжалась,
 Пошла Голева в Рождественский дом.
 Идет, идет—взмахнет руками,
 До чего не достанет—подпрыгнет.
 Дошла Голева до Рождественского дома.
 Дошла Голева до плясового дома.
 Вытащили Голеву плясать,
 Головой потолок сбросит,
 Ногами мостины (полы) сломает.
 „Ох, подруга, пойдем-ка домой,
 Что то сердце мое болит“.
 Дошла Голева к воротам отцовой избы,
 Кормилец—батюшка Голеву в дом не пускает:
 — „Назови меня чужим отцом“.—
 „Ох, батюшка родимый,
 Какою думою вы думали,
 За какие мысли уцепились?“
 — „Назови меня чужим отцом“—
 „(Так) будь ты мне чужим отцом“.
 Дошла Голева до сеней,
 Не пускает родимая матушка:
 — „Назови меня чужой матерью“—
 „Ох, матушка родимая,
 Какою думою вы думали,
 За какие мысли вы уцепились?“
 — „Назови меня чужой матерью“—
 „Кормилица, матушка,
 (Так) будь ты чужой матерью“.

Мольць Голев куда кянкш удалув,
Анолдасэ іалаксыза:

— Мерт'а—іат'а поланяз'ат—

„Ох іалакским—ольный светым,

Кодама думниса думидя,

Кодама пр'авнис кундыдя“.

— „Мерт'а—іат'а поланяз'ат“—

„Ульт'а—іат'а поланяз'ат“.

Суvasь Голев кудув вачкыдинья кафта кеденда,

Пурдындя кяминь зурында,

Деркафтызя пр'астында горниторовый фатанда,

Ниливь сезезя, ниля н'акат сон дйсь,

Ниля угулга сон озафтындя:

— „Морадыіа н'акинимь,

Мясть шкинимь авкам думея,

Мясть корменець тят'ам думась“

Н'акатня кормасть нилинь бельдя морама.

— Марадыіа лазувыза мастырысь,

Мастыр алув туилинь.

Записано в сентябре 1931 года в с. Сивонь-
ких, Пет. уез. от Надежды Сидоровой. 48 лет.

VIII.

Грешный Лютова.

Тятъказа сюдызя кулумга,

Авказа сюдызя юманга,

Сисимь годнэть Лютова сэрелись,

Сисимь постельт сон наксавць.

Эзь гула, Лютова эзь гула—

Берек алув Лютовань ускизя,

Навоз бокас ердэзя.

Боіарысь ютась киіава,

Боіарынть церась сайзя эстында полакс.

Сон кан'а годнэ эр'акшнысь,

Кан'а кафта ютакшнысь,

Сон пякиіакшнысь, лангыіакшнысь, ¹⁾

Церань д'акай ²⁾ ишкакшнысь

Кши кочкеры кевгасым

Усть танырдаць номманджась ³⁾

Сиіань нур'ама нур'амыт,

Пижа рисьминь ведьменда

¹⁾ Сивоним слова забеременеть.

²⁾ Слово непонятно.

³⁾ Значение этих двух строк не знаю.

Дошла Голева до двери,
Не пускает младший брат:
— „Назови меня своим мужем“ —
„Ох, братец, вольный свет,
Какою думою вы думали,
За какие мысли уцепились?“
— „Назови меня своим мужем“ —
„Так будь ты мужем“.
Вошла Голева в дом, ударила обими руками,
Свернула десять своих пальцев,
Сдернула с головы горничниковую фату,
Начетверо разорвала, четыре куклы сделала,
В четыре угла их разсадила:
„Смотрите, мои куколки,
Что думает родимая матушка,
Что надумал кормилец батюшка“
Куколки стали с четырех сторон петь.
— „Спойте, чтобы треснула земля,
Чтобы под землю я ушла“.

VIII

Грешная Лютова.

Отец проклял смертью,
Мать прокляла, чтобы пропала:
Семь лет Лютова болела,
Семь постелей прогноила:
Не умерла Лютова, не умерла,
Под берег Лютову увозил,
На навоз бросил,
Барин проезжал дорогой,
Барский сын взял ее себе в жены.
Она не то год жила,
Не то два прошло,
Она забеременела
Мальчика . . . родила

Серебрянная зыбка—ее зыбка,
Медные целочки—шнурки,

Кува нурця авардя.
Грешный Лютовань мелезында лець
Соньценда васн'а жыжнянтя,
— „Пильгя пелевь люкшт'атта
Пильгя вийнес сувамга
Рунга пелевь люкшт'атта,
Алян ванес сувамга—“
Кува нурця-авардя.
Ки неезя рязизя?
Лютовань болась неезя,
Пингя пачтий рязизя.
— „Мякс, поланый, авард'ат?“
„Бода афавард'ан,
Тяткань гуда мелезым лець,
— Пант'а, полай, кши сюкурт,
Потмост улист каван'ат,
Лангыст улист валан'ат“.
Кильдизя полась лишминда,
Кардайста повосканда,
Кустима икиливь арафтызя,
Нафта пельдя поланда лифтизь,
Повозканья озафтызя,
Икилинда проводн'ак,
Удалында запятн'ак.
Мастырьось гайкстась пильгалдында,
Манились гайкстась пр'а вялькстында.
Вялинисында ульнись вялинь брумкс.
Сынь думасть боіар зай,
Сынь думасть—азыр зай,
Сынь шапканяет сайкшнызь,
Поклоннэть максыкшнысть,
— „Ил'ада максня поклоннэть,
Аф боіар зай, аф азыр ютай,
Грешный Лютова гостекс ютай“.
Тятканда кудув пачкыдикшнысь,
Орта икиливь зон сакшнысь,
Тятказа эзь лись ортань банджюма,
Тятказа туикшнысь вялинь брумксс,
Авкава эзь лись стречаіаманда,
Авказа туикшнысь супр'адкав,
Сон кудугаув сувакшнысь,
Пижа дуга авкандь мельга кучникшнысь:
„Стунай ефтак авката,
Грешный Лютова гостекс сась“.
Авказа эзь дума, Лютова жив—
Эвизя кадт супр'атканда.

Сама качает—сама плачет.
Грешной Лютове в мысль пришла
Ее прежняя жизнь.

— „Ногами ударю тебя—
Чтобы сила ног вошла,
Свиной (станом) ударю тебя
... вышла“.

Сама качает—сама плачет,
Но кто увидел, кто заметил?
Лютову муж увидел,
Жизненный спутник заметил.

— „Почему, жена, плачешь“?

— „Как не плакать,
Отцов дом в мысль пришел (вспомнился)“.

— „Пеки, жена, лепешки хлебные,
Чтобы внутри они были мягки.
Сверху были гладки.

Запряг муж лошадь,
На дворе в повозку.
Перед лестницей поставил.

С двух сторон жену вывели,
В повозку посадили.

Впереди—проводник,

Сзади—запятник.

Земля загрохотала под ногами ее,

Небо загрохотало над головой ее.

В селе был сельский сход.

Они думали—барин едет,

Они думали—сударь едет,

Поскидали они шапки,

Дали поклоны—

— „Не давайте поклонов,

Не барин едет, не сударь едет,

Грешная Лютова—в гости едет“.

До отцовского дома добиралась,

К воротам она подходила,

Отец не выходил отирать ворот.

Отец уходил на сельский сход,

Мать не выходила ее встречать,

Мать уходила на супрядку (дом где прядут),

Она в дом входила (Лютова),

Маленького братца за матерью посылала.

— „Ступай скажи матери,

Грешная Лютова в гости прибыла“,

Мать не думала, что Лютова жива,

Не оставила своей супрядки.

Кудыньть кругом чарафтызя,
Видя кодафканть кяризя,
Тулыни с понгавтызя,
Вачкотсь кафта кеденди,
Нурдындя кяминь сурынди.
Кода сакшнысь авказа супр'адкаста,
Тулыниньтя варчтакшнысь,
Лютовань годаусь неекшнезя,
Кармась Шкабавазынть кетста,
Эстянда стака орменя вяпима
Вяшикшнысь Шкаиныйть кетста
Курык времань гулыма.

Записано в 1920 году в июле в селе С.-Де-
бежайке от Анны Назяевой 38 л.

IX.

Сиамка марто Люкшамка
Туекшнысть кявинь даргама,
Сынъ даргастъ, таргастъ таргакшнысть,
Сынъ зафтасть, сафтасть, сафтакшнысть.
Сиамка меря: „симимам зась“
Люкшамка меря: „пякимь вачць“.
Сынъ дуйкшнысть вединь вяшнимя,
Вядь зяльминивь варчама;
Сынъ вядь зяльминя муикшнысть,
Вядь зяльминя варчакшнысть.
Симимань ащнезь-симекс симикшнысть,
Пякинъ бештязь iarцакшнысть.
Вердя кянитьсь туманнэ,
Туманыньть мяльга тусь пизимня,
Пизимьниньть мяльга, нолдась сиянь шуремня.
Соньць сиянь гольц'ат, кольц'анда,
Пижя рисьминь ведьменда.
Сиамка меря- „тон озак“
Люкшамка меря: „тон озак“.
Грешный Зиамка озакшнысь,
Вясть люкштядизя чуфтынъ зерь,
Омбоцеда люкштятсь кафтынъ зерь,
Колмоцеда—Шкабавазынтя. ¹⁾
Колма утумт утумында,
Шкабавазынть церась—полаза
Сон кан'а годнэ эр'акшнысь,
Кан'а кафта ютакшнысь,

¹⁾ Мокшанское назв. бога, по Эзяевски—Вав.

Вокруг дома (Лютова) прошла,
Правую разрезала.
На гвоздь повесила,
Ударила двумя руками,
Свернула десять пальцев,
Как приходила ее мать с супрядки,
На гвоздь взглянула,
Лютковы вышивку увидела,
Стала у всевышнего бога,
Себе тяжелой болезни просить.
Просила у бога она
Скорой смерти.

IX.

Сиямка вместе с Люкшамкой
Ходили рыть камни,
Они тащили, тащили, вытаскивали,
Они доставали, доставали, подаставали.
Сиямка говорит: „Пить хочу“,
Люкшамка говорит: „Есть хочу“.
Они пошли искать воды,
Глазок воды найти.
Они глазок воды находили,
Глазок воды нашли.
До уничтожения жажды питья напились,
До утоления голода наелись.
Сверху поднялся туман,
За туманом пошел дождичек,
За дождичком пустил (бог) серебряную зыбку.
Вся серебряная с кольцами,
Из медных цепочек шнуры.
Сиямка говорит: „ты садись“.
Люкшамка говорит: „ты садись“.
Дрешная Сиямка садилася,
Один толчек на высоту дерева,
В другой раз толчек на высоту двух деревьев,
Третий—к богу.
Три амбара амбаров,
Сын бога—муж ея,
Она же то год жила,
Не то два прошло,

Тятня гуда мелезында лець,
Авань гуднэ прывизында сась.
Шкабаваз нолдась нуремня.
Сиямкань нолодэзя мастыр авантя:
— Васть сярэгид'ан — авкаты марта прошт'ак
Омбоцеда сярэгид'ан — кянкшка листь
Колмоцеда — озак нур'амнис.

Записано в июле 1920 г. в с. С.-Лебежидзе,
Хвалын. у. от Анны Ваянцовой, 38 лет.

X.

Атятня ойсесть эземь бр'ас,
Бабатня ойсесть потмар лангс,
Атятня симить стопкаса
Бабатня симить ц'аркаса.
— „Ужыдыа, ефтан ефталма,
Асодэцянинь побаска“ —
Верьга лифтя гигаць болк,
Гигатня лифтить гигахснить,
Алга моля солдатынь болк
Солдатня молеть авардить.
— „Ужыдыа, гигат, учимизь,
Кона сторонань дж'ачумнинькь
Кона губернянь гасумнинькь?“
— Пендзань губернянь дж'ачумнишкь,
Сека мастырынь гасумнишкь.
— Тятям кучызыа колма конейкат,
Авам кучызыа аршин готстэня,
Сазырым кучызыа кел'анкш сурия,
Чись пидиньдзя вься плеченемь.
Гигатня лифтить гигахснить
Солдатня молеть аварькшнить
Сяльвядист молеть кальдырьца
Шворэнест молеть чольдерьца.

Записано в сентябре 1921 г. в с. Сивельки,
Петровского уезда от Анастасии Нирыкиной, 55 л.

XI.

Мастыр лангынь Дарюша грешный,
Мянил алда Дарюша уруска,
Мянил алда Дарюша сюдувскя,
Васн'а кулысь Дарюшань авказа,
Васн'а кулысь Дарюшань горьмаза,
Мяльганда кулысь Дарюшань альказа

Отцов дом ей вспоминался,
Материнский дом в мысль пришел.
Бог спустил выбку,
Сиямку пустил он к Матери земли:
— „Один раз крикну—прошайся с матерью,
Другой раз крикну—в дверь выходи,
В третий—сидись в зыбку“.

X.

Поседали старики на лавки,
Старухи поседали на судные лавки,
Старики пьют стопками,
Старухи пьют чарами.
— „Погодите, старики, расскажу сказочку,
Незнающим побасенку“. —
Высоко летит полк гусей,
Гуси летят гигакают,
Внизу идет полк солдат,
Солдаты идут плачут,
— „Погодите, гуси, подждите,
Какая сторона—ваше рождение?
Какой губернии—росли вы“?
— Пензенской губернии мы по рождению,
В той же земле и росли мы. —
— Пусть отец пришлет три копейки,
Пусть мать пришлет аршин холста.
Пусть сестра пришлет моток ниток,
Солнце сожгло мне мои плечи, —
Гуси летят все гигакают,
Солдаты идут все плачут.
Слезы их идут гремя,
Шпоры их звенят.“

XI.

На земле Дарюша грешнее всех,
Под небом Дарюша сиротливее всех,
Под небом Дарюша проклятее всех,
Сначала умерла у Дарюши матушка,
Сначала умерла у Дарюши горемычная,
За нею умер у Дарюши старший брат.

Олгае ваясь Дарюшянь урьказа,
Тятъказа асайнисэ Дарюшянь
Корьмаза асайнисэ Дарюшянь дж'ужойня,
Чокшнень гувалт Дарюшянь аштифсэ,
Кесак суря Дарюшянь гетста штирьдифтя,
Пецька сура Дарюша чукафтэ,
Осьмина іамкет Дарюша кедца тятифтя.
— Аз'а, Дар'а, живой вядь мяльга,
— Аз'а, Дар'а оймя вядь мяльга,
Кона порава кискат аонгеть,
Кона порава ат'акшт амореть.
Тусь Дарюша живой вядь мяльга,
Тусь Дарюша оймя вядь мяльга,
Шкинъ авказа лисикшнысь карчизында,
„Ил'а гандатт, Дарюша, ил'а-ка,
Мон тонъ шкинъ авкат, шкинъ горьмакат,
„На, живой вядьня, на, оймя вядьня.
Кона следга тон зыть,
Кона іанн'ава тон молеть,
Сека следга тон аз'а,
Сека следга тон молеть“.

(од авась кортэ:)

— „Мон, Дарюша, кучитинь юамга,
Мон, Дарюша, кучитинь арамга,
Моньдедень—гак курва злодеіат,
Моньдедень—гак курва апарат“.

Записано в сентябре 1921 г. в с. Сяненъях,
Петров. уезда, от Анастасия Пиракиной, 55 лет.

XII.

Кат'а Катюша, Катеринуша,
Ох, эзить машт тр'амам-ванумам
Ох, маштыкшныть монъ макумам.
Ох, максымикъ авкай душагубицьнинь,
Ох, душагубицьнинь, столоверещьнинь.
Ломатть мадить—туить салама,
Ах, алка вяднива молезь—молеть,
Сэрий вяднива уизь—уить,
Ох, карксамнива лома вярниса,
Конелкава сынъ рудайса.
Ой, ломатня ст'акшныть—саламста сыть,
Ат'акшня мореть—вай кудув зувить,
Кискат аонгеть вай таркас мадить.
„Ст'ака, тятяй, вай ст'ак, авай

В Волге утонула у Дарюши старшая сестра,
Отец не берет Дарюшу.....
Кормилец не берет Дарюшу к чужим,
Весь вечер заставляет ее сидеть,
Моток ниток Дарюшу заставляет спрядеть,
Печку проса Дарюшу—ободрать
Осьмину пшена Дарюша рукой дерет.
—Ступай, Даря, за живой водой.
—Иди, Даря, за водой души,
В пору, когда собаки не лают,
В пору, когда петухи не поют.
Пошла Дарюша за живой водой.
Пошла Дарюша за водой души,
Родная матушка к ней вышла навстречу:
—„Не пугайся, Дарюша, не пугайся.
Я, твоя кормилица мать-горемычная.
На, живой воды, на, воды души,
Каким следом ты пришла,
Какой дорогой ты шла,
Тем же следом ты ступай,..
Тем же следом ты уходи.“

(Мачеха говорит:)

—„Я Дарюша, посылала, чтобы ты пропала,
Я Дарюша, посылала, чтобы уничтожилась ты.
Больше чем я, курва, злодейка ты.
Больше чем я, курва, зла!“

XII.

Катя, Катюша, Катериноушка,
Ох не сумела ты меня выкормить-вырастить,
Ох сумела ты выдать меня,
Ох выдала мать за душегубца,
Ох за душегуаца, за старовера,
Люди ложатся—они воровать идут.
Ах, по мелкой воде, идя, идут,
По глубокой воде плывя плывут.
Ох по пояс они в человеческой крови,
По колен в грязи они.
Ой люди встают—они с воровства идут.
Петухи поют-домой входят,
Собаки не лают—в постель ложатся,
„Ой, вставай-ка, отец, вставай-ка мать,

Вай, тиринь дяткатня мянь тон срава “,*)
 Ой, шкинимь авказа валнэ каякшнысь,
 Вай, вялинь зудиат орта крайга сувакшнысь,
 Вай, вялинь атятня кода суд’асызь,
 — „Ох кода ней минь суд’асыникь,
 Вере Пазынтя аней алфтасыникь,
 Ох, вялинь судият, вялинь атятня,
 Ох, молян лучи аней кисынза,
 Ох, вай тоньць азряват,
 Ох, мязинь гис сонда тон прикъ,
 Мязинь гис сонда кастыкъ
 Ой ульнись кода грудинь ботай сон,
 Сеста ваныликь тонафтыликь,
 А сон ней тондять атонафтувя,
 Ист’ан’а жал’ат, ист’ан’я кундат.
 — Ил’а кула лома вярниса,
 Лома ойметня сон лама згубась,
 Судимизь моньценъ, рядимизь моньценъ.

Записано в сентябре 1921 года в с. Сявель-
 ких, Петров. уез. от Анастасии Пиракиной, 55 л.

XIII.

Лугава іакя сыря алаша,
 Мьялганда іакя сыря татар,
 Мьялганда іакя сыря татарысь,
 Вишинь гжиза кавалала,
 Вишинь гжиза кавалалында,
 Лявшинь нофта кедь гыргаса.
 — „Вай, ил’а-ка—іака, татар, монь мяльга.
 Ил’ама-ка маньчя вишинь гжиса,
 Ил’ама-ка куньця лявшинь нофца.
 Колэньгяминь годт служинь монь воевень,
 Палы свечат, татар, ульнисть монь зяльминимь,
 Кичкакс чарасть, татар, іакый бильгинимь,
 Налксизь налксисть, татар, монь билинимь,
 Юдмакс юводсь, татар, монь булынимь.
 Пушкань гачама, татар, сяльмим гяриндя,
 Мелка кявнис, татар, лазнувьсть пильгинимь.
 Пушкань долнэс, татар, пултавьсь пулынимь.
 Пушкань вальгийс, татар, амаривкет пилинимь,
 Пушкань усксизь, татар, іажавсь рунгинимь, *)

Записано в сентябре 1921 года в с. Сявель-
 ких, Петров. уез., от Анастасии Пиракиной, 55 л.

* Значение слова неизвестно.

Ой, кормилец-отец.....,
Родимая мать словечко молвила.
Ой, сельские судьи в край ворот вошли,
Ой, сельские старики как осудят,
„Ох как теперь мы осудим их,
Всевышнему богу пообещаем.“
— Ой, сельские судьи, сельские старики.
Ох, пойду лучше за него“
— „Ох сама ты нам не нужна,
Ох, для чего ты его выкормила,
Для чего его вырастила?...“
Ой когда был грудным, сосущим (молоко),
Тогда смотрела бы за ним и учила,
А теперь тебе его не выучить.
Так пожалеешь—Так (когда) поймаешь (испытаешь),
Не умирай за людскую кровь,
Человеческих душ он много сгубил.
Судите меня, осуждайте меня.

XIII.

По лугу ходит старая лошадь,
За нею ходит старый татарин,
За нею ходит старый татарин,
Полбяной хлеб у него под мышкой,
Полбяной хлеб у него под мышкой,
Мочальный недоуздок у него на руке.
— „Ой не ходи, татарин, за мною.
Не мани меня полбяным хлебом,
Не лови меня мочальным недоуздкой.
Тринадцать лет я служила—воевала,
Горящие свечи, татарин, были мои глаза,
Вертелись мои ходячие ноженьки,
(непереведено) татарин, мой хвост,
Играя играли, татарин, мои уши,
Дым пушек, татарин, срезал мои глаза,
О мелкие камешки, татарин, истрескала мои ноженьки,
О пушечный огонь, татарин, сжегся мой хвост,
Чрез пушечный голос (грохот), татарин, не слышат мои уши,
От перевоза пушек, татарин, сломался мой стан“.

XIV.

Маштыкшынь, авакай, тр'амам ванумам,
Эзить машт, авкай, тон юмафтумам,
Максымикъ, авкай, воронъ д'зеранинь,
Воронъ д'зеранинь, вор атаманнынь,
Сынь дчинъ гувалма, сынь удыть аштить,
Чиза чонодя, бан'а уштыть,
Бан'аса парить, сынь симить-iarцыть,
Симить-iarцыть, свеча кырвастить,
Свеча кырвастить, Пазнэнь ознэть,
Пазнэнь ознэть, салама туить.

Записано в 1921 году в сент., в с. Мачкас-
сах, Петров. уез. от Марии Чапровой, 60 лет.

XV.

Верденя, вердя уткинесъ лифте,
Мяниль ежова, —геште еткова,
Сон козэй, гозэй уткинесъ лифай.
Яикъ мастырнес, пижа луганес.
Валда эркенес—экше береккес,
Тоса Оленка муська, муська,
Омбо берекса Илюшка якай
Кедьсэнда ружия.
Сон козэй гозэй утканесъ токавсь?
Виде бокас, виде кавалалкс,
Кудув молезь, Оленка пичкалезь,
Кинянь-гак Оленка аефтай,
Кува якай, Оленка аварде и мел'афтэ,
Оцю лялякс Оленкань неезя,
Мякс тон авард'ат, мякс мел'афат"
— „Кода афавард'ан—кода афмел'афтан
Цокш урвазимъ солдаткакс кэдува;
Бутя ул'ан кулыкс—, бутя ул'ан юмамкс.
Тярьдинька Илькань gropынь дяима
Гропонъ дяима, калмынь дж'увума.

Записано в июле 1920 года в с. С.-Лебе-
жайкс, Хвал. уез. от Ивана Баянина, 78 лет.

XVI.

Чачумада, касумада од д'зерась удалась,
Тят'анстэ „тятяй“ эсь мерья,
Аванстэ „авай“ эсь мерня,
Тят'аза сюдызя сонда юмамга,

XIV.

Сумела, матушка, меня вскормить, вырастить.
Не сумела, матушка, меня потерять.
Выдала меня, матушка, сыну вора.
Сыну вора, вора атамана.
Весь день они спят, сидят,
День смеркнет, баню топят;
В бане попарятся, они пьют-едят;
Поньют-поедят, свечу зажгут;
Свечу зажгут, богу молятся
Богу помолятся, воровать пойдут.

XV.

Высоко, высоко летит уточка,
Окою неба, между звезд.
Куда, куда летит уточка?
В Яик землю, на зеленый луг,
На Светлое озеро, на прохладный берег.
Там Аленушка полощет (белье),
По другому берегу Илюша ходит.
В руках его ружье
Куда, куда уточке попало (простреляна)?
В правый бок, в правую подмышку.
Домой идет Аленушка лечиться (выздоровливать)
Викому Аленушка не говорит,
Где ходит там плачет и горюет.
Старший брат Аленушку увидел:
„Почему ты плачешь, почему горюешь?“
— „Как не плакать не горевать—
Старшая сноха в солдатках останется.
Если я умру, если пропаду—
Призовите Илюшу гроб делать,
Гроб делать, могилу рыть.“

XVI.

Рождением и ростом молодой парень удался;
Отцу „отец“ не говорил,
Матери „мать“ не говорил;
Отец проклял его, чтобы он пропал,

Аваза сюдызя сонда арамга.
Ацама марта од д'зерась вйякиндысь;
Тодовня лаца од д'зерась ловтакань.
— Ох, аушай, горьмушай,
Кулумась іакя монь мялыга,
Сивуй ракта алында;
'Черкский зедла лангсында;
Немечень гукшун кетсында;
Вулатный бяиль эйсында;
„Идимака, шкинимь аушай,
Рамамака корменецкемь горьмуший.
— „Кода эйднимь идит'ан
— Кода эйднимь раматан?“
Паньт'а—іат'а здобиный сюкурныть
Тоньцеть грудьста ловценес,
Путыт'а—іа васинь зувамнис... ¹⁾

Записано в сентябре 1921 г. в с. Сивеньских,
Петр. у. от Анастасии Перяжиной, 55

XVII.

Адада. іалгай Китай мастурув,
Китай мастырца пара эрямась, 2 р.
Китай мастырца уличись лама, 3 р.
Тоса авидить—сокеть калац'ада іарцыть,
Аштирдить—кодэть шолкса-парцыйса якить.

Записано в 1919 году в с. Сивеньских,
уезда от Ульяны Лукошковой, 52 лет.

XVIII.

Кодама мора минь моратана,
Кодама ефталма минь ефтатана,
Мазый морэня минь моратана,
Мазый ефталма минь ефтатана.
„Вай верьга, верьга лифтить вирь уткат,
Седе-іак верьга лифтить идимкат,
Вай козэнь, гозэнь валгить ярцама?
Пяже луга лангс валгить ярцама
Вай козэнь гозэнь лифтить симимя?
Кяльмя лисьма пр'ас валгить симимя,
Вай козэнь, гозэнь валгить оймама?
Аша песок лангс валгить оймама“.

Записано в октябре 1921 год.
Петр. уезда от Марии Чапровой, 60 лет.

¹⁾ Песня незаблечена.

Мать прокляла его, чтобы он уничтожился.
Постели молодой парень уподобился,
Как подушка, молодой парень побелел.
— Ой, матушка родимая,
Смерть ходит за мною,
Сивая лошадь под нею.
Черкасское седло на ней (лошади);
Немецкий кувшин у ней (смерти) в руке:
Булатный нож в нем (кувшине);
Выручи, родимая матушка,
Выкупи кормилица, родимая“.
— Как, дитятко, тебя выручу?
— Как, дитятко, тебя выкуплю?
— Испеки-ка едобные пышки,
Из молока груди твоей.
Положи-ка их у первого входа

XVII.

Пойдемте, друзья, во Китайскую страну,
Во Китайской во земле хорошее житье,
Во Китайской во земле много богатства;
Там не сеют-пашут, калачи едят;
Не придут-ткнут, в шелке и парче ходят.

XVIII.

Какую песню мы споем,
Какую сказку мы расскажем?
Красивую песенку мы споем,
Красивую сказку мы расскажем.
„О, высоко, высоко летят лесные утки,
Еще выше летят гуси.
О, куда, куда спустятся они есть?
На зеленый луг спустятся есть.
О, куда, куда прилетят они пить?
На холодный родничек спустятся пить.
О, куда, куда спустятся отдохнуть?
На белый песок спустятся отдохнуть“.

XIX.

Верьга лифтить утятня,
Селе-іак верьга лифтить утятня,
Пяль юткува, темтя валдова,
Лифтить утятня мяниль сжова,
Лифтить утятня каргынь гиіава.
Вай козэнь, гозэнь утятня валгить?
Покшон бокш пакс'ав пакс'а кунчкинис,
Пакс'а кунчкинис, ниже дугинис,
Луганть кунчкасо валдо эрькиня,
Эрькыньт кругом сильдей пулыня.
Сильдей ало утянь пизынись.

Записано в октябре 1921 года с. Мачисох,
Петров. уезда, от Марии Чапровой, 60 лет.

XX.

Тиньге удалга Машун'а вазт вяшня,
Вяшнись, вяшнись Машун'а эсть муявт.
Карча енда поланяндю вастызя,
— „Дайка, полай, пиринить чавсиса“.
Чавсись, чавсись Машун'а—полаза матидивсь,
Таргась пияль Машун'а, човезя,
Эсь поланда Машун'а пячкизя,
Вить пильгинда Машун'а юкенизя,
Вить карькекинда Машун'а таргизя,
Кыргазында Машун'а килькштизя,
Килий алув Машун'а ускизя,
Секс лопаса Машун'а вяльтизя.
— Ки неезя Машунянь рядизя?
Семіон датар Машунянь неезя,
Семіон датар Машунянь рядизя—
„Ил'а кеньгел'а Машун'а ил'а-ка
Мяке Машун'а карь бокенет вяривевь?
Мяке Машун'а руц'а полнеть пургавскскя“?
— „Чиинь, джиинь, Семіон датар, пупурдинь,
Кургым-чамам Семіон датар тапавкшныеть“
— Ил'а кеньгел'а Машун'а ил'а-ка
Моньць рядитинь Машун'а, моньць чеетень.

Записано в сентябре 1921 г. в селе Сичезаево,
Петр. уезда, от Анастасии Перякиной 55 лет.

XXI.

Саратувса сэнь долнэ палэ,
Сэнь долнэ палэ, сэнь гачама лися,
Качамнись лися, сермат сермадэ:

XIX.

Высоко летят утки,
Еще выше летят утки,
Среди облаков и светлых звезд,
Летят утки около неба,
Летят утки дорогой журавлей.
О, куда, куда спустятся утки?
В самое большое поле, посреди поля,
Посреди поля, на зеленый луг.
Посреди зеленого луга-светлое озеро
Вокруг озера селезня хвост,
Под хвостом селезня утиное гнездышко.

XX.

За гумнами Машуня телят ищет,
Искала, искала Машуня—не нашлись.
С встречной стороны мужа встретила.
—„Давай ка, муженек, поищу в головке“,
Била, била Машуня—муж заснул.
Вытащила нож Машуня, наточила,
Своего мужа Машуня зарезала.
Правую ногу Машуня разула,
Правую (с ноги) оборку Машуня выдернула,
На шею ему привязала,
Под березу Машуня оттащила,
Осенними листьями Машуня прикрыла.
Кто увидел Машуню, подметил?
Семен татарин Машуню увидел,
Семен татарин Машуню подметил,
—„Не ври, Машуня, не ври-ка,
Почему у тебя, Машуня, бок лаптя в крови?
Почему, Машуня, пола шушпана забрызгана?“
—„Бежала, бежала, Семен татарин, споткнулась,
Лицо и рот, Семен татарин, разбила.“
—„Не ври, Машуня, не ври-ка,
Сам видел, Машуня, сам подметил“.

XXI.

В Саратове синий огонек горит,
Синий огонек горит, синий дым выходит,
Дымок выходит, письма пишет:

— Ох вйикинива солдатсва моля,
 Ох вйикинива некрутствась ютэ.
 Тят'анза чавиз'я, вялиньть кадызя.
 Аванза чавиз'я, кудыньть кадызя.
 Ох аваза іакась вялинь атятьниниць,
 Вялинь атятьниниць, судиіа ланга.
 — „Вялинь атат, вялинь зудиіат,
 Судинька эйдним вернаста,
 Судинька эйдним правдаста“
 — „Кода минь суд'ама корматана тонь марта“
 Путькь прывнись, ефтак тянда толк,
 Минь апутеыникь прывнись сонда.
 Минь аефатана толк тянда.
 Тон дрикь, ваныкь ломаньчка сон гасць*)....
 — „Кодама прывнис тон кудыть
 Кодама думниса тон думить“.....
 — „Уж шкинимь аушай монь ведь,
 Лихый ломатть прывнис пугымызь
 Аушай идимак лихый ломыниць прывста.....
 (Ломанись, мякивь зуvasь и сонда судизь, ист'а, шты солдатке
 эзизь сай..
 „Ох пей вот те жизньась сась, а моресь пкиливь моравсь“
 кортась ефнецась морэить.

Записано в сентябре 1921 года в с. Сисень-
 ких от А. Перяниной, 55 лет.

XXII.

* Вай вереть алыт штань гудында;
 Вай муралиныйть орта столбанда;—2 раза
 Ох, пичя сядиинь орта досканда,—2 раза
 Ой, ярмак пижинь орта пятанда,—2 раза
 Ох, сиіаса валуфт доска юткунда.—2 раза
 Вай, кулан гулан тиринь дятакай,—2 раза
 Ой, юман, юман шкинимь авакай,—2 раза
 Ой, кулан, авай, иничинь джиста,—2 раза
 Ой, кулан, авай, обедн'а марта.—2 раза
 Кулан, гулан заутерн'а юткаста —2 раза.

Записано в сентябре 1921 года в с. Сисень-
 ких от Авдотьи Перяниной, 55 л.

XXIII.

Ад'ада, іалгат, іалгат, іакама,
 Горнинов цет'ат сезнемя**)

* Видимо в песне пропуск.

** Песня поется весной, девушками, провожающими бесну.

Ой, солдатство по одинцам идет,
Ох, некрутчина по одинцам проходит.
Отца избил, село оставил,
Мать избил, дом покинул.
Ох мать ходила к сельским старикам,
К сельским старикам, по судьям.
— „Сельские старики, сельские судьи,
Разсудите дитя мое верно,
Разсудите дитя мое правдою“.
— „Как мы будем судить с тобой (когда ты здесь).
Наставь его на ум, скажи ему толк,
Мы не наставим его на ум.
Мы не скажем толка ему.
Ты вскормила, вынянчивала его, человеком он вырос“.
— „За какой ум ты взялся?
Какою думой ты думал?“
— „Уж, родимая матушка, мне ведь,
Злые люди вложили ум,
Матушка выручи меня от ума злых людей“.
(Человек вновь вошел в дом свой, и его осудили так, что в
солдаты не взяли. „Ох теперь вот эта жизнь пришла, а песни
и прежде пелась“ говорила рассказчица).

XXII.

Ой, высоко, низко восковые дома,
Ой, муравленные воротные столбы, 2 раз.
Ох, из сердцевины сосны доски ворот, 2 раз.
Ой, из денежной мели пята ворот, 2 раз.
Ох, серебром залиты промежутки досок, 2 раз.
Ой, умру, умру, кормилец тятенька, 2 раз.
Ой, пропаду, пропаду, родимая маменька, 2 раз.
Ой, умру, мать, в день Пасхи, 2 раз.
Ой, умру, мать, во время обедни, 2 раз.
Умру, умру между заутреней (и обедней). 2 раз.

XXIII.

Пойдемте, подруги, подруги, ходить,
Бубенцы-цветы срывать,

По краям лба, подруги, прикладывать.
Около ушей, подруги, прикреплять.
Пойдемте, подруги, в пятницу на базар,
В пятницу на базар, в пятницу на ярмарку,
Может быть, увидим бурлака Семушку.
Впереди идет красивая Танюша,
За ней идет бурлак Семуша.
За край волос Семуша взял ее.
— „Ох не пойду, Сема, к тебе я подругой (женой),
Ой не пойду к тебе теперь я в друзья,
Говорят, ты очень беден.
Говорят ты не зажиточен“.
— „Ты не слушай людей не слушай-ка,
Ты не живи чужим умом, не живи-ка.
Я сам дам тебе ума“.

XXIV

Ходил, ходил черный недруг
По желтой дороге.
Увидел черный недруг
Красивое тело
На яме красивое тело

.....
.....наклонюсь.....
.....

В саях красивое тело
За дом привез.
Хотя положишь, но за дом не довезешь.
Хоть довезешь, черный недруг,
Борзыми собаками не затравишь;
Хоть затравишь борзыми собаками,
Домой меня не внесешь;
Хоть внесешь, черный недруг,
Не зарежешь, не зарезать,
Хоть зарежешь, черный недруг,
Не сдерешь (шкуру, кожу);
Хоть сдерешь, черный недруг,
Не продашь.

XXV.

Иванынь Матрясь удалась:
Чачумада, касумада,
Базарга іакамада,
— Базарга іакай,
Лавка пяса аштіа,
Іала ваньць, ваньць,
Кумаць пя кундась,
Иванынь Матрясь удалась пекь,
Іаамада кямьготова руц'аса'—
Кета таргавке руц'аса,—
Горниторовой фатаса,—
Иванынь Матрясь улыц'ава іакай —
Пара колошятинь пильгизында путсындя,
Карксыза од....
Кеденда кундасай
Иванынь Матр'а ков іакить"
— Базарув—кумаць пулынь рамама,
Чи ютазь тага
Иванынь Матрясь базарна.

Записано в июне 1920 года в с. С. Лебджайо
от Пелага Афиносьевы. 50 лет.

XXVI.

Васька Дугакай

То куринкасо монь гонд'амо гость арась,
Рештовань кудео, монь гонд'амо стирь арась,
Вяся цератня, Васька дугакай, вечксамизь,
Вшын'адо-іак, Васька дугакай, симт'амизь,
Закускин'адо-іак, Васька дугакай, анцамизь,
— Ков тяить, патяй, тон д'ж'ачинь гасынь прывнить?
— Прывнемь савиндя, Васька дугакай, дурак Илюшань Гриша.
А монь пац'а поте, Васька дугакай, сюлминдя,
Чары варминис, Васька дугакай, нолдэзи,
Дурак оз'аскесь, Васька дугакай, кундызи
Сон пизо ашкёкс, Васька дугакай, тяиньдя,
Сон колма ашнеть, Васька дугакай, алысь,
Колмо нядльнить, Васька дугакай, аштикнёсь,
Сон колмо лавкскить, Васька дугакай, лифтикснись.

Записано в с. Вареновке, Хвалыинск. уезда от
крестьянки Марии Рыбушаной 63 лет Василием
Пивакшиным в 1921 году 28/XII.

XXV.

Иванова Матрена удалась:

И рождением и ростом.

По базару ходит,

Около лавки стоит,

Все смотрела, смотрела,

Конец кумача уценила.

Иванова Матрена очень удалась

Ходить в шестнадцати шупанах,

В шесть рядов—шупанах

Горнитуровой фате.

Иванова Матрена по улице ходит,

Хорошие колоши у нея на ногах,

Пояс ее нов.

За руку ее возьму:

Иванова Матрена, куда ходила?

— На базар—кумачевый хвост (к панго) купить—

Через день опять

Иванова Матрена на базаре.

XXVI.

Васька—Братец.

В этом курмыше такого, как я, гостя нет.

В Рождественском доме такой, как я девушки нет.

Все мужчины, Вася—братец, меня любят.

И вином, Вася—братец, меня поят,

Закусками, Вася—братец, меня кормят.

—Куда ты дела, сестрица, твой природный рассудок?

—Мой рассудок, Вася—братец, взял дурак Ильин Гринца.

В мой платок, Вася—братец, его завязал.

В кружащий ветер (вихрь), Вася—братец, его пустил.

Дурень—воробейшек, Вася—братец, его поймал.

Он хомутом (кругом для гнезда) его сделал,

Он три яйца, Вася—братец, снес.

Три недели, Вася—братец, сидел на них.

Он три детенышка, Вася—братец, вывел.

XXVII.

Нанат—Мат'ат чачумада удалась,
 Натат—Мат'ат касумада удалась,
 Вя кялисынть, вя сэрисинть, вя пильгинь чалгамнисынть.
 Вя походцыт, вя варчтафцыт,
 Кона Матясь, кона Натась—
 Асодавить кинянд'ак.
 Мязинь гувалт Мат'ат—Натат содавить?
 Мязинь гувалт Натат—Мат'ат приметавить?
 Натань гиргаса пижя левтань грес ведмя,
 Матянь гиргаса пижя рисьминь грес ведмя,
 Ногай локшыт сынъет пулыст.
 Косо аштить Натат—Мат'ат?
 Косо удыть Натат—Мат'ат?
 Веря, веря абарца,
 Абар киіакс кунчкаса,
 Гулькань бухынь додовыст,
 Уткань бухынь ацамыст,
 Нумулынъ д'жубат вяльт'амыст;
 Колыныгяминъ год эрясть
 Вясть—как улыц'ав эсть лисня
 Цера марта эсть кортня
 Церанъ гедь бяс эсть кунця,
 Церанъ полалув эсть арця
 Думасть—эрдистъ, пат'ат—сазырт,
 Чокшненъ улыц'ас лисимя.
 Панда пр'аста чокшня валксть,
 Покш улыцяньтя моразъ дусть
 Церанъ гедь бяс сынъ (гуидасть)
 Церанъ болалув сынъ зувасть
 Мольцьть валцкя ст'афтумасть,
 Мольцьть валцкя варчамасть,
 Арась Ната таркасынть,
 Арась Мат'а абарцыньть,
 Ков дусъ Ната, ков дусъ Мат'а
 Козэнь юмасть течя сынъ?
 Натанъ муизь пичи пандета
 Матянь муизь покш лугаста.

Записано в сентябре 1921 года в с. Сивень-
 бих, Петр. уезда от Анастасии Перяиной, 55 лет.

XXVIII.

Сема, Семоша бедный Земаша,
 Семема, Семеюша, Трекыйый Земаша—

XXVII.

Ната (Наталия) — Матя (Матрена) рождением удались,
Ната — Матя и по росту удались,
Одной ширины, одного роста, одной поступи ног (походки),
Одной походки, одного взгляда,
Которая Матя, которая Ната —
Не узнать никому.
По чему Матю — Натю узнать?
По чему Натю — Матю приметить?
У Наты не шее шнур он из зеленой ленты,
У Мати на шее шнур из медной цепочки.
Погайские кнуты у них косы,
Где находятся Ната — Матя?
Где спят Ната — Матя?
Высоко, высоко в (абаре ¹⁾).
..... по среди пола,
Из голубиноного пуха их подушки,
Из утиноного пуха их подстилки,
Из заячьей шубы их покрывала;
Тридцать лет они жили.
Виразу на улицу не выходили,
С мужчинами не говорили,
Мужчину за руку не брали,
Под полу к мужчине не вставали,
Жили — вздумали сестры ²⁾
На вечернюю улицу выйти.
С горы вечером спустились,
На большую улицу с пением пошли,
Мужчин за руку они взяли,
Мужчине под полу они встали.
Пошли на утро их будить,
Пошли на утро их навестить.
Нет Наты на постели,
Нет Мати в абаре ³⁾
Куда пошла Ната, куда пошла Матя.
Куда нынче они пропали?
Натю нашли на сосновой горе,
Матю нашли на большом дугу.

XXVIII.

Сема, Семаша, бедный Семаша,
Сема, Семаша, грешный Семаша.

¹⁾ Значение неизвестно.

²⁾ Точнее старшая и младшая сестры.

³⁾ Значение забыто.

Тятянстэ „тятый“ Сема амерель,
Аванстэ „авай“ Сема амерель,
Тятянстэ мерель Сема „сыря киска“,
Аванстэ мерель Сема „сыря сука“,
Арасиль Земань кильдимс ракпыза,
Арасиль Земань кильдимс соказа,
Думась—эрыць Сема сокама,
Думась—эрясь Сема видима,
Тятянстэ понась Сема кшнаць локша,
Аванстэ панась Сема рысьмень локша,
Тятянда кильдизя Сема сокама,
Аванда кильдизя Сема изама,
Сука поланда Сема ол'ас полдэзя.

Записано в сентябре 1921 года, в Сявель-
ках, Петр. уезде, от Анастасия Перякиной, 59 лет.

Отцу Сема „отец“ не говорил,
Матери Сема „мать“ не говорил,
Отцу Сема говорил „старая собака“,
Матери Сема говорил „старая сука“.
Не было у Семы запрещь лошади,
Не было у Семы запрещь сохи.
Жил—вздумал Сема пахать,
Жил—вздумал Сема сеять,
Отцу свил Сема ременный кнут.
Матери свил Сема из цепочек кнут,
Отца запряг Сема пахать,
Мать запряг Сема боронить,
Суку—жену Сема на волю пустил.

Сын Еремей.

XXIX.

Еремеев сын дрова рубит,
В Сызранском лесу дрова рубит.
Он день рубил и два рубил.
Посмотрел вперед — дождевые облака поднялись;
Назад взглянул — работники идут.
„Куда спрячусь, куда скроюсь?“
Под березовое дерево спрятался.
Сотни прошли — не видали,
Две сотни прошли — не нашли.
Сзади всех старший работник шел,
А с ним маленькая собачка.
Эта собачка нашла Еремеева сына.
Работник схватил, через седло положил,
Сырыми ремнями связал.
К своему дому его привез.
Ребенка нянчить заставил.
У разбойника ребенка качает:
К ногам качнет, чтобы ноги заболели,
В голову качнет — чтобы голова заболела.
Говорит ему мать ребенка:
„Зачем ругаешь моего ребенка,
Зачем ты его проклинаешь?
Какого ты рода молодой парень?“
— Я Еремий сын. — отвечал мордвин.
Обняла она его и поцеловала.
„А у меня этот Еремей — отец!“
Задумали брат с сестрой убежать.
И ушли вдвоем к отцу от разбойников.

Записано со слов крестьянина ст. Яксарян,
Тимофея Рысаева, 13-го января 1913 г., Гаврилом
Мельниковым. Архив С. А. Щеглова.

XXX.

Что не ходишь, товарка, с гребнем прясть?
Слыхала-ли, узнала, товарка, отец пропал?
Мать пошла его искать.
Искала, искала, — не нашла.
Заскрипели у отца ворота.
Заснули отцовы собаки.
Двор наполнился татарскими санями.
Изба наполнилась гусарами-татарами.
Лавки полны жентыми чапанами,

Полки полны татарскими шляпами.
Вешалки полны красивыми кушаками.

Записано со слов крестьянина сс. Екзарки,
Куз. уезда Тимофея Расяева 13-го января 1903 г.
Гавр. Мельниковым. Архив С. А. Щеглова.

XXXI.

У Дмитрия уродилась Акулина удалая,
И ростом как барыня угодная.
Восемнадцать годов жила Акулина у Дмитрия.
И к каждому году у Дмитрия Акулина рубашку вышила.
И к каждой рубашке у Дмитрия Акулина шумиан вышила.
И к каждому шумиану у Дмитрия Акулина фартук шила.
Услыхал про нее Тимофей Михайлов.
Задумал и захотел Тимофей Михайлов ее сватать.
Усватал и поладил, за сына взял.
Такой девки, как Акулина у Дмитрия, в селе не было.
Очень удалая и угодная.

Записано со слов крестьянина ссда Старой
Екзарки Тимофея Расяева 13-го января 1903 г.
Гаврилом Мельниковым. Архив С. А. Щеглова.

XXXII.

Мария услышала, что сестра хворает.
„Испеки, мать, хлеба—пирожки,
Испеки, мать, гостинцы!“
— А куда поедешь, Машенька, гостить?
„Послу, мать, к сестре гостить?“
У сестры три дома:
В одном делают овчины,
В другом рукавицы шьют,
В третьем кожи мнут.
Семь недель гостила Машенька
И семь веретен она напирала.
На семь матушек намотала.
В семь недель Машенька
Сына себе нажила.
„Зятек! отвези меня домой“,
Запряг он лошадь и посадил Машеньку.
Ехали, ехали и доехали,
К воротам под'ехали.
„Отворяй, отворяй, мать, не радуйся, что я напирала,
Радуйся, что привезла с собой сына!“).

Оттуда же.

XXXIII.

Наталья и Матрена.

У Дмитрия дочери девочки:
Которая Наталья,
Которая Матрена,—
Их не узнаешь.
Одинаковы ростом и шириною
И одного взгляда,
Одинаковой походки и шага.
Не знаешь: которая Наталья,
Которая Матрена.
Как узнашь: которая Матрена
Которая Наталья.
У Матрены на груди зеленая ленточка,
У Натальи же красная ленточка.
По этому Наталью с Матреной
Только и различить можно.
На Натальке—то шуба заячья.
На Матрене—шуба-то волчья.
По этому их и отличить можно.

Оттуда же.

XXXIV.

Дочь бедняка.

Бедный кормил и воспитывал,
Богатый мордвин усватал.
Как усватал, тут-же взял,
В темный амбар завел;
Амбар полон сусеков,
А сусеки полны зерном.
Молодая—новый человек.
Спала, спала и выспалась.
Считала по зернышку, по два зернышка.
Молодая—новый человек—
Заглянула в трещинку.
По двору ходили молодой парень,
Черный кафтан на нем,
Крымская шапка на голове,
Зеленым кушаком опоясан.
Молодая рукой махнула,
Одним глазком моргнула.
— „Маши рукой, не моргай глазами,

„Не я твой муж, не я твой сожигатель.
„Твоего мужа в шубе
„Качают в зыбке.
„Твоего мужа качает черная женщина!“
Ударила двумя руками
И сжала десять пальцев.
Стала плакать и рыдать:
„Как я буду жить.
Как век проводить?“.

Оттуда же.

XXXV.

В этом курмыше лучше меня, девки нет!
Лучше меня, на посиделках гости нет!
Все ребята меня, девку, любят.
Под полою чапана меня держат.
Красной водкой меня, девку, поят,
Конфетами все меня кормят.
„А куда ты, девка, дела взрослый разум?“
—Разум взял у меня Нефед Иванов.
В белый платок он его завязал.
На перекресток Нефед его вынес.
Тут подул сильный ветер,
По молочаю мой разум развеял.

Оттуда же.

XXXVI.

Пойдем, товарищи, зеленой луговиной ходить.
Цветы желтые рвать-собирать;
На головник мы их положим
И пойдем на бурлацкий базар.
Бурлака Семена там посмотрим.
Вот идет красавица Татьяна.
А за ней идет сам бурлак Семен.
Вот догоняет он Татьяну.
Наступил ей на лапотный хвост.
За конец косы Семен ее поймал.
„Пойдем, Татьяна, в царский кабак.
Царского вина, с тобою поьем,
А там пойдем в царскую церковь:
Яков поп повенчает нас!“.

Оттуда же.

XXXVII.

По лугам бродила старая лошадь.
За ней ходит Алибай-татарин.
— „Что ходишь, татарин, за мной,
Подбояной пирог в руках,
Мочальная узда на плечах?...
Что ходишь, татарин, за мной,
Или ты хочешь поймать меня?
Погоди, расскажу тебе мою нужду.
Погоди, расскажу тебе мое горе.
С печку был, татарин мой горб,
Со ступицу были, татарин, мои ноги.
С лангю были у меня коныта,
Молнией играли мои уши,
Ярким огнем горели мои глаза!
Стерлись копыта, тяжелую пушку возивши,
Пушечным гулом оглушены мои уши,
Пушечным дымом глаза ослеплены!
Не поймать тебе меня злой татарин,
Не тебе, татарин, мое мясо есть!

Оттуда же.

XXXVIII.

Утки летят высоко, высоко, в самом небе:
Между звезд летят—журавлиной дорогой.
„Куда вы, серые утки, летите?“
— На красивый зеленый луг,
На белый песок морского острова, на светлую воду!
По морю плывут корабли с тремя полками солдат.
Все солдаты смеются, шутят, поют и пляшут.
Мордвин солдат один не поет и не пляшет.
„Что сидишь, мордвин, не поешь и не пляшешь?“
— Дома оставил умершую мать в углу,
Детишек оставил в окошко квивающих отца:
Они без призора там по избе бродят и плачут.
Вот и не смеюсь, не шучу, не ною, не пляшу.

Оттуда же.

XXXIX.

В этом курмыше, как я,—девок нет!
В ряженом доме, как Матрена, гостей нет!
Все ребята ее любят:
Под полу чапана ее прячут.

Сладкой водкой они ее поят.

Закусками всякими кормят.

„Куда дела, Матрена, свой природный разум?“

— Красивый Нефед Иванов взял,

В белый платок его Нефед завязал,

В карман красивый Нефед положил.

За околицу на перекресток отнес,

На три стороны Нефед пустил,

Он по верху мой разум раздул.

По траве осоке его развесил.

„Куда дела, Матрена, свои белые волосы?“

„Куда дела, Матрена, нагайский кнут—свои косы?“

Отрезал косы красивый Нефед Иванов.

На гусевую веревку он их свил.

Остаток волос на кнут поворотил

Еще кисть подбородную из них сделал!

„Куда дела, Матрена, четырехрядную рубашку?“

— Взял Нефед хорошей лошади на подстилку!

„Куда дела, Матрена, шестирядный свой шушпан?“

— Взял Нефед хорошей лошади на покрывало!

Оттуда же.

Песни игровые, плясовые и русские, распространенные среди мордвы.

XI.

Ух авакай.

Ачачумнесь, ух авакай, тяттирь त्याкас (?)¹⁾
 Лучи чачуме, ух авакай, ки чирес ашо килейке,
 Мастырынь гялис, ух авакай, монь гореннем,
 Мяниль гялис, ух авакай, монь дарадким,
 Т'апазь т'апавольть¹⁾, ух авакай, монь лопенамь,
 Кишитизь кишитивильть, ух авакай, тютте виемь
 Ютыльть потэльть, ух авакай, неевлимизь,
 Кузянь д'зерась, ух авакай, кяр'авлимимь,
 Пара лишмес, ух авакай, путовлимимь,
 Кудувдж'ив монь, ух авакай, кандувлимимь.
 Оймань бецькас, ух авакай, каіавлимимь,
 Тоста мякивь, ух авакай, таргавлимимь,
 Дрантязь, дрантязь, ух авакай, лазнувлимимь.
 Чиянь батясь, ух авакай, нултавлимимь,
 Казнань ловныйть, ух авакай, чумордаволь¹⁾
 Ут'аскавнень, ух авакай, кургонь пардамо,
 Безчастныйнень, ух авакай, сяльвядинь пардамо,
²⁾ ачачумнесь тяттирь त्याкас¹⁾.

Записано Василием Иванкиным в декабре 1920 года в с. Барановка, Хвалын уезда — запись не исправлена.

XII.

Самсон ляляй, ков іакить.

Самсон ляляй, ков іакить¹⁾

Сирижничка, Самсон ляляй, ков іакить?

Сирижничка, Самсон ляляй, ков іакить?

Іакинь Кандрай Олдань дж'ііама—2 раза

Сирижничка, Кандрай Олдань дж'ііама—2 раза

Кандрай Олдась мяеть кортась?²⁾—2 р.

Сирижничка, Кандрай Олдась мяеть кортась—2 р.

Мерць „мирдининь амолан“—2 р.

Сирижничка... и т. д.

Мяке мирдинонь амол'ат?²⁾—2 р.

Сирижничка... и т. д.

¹⁾ Значение слова неизвестно.

²⁾ В записи слово неразборчиво.

³⁾ Песня поется на улице девушками по вечерам.

XL.

У х м а т у ш к а.

Не родиться бы, ух матушка, девушкой
Лучше бы родиться, ух матушка, подрожною белою березою,
В ширь земли, ух матушка,—мои корни,
В ширь неба, ух матушка,—мои ветви,
., ух матушка, мои листья,
Пляской плясали, ух матушка, мои силы,
Проходящие, уходящие, ух матушка, увидели бы меня,
Кузьмин парень, ух матушка, срезал бы меня,
На хорошую лошадь, ух матушка, положил бы меня,
Домой меня, ух матушка, привез бы он.
Вотдохнувшую (после топки) печь, ух матушка, бросил бы меня,
Оттуда обратно, ух матушка, вытащил бы меня,
. (на драни), ух матушка, расщепал бы меня,
Сосватанная старшая сестра, ух матушка, сжигала меня,
Счетчики денег, ух матушка
Счастливым, ух матушка, рот (лицо) утирать
Несчастливым, ух матушка, слезы утирать,
. не родиться бы девушкой

XLI.

Дядя Самсон, куда ходил.

Дядя Самсон, куда ходил?

Золотенький, дядя Самсон, куда ходил,

Золотенький, дядя Самсон куда ходил?

Ходил сватать Евдокию Кондраеву—2 раза

Золотенький, ходил сватать Евдокию Кондраеву—2 р.

Евдокия Кондраева что говорила?—2 р.

Золотенький, Евдокия Кондраева что говорила?

Сказала „замуж не пойду“—2 р.

Золотенький и т. д.

„Почему замуж не пойдешь“?—2 р.

Золотенький и т. д.

Понксонь бокрой асодан'—2 р.
 Сирижничка... и т. д.
Палянь здама амаштан—2 р.
 Сирижничка... и т. д.

Записано в сентябре 1921 года в Мещинском
Петров. уезде, ст. Марии Магдальны, 60 лет.

XII.

Самсон ляляй ков іакить (2 р.).
 Сережинька ¹⁾ Самсон ляляй ков іакить.
 Дорожинька, Самсон ляляй ков іакить?
Кандрань Олдань чиіамо (2 р.)
 Сережинька и т. д.
Кандрань Олдась кое эря? (2 р.)
 Сережинька и т. д.
Проволка крайса кудыза (2 р.)
 Сережинька и т. д.
Ния іакстиря вальманда (2 р.)
 Сережинька и т. д.
Вальма крайза наньдж'ада (2 р.)
 Сережинька и т. д.
Эземь бр'аса озада (2 р.)
 Сережинька и т. д.
Сиень залмукс кетсында (2 р.)
 Сережинька и т. д.
Шолконь зуря пясывда (2 р.)
 Сережинька и т. д.
Кандрань Олда мяеть кортась (2 р.)
 Сережинька и т. д.
Мерць: „мирдининь амон'ан" (2 р.)
 Сережинька и т. д.
Понксонь бокрой асодан (2 р.)
 Сережинька и т. д.
Палянь здама амаштан (2 р.)
 Сережинька и т. д.

XIII.

Тиньгя ширя удагга
Юга Филькань Дюма,
Лыки—трошки²⁾ алында,
Пельц чиповой чарында,

¹⁾ Сережинька измен. Сирижничка—Земогонский.

²⁾ Сивонни—лык

„Покрой штанов не знаю“—2 р.

Золотенький и т. д.

„Рубахи шить не умею“—2 р.

Золотенький и т. д.

VIII.

Дядя Самсон куда ходил?

Сереженька, дядя Самсон, куда ходил?

Дороженька, дядя Самсон, куда ходил?

Кандраеву Евдокию сватать,

Сереженька и т. д.

Кандраева Евдокия где живет?

Сереженька и т. д.

На краю проулка ее дом.

Сереженька и т. д.

Четыре красных окошечка.

Сереженька и т. д.

Край окна открыт.

Сереженька и т. д.

На скамье она сидит,

Сереженька и т. д.

Серебрянная игла у нея в руке,

Сереженька и т. д.

Шелковая нитка на конце (иглы),

Сереженька и т. д.

Кандраева Евдокия что говорила?

Сереженька и т. д.

Говорила: „замуж не пойду“.

Сереженька и т. д.

Покрой штанов не знаю,

Сереженька и т. д.

Рубаху шить не умею,

Сереженька и т. д.

XIII.

Позади гумен

Едет Филипов Тимофей.

Лыжи под ним

Колеса наполовину шинованы.

„Тюма ляляй ков мол'ат.“—2 раза
Сырижничка, Тюма ляляй, ков мол'ат—2 раза
Мол'ан урвань джиіама,—2 раза
Сырижничка и т. д.
Мазый Дарянь займа.—2 раза
Сырижничка и т. д.
Мазый Дар'а мясть картась.—2 раза
Сырижничка и т. д.¹⁾

XLIV.

Ис'ак Іакинъ Найманов, (2 раза).
Ну штожа, Найманов,
Селезинька, Найманов,
Хорошинька, Найманов, Найманов.
Найманоньть эйсо мясть тѣинить?
Ну штожа и т. д.
Кандрянь Олдань джиіамо.
Ну штожа и т. д.
Кандрянь Олда мясть басысь,
Ну штожа и т. д.
Мериль: „Мирдининь амот'ан“.
Ну штожа и т. д.
Понкесонь бокрой асодан.
Ну штожа и т. д.
Палянь здама амаштан“.
Ну штожа и т. д.

Записано от крестьян в селе Баранови
Хвалынского уезд., В. Ивашкиным.

XLV.

Лиіанат—тѣитиръ великій бостянь мора ²⁾.

- 1) Ой лиіа, лиіана, аканяй,
Се мазыйнись, се добрѣнесь а Мар'а
- 2) Ой лиіа, лиіана, аканяй,
Вядьна чарый чинь дж'арамась а Проска.
- 3) Ой лиіа, лиіана, аканяй,
Валан'а пр'а ц'ановась а Анка.
- 4) Ой лиіа, лиіана аканяй,
Пакс'ав артня горбун дувясь а Ол'а
- 5) Ой лиіа, лиіана аканяй,
Няшка пиринь азарыць кыскась а Дун'а.

¹⁾ Песня не окончена.

²⁾ Песня неясна исключительно девушками, постом на пригласенье солдата.

„Дядя Тимофей куда идешь“—2 раза

Золотенький, дядя Тимофей, куда идешь—2 раза.

Иду сноху брать—2 раза

Золотенький и т. д.

Красивую Дарюшу брать,—2 раза

Золотенький и т. д.

Красивая Дарюша что говорила—2 раза

Золотенький и т. д.

XLIV.

Вчера ходил я в Найманы,

Ну что же, в Найманы,

Селезинька⁹⁾, в Найманы,

Хорошенький, в Найманы, в Найманы.

В Найманах что делал?

Ну что же и т. д.

Кондраеву Евдокию сватал.

Ну что же и т. д.

Кондраева Евдокия что говорила?

Ну что же и т. д.

казала: „что замуж не пойду“.

Ну что же и т. д.

Покрой штанов не знаю,

Ну что же и т. д.

Рубаху шить не умею“.

Ну что же и т. д.

XLV.

„Лияны“ песни девушек в великий пост.

1) Ой лия, лияна, аканяй.

Эта красивая и прекрасная Марья.

2)

В воде вертящийся подсолнышек Прасковья,

3)

Гладкая головка—ласточка Анна.

4)

В поле ездит горбатая свинья Ольга,

5)

Злая собака пасеки Дуня,

⁹⁾ Непереводимое выражение.

- 6) Ой лиіа, лиіана, аканяй,
Чукш прянъ цекенесь а Леска.
- 7) Ой лиіа, лиіана, аканяй,
Пиза краинь грешный гулькинись а Ул'ана.
- 8) Ой лиіа, лиіана, аканяй
Луга лангса скал ваць чамась а Наста.

Записано в 1921 году в селе Синенских
Петр. уез. от Надежды Сидоровой 48 лет.

XLVI.

Вайханат—ава морыт великой бостэнь¹⁾.

- 1) Оздынь гизда, оздынь гизда,
Навий—іа, іа
Вайхан'а—іа аканяй²⁾
Пара кии—салысь а Ден'а баба
- 2) Оздынь гизда, оздынь гизда
Навий—іа, іа
Вайхан'а—іа аканяй
Алашань мукурца берянь зуксысь а Олда
- 3) Оздынь гизда, оздынь гизда,
Навий—іа, іа
Вайхан'а—іа аканяй
Парьстя тявинь дяицясь а Малика.

Записано в 1919 г. от Ульяны Лукошки-
ной в с. Синенских.

XLVII.

Киштинь морыт³⁾.

I.

Или-или-или-или-или-ли
Или-или-или или-или-ли
Или-ли-или-или-или-ли (взясь морэть-кувать, ки—іак киятя).

II.

Тятянь уля, монь арась
Тятянь уля, монь арась
Тятянь уля, монь арась (ист'а жа).

¹⁾ Смысл всех слов неизвестен.

²⁾ Песня пелась исключительно замужн. женщинами постом у ворот или перед домом, являе песни при этом никогда не пелись.

³⁾ Песни плясовые. — Имитация игры на дудках.

6)
В мусорной куче кисточка Александра.

7)
На краю гнезда грешная голубка (сирота) Ульяна,

8)
Лицо (похожее на) коровий помет дуга, Настасья.

XLVI.

„Вайханы“—песни женщины великим постом.

1)
Хорошая хлебосольница—Денисова жена.

2)
В лошадиной . . . , самый плохой червяк—Евдокия.

3)
Хорошо работу делающая—Маланья.

XLVII.

Плясовые песни.

I.

.
(все поют очень долго,
а ктонибудь пляшет).

II.

Отец имеет, а я нет и т. д. (также).

III.

Лемзер неварена іагуда
Лемзер неварена іагуда
Лемзер неварена іагуда (кода и икильцятня).

XLVIII.

Тятан бячксь алаша,
Моньдянь максь ловажа
Порнень борнень эсь порнень,
Туинь виринь гиіава,
Вастынь мокшонь дяттирня.
Панарыза калада,
Потя пр'аза наружи.
Потя пр'андо сускиня,
Берек алув ускиня.
Берек ала кудыня,
Кудынисыньть бабиня:
— Бабай паньчт! апандж'ан!
— Ох бабакай. пильгимь бальньть,
— Пильдит палцьть—кятть каіаст.
— Ох, бабакай. эсь пр'азыт.
Кафта потя юрызыт.

Записано в 1919 году в с. Синицких Петров. уезда от мальчика лет 12. Федора Вулдсаа.

XLIX.

Чумариня ¹⁾ бабиня,
Седый бабай, гов мол'ат?
Мол'ан урывать заими
Костань урват?
Лопатина лангета
Чефтя пона потста
Кода урывать лямиза?
Горнипофка мордофка,
Ин'азырынь баіага,
Московынь дз'ет'ака.
Руки—ноги долги
Одежа коротка.

Записано в 1919 году в с. Синицких от детей.

¹⁾ Слово знач. кот. неизвестно

III.

Черемуха невареная ягода и т. д.

(как и прежние).

XLVIII.

Отец зарезал лошадь,
Мне дал кость,
Грыз, грыз не сгрыз,
Пошел по лесной дороге,
Встретил мокшанскую девушку,
Рубаха на ней изорвана,
Т . . . наружу,
За конец т . . . ее укусил,
Под берег уволок,
Под берегом домик,
В домике старушка:
— „Бабушка отопри.— Не отопру!
Ох, бабушка ноги озябли,
Ноги иззябли пусть кожа слезает,
Ох, бабушка, на твою голову,
На основание двух т . . .

XLIX.

. бабушка,
Седая бабушка, куда идешь?
— Иду сноху брать.
— Откуда твоя сноха?
— „Из Лопатина,
Из мягкой шерсти“.
— Как зовут сноху?
Бубенец — мордовка —
Государев колокол,
Московский цветок,
Руки ноги долги,
Одежа коротка.

II.

Гызыл, гызыл, гызылым!)
Іашяниза езылым,
Мелеп-манынь Митиниша,
Пачянь баний Иванныша,
Копосында вадвиньдя,
Вавилкань изардыма тяр' дия,
Атотаіа, атотаіа
Та бородунка моя.

Записано в 1919 году в с. Сибирьскит, от
детей.

L.

Жена Якова
Прошлого дня жена Дмитрия,
Блинница (кто печет блины) Иванова жена,
Чем помазала,
Равилу жрать позвала,
Та бородушка моя.

LI.

Тютель гретиль
Грепа метирь.
Что за эта
Гульпоэта.
А Олена.
Подколена
Душа телогрейка
Возьми она комара,
Много зимовала
Ты сама то красна девка,
Моя утка черношейка,
По двору то ходит,
Цыплят-то водит,
Барина утешают,
Хохол подымает;
Подуй подуй ветерочек
Буйный головочек.

Записано в селе Сивеньких от ребятишек.
10-11 лет в 1919 г.

LII.

Хадилла мордовка
По тем синям новым,
Гвидела мордовка
Ба красна акошка,
Нлут папы, дьяканы;
Нясут крясты, купели;
Хотят мардвов кристити—
В руску веру ввести.
Пращай, вера мардовска,

В песне бессмысленный набор слов из русск. песен, речей и сказок.

Сурова рубашка,
Шиты, браны шушпаны,
Па шушпанам дарошки;
Высоки сарочки;
На падолах прарешки;
Трипишны анучи;
Тонки долги аборы
Новы лапти с пирвинтиями;
Большия плитни с хвастами.

Записана в селе Бузовлаево, Петровского уез., Сар. губ., от местной знательницы Акимы Семеновны Козинной 75 лет от роду, 28 августа 1921 года.

III.

В чистом поле золотой круг,
Под золотым кругом девица.
Гой девица, гой девица,
Старый муж, старый муж,
Гой девица, старый муж,
Я за старого не пойду,
Я старого не люблю,
Старый лежит на печи,
Как дубовая колода —
Гой девица, гой девица,
Малый муж, малый муж,
Гой девица малый муж,
Я за малого не пойду,
Я малого не люблю,
Малый лежит в зыбке,
Как подколотная змея.
Гой девица, гой девица,
Ровный муж, ровный муж,
Гой девица, ровный муж
За ровного я иду,
Ровного я люблю,
Ровный лежит на кровати,
Как белый гусь — белый лебедь.

Записано у Матрены Семеновны Рауткиной 78 лет — поют девушки весной в лесу и на горе.

Русские песни употребительные среди мордвы.

LIV.¹⁾

Рости, рости Калинушка,
Рости не шатайся,
Живи моя сударыня,
Живи не спечалься—2 раза.
Придет тоска с кручинушкой,
Ступай разгуляйся,
Ступай, ступай разгуляйся,
С милым повидайся—2 раза.

На улице три курицы,
С петушком дерутся,
Под окошком две барышни,
Сидят да смеются.

LV.¹⁾

Чесал Ваня кудри,
Чесал Ваня свои волосочки,
Пуховую шляпу надел.
Шляпенька пуховая
Перчаточки ново-зеленые
Что не наилучшего сукна и т. д.

LVI.¹⁾

Вы придите, вы подруженьки ко мне.
Подумайте об несчастной голове,
Прожила я свое девичье житье,
Нажила я себе мужа дурака.
Он дурак, дурак, дурак,
Не умеет дурак голову чесать,
Не сумел он русы кудри расчесать,
Не пускал он молоду жену гулять.
Уж он пустит, сам в окошечко глядит,
Не стоит ли молодая жена с кем,
Не баит ли худы речи про него,
Уж я стаяла с размиленьким до часок,
Уронила с рученьки перстенок,

¹⁾ Песня очень распространена у Мордвы Села Н.-Захаркина, Петровск. уезда.

Завязала я батистовый платок,
Посылала милеючка в городок.

Записано у мордовской девушки.

LVII.

Таня по двору ходила,
Башмаки себе купила,
Два с полтиной заплатила
На босу ногу носила,
Белу пшеничку полола,
Черный куколь выбирала,
На чужу межу бросала,
Желтым песком персыпала,
Чоботами прибивала.

Песня записана у старика-мордвина 97 л. Белкина.

LVIII.

Эх, кусти́к мой, ты кусточек,
Расскажи-ка ты мне, мой зелененький,
Где живет проживает мой сыночек,
Где надежда моя пребывает?
Свет надежа, надежа на чужой стороне,
Стороне, стороне, во матушке во Москве,
Во матушке во Москве, у француза на войне,
Как мы бились мы рубились раз осенней темной ночью,
Как осенней темной ночью, близь двенадцати часов,
Близь двенадцати часов, ружья сабли загремели,
Как во первом то часу, про то ночка темна знает,
Как во втором то часу, с плеч головушка долой,
Как во третьем то часочке, кроволитие пошло.
Кроволитие пошло, точно полая вода,
Точно полая вода топит горы да бугры,
Топит горы да бугры и лужочки зелены.
На лужочке на зеленом част ракитов один куст,
На ракитовом кусточке вольны пташечки сидят,
Вольны пташечки сидят, жалобнехонько поют,
Эх, все губернии, города услышали пташечку,
Эх, да как у пташечки житье, так солдатское бытье.

Записано у стар-мордвина Матвея Автеева 96 л.

К изданию мордовских материалов.

Первый том Саратовского Этнографического Сборника, изданный Отделом Национальных Меньшинств, Сар. Губисполкома под редакцией проф. Бориса Матвеевича Соколова, и посвященный почти исключительно Мордве Саратовской губернии, являясь первой ласточкой издания результатов этнографической работы в Саратове, по плану издания, долженствовал носить характер научный, преследуя одновременно и задачи объективизации национальной перспективы, поскольку мы имеем дело с мордвой, как с национальностью до сих пор живой в пределах России.

Если главная ответственность по общему редактированию Сборника лежит на редакторе проф. Б. М. Соколове, то постольку, поскольку вопрос идет об издании мордовских текстов, ответственность лежит и на мне, как взявшем ее добровольно, знающем практически мордовский язык и пытавшемся изучить его теоретически. В виду этого необходимо сделать некоторые пояснения, тем более, что при издании текстов допущена, по неволе, *условная русская транскрипция*. Может-быть будет хотя отчасти убедительно, если будут приведены все соображения, которые вызвали необходимость *особой условной русской транскрипции*, именно: Во-первых, хотелось, по возможности, дать точный говор этнографических записей, так как мордовские тексты записаны исключительно мной и так как в собирании материалов я прибегал к фонетической записи через русскую транскрипцию, примененную А. А. Шахматовым к изданию мордовских материалов с. Сух. Карабулака (Мордовский Этнограф. Сборник) Во-вторых, условных знаков для обозначения звуков по общепринятой русской транскрипции в типографии не имелось, также не нашлось, конечно, и условных знаков латинской транскрипции. Поэтому пришлось пытаться установить особую условную русскую транскрипцию, составленную из обыкновенного русского шрифта. Само собой разумеется, что положение в данном случае особенно затруднилось тем, что условность данной транскрипции слишком велика, а может быть отчасти и произвольна. Чтобы избежать последнего, приходилось обращать внимание на самые резкие звуковые особенности, оставляя более мелкие, за невозможностью подобрать соответствующие типографские знаки без точного обозначения.

Говоря о гласных звуках и об условном обозначении их в тексте изданных материалов, имею сказать следующее: переднебное *е*, среднего ряда—ненапряженное—в нашем тексте обозначается через *е* обычного шрифта, например *кедь* (рука)

теить (звезда) и т. д. Переднеязычный гласный звук нижнего ряда *э*, который в латинской фонетической транскрипции обозначается через *a* с двумя точками, очень условно у нас обозначается через *я*—русского шрифта: например: *кядь* (кожа), *моля* (он идет), *мэзя* (что) и др. Звук же гласный, среднеязычный, нижнего ряда, изображаемый в латинской транскрипции через *a* с одной точкой у нас обозначается через *э*—*сэвизя* (он сел), *сэриза* (его рост), *сэдь* (мост). В говоре села Синеньких, Петровского уезда разница между переднеязычным нижнего образования гласным звуком *я* (наше обозначение) и среднеязычным нижнего ряда *э* (наше обозначение) та, что последний звук *э* употребляется исключительно после непалатализованных согласных, тогда как *я*, наоборот, исключительно употребляется после палатализации, и вначале слова употребляется исключительно *э*—среднеязычное нижнего образования, так что Шахматовское *яйдь* (наша транскрипция) Оркинского говора (Морд. Этног. Сборн.) у нас превратится в *эйдь* (Синенькие).

Заднеязычный гласный звук, нижнего образования *а* употребляется одинаково во всех словах, следует ли он после палатализованной согласной, или твердой, напр. *ал'ан'ат* (ребята) *анара* (нехороший) и пр. В тех мордовских словах, которые начинаются с русского звука *я*, последний звук изображается через соединение фрикативного звонкого, среднеязычного согласного „*et'a*“ с гласным *а*, при чем, за неимением в типографии *et'a*, последний условно заменяется *i* (десятеричным), например: *йалакс* (младший брат), *йалга* (товарищ) и др. Остальные же звуки, как *ё*, *ю*, образуемые через тоже соединение лабиализованного гласного *о* и *у* с фрикативным звонким, среднеязычного образования согласным, *et'om*, изображаются в печатном тексте просто через русские *ё* *ю*. Необходимость же замены *я* условным *ia* вызвано тем обстоятельством, что необходимо провести разграничение между нашим условным звуком *я*, обозначающим переднеязычный нижнего ряда гласный (*a* с двумя точками латинской транскрипции)—*лякс* (дитеныш) и обычным русским сочитанием *я*=*ia*, напр., *йалакс* (младший брат). Для обозначения дифтонгов в мордовском языке, наша условная транскрипция за неимением соответствующих знаков, не устанавливает никаких обозначений и насколько точно удастся, старается только использовать те знаки, которые имеет обычный русский шрифт.

Согласные звуки в нашем тексте мы стараемся обозначать имеющимися буквами русского шрифта и лишь как исключение допускаем два условных изменения, именно: часто встречающийся в мордовском языке носовой-заднеязычной *н* изображаем в тексте, через **н** (жирным шрифтом), также как носо-

вой средненебный с палатализацией, обозначаем через *и* (курсивный) и наконец, согласный носовой-зубной через *п* (обыкновенного написания), например: *ланга* (на чемнибудь) *лянга* (лыко) и *нарумнь* (птица). Аффрикаты стараемся обозначать посредством комбинации имеющегося шрифта, прибегая иногда к смягчающему знаку — (апострофу), который заменяет как это не курьезно, запятая, поставленная хвостиком вверх, и который употребляется и вообще для палатализации согласных, где это необходимо. Аффрикат *т+с* — обозначается у нас через *ц*; *д+з* — через *дз*; *т+ш* — через *ч*; *д+ж* — через *дж*; при смягчениях иногда печатается так: *дз'*, *д'з*, *дж'*, и т. д., например: *од'зера* (парень), *чичьдж'арима* (подсолнух) и пр.

Для передачи закона *ассимиляции*, при которой глухая согласная или аффрикат из глухих согласных в начале слова переходят в соответствующие звонкие, если они следуют за звонкой согласной, и если между ними отсутствует пауза — мы в написании обозначаем данное изменение, например, мы пишем *тол-сель* (платье) вместо *тол-кель* (основа кель), *кявинь-зардаз* (каменный двор) вместо *кявинь кардаз*; *Филькань-д'зерась* (Филиппов сын), вместо *Филькань церась* и т. д.

Этим можно закончить комментарий к изданию мордовского текста, поскольку вопрос касается обозначения некоторых звуковых особенностей мордовского говора. В качестве примечания, говорю лично мне более знаком говор с. Сиченьких Петров, уезда, как уроженцу данного села.

Остается сказать два слова об общем плане издания мордовских материалов. Во первых, как видно из сборника, мордовский текст предшествует не всем записям, сделанным на русском языке. Это объясняется тем обстоятельством, что многие записи сделаны разными лицами на русском языке. Правда можно было бы перевести их на мордовский язык, но это сознательно не сделано, чтобы сохранить объективно-научную этнографическую точность. Во вторых, нужно иметь в виду, что русские записи, хотя и не сохраняют фонетической особенности тех или иных говоров, но тем не менее, самая конструкция фраз, так или иначе представлена, особенно в сказках, где даже сохранены грамматические и синтаксические неправильности, констатируемые у мордвы в передаче русской речи. Наконец, все мордовские тексты снабжены, по возможности точными переводами — для большинства несен введен перевод полусный на правой странице листа.

БИБЛИОГРАФИЯ.¹⁾

Мордва Саратовской губернии.

- Архангельский С. — Жилища и занятия мордвы (Сар. Губ. Ведом. 1844, № 56).
 — Одежда мордвы (Сар. Губ. Вед. 1844, № 39).
 Барминский Н. — Некоторые обряды мордвы в Саратов. губ. (Саратовский Справ. Листок 1869, №№ 53 и 54).
 Галицын Ф. С. — Мордва в Хвалын. уез., Сар. губ. (Сарат. Сборник ч. I—1891).
 Листов А. — Религиозные обычаи, поверья и предрассудки христиан из мордвы Сар. губ. Хвалын. уез. (Саратов. Епарх. Вед. 1866 г. № 36).
 Леонтьев А. — С. Оркино. (Сар. Губ. Вед., 1884, №№ 27—29, 31, 32, 41, 43, 45—47, 55, 57, 59, 61, 63).
 Леопольдов А. — Статистическое описание Сар. губ. (СПБ. 1839 г. ч. I, стр. 44—47, 115—116, 114—121—123—152).
 Лунин А. — С. Ст.-Славкино, Петров. уез. (Сарат. Сборн. 1881, ч. I, стр. 70—71).
 — Очерк сел Вольского уезда (Сар. Г. В. 1889, № 15).
 Минх А. Н. — Моляны и обряды мордвы Саратов. губ. (Этногр. Обоз. 1892, № 4).
 — Историко-географ. Словарь Сар. губ. (Том I, Аларек 1902, стр. 1409).
 П. С. — Кое-что о мордве (Сарат. Спр. Лист. 1878, № 18).
 Никольский А. — Хозяйств. опись Балащ. уез. (СПБ. 1855 г.).
 С. А. И. — Поездка в Песчанку, Оркино и Лох (Сар. Сборн. I, 1881, отд. 2, стр. 23—31).
 Сар. Губ. Вед. 1883 № 157. — Первые поселенцы Тамб. губ.
 Сар. Губ. Вед. 1889, № 21. — Мордва в Сар. губ.
 Сафронов А. — Описание Саратов. Заволжья (Жур. Мин. В. Д., 1884, стр. 364—96).
 Чекалин Ф. Ф. — Племенной состав и история населения Кузнец. уез. (Сар. Сборн. II т. 1882, стр. 344—351).
 Шахматов А. А. — Мордовский Этнограф. Сборник (СПБ. 1910).
 Э—в Н. — Мордва Саратовской губернии, (Гражданин, 1872 г. № 1, стр. 142—3).
 — Религиозная сторона из морд. жизни (Сар. Губ. Вед. 1870, №№ 188, 189).

Мордва Европейской России.

- Альбицкий В. — Два дня среди мордвы Сергач. у., к характеристике инородческого населения. Ниж. губ. (Нижегород. Г. В. 1887, №№ 38, 41, 42).
 Архангельский С. — Жилища и занятия мордвы. (Маяк 1845 г., т. XX).
 Дуновский — Краткий этнографический очерк Мещеры. (Пенз. Г. В. 1862, № 24 и 27). Мордва-мокша Краснослоб. и Наровчатского уез. — одежда 101, промыслы 102, жилища 101.

¹⁾ Помечая книги, рукописи, фотографии и т. п. ставлю мне.

- Ауновский А.**—Этнографический очерк мордвы-мокши. (Памяти. книжка Симбирск. губ. на 1869 г., стр. 83—108).
- Балановский А.**—О молянах мордвы в Пензенской губ. (руководство для пастырей 1867 г. № 4 и 8).
- Баранов П. Н.**—Свадебный обряд мордвы-эрзи. (Э. О. 1910 г. № 3—4, стр. 117—129).
- Барминский Н.**—Некоторые обряды мордвы Сар. губ. (Сарат. справ. листок 1869, № 53 и 54).
- Беневольский Г.**—Мордовские верования (Самарские Епарх. Вед. 1868, № 21).
- Богословский В.**—Летопись о церкви в приходе с. Велик.-Врага, Арзамасского уезда. (Нижегор. Епарх. Вед. 1868 г. № 10).
- Бурдунов М.**—Мордва. Этнографический очерк (Уф. Г. В. 1905, №№ 176, 178. Polemika по поводу этой статьи: там-же № 188—С. В. Несколько слов по поводу очерка мордвы Бурдукова; № 200 Д. Зеленин. Письмо в редакцию; № 196 Б. По поводу очерка о мордвах).
- Бутузов Ф.**—Из быта мордвы села Живайкина, Симб. губ. (Известия Казанского О-ба Археологии. История и Этнографии т. XI, вып. 5, стр. 165, 188).
- Белореченский**—Исторический очерк села Лабаз Бугур. у. Самар. г. (Самарские Епарх. Вед. 1875 год, № 12, 19).
- Георгие**—Описание всех обитающих в Российской Империи народов. (Спб. 1799 год, часть I-а).
- Гребнев М.**—Мордва Самарской губернии. Этнографический очерк. (Симб. Епарх. Вед. 1886 год, № 20—24, 1877 г. № 1—2).
- Село Флоркино или Ерзовка Бугурусланского уезда. (Сам. Еп. Вед. 1885 год, № 22—27).
- Дубасов**—Историко-Этнографический очерк о мордве, населяющей Тамбовскую губ. (Тамб. Губ. Вед. 1880 год, № 52—53).
- Очерки из истории Тамбовского края (Тамбов 1890, вып. 1).
- Евсеев, М. Е.**—Мордовская свадьба. (Живая старина, год 2 ой, вып. 2, Симб. 1892 год).
- О религии мордвы.
- Заметки о некоторых обычаях мордвы села Кильдюшана Симбирск. уезд. (Симб. Г. Вед. 1860 год, № 43).
- Иосиф Барбаро.**—(Библиотека иностранных писателей о России).
- Иванцов С.**—Из быта мордвы дер. Дюрки, Паранеевской вол., Алатырского уезда, Симбирской губ. (Изв. Каз. О-ба А. Н. Э. Том XI, вып. 5-й).
- Заметки о мордве. (Изв. Тамбовской Архивной Комиссии вып. 1—38. Тамбов 1881—1893 год).
- Илюстров М.**—Обряды мордвы при погребении и поминовении умерших. (Пензенские Епарх. Вед. 1866 год, № 3).
- Калачов**—Заметки об Инсаре и его уезде. (Архив. Ист. Юрид. Сбед. Часть II).
- Неппен П.**—Каратаи—мордовское колено. (Спб. Вед. 1845 год, № 268).
- Кронтовский И.**—Свадьба у мордвы в Бугульминском уезде. (Самар. Губ. Вед. 1866 год, № 26).

- Кронтовский И.**—Кузьма—мордовский бог. (Отечественные записки 1866 год, № 16—19, стр. 657—679, 1—34, 304—333, 475—510, т. 167, 168. отдел. 1-й).
- Нуронтев М.**—Пильницкая волость. (Симбир. Сборник Б. отд. 2, стр. 141—149).
- Лави**—Мордва. Этнографический очерк. (Родина 1889, № 11, стр. 646—662).
- Лепехин**—Дневные заметки. Часть I-ая. (Спб. 1795).
- Лукин**—Верования и культ мордвы села Собанчеева. (Изв. О-ва И. А. Э. том XI, вып. 4, стр. 381—385).
- Любимов П. Д.**—Медико топографическое описание Кузнецкого уезда. (Протокол заседаний О-ва русских врачей Сиб. 1858—59 году, 25-й год, стр. 453—504).
- Леодаов**—Крещенский приход села Акулова Сергачевского уезда. (Ниж. губ. Вед. 1893—№№ 25—27.—Из Ниж. Епарх. Вед.
- Майнов В.**—Один день среди (мордвы) мокши. (Древняя и Новая Россия. 1878 год, № 10, стр. 117—134).
- Очерки быта мордвы. (Слово 1879 год, № 6, стр. 83—98, № 7, стр. 101—138).
- Очерк юридического быта мордвы. (Сиб. 1885 год).
- Предварительный очерк имеющихся в литературе сведений о мордве. (Из Известий Геог. О-ва, отдельный оттиск 1878 года, 24 стр).
- Мальев Н.**—Общие сведения о мордве Самарской губернии. (Протокол заседания О-ва естествоиспытателей, при Казанском Университете, IX, 1877, 1878 год).
- Марков А. В.**—Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии. (Оттиск из первой книги Известий Тифлиских Высших Жен. Курсов, Тифлис 1914 года).
- Мартынов А.**—Мордва в Нижегородском уезде. (Из заметок 1863 года. Ниж. Г. Вед. 1865 год, № 24).
- Мачинская П.**—Песни мордвы—эрзи Пензенской губернии. Э. О. 1898 год, № 1, стр. 152—155).
- Межаровский А.**—Село Елховка Нижегородского уезда. (Ниж. Еп. Вед. 1892 год, № 22).
- Русско-мордовское село Итманово. (Видьма вель. Ниж. Гуо. Вед. 1893 год, №№ 3, 6, 8).
- Инородцы-христиане Нижегородской епархии 100 лет тому назад. (Ниж. Еп. Вед. 1886 год, № 1—2).
- Мордовские типы.** (Всемирн. иллюстр. 1871 году, том 5, № 113).
- Несмелов Н.**—Материалы к библиографии мордвы (Пен. Губ. Вед. 1895 год, № 274—названо 30 сочинений о мордве).
- Нов Н. Н.**—Дополнительные материалы к библиографии мордвы. (Э. О. XIII, 1893, № 2, стр. 225—227).
- Никольский Н. Е.**—Быт и верования мордвы в 1783 году. (Отдельный оттиск из Тамбовских Епарх. Вед. Тамбов 1905 год).
- Сборник исторических материалов об инородцах Поволжья. (Казань 1920 год).
- Неделя**—1889 год, 3 д.
- Нолочадов В.**—Мордва. (Тамб. Еп. Вед. 1876 год, № 14).

- Никольский и еп. Андрей, быв. Мамадышск.—Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России, подверг. влиянию Пелама. (Каз. 1912 г.).
- Орлов—Памятники мордовской старины. (Жур. М. В. Д. 1851 год, часть 33-я).
- Материалы для истории и ст-ки Симб. губ. (Вып. 2-й, Симб. 1866 год).
- Село Напольное. (Материалы для истории и ст-ки Симб. губ., вып. 2-й, стр. 1—43).
- Образцы мордовской народной словесности. (Вып. 1—Песни; вып. 2—Сказки и загадки. Казань 1882—1883 год).
- Отчет переводческой комиссии православного миссионерского О-ва. учр. при бр. Гурия г. Казани (Казань 1893 год).
- Паллас—Путешествие по разным провинциям Российской империи. (Часть I-ая, Спб. 1809 год).
- Плато-Карпини—Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам. (Пер. Языкова Спб. 1825 год).
- Пов Г.—Мордовское село Лобаски. (Ниж. Еп. Вед. 1887, № 13—14).
- Примеров Ал.—Религиозные обряды и суеверные обычаи мордвы Краснослободского уезда. (Пен. Еп. Вед. 1870 год, № 16, стр. 521—531).
- Этнографические заметки. (Моск. Университет Известия 1868 год, № 4, стр. 326—333).
- Прозин Н.—Картина мордовского быта. (Пенз. Губ. Вед. 1864 год, № 89—90, 1865 год, № 39—40, 1866 год № 23—24).
- Р.—Село Лобаски. (Ниж. Губ. Вед. 1893 год, №№ 1, 47, 48).
- Русанов Н.—Мордовский молян. (Пенз. Еп. Вед. 1868 год, № 1).
- Русское географическое общество—Известия. (1884 год, книга 4-ая: 1885 год, книга 14, вып. I).
- Симбирская мордва.—(Соврем. Известия 1872 год, № 14).
- Северный Вестник.—(1887 год, I).
- Смирнов И. Н.—Историко-этнографический очерк. (Изв. О-ва И. А. Эп. при Каз. Ун. 1892—1895 год).
- Указатель этнографической литературы о мордве. (Э. О. XI, 1891 год, № 4, стр. 281—284—названо 106 сочинений).
- Смирнов Н.—Мордовское поселение Пензенской губернии. (Пенз. Еп. Вед. 1874 год, № 1, 6, 9, 21—24; 1875 год, № 1—2, 4—7, 10).
- Снежницкий.—Праздник „Петроско“ в мордовском селе Кл. (Пенз. Еп. Вед. 1870, № 20 22, 23).
- Мордовский праздник „Вершовы“ и „Виряны“. (Пена Еп. Вед. 1871 год, № 19—20).
- Снежевский.—Кузьма-пророк мордвы Терюхан- (Историч. Вестник 1892 год, № 10).
- Терновский А.—Свадьбы сапахотки и моляны в мордовском селе Катмисе Городишенского уезда, Пензенской губ. (Пена. Губ. Вед. 1867 год, стр. 33—37).
- Титов А. А.—Терюшевский бунт. (Русское Обозр. 1893 год, № 810).
- Трирогов В.—Мордовские общины. (Русская Старина 1880 год, № 6, Отечественные записки 1880 год, I).

Троицкий С.—Заметки о мордве мокшанах. (Ниж. Сборник 1867 год. том I, стр. 266, 576).

Фунс — Поездка к мордве из Казани. (Журн. М. В. Д. 1839 г., № 10)

Федоров Н.—Заметки о мордве села Шанталы. (Сам. Губ. Вед. 1864 г. № 48).

Чтения в О-ве Истории и Древностей Российских 1865 год, I.

Шахматов А. А.—Из области новейшего народного творчества. (Журн. Живая Старина вып. II—III, 1909 год).

Шепелевич—Село Водлово, Инсарского уезда. (Пенз. Губ. Вед. 1890 г., №№ 227, 230, 232, 223).

Этюды из жизни мордвы Городищенского уезда. (Пенз. Губ. Вед. 1876 год, № 127).

bn Fozlan's.—und anderer Araber Berichte über die Rüssen.

Mainov.—Les restes de la mythologie mordvine (journal de la Société Finno-Ougrienne V Hels. 1889).

Strahe emberg.—Das Nord—öst. Theil—von Europa und Asia (Stock. 1730 г.).

Suomalais.—Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja (journal de la Société Finno Ougrienne, IX, XII)—Probender Mordvinichen Volksliteratur. ges von H. Paasonen Bd. I Erzjanischer Theil. Hf. 1, 2. Hels 1891—1894).

4) Tomasek.—Kritik der ältesten Nachrichten über den scythischen Norden. (Sitzungsberichte der Philos-filol. Classe der Kais. Akad. d. Wiss. CXVI Bd. Wien).

Vitsen—Noort—ooster Gedeelte von Asia en Europa (Amst. 1705—1785 p. 632—628).

Voyage de Roubrquis en Tartari. Bergeron. Recueil des voyages, faits en Asie etc.

Проф. П. Г. ЛЮБОМИРОВ.

О ВАЖНОСТИ
ИЗУЧЕНИЯ МОРДВЫ

М

О важности изучения мордвы ¹⁾

Доклад, предлагаемый ныне общему собранию Общества, отличается от обычного типа докладов, читаемых на наших заседаниях и, может быть, многих не удовлетворит. Он не решает, а только ставит вопрос, выдвигая некоторую задачу пред ученым вольным коллективом. Но я считаю небесполезными подобного рода доклады вообще и особенно в нашем Об-ве, где не вполне установлены ближайшие коллективные задания, где еще вырабатываются планы работ. Если ставящиеся вопросы, указывающие задачи доклады намечают более или менее широкие перспективы, если они ориентируют работу по местному материалу к общерусским явлениям и процессам, они могут облегчить составление программ деятельности на ближайшее время, сделать работу Общества значительной с общенаучной точки зрения, теснее вдвинуть наше дело в общерусские достижения.

Свой доклад я предлагаю вниманию общего собрания, а не того или другого отдела, ибо, думается мне, в намечаемой работе нашли бы себе применение силы всех отделов нашего Общества. А такая совместная работа ближайших специалистов мне представляется особенно плодотворной при условии, конечно, если удачно выбран объект изучения. Но об этом судить собранию.

Изучение местного края в отношении об'единенных в нашем Обществе дисциплин может давать результаты различной значимости. Есть такие вопросы и такие подходы в работе, что результаты их будут иметь преимущественно или почти исключительно местное, не общерусское значение, внесут лишь незначительные более или менее любопытные детали в построение общерусских процессов или в описание широко распространенных явлений, дадут параллели к известному уже из других мест материалу. Такой характер может носить, напр., под углом чистого описания построенная история того или иного местного правительственного учреждения (Казенной Палаты, Управления Государственных

¹⁾ В основе статьи лежит доклад, прочитанный в общем собрании Саратовского Об-ва Истории, Археологии и Этнографии в мае 1921 года.

имущества, Окружного Суда и т. п.) или скажем—историческая топография того или иного селения и др. Можно и другие более важные явления и процессы изучать с точки зрения исключительно местной, искусственно изолируя объект или просто не считаясь с общерусскими процессами и явлениями. Тогда результаты изучения будут местного значения.

Говоря это, я отнюдь не думаю выставлять такие объекты не заслуживающими изучения или местную точку зрения, точку зрения чистого описания совершенно ненаучными или ненужными. Отнюдь нет. И такие работы, научно исполненные, имеют свою цену и значение; они естественны и необходимы особенно в предварительной стадии собирания и начальной обработки материала, подготовки широких обобщений.

Мне хотелось-бы только в Обществе изучения *местного* края выдвинуть и подчеркнуть возможность, законность и даже необходимость и более широкой ориентировки при изучении местных явлений. Если изучать местное—частное, имея постоянно в виду общее, если планировать в построении явления, отмеченные в нашем крае, в более широком областном, общерусском и даже мировом масштабе, то, при условии той же научности в работе, будут получаться результаты большей ценности, более крупного значения. Да собственно только при таком изучении перед нами и выступают рельефнее местные, особые черты жизни нашего края, выявится его роль, его ценность для большого целого и в этом целом.

Но и при такой, более широкой постановке исследовательской работы не все объекты ее окажутся равноценными в отношении ожидаемых результатов. Оставляя в стороне указанные ранее группы вопросов местного значения, можно, думается, иметь в виду еще две. Изучение одних явлений и процессов дает новые и существенные черты в построении более широкие, но не создает их в целом; без них картина окажется незаконченной, неполной, быть может, несколько односторонней, но всё же она будет и без нашего местного материала, всё же явления определенной категории отмечены и учтены. Чтобы яснее была моя мысль, приведу пример. Один из важнейших вопросов в истории России, центральный в построении Ключевского—колонизация пространств Европейской, а потом и Азиатской России главным образом славянскими племенами, потом русским народом. Колонизация Саратовского края отличается своими своеобразными чертами, не повторяет в целом процессов других районов. Поэтому ее выяснение даст много интересных черт в общую историю колонизации России, освещая одновременно и один

из важнейших процессов местной истории. Однако нам дают картину колонизации России и при незаполненности страниц, относящихся к Саратовскому Поволжью.

Но есть и такие явления и процессы, которые только по местному и определенному материалу и конструируются, а без него совершенно ускользают от взоров исследователей. Возьму для примера северно-русское деревянное зодчество, болгарскую культуру нижнего Покамья и среднего Поволжья или ряд вопросов из области этнографии. В подобных случаях уже построение дается только или во всяком случае почти только на основании изучения местной действительности, настоящей или прошлой, одного строго определенного района, а материалы других мест, всей России играют подсобную, второстепенную роль. В таких случаях ценность местного материала возрастает до высочайшей степени, и на местных, прежде всего, работников ложится почетная обязанность перед наукой своим изучением пролить свет на темные и не могущие без местного материала быть освещенными вопросы нашего прошлого или современности.

Вот к последней группе местных вопросов и явлений я и отнес бы изучение мордвы.

Непробую аргументировать и важность темы и возможность и необходимость изучения ее по местным материалам, понимая под местными, как это уже установилось в нашем Обществе, все более разветвляющемся в областное, не только узко Саратовские материалы, в пределах губернии, а областные, в смысле более обширного края с центром духовным в Саратове.

Мордва занимает особое место в финском мире народов. По месту жительства, в восточной части Европейской России, мордву нередко относят к восточным финнам. Но это чисто географическое и не совсем основательное деление. Ведь и по расселению современному мордва оторвана от собственно восточных (северо-восточных) племен Пермской по языку группы угре-финских народов (вотяков, зырян, пермяков). Поселения мордвы не идут, можно сказать, севернее Волги и Камы в ее нижнем течении. И только чрез наиболее близкое по языку племя—черемису (мордва и черемиса составляют особую языковую группу) мордва связана территориально с настоящими восточными народцами. А по языку мордва, как известно, ближе к западным, чем к восточным финнам. Таким образом уже в этом отношении особое внимание должно привлекать к себе мордовское племя; оно и с этой стороны незаменимо другим.

И по своим крайне интересным историческим судьбам эта народность заслуживает особого изучения.

Мордва принадлежит к числу древнейших доселе сохранившихся племен — обитателей Европейской России. По счастливой догадке Томашека, принимаемой, кажется, почти всеми крупнейшими современными исследователями, именно мордву нужно видеть под мрачным, народившимся из недоразумения чужих словотолкований именем андрофаги (людоеды) Геродота. Мне думается, что наличие рядом с Геродотовыми же не менее известными мелаихленами савдаратов (оба слова греческое и иранское — означают „чернокафтанников“ или „людей, носящих черные плащи“) Ольвийской надписи подтверждает догадку Томашека: греки переводили иранские названия смутно известных им насельников таинственного, заскифского севера. Присутствие в мордовском яз. иранских слов укрепляет в той же мысли. Итак, в мордве пред нами народ, бывший когда-то соседом иранцев Причерноморья, испытывавший их воздействие, а чрез них, может быть, и влияние греческой культуры.

Позже, как можно заключать из известия Иордана, мордва, если не входила в состав слишком далеко расширяемой этим автором готской державы, то была в сношениях с новым, совсем другого культурного склада, властителем у Черного моря, с готами.

С другой стороны мордва давний и постоянно непосредственный сосед славян, во всяком случае восточных славян. Мы не знаем, было-ли мордовское племя соседом славян во время жизни их на их прародине: еще не определена с категоричностью славянская прародина и не известны с точностью места обитаний мордвы в древнейшую — Геродотовскую или более позднюю — эпоху нашей эры — поры. Трудно даже сказать, были-ли оттеснены к востоку мордовские селения непосредственно восточно-славянскими племенами при расселении их по Днепру и его притокам, или же мордва независимо от этой славянской колонизации Восточной Европы и до нея оказалась уже за Окою. Во всяком случае русские X—XI в., жившие и на среднем Днепре, хорошо знали мордву: летописцы помещали ее в соседстве мери и муромы, а первые столкновения русских с сильною мордвою (с 1103 г.) позволяют локализовать мордовские села и „тверди“ (крепости) в лесах на восток от Оки, повидимому, в ее среднем и нижнем течении. С тех пор, во всяком случае свыше 800 лет, мордва — сосед русских, сосед долгое время не мирный, многократно восставший с русскими, но и живший под их воздействием и, конечно, на них влиявший. Стоит отметить, что еще под 1228 г. упоминается не вполне ясная для нас „Русь Пургасова“ (Пургас — один из „князей“ мордовских). А в своем

влиянии на русских мордва могла давать не только свое, но и чужое, воспринятое у других.

Это чужое, но ассимилированное, усвоенное и видоизмененное, могло быть не только иранским и готским, на что уже указано выше. В непосредственной близости от мордовских поселений или же прямо чрез них пролегали торговые пути из Руси в Болгары и Хвалисы (к Козарам) и обратно из этих стран в Русь, хотя бы в Ростово-Суздальскую. Потом мордва испытала на себе один из первых ударов татар и долго, — по крайней мере в значительной части, — оставалась под их господством. Имеется известие, требующее проверки, но влекущее наше любопытство, что в начале XVI в. мордвины принимали участие в торговле с Турским Царьградом*). Были и другие воздействия на мордву. Так, едва-ли бесследно прошло, по крайней мере, для части мордовского народа долгое соседство с чувашами; уже на одном из заседаний Этнографического Отдела нашего Общества отмечались сходство брачных обрядов мордвы и чувашей (сходство, которое объясняется впрочем не обязательно влиянием одного народа на другой), „кереметь“ одинаково у мордвы и тюркских народов, — результат уже не простого сродства, а воздействия, очевидно, тюркских верований на мордву.

Что же усвоила из всех этих разнородных и разновременных воздействий мордва? Что из этого чужого культурного багажа несла она Руси? Что передала ей своего, исконного? Все это — вопросы, разрешение которых не только небезынтересно, но прямо весьма важно для уяснения сложения русской культуры в отдаленные эпохи, народного быта во времена к нам ближайшие и наши. Что, с другой стороны, получила мордва от общения с славянами, если установят древнейшее соседство этих двух народов? В чем сказалося у мордвы многовековое соседство русских? В какой области, или в каких областях и до какой степени действительны были русские влияния? В какую пору и как — опять в разных областях жизни — воздействовали на мордву обычно более сильные русские? Освещение и этих вопросов существенно не только для истории мордвы, но и для истории Руси и русской культуры.

Из того, что подмечено уже в области русско-финских (финнов в широком смысле этого слова) взаимоотношений, не теоретически — априорно, а конкретно, на основе материала видно, какое большое значение для истории и русского и финских народов имеет решение поставленных вопросов.

*) Указание это имеется в первой книге „Турецких дел“, опубли. при исследовании В. И. Дунаева „Пр. Максим грек и греческая идея на Руси в XVI веке“, М. 1916, стр. 39—40.

Укажу только, что взаимодействия в области языка, фольклера уже установлены (хотя и едва-ли изучены до конца) и — что еще существеннее — достаточно широки; в области религиозной засвидетельствована могучая проповедь финских волхвов и деятельность финских ведунов (кудесников); финским по происхождению считается многими лингвистами слово „колдун“, у финнов заимствованным считают некоторые и слово „кумир“ (от глаг. kumirtaa — поклоняться) и т. д. При разрешении этого, далеко не до конца выясненного вопроса о русско-финских отношениях, конечно, нужно учесть и мордву, и в обще-финских рамках, и особенно, индивидуально. Меж тем по отношению к мордве дело обстоит очень неутешительно.

Являясь третьим по численности народом в группе угро-финской и уступая только венграм (уграм) и собственно финнам, мордва изучена сравнительно очень мало. В русской литературе нет до сих пор хорошего словаря мордовского языка, кроме старого, полстолетие назад появившегося, и недостаточно полного словаря Видемана; очень мало записано мордовских текстов, и чрезвычайно выгодно выделяется в этом отношении только недавний (1910 г.) „Мордовский этнографический сборник“ саратовца нашего акад. А. А. Шахматова. Результаты малой изученности языка сказываются и в анализе языковых соотношений. Так в известной работе Веске о „славяно-финских культурных отношениях“ очень редко принимались в расчет мордовские данные, и даже при этимологиях, „Курска“, „Калуги“ использованы финские (суоми), а не мордовские слова, хотя ясно, что эти места ближе к поселениям именно мордвы, а не нынешних финляндцев. Чрезвычайно мало изучена, хотя, как я старался показать выше, особенно интересна, история Мордвы, и не только в общих обзорах истории России не находит она себе места, но даже в курсах исторической географии, куда принято относить историко-этнографические штудии, мордве почти не уделяется внимания: так в наиболее популярном (и обстоятельном) курсе Середонина при признании „значительности влияния финнов на славян“ и при наличии особой, большой и интересной главы „Финны и их передвижения“ всего несколько слов сказано о мордве и ни слова об ее передвижениях. Думается, что недостаточно изучен и быт и верования мордвы, особенно в сопоставлении с данными языка и с точки зрения отыскания остатков далекой старины и учета чужих и разновременных влияний. И опять-таки не случайность, что, напр., в обстоятельном „Библиографическом указателе русской этнографической литературы о внешнем быте народов России“ Д. К. Зеленина, захватывающем

более 200 лет (1700—1910 г.г.), о мордве отмечено не слишком много литературы (100 с небольшим статей и книг), а, главное, некоторая часть этой литературы компилятивна, значительная доля представляет только собрание, а не научную разработку материалов.

Итак в отношении изучения мордвы пред нам широкое поле для деятельности и в области собирания, и еще более в области научной обработки собираемых и уже собранных материалов. И эта работа не может и не должна быть откладываемая. К тому побуждает не только отмеченная выше важность с более широких, чем чисто местная, чисто национальная, точек зрения изучения данного объекта, а и изменчивость объекта. Начавшая давно русеть, мордва особенно быстро шла в этом направлении в последнее время. Еще в 60-х годах XIX века П. И. Мельников отмечал, что ни одно из финских племен „так не обрусело“, „как мордва, особенно же та часть ее, которая живет в Нижегородском уезде и называется терюханами“; уже в ту пору эта часть мордовского народа „почти забыла свой язык“, „лишь в некоторых немногих деревнях“ и то в женской половине населения сохранились уже „остатки мордовского наряда“, все более исчезающие. После того процесс в условиях пореформенной России пошел усиленным темпом. Можно для нашего края указать, напр., громадное село Балашовского уезда Мордовский Карай, где в 1900 году только название, с десятков слов да некоторые мелочи костюма говорили о том, что это не великоросское по происхождению селение. Немало подобных примеров и в уездах Аткарском, Саратовском. Даже и в более глухих местах Кузнецкого и Хвалынского уезда молодежь особенно заметно нивелируется, забывая язык, бросая старый наряд, относясь с насмешкой к старому обряду. И годы войны и революции сказались здесь пагубным для исследователей образом. Лишь пробужденное внимание к национальным вопросам дает некоторое основание рассчитывать, что найдутся новые работники, особенно из самой мордвы, и встретят они поддержку в органах правительственных и общественных. И нужно спешить с работой.

Где же вести ее? Мне лично кажется, что более богатая жатва ожидает собирателя и исследователя в местах более или менее значительных сплошных поселений мордовского племени, вдали от крупных центров, от железных дорог, с недавней школой,—словом там, где меньше сказалось разлагающее и унифицирующее действие новой культуры. И я склонен считать для намечаемых в этой заметке изысканий недостатком Шахматовского „Сборника“ то, что материалы его собраны в Оркине и Карабулаке, где уже достаточно сильно

сказалось обрусение, заметное и в изданных им текстах. Конечно, возможно и в таких местах сохранение обломков старины в маленьких группах или даже у отдельных лиц в качестве бессознательного протеста против идущих новшеств, но легче и вероятнее искать старину в местностях с более прочным укладом мордовского нетронутого или мало тронутого новизною быта.

По данным переписи 1897 г. почти все мордовское население России (свыше $\frac{2}{10}$ его) сосредоточено в 9 средне-волжских и ближайших к ним с запада и востока губерниях: ¹⁾ в Казанской—по обе стороны Волги, Нижегородской, Симбирской и Саратовской, а также в Тамбовской и Пензенской к западу от Волги, в Самарской, а также в Уфимской и Оренбургской к востоку. В этом обширном крае мордва не разбросана отдельными поселками по всей территории; ее селения сосредоточены большею частью целыми заметными пятнами. Так в Казанской губ. все мордовское население (32000 с небольшим) сосредоточено только в 3 южных уездах—Тетюшском, Спасском и Чистопольском; в Нижегородской (53000 чел.) в 6 юго-восточных уездах, отодвинутое от Оки и Волги. Одно из мордовских пятен имеется на территории Саратовской губ. По абсолютной численности мордовского населения—123900 (окружая в сотнях) чел.—она занимает четвертое место среди „мордовских“ губерний, уступая Самарской с 238600 ч., Симбирской—189000 и Пензенской 188000 чел.; по относительному значению—5,6% всего ее населения—третье: более мордовскими являются только Пензенская (12,8%) и Симбирская (12,2%). Но внутри самой Саратовской губ. мордва сосредоточена преимущественно в уездах Кузнецком, Петровском и Хвалынском, составляя здесь от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{5}$ (16—20%) всего населения. Этот район и подлежит изучению в первую очередь в нашем Обществе. Но Саратов уже выдвинут историей на роль крупного областного культурного центра. И в прошлом, если оставить в стороне столицы, работникам Казани, Нижнего и Саратова больше всего обязана мордва исследовательским вниманием. Теперь с созданием и учреждением в Саратове университета с развитием работы Саратовского Общества Истории, Археологии и Этнографии Саратов должен явиться одним из главных центров изучения мордвы, захватывая более обширные, чем губернская, территории для изучения.

В намечаемой мною работе по изучению мордвы найдут себе приложение и будут очень полезны научные силы всех отделов нашего Общества и разных специальностей. Задачей археологов стало-бы установить мордовские древности, вы-

¹⁾ Имею в виду старое, дореволюционное деление.

делить типичные вещи, составить обычный инвентарь погребений и городищ, а потом идти на поиски более древних и древнейших поселений мордвы; им же должно сделать попытки отыскания в древних мордовских вещах иранских, греческих, готских и иных влияний. На историков должна лечь забота о собирании напечатанных и еще лежащих в архивах материалов для истории мордвы и составление самой истории этого племени. Лингвистам нужно озаботиться собиранием материалов для эрзянского и мокшанского словарей; от них же надо ожидать этимологического словаря мордовского языка с выделением исконного мордовского фонда и указанием заимствований у разных народов, с определением и эпох усвоения тех или иных слов. Этнографам предстоит особенно большая работа по изучению быта и фольклора, верований и поэтического творчества мордвы в прошлом и настоящем; и здесь было-бы крайне важно выделить свое и чужое у мордвы и установить, путем сравнения с русским материалом, воздействия на Русь. Наконец, интересующимся народным искусством есть работа по изучению художественных богатств мордвы.

Особенно плодотворно пойдет работа, если представители разных специальностей будут работать сообща, координируя исследовательскую работу, взаимно проверяя заключения, пополняя друг друга материалом, решая общие вопросы. Счастливей всего обстояло-бы дело, если бы оказался в работающей группе живой и специально заинтересованной центр—человек, владеющий главным ключом ко всему изучению мордвы—ее языком, с которым и связывались-бы археологические, исторические и этнографические исследования.

П. Любомиров.

Описание этнографических записей, хранящихся в Этнографическом музее Саратовского края.¹⁾

ВЕЛИКОРОССЫ.

1. Хвалынский уезд. Записано участниками экспедиции под руководством проф. Б. М. Соколова летом 1920 года в разных селах Хвалынского уезда.

Жилище. Описание построек села Елшанки, Хвалынского уезда; наброски с приложением рисунков. Исп. В. В. Зайковский и А. И. Тюрина. Рисунки жилищников с. Елшанки, Хвалынского уезда, исп. Н. Аполловой в 10 экземплярах. План усадьбы крестьянина с. Елшанки, Хвалынь. уезд. Описание усадьбы с. Еремкина Хвалынь. уезд, исп. А. Ф. Голубева, с. Ст. Лебежайки Хвалынь. уезд, исп. В. В. Зайковский.

Одежда. Описание одежды крестьян с. Еремкина Хвалынь. у., исп. Голубева; описание одежды крестьян с. Елшанки, исп. Тюрина. Описание утвари крестьян с. Елшанки и с. Еремкина, исп. Тюрина и Голубева.

Пища. Описание пищи крестьян села Еремкина Хвалынского уезда, исп. Голубева.

Промыслы. Сведения о земледелии и народной технике с. Еремкина Хвалынь. уезд, зап. Голубева. Описание обработки овчин в с. Елшанке Хвалынь. у., описание обработки конопля, сведения о земледелии в с. Елшанке Хвалынь. у., зап. Есеевко.

Исторические легенды, записанные в Хвалынском уезде. 1. О Катюшиной горе, близ Хвалынска. Предание о мордве, жившей в горах в древности. Позднее разбойница, грабившая заводских богатых калмыков и киргизов. Сказание о Катюше, девочке взятой в один из разбойничьих набегов шайкой Рогова и Туманова, по имени которой названа гора. Записал Зайковский. 2. Местное предание, записанное в с. Елшанке. Мешки тоги и маргоги живут в лесах и болотах, богаты, помогают друг за друга. У них по одной руке и ноге. О липниках, разбойниках и турках, живших здесь. К туркам переселились православные. 20 дворов, упоминание об арловом гнезде на пяти дубах. Записали Аполлова, Крупянская. 3. О Караульчонь горе, (Золотая гора) о семи русских богатырях, карауливших от татар. Татары жгут степь на 10 верст кругом. Коня богатырей разбивают, богатыри бьются три дня и гибнут. В ночь под Пасху богатыри выезжают на своих конях. Записал Зайковский. 4. Местное предание о первых поселенцах с. Елшанки, Хвалынь. уезд. В войну с французами часть жителей переселяется из д. Егорьевской, Московской губ. в Приволье и оседают на месте теперешней Елшанки, где они находят не более 6-7 дворов, образовав поселок под названием Елховый Гай. 5. Легенда о змее. Приручено к с. Логуновке. Позже посёда Малюкены, близ Ставрополя Самарского. Змей спускается в туче в глазах народа. Народ молится и змей улетает. О родившемся трехмесячном ребенке. Приручено к селу Лебежайке, близ Логуновки. На ребенке

¹⁾ Описание составлено Т. М. Акимовой, М. П. Советовым и Н. М. Цыгановой.

исполнилось предсказание пророка Ездры. О небесных видениях в Черемшане. Огненные движущиеся столпы. Записала Крупицкая. 6. О кладе. Село. Еремкино, Хвалынского уезда. Семь возов денег, найденных на горе Богданихе. На другой горе по видневшейся по почам свечке откапывается гроб с покойником. 7. О потонувших грех девушках в реке Терешке с. Еремкино, Хвалын. у. 8. Легенда „Как медведь утащил девуку“. Человек через пять колен от этого медведя живет в работниках. Медведь уносит женщину в лес. Живет с ней в берлоге. Достает пропитание ей. Через три года женщина убегает. Медведь гонится за ней, извозчики убивают медведя. Сехья, к которой принадлежал работник, носит фамилию Лапиных оттого, что руки у них похожи на лапу. Записано в с. Елшанке, Хвалын. у., от Парфенова. Гурьевой. 9. Предание о Смольке. С. Ст. Лебежайка, Хвалын. у. Смолька, основатель села, выбирает место для поселения. Почитание Смольки жителями Лебежайки, поминуют его прежде родителей. Зап. в Ст. Лебежайка, от Колдыркаевой, А. Н. Ключковой. 10. Об огненном шаре который появляется ночью над деревней и пропадает. Одновременно по улице пробегает человек в белом и пропадает у колодца. Зап. в селе Еремкино у Гундыревой Ключковой.

Обряды календарные. 1. Рождественские обряды. Коляда, исполняется мальчиками, собирающимися в особые артели, со своим определенным уставом. Рядятся девушки со второго дня Нового года, собираясь для этого в особые наряды „кельях“, парни только заходят к ним группами со своим угощением. Описываются празднование Рождества и святых и другими членами семей. Зап. в Елшанке, Хвалын. у., Б. В. Зайковский. 2. Коляда, коляда, посконная борода, с описанием обряда. Село Шаховское, Хвалын. у., записала В. Ю. Крупицкая. 3. Таусенька, таусенька летел серым гусем... С описанием обряда. С. Шаховское, Хвалын. у. Таусень, таусень, летел серым гусем, с описанием обряда. С. Шаховское. Записала В. Ю. Крупицкая. 4. Перечень увеселений на святках. С. Еремкино, Хвалынского у., зап. Голубева. 5. Перечень святочных гаданий: 1) с лошадыю, 2) с предметами ремесла, 3) с краюшками хлеба, 4) под окном, 5) с воском, 6) с зеркалами, 7) колодезь, 8) с оловом, 9) с двумя капелками воску, 10) с башмаками, 11) слушают у амбара, 12) морозят рукав в проруби, 13) с дровами, 14) с курами, 15) окутывают рога у коровы, 16) с зеркалами, 17) с обручальным кольцом, 18) с клубком, 19) с дровами, 20) с курицей, 21) с коритой, 22) с лошадыю, 23) колодезь, 24) с предметами ремесел, 25) с краюшками хлеба, 26) слушают под окном, 27) спрашивают имя, 28) с двумя каплями воску, 29) с зеркалами, 30) сию или еду, 31) на перекрестке двух дорог, 32) с прорубью, 33) с блюдом воды. Село Елшанка и поселок, Хвалын. у., записала Тюрина. 6. Масляница. Празднование „прощеного дня“—катанье, подарки девушкам и обряд прощенья с поцелуями. С. Елшанка, Хвалын. у., записал Б. В. Зайковский. 7. Весенние обряды. Обряды Великого поста. Празднование крестопоклонной недели—крест с заперченными предметами. Пасха. Вера в то, что „солнце играет“, яйца освященные не портятся, что души умерших посещают своих близких, что умерший в этот день попадет в рай, что можно найти в эту ночь клад. Пекут „жаворонков“ в день сорока мучеников. Троицу считают праздником с культом дерева. С. Елшанка, Хвалын. у., записал Б. В. Зайковский. 8. Жавороночки, прилетите к нам, красно лето принесите нам... Село Шаховское. Троицу празднуют девушки на улицах—убирают все деревьями; ставят столы, угощаются, целуются, один конец ходит к другому. С. поселок Хвалын. у., (из Колояра, Вольского у.), зап. Крупицкая. 9. На-за лесу перелесу шелкова трава... (заимствована у мордвы), село Еремкино, Хвалынского уезд., записала Н. Цыганова. 10. Тайла, тайла, тайла, как вечера в торгу да клычу клыкаю... Село Елшанка, Хвалын. уезд. 11. Хожу я, гуляю влоди по улице, да я, широкая, вдоль по улице, да я, широкая; село Елшанка. 12. Пчела белая ребая, ко сырой земле припадывала... Село Елшанка, Хвалын. уезд., записали Советов и Акимова. 13. Обряд встречи весны за селом у родника, девушки набирают воды в бутылки, а сами играют в „года“ (род прятков), возвращаются домой с песнями. С. Елшанка, Хвалын. уезд., записала Евсеевко. 14. Жнитво. Посылала Баю мать, яровинку зажинать, 2 варианта. С. Елшанка, Хвалын. уезд., записали

Советов и Акимова. 15. Рано Машенька вставала, козачку кашу варила... Село Елшанка, Хвалын. уез., записала Н. Аполлова. 16. День Ивана Купала сопровождается обливанием водой, в ночь накануне ищут клады. Село Елшанка, Хвалын. у., записал В. В. Зайковский. 17. Осенние обряды. Кузьминки. Устраивают девушки, приглашая парней, котор. платят за угощение. Поют: Кушайте и пейте, денег не жалейте. Село Поселок, Хвалын. уез. (из Колояра, Волъск. у.), записала Крупянская. 18. После „Кузьминок“ начинаются посиделки. Девушки собираются в одной избе, работают и поют песни. Допускаются парни (которые приносят угощение), но только самые знакомые. Село Елшанка, Хвалын. уез., записал В. В. Зайковский.

Обряды семейные. 1. Крестильные обряды. Плохенького ребенка крестят сейчас же после рождения, хорошего же в праздник или ближайшее воскресенье. Кладут на блюдо деньги „ребенку на кашу“. Устраивают пир. В 40-ой день мать берет молитву... С. Елшанка, Хвалын. у. Записала Гурьева. 2. Рекрутские причитания. Уж родимый, ты мой сыночек, уж как то я с тобой расстанусь... и 2 варианта. С. Елшанка, Хвалын. у. запис. Акимова. 3. Родимый ты мой сыночек, угоняют тебя на чужую сторонушку в большую неволюшку. Елшанка, Хвалын. у. Зап. Ключкова. 4. Родимый ты мой ясен сокол и как то мы с тобой расстанемся... С. Елшанка, Хв. у. Зап. Ключкова. 5. Родимый мой сыночек, угоняют тебя на чужую сторонушку... С. Елшанка. 6. Родимый ты мой, ясен сокол, и как то мы с тобой расстанемся... С. Елшанка Хв. у., записала Гурьева. 7. Размилый ты мой сыночек, милый, дорогой, гостек. С. Елшанка, Хв. у., записала В. Ю. Крупянская. 8. Свадьба. Сватовство, кладка, переодевание невесты, поклон, угощение жениха. Причет невесты и уход сватов. Родимый ты мой батюшка, лебедушка матушка... К брату: Ты родимой мой, размилый братец, к тетке: родимая моя тетушка. К подругам: Лебедушки мои белые, подружки любимые. Песни девушки: Замерла вольна пташечка, замерла перепелочка. Девичник, песни. Уж ты сад ты мой сад, сад зелененький, и по сеням по сеням, по кореньям, сосновеньким. Игры в голубушки и в тылюю. Причитание невесты по уводе жениха. „Лебедушка моя матушка“. Причитание невесты утром на другой день—„Родной батюшка, спалось ли тебе, батюшка“, подружкам „Уж вы лебедушки мои—лебедушки белые“. Покупка, кладка и приданое. Девичник. Песня жениху „Ты пчела, ты пчела ли, пчела белая была“. Обмен подарками между женихом и невестой. Песня девушки „Ох годовка болит, болит знать головушка“. Бани для невесты. Выкуп невесты в день свадьбы у младшего брата. Причитание невесты перед благословением „Растворите вы все двери растворчаты“. Песня девушки „Разливается пола вода“. Поезд. Расплетание косы. Встреча молодых у свекра. Одаривание невесты теленком или овцой (на открыт). Угощение в чулане. Привоз сундуков невесты с приданом. Поклон молодых, песня девушки „Не пора ли нам, ребята, чужо пиво пить“. Обход родни в течение двух дней после свадьбы. С. Елшанка, Хв. у., зап. Тюриной. Сватовство, кладки, подарки жениха, причитание невесты по уходе жениха „Родимая ты моя матушка, на чево ты распротневалась на меня“. Девичник, Песни: „Подушечка, подушечка пуховая, ты девица красавица очень молодая“, „Лежит мальчик за трубой, будто спрятался“. Распутывание лапши. У жениха песня: „Как у нашего князя боярина, золотые были выходы“. Ответ отца „Ты-ль дите ли мое дитятко, у нас дело то поделано“. Расплетание косы после бани, песня: „Трубы, трубы, трубыньки на белой заре“. Причитание невесты при приезде друзей: „Подойди ка родной батюшка, ко дубовому столу“, прощание невесты, песня девушек: „Как у чарочки у серебряные, у серебряныя“. С. Елшанка Хв. у., зап. Аполловой. 9. Смотрины, кладка, осмотр дома жениха, причитание невесты: „Вы милые мои подружки, вставайте, холодной водой умывайтесь“. Отвоз невестыной постели. Бани для невесты, расплетание косы. Песня у жениха „Долина долинушка, раздолье широкое“. Поездка невесты к жениху. Прибытие поезда. Выкуп ворот невесты. Пирог от жениха, вырывание пашечек из порога. Благословение невесты, песня по отъезде поезда „Полевая наша ягодка, дорогая наша гостинька“. Пир у жениха после венца. С. Павловка, зап. Крупнянской и Акимовой.

Свадебные песни. 1. „Выюном у воды увиваются, жениха у ворот дожидаются“ и 1 вариант. Зап. Акимовой и Серейской. С. Елшанка. 9. „Зелена, велена, зелененька была“. У Ванюшки молода жена была. С. Елшанка, Хв. у., зап. В. Крунянская. 10. Пчела белая была, по чисту полю полетовала“. С. Елшанка, Хвалын. у., зап. Н. Цыганова и 1 вариант. 4. „Как у ключика текучева, у колодезя клубокова“. Поселок Хв. у., зап. Т. Акимова. 5. „Что за потенька, что за темная. Всею потеньку во уснула...“ С. Елшанка, Хв. у., записала Тюрина. 6. Ище что это за мальчик, за кудравый сам собой... С. Подлесное, Хв. у., записала А. Голубева. 7. „Что сказали да Иван то не грозен...“ С. Подлесное, Хв. у., записала Гурьева. 8. Так ночью темнотою, да скрывались небеса... С. Подлесное, Хв. у., записала А. Голубева. 9. Из под тучи, из под горы, собиралась туча гром. С. Елшанка, Хв. у., записала А. Тюрина. 10. Раструбились трубеньки рано на заре... С. Елшанка, записала Серейская и 1 вариант. 11. „Как по саду было садик у зеленому винограду...“ Поселок Хв. у., записала Н. Цыганова. 12. „Подушечка, подушечка пуховаз. Девчоночка красавица—очень молодая“. С. Елшанка, Хв. у., записала Н. Аполлова. 13. Эх, об чем Еленушка, об чем ты тужинь—плачеш, эх ты Еленка, да тужинь плачеш? 14. Спровожавши меня родна мамынька, в чужи люди отдава в незнаемые... 15. Уж ты сад ты мой сад, сад зелененький... 16. Подумайте, подружки по мне, подумайте погадайте по несчастной голове... 17. Голова что то болит, болит, болит, свать, головушка... 18. Не пофа ли нам ребята чужо пиво пить... 19. Вихри, вихри, вихиречки, полно вихри бушевать... 20. Разлилась вода холодная по всему двору широкому. С. Елшанка. Записала Т. Акимова. 21. Брону чашу с пирогами, пойду лягу вверх ногами. С. Елшанка, зап. Крунянская. 22. Как севодняшний денечек тоска нападала... С. Поселок, Хв. у., зап. Крунянская. 23. Во палатах белокаменных, перед зеркальцем хрустальным. 24. На кружечку, на дужечку, ища и девчда дуна. 25. Разо Машенька вставала, изваку кашу варила. 26. Вынал беленький сысочник, вастыл тоненький ледочек... С. Елшанка, Хв. у., запис. В. Крунянская. 27. Ах сокол, сокол, распрекрасный, молодец распрекрасный добрый молодец... Черемшаны, Хв. у., зап. Панчулидзева. 28. Уж ты мать ты моя матушка, да уж ты погулярыни. 29. Вечер были на девичнике у любезнейшей подруженьки. 30. Не ведала я не ведала ко мне сваха приехала. 31. Как на морещи на сянним, на острове на хвалынским... С. Елшанка, записала Евсеенко. 32. Как при вечере, при вечере, при Матренином девичничке. 33. В стороне трава, как у Петеньки усена... 34. Бежит речка—не шелохнется, сидит Матривья—не улыбнется. 35. В зелененьком садочке, где мы с милым гуляли... С. Елшанка, Хв. у., запис. О. Серейская. 36. Мама птице бросает, но век сидеть мне за нгой... С. Поселок, Хв. у., записала В. Крунянская. 37. Сторона моя сторонюшка, сторона моя незнамая... С. Бремкино, Хв. у., записала Голубева.

Песни тюремные. 1. Все люди живут, как цветы цветут, моя голова вянет как трава 2 р. с Елшанка зап. Крунянской. 2. Сидел я в темнице, сидел я в тюрьме, прилетает ворон ко мне молодой... 3. Он не год сидел, он не два года, он сидел в тюрьме ровно девять лет... с. Елшанка Хвал. у. записано Аполлова. 4. В Одесском саду я гулял, с красоткой любовался. 5. Звенит звонок лает собравши, Ланцов из замку, убежал с. Шаховское запис. Цыгановой. 6. Ой ты Ваня, милый Ваня, разудала голова... с. Поселок зап. Тюриной. 7. Все вы тетушки родные, все вы тешились мной... с. Черемшаны запис. Панчулидзева. 8. Папирочка трухляда, никто ее не курит... с. Елшанка запис. Серейской. 9. Уж ты горе мое, горе мужицкая пужа... Черемшаны Хвалын. у. зап. Панчулидзева. 10. Звенит звонок на счет поверки, Ланцов задумал убежать... Елшанка, запис. Тюриной. 11. Звенит звонок на счет поверки, Ланцов задумал убежать... с. Елшанка зап. Серейской. 12. Звенит звонок на счет поверки, Ланцов задумал убежать... Елшанка, записана Аполловой.

Разбойничьи песни. 1. Меж крутых бережков Волга речка течет... Черемшаны зап. Панчумедзевой. 2. Из за лесу, лесу, гор по нималась туча гром. с. Бремкино запис. Цыгановой.

Семейные песни. 1. Под яблонькой яблонью зеленой сидел молодец такой... Подлесное, зап. Советов. 2. Как задумала мать в солдаты сына отдать... Черемшаны, запис. Панчулидзевой. 3. Я молоденька была самороднику рвала... с. Елшанка зап. Серейской. 4. Черная ягода смородинка, ты когда росла, когда выросла... с. Поселок, зап. Крунянской. 5. Служил сын годочек, служил он другой... с. Елшанка зап. Серейской. 6. Ах ты Ванюшка, казак, встань позавтракать... с. Елшанка, зап. Голубевой. 7. Ты девчоночка размолоденька, ты сама то собой расхорошенька... с. Елшанка, зап. Аполловой. 8. Как по сеням сеням по новеньким, по новеньким кле-новеньким... с. Елшанка, зап. Акимовой. 9. Зимунка зима, холодна была, холодна была да морозива... с. Елшанка, зап. Акимовой. 10. Так тика на море погода, тика, тика на море погода... с. Елшанка, зап. Аполловой.

Солдатские песни. 1. В Таганроге случилась беда, там убили молодого казака... с. Елшанка зап. Маркелов. 2. Скрылось еолнце за горою, стоит казачка у дверей... с. Елшанка зап. Маркелов. 3. Уж ты травка-мой отец а не пахарь, не косец... 4. Ах кашинушка ты малинушка, ты когда взойшла, когда выросла... 5. Служил сын годочек, служил сын другой... 6. Ехали солдаты со службы домой, на плечах погоны, на груди кресты... с. Елшанка, запис. Маркеловым. 7. Солнце всходит и заходит, а война все конца нет... Еремкино, зап. Аполловой. 8. Под ракитовой зеленой русской раненый лежал с. Елшанка, зап. Аполловой. 9. От павших твердынь порт-Артура, с кровавых манчжурских полей... Кудышовка, зап. Акимовой. 10. Эх с Таганрога, эх с Таганрога, эх там убили молодого казака... Шаховское, зап. Цыгановой. 11. На горе высокой два дуба стоят, под доской дубовой два друга лежат... с. Елшанка, зап. Маркеловым. 12. Ах в Таганроге случилась беда, ах в Таганроге, ах там убили молодого казака. Шаховское, запис. Акимовой. 13. На возмори мы стояли, на германском берегу... Елшанка запис. Акимовой. 14. Под ракитою зеленой русский раненый лежал... Елшанка, зап. Акимовой. 15. Незнакомая чужая у парадного крыльца... Черемшаны, зап. Панчулидзевой. 16. Под ракиткой зеленой русский раненый лежал... Черемшаны, зап. Панчулидзевой. 17. Ночка темна, туча грозна, из под неба дождь идет... Черемшаны, зап. Панчулидзевой. 18. Любезный друг уводмляю, что начат наш кровавый бой... с. Подлесное, зап. Панчулидзевой. 19. Черный ворон, черный ворон, что ты вьешься надо мной... с. Подлесное, зап. Панчулидзевой. 20. Эх в Таганроге, в Таганроге случилась беда... с. Шаховское, зап. Серейской. 21. Ой Боже, что за ерманец, затем объявил войну... Еремкино, зап. Крунянской. 22. Как во мосту мосту Варшавского полку... с. Елшанка, зап. Серейской. 23. Мальчишка, мальчишка разгульный был, шел мальчик учиться... с. Елшанка, зап. Цыгановой. 24. Ночи темны, тучи грозны и во поли был туман... с. Елшанка, зап. Серейской. 25. Ехал казак на чужбину далеко на добром коне на своем... с. Елшанка зап. Серейской. 26. Куда Ваня одешь, куда узкаешь, на кого ты Ваня, Маню покнаешь... Шаховское, зап. Акимовой. 27. Как под зеленой ракитой там русский раненый лежал... с. Еремкино, зап. Гурьевой. 28. Ехали солдаты со службы домой, на плечах погоны, на груди кресты... Чув. Калатке, зап. Гурьевой. 29. Вы послушайте, ребята, я вам песенку спою... Елшанка зап. Серейской. 30. Собирается царек на Москвы во поход, и берет так берет с собой три молодца... с. Елшанка, зап. Акимовой и Советовым.

Лирические любовные. 1. Молодка, молодка, молоденькая, головка твоя победенькая... Шаховское, зап. Серейской. 2. Молодка, молодка, молоденькая, головка твоя победенькая... Хвалынк зап. Панчулидзевой. 3. Молодка, молоденька, не с кем мне молодке ночку ночевать... Елшанка. 4. Грусть тоска берет—далеко милый живет, далеко, далеко не на той стороне... Елшанка, зап. Акимовой и Советовым. 5. Стоит село новое, село разореное, стоит церковь славная, она семи главая... Елшанка, зап. Акимовой. 6. Ярославль—город на горе стоит, на горе стоит на всей красоте... Елшанка, зап. Гурьевой. 7. Первым долгом Катерынька счастливая была... Елшанка, зап. Серейской. 8. У ключа было, у ключика холодново, у колодезя была глубоково с. Черемшаны зап. Панчулидзевой. 9. Выйду я на реченьку, погляжу на быстрю. Поселок зап. Крунянской. 10. Не долго веночку, не долго зеленому на стене

всесть... Елшанка, зап. Серейской. 11. Девушка по саду ходила, красная по саду ходила... Елшанка зап. Аполловой. 12. В день хожу я, в ночь гуляю, скучно сердцу моему... Елшанка, зап. Аполловой. 13. Всею вселенную проехал, нигде милень не нашел... Поселок, зап. Акимовой. 14. Шла Машенька из лесочку, несла в руках Маша два веночка... Елшанка, зап. Голубевой. 15. Настух, наступок, настух миленький дружок... Елшанка, зап. Маркелов. 16. Сторона моя, сторонюшка, сторона моя, незнакомая... Елшанка, зап. Ключковой. 17. Во палатах белокаменных супротив зеркала хрустального... Елшанка, зап. Тюриной. 18. Душица, душица в поле раздушилась... с. Елшанка, зап. Серейской. 19. Подуй, погупка, падуи падуи да мать погодушка с высоких гор... Елшанка, зап. Крунянской. 20. Подуй, подуй, мать погодушка с высоких гор... Елшанка зап. Аполловой. 21. Подуй, подуй, мать пого, дупка, с высоких гор... Елшанка, зап. Акимовой. 22. Снежки белые, пушисты, за покрыты все поля... Елшанка, зап. Серейской. 23. Снежки белы лопушисты покрывали все поля... Павловка, зап. Акимовой и Советова. 25. Снежки белы, пушисты покрывали все поля... Елшанка, зап. Тюриной. 26. Посылала мать Ваянку яровнику зажинати, ступай Ваня зажини. Елшанка зап. Крунянской. 27. Я вечер, моя милань в гостях был у тебя... Шаховское, зап. Советов. 28. Под яблонькой, под садовенькой под грушицей, под зелененькой. Шаховское, зап. Акимовой. 29. Соловей ты соловей, голосистый молодой, ты зачем рано встаешь, голосисто поешь... Елшанка зап. Акимовой. 30. Ветер дует подувает ко Машеньке в зелен садок, был у Машеньки един садок... Елшанка, зап. Акимовой. 31. Мне не жалко платка, платка слова только жалю то дружка дружка милую... Елшанка, зап. Маркелов. 32. Ходил Ваня по базару, искал Ваня товару... Елшанка зап. Гурьевой. 33. Наклоди игоженьку на былинку, на сухую травиньку на былинку... Подлесное зап. Панчулидзевой. 34. Вдоль по садику по зеленому тут ходил гулял генеральский сын... Черемшаны зап. Панчулидзевой. 35. Чернabровый парень бравый на завалянке сидел... Еремкино, зап. Гурьевой. 36. Скоро свет, скоро заря, скоро встанет мать моя. Елшанка зап. Тюриной. 37. Сижу, молод, у окошечка гляжу, молод, в чисто полечко... Елшанка, зап. Аполловой. 38. Нигде милово ни вижу ды ни в долинах ни в лугах... Елшанка, зап. Серейской. 39. Негде милого не вижу, ни в долинах, ни в лужках... Елшанка, зап. Аполловой и Крунянской. 40. Ветер дует с гор, подувает—ко Машиньке во зелен садок... Елшанка зап. Маркеловым. 41. Как под тоем гоем, гоем густым гоем... Нов. Лебежайка зап. Тюриной. 42. Я вечер румяну зорю, зорю вышла с грустью посмотреть. Поселок, зап. Аполловой. 43. Вдоль по садику, по зеленому тут ходил гулял генеральский сын... Елшанка, зап. Серейской. 44. Не велят Маше за реченьку ходить, не велят Маше молодчика любить... Еремкино, зап. Цыгановой. 45. Сижу молода, у окошечка гляжу молода, в чисто полечко... зап. Крунянской.

Суевения. 1. Русалки на море поют песни и кружева из травы плетут. с. Черемкино, Хв. у. зап. В Крунянская. 2. У мужика пропала десятка (ее изжевал и проглотил теленок), он подумал на сноху и стал ее сживать со свету. Пошел к колдуну, а тому черт посоветовал свалить на сноху. Еще хуже ей стало жать, чтоб она удавилась, и только мальчик подетройивший разговор колдуна с чертом—выручил тетку. С. Павловка Хв. у. записала Ключкова. 3. Легенда о лешем. Леший появляется в виде теленка,—то маленький как трава, то высокий как деревья. Ст. Лебежайка Хв. у. Колдырнаева, запис. Ключкова. 4. Легенда о домовнике: Около образов слышался голос ох, ох, ох,—мать спросила: «к добру или худу?»—он отвечал, ху, ху, ху—и действительно в этот год случилась беда. Колдырнаева. Ст. Лебежайка Хв. у. записала А. Ключкова. 5. Легенда об Юртаве. Мальчик оставшийся дома один, стал плакать. Видит—вылезает из под пола мордовка, во всем обряде и в сороне и стала его унимать. Колдырнаева, Хв. у. ст. Лебежайка, зап. Ключкова. 6. Домовой. Домовой играет.—Навалится и душит. Если лошадей любит, то их бережет, от чужих лошадей им корм достает. Когда уходят из одного дома в другой, то зовут его с собой. Если он не любит хозяев—то цаплет, все тело в синяках делает. С. Еремкино. Хв. у. Записала В. Крунянская. 7. Дикie свиньи—раньше были, а человек от них спасался. с. Еремкино, Хв. у. записала В. Крунянская.

8. О лешем. Пошел мужик в лес. Нарубил дров, а одно дерево бставил несрубленным пошел отдохнуть. Приходит,—а на дереве сидит человек верхом и палец прищемил. Побежал мужик за народом, а леший и пропал. С. Еремкино, Хв. у. от. Агафья Гундыревой, зап. А. Ключкова. 9. Домовой. Домовой в каждом дворе есть. Без него жить нельзя. Начали лошади падать. Певзвали ворожея. Он и говорит: ваш домовый молоденький да пестренький, надо вам и лошадей пестрых держать. Господь домового насылает за грехи. С. Елшанка, Хв. у. записали Аполлова и Крунянская. 10. Медведь. Медведь посыл со всех лукошки с малиной и опять, и опять на них одел. С. Елшанка, Хв. у. от. Парфенова, зап. Гурьева. 11. Леший. Поехал дядя Василий с девочкой в лес дрова рубить. Она уснула в телеге. А как проснулась, стала дядю звать и приманила лешего. Парфенов. Елшанка. Записали Акимов и Советов. 12. Домовой. Домовой таскал корм к соседям, у них лошади были хорошие и муку таскал. Парфенов. С. Елшанка, Хв. у. Записали Акимов и Советов. 13. Домовой. Хворал я, принесли мне лекарства, а домовый, как медведь, пришел и нагадил на лекарство, то и сестру напугал. Парфенов. С. Елшанка, Хв. у. зап. Акимова и Советов. 14. Как к жене змей летал. Жена тужила об дочери. Догадался я, что к ней змей летает, стал следить. Увидал его стал с ним бороться. „Небоюсь я дьявола проклятого, а надеюсь я на Христа распятого“. Поборол его, а жена потом больше году хворала. Я. Парфенов. С. Елшанка, Хв. у. записали Советов и Акимова. 15. Леший. Лешего приманили, собрались в круг и стали кричать. Захарь Юлатов объехал круг 3 раза. Цибжал он, а ей на палке трек сена, зажженного поднесли и обожгли ее, она и убежала. Парфенов. С. Елшанка, Хв. у. зап. Акимова и Советов. 16. Сведения о 1) домовом 2) лешем 3) русалках 4) ведьмах 5) колдунах 6) оборотнях 7) прощайцах 8) летуне 17. о Стеньке Разине—кот. живет в Рязанских горах в виде орла с. Елшанка Хв. у. записал Н. В. Зайковский. 18. Как за домового приняли вора.

И Религиозные легенды. 1. О непокровенных сосудах. Дьяволы любят, если хозяйка оставит что нибудь открытое и гадят туда с. Елшанка Хв. у. записала В. Крунянская. 2. Умирал в Черемшавых архиерей. Становой дознался хотел нагнать, поехал с полицией и увидел на крыльце 7 свечей. Испугались, уехали обратно... Черемшаны, зап. Акимова. 3. После пострижения инокини 40 дней и ночей проводит в церкви. Не все выдерживают и выходит с поврежденным рассудком. Одна монахиня (по наущению беса) захотела летать и упала с хор. Инокиня звонарь. Черемшаны Хв. у. зап. Крунянская. 4. Видение Макария. Шел Макарий с посошком увидел кость, тронул палкой. Голова говорит „не трожь“ и рассказала, где мертвые находятся. с. Елшанка Хв. у. зап. Крунянская. 5. Как Иисус Христос вывел грешников из ада. Бог с бесом поделили людей Богу живых—а бесу мертвых и расписался Бог на аспидной доске. А бес доску забросил во Иердань; когда Христос крестился—достал оттуда доску и выпустил мертвых из ада. Оставил одного Соломона да тот вышел своею хитростью. Остался там один Сатана да Иуда. с. Елшанка зап. Аполлова и Крунянская. 6. Христос в аду. 2 раза подходил к аду. В третий раз подошел—развалилось все их строение и выпустил он грешников. Остался сатана да Соломон с. Елшанка Хв. у. записали Аполлова и Крунянская. 7. Тайная вечера. Иуда когда мокнул в солило, почервел весь. А дом, где была тайная вечера, зарос травой и цветами. с. Елшанка Хв. у. записали Аполлова и Крунянская. 8. Иуда. Иуда хотел удавиться да осина подогнула. И сидит он на коленках сатаны с мишуречкой. с. Елшанка Хв. у. записала Аполлова и Крунянская. 9. О распятии Христа. Крест на котором распяли Христа до сих пор стоит на Голгофе невредимым. с. Елшанка Хв. у. зап. Аполлова и Крунянская. 10. Рождество Христово. Когда положили Христа в ясли—лошадь его вышвырнула, а свинья в ямочку зарыла, потому свинью можно есть, а лошадь нельзя. с. Елшанка зап. Аполлова и Крунянская. 11. Страшный суд совершится—когда три раза Благовещение будет в среду на Пасху. с. Елшанка Хв. у. зап. Аполлова и Крунянская.

Причитания. 1. Ты зачем сваха приехала, да не дала нам убраться. С. Елшанки. Хв. у. зап. О. Серейская и 1 вариант Акимова. 2. Уж лебедушка, ты моя подружка

любимая, отходила я с тобой на широку улицу. С. Елшанки Хв. у. зап. Акимова. 3. Уж лебедушка, ты моя шабренка ближняя, уж ходила то я к вам дороги гости... С. Елшанки, Хв. у. зап. Акимова. 4. Лебедушки белые, подружки любимые... С. Елшанки, Хв. у. В. Крупианская. 5. Уж лебедушка, ты моя, лебедушка матушка. С. Елшанка, Хв. у. зап. Акимова. 6. Уж растворите вы все двери растворены, распахните вы все двери железные, (перед благословением) и 2 варианта с. Елшанка, Хв. у. зап. Акимова и Серейская. 7. Растворите двери растворчаты, сторонитесь люди добрые, с. Елшанка, Хв. зап. Крупианская. 8. Причитание жены по муже с обращением к дяде и матери и причитание матери. Милый ты мой ясен сокол, на кого ты меня покидаешь... С. Подлесное, Хв. у. записали А. Голубева и А. Гурьева. 9. Родимая ты моя матушка, ты раскрой очи ясные... С. Елшанки Хвал. у. зап. Крупианская. 10. На кого ты меня матушка покинула, на кого ты меня роденькая оставила... С. Елшанка, Хвал. у., зап. Н. Аполлова. 11. Уж лебедушка, ты моя лебедушка матушка, с. Елшанка, Хв. у. зап. Акимовой.

Детские игры. 1. В курочки. 2. В вилки. 3. В пчелы. 4. В горшочки с. Шаховское, Хв. у., зап. Серейской.

Заговоры. Биография знахаря И. Б. Зезина (заговора не сообщил), с. Елшанка Хв. у., зап. Ключкова. Биография знахарки А. И. Степановой (заговора не сообщила) с. Павловка зап. Ключкова. Биография знахарки Т. В. Горкушиной с. Шаховское Хв. у. зап. Ключкова. 1. Заговор от лихорадки „на горе Спянской, стоит дуб крестьянский“— Биография знахаря И. Ст. Мелкого. 2. Заговор от крови „на мори на окиани, на острове буяни“, с. Павловка, Хв. у., зап. А. Ключкова. Биография знахарки В. Н. Савиной. 3. Заговор от крови—„на мори на окиани, на острове на буяне“... 4. Заговор от червей у скотины, с. Елшанка, Хв. у., зап. А. Ключкова. Биография знахарки А. Е. Шереметовой. 5. Заговор от зубной боли. Читается молитва „Господи Иисусе Христе“, с. Елшанка, Хв. у., зап. А. Ключкова. Биография знахаря Я. М. Лизунова. 6. Заговор от сибирки „Ведьма, ведьмица, сибирская язва“... С. Елшанка, Х. у., зап. А. Ключкова. Биография знахаря К. М. Вилотанова. 7. Заговор от сибирки, такой же как у Лизунова. Елшанка, зап. Ключкова. Заговор от зубного чирья „чирья Василий, не больше, не шири“ Парфенов, с. Елшанка, Хвал. у. зап. А. Ключкова. 8. Заговор от зубной боли „и болят у меня зубы“... Я. Парфенов, с. Елшанка Хв. у., зап. А. Ключкова. 9. Заговор от сибирки „крест-хранитель всей вселенной“... У. П. Космочева с. Поселок Хв. у., зап. А. Ключкова. 10. Заговор от крови „на мори на окиани стоит дуб вверх ногами“ Христиан с. Шалкино Хв. у. 11. Заговор от летучки. „Титова нарядна без глаз, без рук, без ног, без головы“, с. Шалкино Хв. у. 12. Заговор от зубной боли „Китоний святой зубной помощник“ крестьянин с. Шалкино. Заговор от лихорадки: утром когда топят печку знахарка кладет на них кочергу, говоря: „спаси господи и помилуй“... Полчередникова с. Селитба Хв. у. 13. Заговор от лихорадки. „Спаси Господи и помилуй“ 12 раз... Селитба от Полчередниковой. 14. Заговор от крика. С обрядами произносятся „ворота скрипучие возьмите“ с. Селитба Хв. у. от Полчередниковой. 15. Заговор от лишаев 3 раза... „Богородице дево“ у Полчередниковой с. Селитба. 16. Заговор от ячменя 3 раза „Богородице дево“ Полчередникова с. Селитба Хвал. у. Зап. Ключкова. 17. Заговор от зубов: 3 раза „Богородица“ Полчередникова с. Селитба Хв. у. 18. Заговор от сибирки. „Крест-хранитель всей вселенной“... С. Поселок Хв. у. от Тимофеевой, зап. Цыганова. 19. Лечение от глаза. Читается „Богородице Дево“ над чашкой воды 12 раз и этой водой умываются с. Еремкино Хв. у. 20. От укуса змеи. Дном солонки потом с палкой обводят укушенное место, читая особый заговор... ст. Лебежайка Хв. у. 21. От червей. Читается особый заговор в поле над крапивой ст. Лебежайка Хв. у. 22. От зубной боли „Богородице Дево“ читается над куском хлеба с. Лебежайка, зап. Ключкова. 23. От рап—маковой травой. 24. От ломоты—каль. 25. От головной боли—плакун трава. 26. От заразы—дегтем. 27. От холеры—редькой с. Еремкино Хв. у. зап. Голубева. 28. Рассказ о колдуне. Поссорились 2 пастуха из-за места пастбища. 1-й приговорил пучок соломы, которая казалось скотине медведем и она не шла в село. 2-й пастух через

заватара только мог узнать о наговоре и при помощи наговора их на ийцо—
смог уничтожить колдовство с. Павловка Хв. у. от Мелкина. 29. Пастухи перед тем как
выгонять скотину в поле отдают знахарю наговаривать какую ниб. вещь—плеть,
или что-нибудь еще, и зарывают у ворот дома или вкладывают в рожок. Записано
от Мелкина с. Павловка Хв. у. 30. Как колдун хотел испортить молодых от И. Мелкина
с. Павловка Хв. у. зап. А. Ключкова.

Поговорки. Свекровь бранит сноху „сама не знаю как да эдак“ 25 поговорок
зап. у Парфенова, Акимова и Советов. 5 поговорок, записанных у Парфенова зап.
Гурьевой. 4 пословицы татарские ст. Кулатка зап. Крулянской. 2 поговорки с. Ел-
шанка зап. Голубевой. 35 автобиографий. Поговорки и прибаутки Парфенова зап.
Акимова и Советов. 27 пословиц и поговорок, зап. Кроткова по Сар. губ.

Народный календарь. Приметы по погоде на Егорья, зимнего Николу, 6 декаб.
Егорья 23 апр. на Евдокии 1 марта. Елшанка зап. Тюриной. Приметы по погоде
на Крещение, на Новый Год, на Ильин день. Поговорки о месяцах мае, солидном
апреле, июне, поговорки о Миколином дне. Елшанка у Фюкстистова зап. Советов.
Приметы о погоде на Егорья 23 апр. Зимнего Николы 6 декаб. Евдокии 1 марта,
на повороте 9 марта, Елшанка зап. Голубевой. Приметы погоды дня по восходу
солнца, по дыму, месяцу по радужным кругам, по столбам около солнца, по цвету
месяца и кругу вокруг месяца. Елшанка зап. Зайковский. Приметы не календарные.
По жар во сне, просыпал соль, найти железо, об удавлении, и опойце. Бремкино
зап. Голубевой. Найти подкову, черепа животных на изгороди пчельника, колесо
на плетнях, старинные грони. Разбить зеркало, найти крест, кувшинное горло—
„журный бог“, о дурном глазе.

Сказки и анекдоты. 1. Два черта. Два черта находят сыр. Идут делить к
дуплу. — Водсь, что купец обманет, идут к пону. Встречают солдата. Солдат режет
сыр на неровные части. Чтобы сравнить обе половины отгрызает то от одной, то от
другой, пока не съел весь сыр. С. Шаховское, запись В. Ю. Крулянской. 2. Ванюша
дурачен. Дурак выходит на улицу, видит пожар, кричит, чтобы туше горело. Второй
раз видит, как мужик свинью палит, заливает. Дурак невпопад говорит Бог помочь
другому мужику. Иллется при встрече с попом. Крестится и целует кобылу, та ля-
гает дурака. Садится верхом на свинью и приезжает домой. С. Елшанка, запись Кру-
лянской. 3. О Марке Богатом. Бог с Ангелами приходит к Марку Богатому, про-
сится почевать, тот, ожидая Бога в карете велит принять их в людской. Прилетают
ангелы к Богу спросят какой судьбой наградит родившихся двойных детей. Бог на-
граждает именем. Стрипуха докладывает об ушедших на другой день гостях. М. В.
бросает ребенка в море, засмолив в бочку. Рыболовы достают ребенка. Ребенок де-
лается приказчиком у М. В. Посылают его на завод, чтобы погубить. Вместо того,
его пенчают на дочери Марка, как написано в записке, с которой его послали. М. В.
приказывает сварить первого, кто придет на завод и сам попадает первым. С. Ел-
шанка. Запись Крулянской и Анолловой. 4. Старик и две дочери. Дочери одни оста-
ются дома. Одна уходит за подругами. К другой приходит человек и прячется под
пол. Вернувшаяся с подругами сестра идет под пол за нивом. Пугается под полом
человека. Вылеший из под пола человек обводит девушек мертвой рукой и долает
мертвыми. Уходит за лошастью. Спрятавшаяся старшая сестра обводит всех правой
рукой и будит. На другой день также приходят разбойники, их не пускают. Огру-
бают одному руку на лестнице, другому голову, третьему ногу. Возвращаются стар-
шие со старухой. Вылешившиеся разбойники приезжают сватать старшую дочь, увозят
ее. Заставляют топить баню, решетом носить воду. Наряжает в свое платье березу.
Один из них стреляет в березу. Убежавшая прячется у мужика в возу с овчинами.
Запись Анолловой. С. Елшанка. 5. Зеркало. Впервые видит зеркало. Вносит дрова.
Видит себя в зеркале, замахивается поленом. Пугается, бросает дрова и убегает.
Рассказывает, как его чуть не убили. Елшанка, Парфенов. Зап. Акимова и Советов.
Побасенки и анекдоты. 6. Газета с того света. Курьер привез почту с того света.
Какая грешным будет награда. Что стало с грехом, любовью, честностью, верностью,
верой, совестью, милосердием, благодетелем, ложью, гордостью в нынешний век.

Сатана готовит место для грешников. Приводят бесы к нему ростовщика. Разговор сатаны с ними. С. Елшанка у Феоктистова. Запис. Советов. 7. Мужик и чорт. Мужик и чорт сеют репу. Делят по уговору, кто чуднее уделет. Мужик едет на старухе. Чорт отгадывает „на льве“—А ты дурак старый скажи на „мне“. С. Елшанка у Парфенова. Запис. Акимов и Советов. 8. Овца и козел. Бог творит овцу, дьявол козла. Дьявол наступает на хвост и отламывает хвост у козла. 9. Ленивая старуха. Старуха ленился жать. Зимой во вьюгу будит старика: „старик лентяй, иди скорей, не жать ли зовут“. 10. О смерти. Солдат на посту нюхает табак. Приходит смерть. Солдат заставляет ее мухой влететь в табакерку: „Да 30 л. и держал, пока мясо не из'ело“. 11. Календарь. У барина календарь, у мужика грижа. Барин просит сменить с придачею грижу на бросов календарь. 12. Небылица. В селе Муроме град по куриному яйцу, с мельницы попадает в омский омут, на чертей копает грибки. вылавливает рыболов. вставляет глаза, покупают куриных яиц, выводятся из них свиньи, свиньи взвились и улетели. Елшанка у Парфенова, запис. Акимов и Советов. 13. Водяной. Везжает в реку поить лошадь. Видит покойника, который хочет помочь выйти из реки. Как бы не видя его, выезжает из реки бегом. Покойник вслед доводит: ну хорошо догадался, дядя, а то бы узнал Паньку Осокина. Елшанка у Парфенова, записано Акимовой и Советовым. 14. Жидовин да русский. Русский читает евангелие, жидовин псалтырь. Жидовин дочитался до слов „кто ударит в щеку, подставь другую“. Русский, дочитавшись до слов „возстахом и справихомся“ бьет того по губам через стол. 15. Поп и псаломщик. Попадья сдружилась с псаломщиком. Поп уезжает, возвращается пешком назад и застаёт их. Псаломщик прячется под лавку. Не найдя его, поп служит заутреню дома. Дает возглас. Псаломщик подхватывает „Аминь“ слава тебе, Боже наш, слава тебе“ и т.д. в Елшанке у Порфирьева. 16. Приказка про хохла. С задняго колеса влез на небеса. Находит церковь из пирога, блинами убираю, лепешками покрыту. Заперта церковь кинкой, колачем, бороной. Бьет поца кадилиной в лоб, у дякона и попомаря из темячка достает семячко. Поминает трюшу, Матрьюшу, Якова распятого, Никиту горбатого. Елшанка у Парфенова записано Гурьевой. 17. Перепелка и дергун. Волк поймал перепелку. Перепелка за себя обещает 5 шт. телят. Волк выпустил перепелку, ждет телят. Перепелка уговаривается с дергуном. Садятся по концам межи. Дергун кричит „типрусь“, перепелка „пять телят“. Волк ждал, ждал и сдох. Елшанке у Парфенова записали Акимов и Советов. 18. Ваня. Парень за пряники уговаривается дружить с девицей. Парень дает ей пряники через плетень. За плетнем коза поедает пряники. Парень дает последний пряник и говорит: „Машка, ты пряники то забираешь, а меня никак не называешь“, а она „Микитя“, в Елшанке, у Парфенова записали Акимов и Советов. 19. Приговорка о полах в аду. Сатана смеется над полами „зачем пришли, или пути в царство небесное не нашли“. Сатана отдает попов слугам своим до страшного суда. Елшанка у Парфенова, записано Гурьевой. 20. Две леви. Одна сама собой, другая перекатная. Иван Грозный собирает лентяев, кладет всех на солому, приказывает зажечь двор. Осталось лень перекатная, которая скатилась с соломы. Елшанка, у Парфенова записал Советов. 21. Как валил вора. В партии косарей у одного крадут деньги. Старик берется отыскать. Ведит стая на колени и молиться. Спрашивает: „кто украл тоже молился?“ „И я молился“ говорит вор. в Елшанке у Парфенова записал Советов. 22. Конек горбунюк. У старика три сына. Караулят бахчу по очереди. Иванушка дурачек ловит коня и приводит к отцу. Царь обещает выдать дочь за того удалыца, который ее поцелует. Сыновья идут к царю и Ваня за ними. Ваня целует и убегает, его догоняют. Ваня влезает коню в ухо, в другое вылезает, становится красавцем. Венчают его с царской дочерью. Шаховское у Креенова записали Акимов и Советов.

Духовные стихи. Биография Агафьи Мироновны: 1. Стих—„На краю я стою близ погребели, а Царица моя и Владычица“. С Павловка, Хв. у. 2. Творец ты мой, покровитель ты мой, создатель. Зап. Советов. 3. Восвятем во граде в Иерусалиме, жид святой Федор царь Стратилатов. Записано на пароходе Акимовой. 4. Христос родился в яслях бедных. Черемшаны, Акимов. 5. Яков создал студенец, за то по-

лучия венец, венец предрогой. Павловка зап. Акимова. 6. Плат Адама „Скорьби многи обретая, сердце люто искушая, слепой Понкрат и Ева. Павловка, зап. Акимова. 7. Потоп страшной умножался, народ видя испугался. Черемшаны, Хв. уез. Акимова. 8. Иерей Штурмуют османы твердыни Царьграда. Черемшаны, зап. Гурьева. 9. Гроб уж пуст, Христос Воскресе. Черемшаны, Гурьевой. 10. Сион. Спит сион и дремлет злоба. Черемшаны, зап. Гурьева. 11. Новый год бежит, а в яслях лежит кто—отроча млада. Зап. Панчулидзева, Черемшаны, Стихи брачные. 12. Бог творец вселенной создал человека сомовлаством. Черемшаны, зап. Панчулидзева. Стихи похвальные. 13. Одиешнее чудо мы Вам скажем, Слышателем всех поветствуем. Черемшаны, Панчулидзева. Стих умиленный. 14. В славном было царстве, в Московском государстве, за рогожой заставою. Черемшаны, зап. Панчулидзева. 15. Слава в вышних матерь света, с чувством я стремлюсь воспеть. Черемшаны, зап. Панчулидзева. 16. Стих о разгроме монастырей. Воже приидоша времена до нас. О них проречекоша еще прежде нас. Черемшаны Хвал. уез. Панчулидзева. 17. Всяк человек на земле живет, как трава в поле увячет. С. Елшанка, Хвал. у. зап. Советов. Величественные. 18. Не унывай, не унывай, душа моя и ангел мой хранитель. С. Еремкино зап. Цыганова. 19. Надпись на кресте младенца. „Господи Боже, склоня свои взоры . . . и спяте ж спокойно, дети дорогие“. Ст. Лебежайка Хв. уез. зап. Ключкова.

Исторические песни. 1. О взятии Казани. Дали мастерам воскулярную свечу, приказал же грозный царь всех повешать мастеров. Елшанка у Парфенова. записали Акимов и Советов. 2. Похороны Александра II. Как у нас то на Руси сделалось несчастью. Шаховское у Краснова. записали Акимов и Советов. 3. Про Платова казака. Чрез закон преступил, себе бороду обрезал. Елшанка у Парфенова, запис. Акимов и Советов. 4. Про Аракчеева. Как по морю, морю синему, плавали гуляли, Эх, гуляли полтора ста кораблей. Елшанка у Парфенова зап. Акимов и Советов. 5. Похороны Александра II Уж я был то побывал во матушке во святой Русе. Во святой Русе во каменной Москве. Елшанка у Парфенова. запис. Гурьева. 6. Смерть Александра I. Собирался царь Александра свою армию смотреть. Елшанка у Парфенова. Запис. Акимов и Советов. Памфлеты на современные события. 1. Было дело в Петрограде, дело славное друзья мы дрались за свободу. Еремкино. Запис. Аполлова. 2. В кельи жил один монах и молился Богу, собрался однажды он. Еремкино. зап. Аполлова. 2. Стихотворения—исторические песни. Отца наших твердынь Порт-Артура, с кровавых Манчжурских полей. Черемшаны зап. Панчулидзева. 2. Шут на острове родился, во французах появился. Подлесное зап. Панчулидзева.

2. А. И. Тюрина. Записи в д. Грязнушке Петровского уезда.

Свадьба. Сватовство, запой, песни: 1. „Зилину соснику с пырния ваяют“. Поздравляют друг друга. 2. Как по саду саду садику. Невеста провожает жениха. Вопит: 3. Кормилиц мой тятинька. Девиньки, песни: 4. Ходил голубь уркавал, уркавал. 5. Как па горницы у нас прайдет молодец сйчас. 6. Са-вянком я хожу. 7. Ты прайди-ка монах. Через 4 дня после девиньки собираются подружки. Песня: 8. Вы подити-ка, любимые подруженьки. Идут за мылом. Песня: 9. На горе на горе. Свадьба. Причитания: 10. Кормилица мамынька. 11. Любимые подруженьки. 12. Вы вставайте-ка любимые подруженьки. Песни: 13. Эх, не была ветру. 14. Ны стала лежит наряженный рипей. 15. Кормилиц ты мой, тятинька. 16. Наливная наша агыдка. После свадьбы 3 дня пир. Песни: 17. Калина с малиной рана раставяда. 18. Дифчоньчка ниразумна. 19. Полна, полна вам ребята. 20. Ты биреза, ты моя биреза. 21. Кругом кругом я свротела. 22. Шла Машинька с таво свету. 23. Ни чаяла мамынька. 24. Вспомни, вспомни, мой друг милый. 25. Никаму я ни нужна. 26. Ни вилят Маше за речоньку хадить. 27. Прощай жить, радость моя. 28. Тройка мытца в путь абратна. 29. Захатела дифчоньчка. 30. Падуити витирочки. 31. Сидел Ваня на диване. 32. Мима лесенку, мима темныя. 33. Широко Волга разливалась. 34. Как по-морю, морю си-

ниму. 35. Уж я колышки тешу. 36. Кругом кругом я сиротела. 37. Ты свети месяц свято. 38. Где жь эти лунные ночи. 39. В адям силе была Анята. 40. Гаваряла сестра брату.

Сказка. Ваня-дурачек предсказывает матери, что у той родится людоедка. Его прогоняют. Он получает от слепой старухи чудесные вещи и спасается от сестры.

Свадьба. Записана А. И. Тюриной в с. Вязкине Петровского уезда. Приходит сваха. Вечером жених с родней, „смотрит“ невесту. Через несколько дней запой Поют отцу—матери. Песни: 1. Как у чарычки у серебряной. 2. Сроднику—У голуби у голубки золотая голова. 3. Сродникам. Яхынцы, голубые граненые. 4. Вдове—На ляну ли на ляну ли соколы стараны. 5. Вариант. Кроют жениху рубашку. Утром невестка, волят: 6. Кормилец татенька. 7. Любимые подруженьки. Девишник. 8. На гаре, гаре и фсей крысате. 9. Вариант. 10. Парням. Как у месяца звезды часты. 11. Как по саду, саду садилу. 12. Березничик кудреватый. Парню-сироте. 13. Долина долинушка, раздолье широков. 14. По горнице молодец идет. 15. Как у тещиньки зять гостит. 16. Полна, полна вам ребята чужо пиво пить. 2 загадки, 30 частушек.

3. А. Ф. Земскова. Быт и творчество крестьян Большесестренковской волости, Балашовского уезда. Записи 1919—1921 г.

Расположение села В. Сестренковской волости и природные условия. Упоминание об археологических находках в распаханном близъ села В. Сестренки поле.

Жилище. Перечисление и описание домашней утвари. Описание хозяйственных построек: двор, погреб, хлев, полевня. Описание сельско-хозяйственных орудий.

Одежда. Мужская одежда: рубаха, портки и штаны, поддевка, калат, япун, тулуп, шуба, головные уборы летние и зимние.

Обувь. Женская одежда: рубаха, сарафан, кофта, пальто, поддевка—коротайка, шуба гейша (пальто), жакетка, дипломат, головные уборы.

Украшение: жирелки, серьги.

Пища: Щи, каша, лапша, лапшевник, пшенник, блины, оладьи, кулага, галушки, уха, лушник, окрошка, курник, пышки, ватрушки, толотно, саламат. Кушанья обрядовые и праздничные.

Промыслы: Охота. Способы охоты и описание охотничьих средств и приспособлений для ловли и битья зверя и ловли рыбы. Выделка овчин. Окраска тканей.

Обычное право: Замуж брать по жребью. Отношение родства. Кумовство. Правовые нормы для заключения брака. Правовые нормы для наследования имущества. Отношение между родителями и детьми. Имущественные отношения между сыновьями, усыновление. Отношения и права усыновленного. Прием зятя. Положение солдаток и вдов. Права „большухи“—жены старшего сына.

Легенды и предания. Предания, связанные с заселениями с. Вольших Сестренков. Происхождение названия села: в тоях, окружавших селение, утонули 2 сестры. Предание о названии Перевесенки, связанное с именем Пугачева. Другое предание о том же селе: первые заселенцы взвешивали воду из двух рек, выбирая место. Название местностей, связанные с именами разбойников: Бакутов куст, овраг. Кистендей, Березовый мар. Этнографический состав населения: великоруссы, переселившиеся из Псковской губ. Происхождение фамилий от названий животных.

Обряды календарные: Святки. Под Новый год молодежь выходит влезать „овсень“, поет под окнами „овсенники, овсенники“. „Овсень, овсень, есть у бабушки овсень“ и вариант. Мы ходили, мы ходили по святым вечерам.... „Ты хозяйн дорогой, посмотри-ка на двор свой.... Приготовление кушанья из собранных продуктов. Вечеринка. Уговор о переряживании: старухой, козой, девушкой с распущенными волосами; гаданье девушек по ухое парней.

Виды гаданья: 1. С зеркалом. 2. Подслушивание под окнами. 3. Спиритизация имен. 4. Топление воска или олова. 5. Выливание желтка через кольцо. 6. Гаданье на карточных королях. 7. По месяцу (4 января) с полотенцем. 8. На 41 бобе. 9. С курами. 10. С горшком. 11. С купаком. 12. С бандиком. 13. По собачьему

14. По колодцу. 15. На перекрестке. 16. Со ступой. 17. У амбара. 18. На свинах. 19. По короваю хлеба. 20. В крещенский сочельник. 21. С квашней. 22. С чайником. (под Новый год). 23. Сжиганье бумаги. 24. С колосьями. 25. С кольцом и золой. Святочные игры в кольцо, при этом поется песня: „Уж и золото хорошу“. Шестые ряженых по улицам, песни: „По улице мостовой“, „Земляничка ягодка под кусточком выросла“. Плату за увеселенье собирает ответственный сборщик денег. Купанье ряженых в Крещение. Масленица. Молодые посещают тестя и тещу и крестных родителей и приносят в подарок пирог. Молодые отдают деньги. Посещают кумовьев, приносят булку и калач, отдают рубашкой, полотенцем и деньгами. Катанье на лошадях. Возят девину: изображающую масленицу, поется песня: „Дева по селу гуляла, голубицею порхала“. Вечером девушку угощают рыбой, орешками из теста, поют частушки (14). Во вторник (легкий день) катаются на лошадях. В прощеньный день просят прощенья друг у друга.

Весенние обряды 9 марта: пекут жаворонки, дети подбрасывают их с крыши и поют: „Жаворончики, прилетите к нам“. „Жаворончик наш молоденький“. На 4 недели поста пекутся кресты в которых запечены: крест с шеи, колосок и монета. Оставляет один крест до весеннего посева: крест с просфорой кладут в овес.

В Вербное воскресенье хлещут вербой скотину, приговаривая: „Нахлыну вербушкой скотинушку свою“.

Апреля 23-го выгоняют скотину в поле. Песня: „Я на зорьке коровушку доила“. Красная горка. Песни: „Уж ты, веснушка весна, Эх возьму я метлу: размету я лужок“. „У нас во Москве пожар был“, „Да мы рощу чистили (2)“, „Иен мой лен, белый лен“. „Как по морю, морю сплему“ (вариант), „Вспаху я папешку“.

Семик и Русальная неделя. Срубание березы, песня: „Как под белою, под березою... Собирают цветы для венков, песня: „Уютушка моя луговая... Плетут венки, вешают на березу, песня: „По лесочку мы покаживали, листочки мы поглаживали... Под березу зарывается яйцо. Из лесу уходят с песнями. На Троицу идут за венками, отыскивают зарытое яйцо, кумятся с любимыми подругами, песня: „На том берегу четыре куми... Бросает венок в воду и гадают: песня: „Я старого, бедого захотела посмеять... На русальной неделе женщины встречают лето с дощками, веретенами, прыдут по дороге. Женщина изображает лето, звенят косами. Русалка изображается в виде лошади. В воскресенье русальной недели на лошадиной шкуры и головы (изобр. муж.) делается фигура, правит мальчик, поются плясовые частушки (4). Иван Купала (24 июня) Песня купальская: „Как на речке, на быстром молодец едет удавой“. Идут ночью 12 трав, цвет папоротника. Заклинанье дождя. Дети поют: „Дождик дождик принеси... Остановливание дождя: „Дождик, дождик престань“. Ноябрь 30-го садят на воде. С этим днем связан ряд примет.

Семейные обряды. Свадьба. „Выпядыванье“ невесты родными жениха черевкой или на посиделках. Сватовство. Кладка. Примета при сватовстве (тапачка). Осмотр невесты. Угощенье. Запой. Песни девушек: „Не по саду, садик, по зеленому виноградику... „Виноград в саду цветет... (2), „Синий голубчик, удавой молодец, (женуху)... „Никто девушку гулять не утмет“, „Я вичор то, вичор кагуляла нарешек... (и вариант), „Как на дубчике два голубчика сидят... „Аженики наш пегочек... „Об чем. Мама, тужишь, плачешь... „Ивушка, ивушка, ивушка, моя... и 3 варианта. Проводная песня жениху: „Не летайка, мой соколик, высоким да высоко... Песни по дороге домой после заоя: „Во пире был во беседушке... Выметанье невестой сора из избы и примета по этому случаю. Договор о дне свадьбы. Вопли невесты после договора: приглашение подруг на „голово“, „Подите-ка вы, мои подруженьки... Отвоз невестой постели и выставка приданого. Бонки молодой женщины: „Милая моя подруженька, спроси-ка ты меня понадевичи... Песня постельниц по возвращении от жениха: „Вспомни, вспомни мой голубчик... Баби накажут свадьбу. Вечеринка у невесты. Обычай подсаживания вина, песня: „Сокол, где ты вечер летал...“ Песни за столом: „У наших у ворот соловей песни присвистывает... „Прилетал к нам висел сокол... „При вечери вечеринишки, при леной лучивушки... Обыгрывание ребят. Песня с парой: „Со венком я кожу с зеленым кожу... Игра

с зеркалом и песня: „Я на столычко сажу, в руках перышко держу“... Игра в тону, песня после игр. „Нам не для чего на улицу ходит“... Девинник: укрощение сосны песня: „Не летай-ка мой соколик“... Шествие с сосною к жениху. Угощение у жениха; подарки от невесты. Песня сосне: „Стой ты, моя сосенка“... Причитание невесты по возвращении девушек. Вошли невесты в день свадьбы: „Родимая ты моя матушка“... „Вставайте мои подруженьки“... „Кормилец ты мой батюшка“... Одевание невесты, песня: „Уж ты коса ли моя косынька“... Благословение невесты иконой и хлебом. Причитания невесты: „И благослови-ка меня матушка“... „Кормилец мой батюшка“... „Родимая моя матушка, встань-ка, погляди-ка“... Песня девушек за столом, „Заиграли гусли в высоком терему“ „Недолго веночку на стенке висеть“... (вариант) „Уж вы девушки, вы подружки мои“... „Как у нас-ли во садочке“... „Во тереме свечушка не ясно горит“... Сбор жениха к венцу, Благословение жениха. Поздравление с поездом: „Не было ветру (2) вдруг навячу“... „Уж ты рыба, не рвись, белая не мечись“... Выкуп двери невесты у брата. Выкуп ряженой курицы у девушек, песня: „Молодка, молодка, молоденькая“. Обыгрывание гостей; песни дружке: „Друженька хорошенеккий, сладенький, пригоженький“... Свахе: „Не по столу рюмочки шумят“... „Хороша-ли моя свашенька; мужу с женой: „В огороде трава (2) зеленым зелена зеленешенька“... Отъезд в церковь. Троекратный обход дружки вокруг поезда. Возвращение дружки и выкуп тулуна у родителей. Приметы при отъезде к венцу (оглядывание назад, падание вещей из рук). Ряд примет во время венчания (подожжение, свечи). Встречи молодых свекром и свекровью. Отводной стол. Угощение молодых. Вручение ребенка невесте и подарки ребенку со стороны невесты. Одаривание невесты. Песни: „Ой ты, сад ли мой сад“... „Садил чернец черемушку“... „Смирная наша беседушка, где мой батюшка пьет“... „Как под этою под березою“... „На улице дождь проливает сильный“... На другой день после свадьбы, посещение родителей невесты. Переряживание. Битье посуды у дома невесты. Песни при входе в избу: „Овечушки, косматушки, кто же вас пасет“... „Села сова посреди двора“... Угощение мясными кушаньями, песня, „Теща про зятюшку пирог спекла“... „Как во тереме гусли летали“... (вариант) „Летал, летал сизый“... „Сухота, сухота немалая“... „В саду Дуня (2) гуляла“... Поклоны молодых и одаривание. Песни за обедом: „У моего папаша в саду розы“... „Развеселое житье девичье“... „Что за скука, за печаль“... Польстилась камаша на высокие хоромы“... „Сине море всколыхалось“... Гулянье в складчину, песни: Полно, полно нам ребята, чужо пиво пить“... „Калина с малиной рано расцветала“... Поочередный обход гостей в дни после свадьбы.

Рождение. Приговор бабушки повитухи. Обмывание рук, угощение бабушки. Крестины. Обрядовые купанья. Одаривание новорожденного и бабушки. За столом песня: „Рассейся горох, по всем горам“... Похороны. Обмывание покойника. Причитание. Помялки. 40 поклонов после помянок. Поминки через 9 дней.

Верование и легенды. Обороти в образе свиней стаскивают мужика с телеги. Мужик едет верхом на оборотне-теленке. Мужик отрезает уши у теленка. У одной старухи из села оказываются отрезанные уши. Колдун умирает трудно. Если неподнят конек избы—колдун не помрет. Перед смертью отгоняет от себя собак и кошек. Колдунья на молебне уходит на половину в землю. Кается в том, что отнимала молоко у коров и женщин. Проваливается заживо в землю. Колдуна не принимает земля. Схороненный колдун оказывается наверху земли. Как колдун учился колдовать. В полночь колдун приказывает ученику лезть быком в огненную пасть; от испуга ученик отказывается от учения. Средства от „глазу“ Пустить уголь в горшок с водой и из него умываться. Силить после похвал. Клады. Слова на клад. Легенда о свинном божестве. Волк утащил поросенка у вдовы. По просьбе вдовы мученик Власий поросенок был найден. Потому Власий вместе с Василием называются свинными богами. О кладе. В монастыре на Афонских горах пастух-мальчик находит золото. Сообщает игумену, который посылает людей достать золото. Не желая отдать золото игумену, они бросают мальчика в воду. Святитель Николай вынимает мальчика. Спасенный рассказывает обо всем игумену. Статуя. Статуя близ Дихирского монастыря с подписью, что кто ударит ее по голове, тому достанется клад. После

ссоры с сыном, уезжавшем за лошадьми в лес, отец говорит: „Чтобы тебе туда не прискакать, а отсюда не уехать“. Сын раздумал после этих слов ехать. Идет за коромом для скота около половины встречает чучело, не тронув которое проходит мимо. В одном из прудов не купается, т.-к. оттуда в 12 часов выходит женщина. Прячется от людей. Надеть на нее крест, она вышла бы из воды. Леший. Купаясь, девка переплывает на другой берег. Попадает к лешему. Дают ей кисейное платье, орехов. Когда вернулась, оказалось, что она покрыта вся лилиями и мохом, а в руках круглые камешки. Во время грома нельзя ничего брать в руки. т.-к. „Черти в это время больше всего работают“. Черти уносят человека в грозу ночью в 12 часов. Гора близь села растворялась на две половинки, а из нее текла вода. После молебна гора закрывается. Чтобы уберечь свою усадьбу от воров, следует обмерить ее меркой с унодошника и закопать самую мерку в землю. Наступив на это место, вор будет стоять. Домовой. Домовой таскает за косы мужика, начевавшего в поле под телегой. Нечистая сила. Мужик, ехавший верхом берет на седло отставшего от стада ягненка. Посмотрев в глаза ягненку мужик узнает нечистого. Бросает ягненка, который рассыпается. В другой раз слышит звон в поле. Лошадь бьет копытом о полости. Лошадь пугается нечистой силы, которая проезжает с колокольцами. Черти ходят в колоде. Прячутся туда от людей и виднеются оттуда огоньками.

Духовные стихи. 1. Ой вы голуби, вы сыны (2) 2. Тута жили-были два брата в роду (2) 3. Да уже и где это горе не мчалося. 4. Ходила садила дева святая 5. Унывай, унывай душа моя, уповай, уповай на Господа.. 6. Стоит гора, што мед беа.. 7. Как богатый человек (2). 8. Слава, слава вышних Богу, дух мой радости воспой. 9. Сей цветок обретен во святом граде Иерусалиме. 10. Ты сподвижник всего рода, тебе слава и привет. 11. Я стою на краю, вижу гибель свою. 12. Завтра завтра в дом Захей гость таинственный придет.. 13. В неизвестности смиренной в Назарете ты сияла.. 14. Поток сташный умножался.. 15. Хвали мой дух святу Варвару, ибо явился в ней Божию дару.. 16. Ты не пой, соловей, возле кельи 17. Ныне, ныне я печален, ныне радость всю отверг. 18. Ударил час нам расстаета, быть может должно навсегда. 19. Яков солдат студенец, зато получил себе венец. 20. Ты беластвый человек, што не думаешь о смерти. 21. Гори чешей моя лампада, молись теплой душе моя. 22. Што унылы завывали тоны звоны колоколов. 23. С другом я вчера сидел, ныне смерти жду предел. 24. Спит Сиона „дремлет злоба, спи во гробе царь царей“. 25. Сердцу малый вожделенный Иерусалим святейший город. 26. Стучася у двери твоей я стою. 27. Пробудись от сна невеста сей получаючи жених. 28. Боже, зри мое смирение, зри мои печальны дни. 29. Я жила в миру у грешных, в молодых своих летах. 30. Вот смерти вестник новый явился предо мной. 31. На страшной безде, возвышался, стояя угрюмый монастырь. 32. Благодарим те, Христе Боже, наш. 33. В неизвестности смиренной в Назарете ты сияла. 34. Идет инок на дорожке, черноризец на широкой. 35. Гора Афон, гора святая, не знаю я твоих красот. 36. Смерть ужасна и горделива для нас грешных человек. 37. Христос родился, в вертеп вселился. 38. Где мой рай прекрасный, где мой светлый день. 39. Сходила владычица с небесного округа. 40. Ах ты мать моя родная, ты надежда дней моих. 41. Што ты спишь, душа, не проснешься.

Биография народных певцов. 1. Федора Никитича Земскова. 2. Евдокия Васильевна Дяченкоковой. 3. Феодосии Ивановны Калабушниковой. 4. Дарья Дмитриевны Кудишиной. 5. Емельяна Федосеев. Гришакина. 6. Мирона Сем. Быкова. 7. Мих. Дан. Хлебалина. 8. Сем. Евтеев. Насонкина. 9. Петра Кузьм. Хлебалина. 10. Арины Вас. Муньковой. 11. Марины Вас. Корсаковой. 12. Стефаниды Як. Земскова. 13. Ев. Дан. Кудяшиной. 14. Куз. Дан. Хлебалина. 15. Тат. Нв. Крыловой. 16. Ев. Дан. Барменковой. 17. Алек. Вас. Моисеевой. 18. Дар. Фед. Муньковой. 19. Мар. Герасим. Моисеевой. 20. Пракс. Пав. Барменковой. 21. М. Андр. Бурсековой. 22. Вас. Нв. Воробчатова. 23. Вас. Фед. Пынукова. 24. Мар. Ипат. Торгашевой. 25. Пел. Нв. Гуркиной. 26. Павла Андр. Шиникова. 27. Варв. Сер. Козловой. 28. Анаст. Никит. Персичетниковой. 29. Марфы Кузьм. Егоровой. 30. Александры Иван. Егоровой.

Исторические песни. Соловей соловушка, давай с тобой полетим. 2. И на беседе сидят люди, люди добрые. 3. Вадумал шмель бунтоваться прошедшие года. 4. Что не ворон с гор чернеет. 5. Поле чистое, турецкое. 6. Как уехал царь Александра (вариант). 7. Я вам песню свою Комиссарову свою. 8. За Дарьевой за рекой там стрелочки гуляли. 9. Полночь наступает, луна горит святая. 10. Платов казак, евердан. 11. Кабарямец не хвалился. 12. Гренадеры, марш вперед. 13. За высокими горами нет целый месяц штаб-фатеры. 14. За горами, за скалами русские лагеря там разбили. 15. По сянему морю по Хвалынскому. 16. Не шуми ты мать, моя дубравушка. 17. С Англичанкой дарь кумился. 18. Шут на острове родился. 19. Туча со громом прогремела. 20. Стены рушат, турок душат.

Низшие эпические песни. „Ванюха Ключиник“ и (вариант) „Москалев кунец“.

Семейные лирич. песни. „Кузнец раздуй горно жарче“. „Ты не отдай меня мать“. „Не пыль с поля заналилася“. „Спасибо тебе синему кувшину“. И. Любовные. „При долине куст калинушки стоит“. У кудравой сладкой яблоньки“. „Светлой месяц, светлой ясный“. „Долина моя, долинушка, Раздольице широкое“. „Не тоска на горе по двору ходит“. „Зайинька, где ты был побывал“. „Я калинушку вончала. В пучки вязала“. „Можно нам можно да нам в роще разгуляться“. „Был я на море, был я на спелем“. „Где живет моя милая“. „Што в полюшке за травинька“. „Аленький цветочек, зачем скоро ты повил“. „Я за ним дева по следочек бегла“. „Полоса моя, полосынька“. „Мне сказали про молодца, будто он жив“. „Ой, дочка моя, рас-темная“. „О чем, Машинька, ты тужишь“. „Скучно мне молодецке на чужой стороне“, и вариант. „Как за реченькой за быстрой“. „Смиренья беседашка“. „Ой да калинушка размалинушка“ и вариант. „Поднималась погодушка“. „Ой вы, ночи, ночи, коти темные разосевние“ и вариант. „Вниз по матушке по Волге“. „Деж девался тот цветочек“. „Вдоль по морю, вдоль по синему“. „Жаворопочек, мой миленький“. „Девушка по садку гуляла“. „Все я поучил млада просиживать“. „Уж ты веселушка, ты моя весна“. „Распахну я шапельку, я носок зон зованель“. „И по бережку похаживала“. „Со щору была, по беседушко“. „И на зорьке коровушку доила“. „Выйду ль я на реченьку“. „Не велят Маше на улицу ходить“. „Калина с малиной рано расцвела“. „Закатилось красное солнышко“. „Как калина со малиной“. „Ты запой-ка соловушка лесной“. „Ты полночка полявочка моя“. „Как на вербе, вербочке“. „Ой ты, Ваня, разудала годовая“.

Тюремные песни. 1. Все птички приуныли. 2. На проталинке шаровой там стоит позорный дом. 3. Гремлет звонок насчет собравы и вариант. 4. Када я малыши был слободен. 5. Два часа одна минута. 6. Было время золотое. 7. Во тюрьме стена крепка. 8. Прощайте братцы по несчастью. 9. Тюрьма, тюрьма, какая слава.

Разбойничьи песни. 1. На лесов дремучих разбойнички идут. 2. Не хотелось мне девченке за разбойничка замуж идти и вариант. 3. На лесов дремучих разбойнички идут.

Детские песни. 1. Сорока, сорока куда летишь. 2. Ата ох, ата-та пожарьте рпшата.

Частушек 140.

Казацкая песня. „У нас в городе случилась беда“.

Солдатские песни. 1. Промеж городку, промеж Питеру. 2. И калиновом лесу птички распевает. 3. Вставай солдатик вставай молодой. 4. Сидел ворон на березе. 5. Близ Львова на поле сражения. 6. Как по той дорожке. 7. Все тучки принависли. 8. Незнаемая чужая обиходна орла. 9. Мы по Петеру гуляли.

Рекрутские песни. 1. Как по питерской по дороженьке, раз'езжал там майор и вариант.

Юмористические песни. 1. Край бережку Дуня ходила. 2. Шла старушка с того свету. 3. Маткалевая рубашка, красны рукава. 4. Ты гуляница, гуляница. 5. На крыше воробей сидел. 6. Уж я по луку гуляла. 7. Овечушка косматушка. 8. Куманечек, побывай у меня. 9. Шел Савит с именем. 10. Играт играчек. 11. У майорова двора. 12. Мне мамаша говорила „Не любила дочь Гаврила“. 13. Как мой муж-

то дурак дураком. 14. У нашего попа было четыре дочки. 15. Шел Ванюша торопился. 16. Что за матушка столица, горно славный Интербург.

Былины. Об Илье Муромце и Соловье Разбойнике. Вблизи Киева недалеко от Мурмана село Карачарово. Илья сидит. Приход странников. Приказывают встать. Илья выпрашивает странников. Странниками: Иисус Христос, архангел Гавриил. Святой Николай. Илья приносит квасу. Странник приказывает выпить пивца. Спрашивают, сколько прибавилось силы. Выпивает второй раз, силы убывает. Илья идет на пашню выкорчевывает глыбы с пашни. Илья подбирает коня, седлает и едет на Соловья разбойника. Спотыкается конь при Соловьином свисте. Илья пускает стрелу. Привязывает Соловья к седлу. Приезжает к Владимиру князю. Распросы Ильи о дороге. Недоверяют рассказу Ильи. Илья развязывает Соловья. Владимир и княгиня затыкают уши. Соловей свищет. Срывает крышу свистом. Илья убивает Соловья.

Сказки. 1. Рассказ про медведя. Женщина вынимает занозу из лапы медведя. Медведь приносит ей пенок с медом. 2. Рассказ про гуся. Бедный мужик приносит попу жареного гуся. Мужик ест гуся. 3. Приха. Мужик спрашивает свою жену, почему она не придет. Та ссылается на праздники. Баба умирает. Мужик обмывает жене пряхой голову и ноги. Мужик объясняет священнику, почему она голой отправляется на ответ. 4. Наседка. Мужик пугает бабу за лесть. Мужик меняется с бабой обязанностями. Баба приказывает следить за цыплятами. Мужик ставит хлебы, бежит выгонять коров. Свинья опрокидывает квашню. Мужик привязывает цыплят и сметану в кувшине к поясу. Толчет шпено, в это время кричит наседка. Бросаясь к ней разбивает кувшин со сметаной. В отворенную дверь вбегают куры и клюют шпено. Мужик мирится с женой. 5. Мужик и барин. Барин зовет мужика. Мужик называет себя земским управителем, Московским строителем. Барин ухаживает за мужиком. Мужик рассказывает барину сон, как прилетела птица железная и спустила его с небес. 6. Старипная ворожея. Дети уводят у богатого мужика двух лошадей и привязывают их к дереву. Зовут ворожею—мать детей, которая знала, где лошади. За ворожею получают хлеб. Через неделю пропадают у барина деньги. Снова зовут ворожею. За отказ ворожить, ворожею запирают в баню. Вор—Ухватка сознается в краже ворожею. Ворожея указывает, где спрятаны деньги. Ее угощают и провожают домой. 7. Поп и работник. Поп предлагает работнику завтракать, полудневать, обедать, после чего, работник без отдыха работает целый день. На другой день работник предлагает заодно и поужинать, после чего ложится спать. „После ужина не работают“. Поп посылает к дякону пасть лошадей. Работник грозит дякону, что поп хочет его бить. Дякон бежит; работник объясняет, что дякон бежит за раем. Поп бежит догонять. 8. Снегурушка. Старуха приносит в избу кружку снега. Из снега появляется снегурушка. Девушки кличут ее в лес за ягодами. Девушки плутают в лесу и попадают к бабе-яге, бурой козе. Утром Яга готовит завтрак из желудей и шпена. После завтрака отправляет девушек, а Снегурушку оставляет у себя. Снегурушка укачивает ее, выводит на завалинку, выпрашивает у гусей по перышку. Выходит с двумя ведрами гусиного жира. Баба яга на стуле гонится за Снегурочкой, но не догоняет ее. 9. Шипица. Шипица похищает девушку; через 20 лет женится на ней, рождается ребенок. Жена шипицы просит позволения пойти на запой и на братни девичьи посмотришь молодых. Третий раз признается матери. Зовут священника и отчитывают ее. Шипица приносит жене ребенка, бьет об угод и превращает в головешку. Священник отчитывает головешку—она становится мальчиком. 10. Ванюша дурачек. Царь обещает выдать дочь за того, кто ее поцелует. Ванюшка дурачек намеревается выполнить условия, зовет Сивку-Бурку, превращается в молодца. 2 раза ему не удается поцеловать царскую дочь, в третий раз он целует ее и снимает перстень. Дома завязывает палец и братья ведут его во дворец. Царская дочь достается дураку. Царь посылает 3-х зятьев на охоту за Сивкой-Буркой. Дурак ловит Сивку-Бурку; зятья торгуют ее у него, он им уступает за цеву по пальцу с каждой ноги. Царь посылает за ланью златорогой. Иванушка дурачек ловит лань и уступает зятьям за пальцы с каждой руки. Царь посылает за свинкой „золотой щетинкой“, дурак приводит ее, сам зятьям велит разуться и показать руки; царь указывает зятьев.

11. Бедняк. Бедняк забирается к богачу в амбар за хлебом. Хозяин застаёт вора, спрашивает, почему он не берет ветчины и сала. Бедняк отвечает, что ему нужен только хлеб. Богач угощает бедняка и награждает с'естными припасами. Бедняк богатеет с подарков богача. У богача случается пожар: он едет за лесом к бывшему бедняку. Бедняк не берет платы с богача и благодарит его. 12. Вьюноша. Вьюноша покупает для забавы кошку и собаку. Уступает старику кошку и собаку. Старик—волшебник обещает ему награду, для чего юноша спускается в подземелье к спящей царевне, снять у ней с руки перстень. К юноше являются 12 молодцов и 12 девушек и помогают ему выйти на свет. Посылает мать сватать ему государеву дочь. Царь задает задачу—сделать мост на золотых перилах. 12 девушек и 12 молодцов выполняют задачу. Государева дочь похищает перстень. По ее приказу разрушается мост. Ее саму увозят. Царь заточает вьюношу в каменный мешок, где находятся собаки и кошки. Собака и кошка достают перстень из щuki. С помощью перстня вьюноша разрушает каменный мешок и выстраивает мост. Возвращается государева дочь, которую он показывает. 13. Волшебник. Юноша-балагур спорит с барьином, что уведет у него лошадей. Крадет у него лучшую лошадь и за выкуп возвращает. Антоша обещает увезти барыню. Крадет барыню с повозкой, встречает болотного чертенка. Продает барыню чертенку за шанку золота. За выкуп барыни черт требует выполнить три загадки: 1) Состязание в бросании камня. Антоша пускает воробья. 2) Состязание в свисте (Антоша бьет по голове чертенка с завязанными глазами) 3) Состязание в беге (Антоша пускает зайца). Антоша выкупает барыню и получает награду от барина. 14. Мар-морской—страх людской. У солдата в его отсутствие рождается сын со звездой на лбу. Мар-морской похищает солдата, требует за выкуп то, чего солдат еще не знает. Солдат отдает сына, Ивана-Царевича. Дочь Морского царя венчается с царевичем. Мар-морской задает задачу: вынести курицу с цыплятами, жена помогает выполнить задачу. 2-я задача: мольница. Жена опять выручает его. 3-я задача—чтоб задвину яблоки. Жена выполняет и эту задачу. Морской царь обещает сам прийти к дочери и зяню но они уезжают. Мар-морской посылает работника отыскать. Спасаются от погоны, превращаясь в стадо овец и пастуха. Мар-морской посылает другого работника, преследуемые обращаются в парков и священника. Посылает третьего работника, они обращаются в цветы и соловушка. Мар-Морской едет сам, превращается в селезня и утку. Царь догоняет, превращаясь в сокола. Утка и селезень прячут под камень, сокол за ними, камень разбивается. 15. Три брата. Три брата идут к царю воровать, крадут тулуп. Царь предлагает Ивану-дураку украсть у него деньги. Иван делает переполох и крадет деньги. Царь предлагает увести коня. Иван похищает коня. Обещает украсть барыню. Братья грозят убить Ваню, вместо Ваню убивают мать. Ваня встречает братьев. Иван подменяет себя другим в мешке, который братья кидают в воду. 16. Баба Яга, костяная нога. Злая матежа посылает падчерицу к Бабе-Яге за ниткой. Девочка идет к родной тетке, та дает ей хлеба. Баба-Яга угощает девочку, та отказывается. Предлагает прясть, а сама топит баню, чтобы зажарить девочку. Девочка одолевает препятствия при помощи гребешка, масла, ленты и т. д. Баба-Яга наказывает кота, слугу и березку, за то, что пропустили девочку. 17. Сирота получает в наследство 12 магазинов, оставляет дядю караулить магазины, а сам едет искать себе невесту. Возвращается ни с чем. Дядя находит невесту на соседнем хуторе. Сирота женится. Идет за границу, поручает жену надзору дяди. По телеграмме дядя сирота возвращается, продает магазины дяде. Сирота сватает дочь государя, похищает ее, венчается и выкупает магазины. Сирота убивает любовника первой жены. 18. Двенадцать братьев. Царь решает, что если жена родит дочь, то он заколачивает сыновей в гроб. Младший брат подслушивает и рассказывает братьям. Братья уходят в лес, где устраиваются жить. Двенадцатилетняя царская дочь с 12-ю рубашками идет разыскивать братьев, находит их, стирая белье и пуская в реку рубашку старшего брата. Братья превращаются в лебедей, девочка по совету старухи превращает их в прежний вид. 19. Шла коза за орехами. Коза идет за орехами и долго не возвращается. За ней посылают волка, медведя, огонь, воду, волов, дуб, топор, камень, гору,

червей, гусей, ружья; все начинают друг на друга действовать и коза приходит с орехами. 20. Царевна Лягушка. Отец покупает 3-м сыновьям ружья. Куда полетят пули, там будут и невесты. Просят жен выткать ковры. 3-й сын идет в болото за невестой-лягушкой. Лягушка выполняет задачу. Отец приказывает венчаться. Старшие братья смеются над молодым. У лягушки во время танцев выпадают из рукава цветы и золото. У других снох посыпались кости. Купец. Купец хочет жениться на своей дочери. Чочь просит сделать орех, укладывает платья и убегает. Попадает к царю, и помогает слугам. Она смотрит на бале невест для царя. Царь сам женится на ней. 21. Солнце, месяц и ворон. Старик рассыпает рожь; солнце, месяц и ворон помогают собирать и он выдает за них 3-х дочерей. Ходит поочередно к ним в гости. 22. Три сына. На охоте борода хватает за нос купца. Купец обещает отдать то, чего он не знает дома: отдал сына. На охоте Иван—Царевич шадит зверей. Звери спасают его от Лихача-бороды, который его хотел съесть. 23. Три сына. Царский сын собирается жениться. Подслушивает разговор трех сестер; женится на младшей; она родит ему сына. Царский сын уезжает. Сестры делают подлог, давая царевичу ложные известия. Сестры выговяют жену царевича; она находит бочку и видит в ней своих детей. Идет с ними дальше. Находит в избе мертвого старика; хоронит его; поселяется с сыновьями в избе. Сестры пишут мужу, что она умерла. Царевич попадает в эту избу и узнает жену. 24. Небылица. Как мужик на небеса ехал. Побасенка. Шел солдат с походом. Заходит к старухе. Она угощает солдата. Солдат рассказывает про войну. На вопросы старухи, как воюют; отвечает „либо в рот, либо в лоб“. Старуха высказывает пожелания: „Дай Бог моему сыночку, либо в рот, либо в лоб“.

Причитания. 1. Куда ты моя милая тетушка, куды то собралась... 2. Рекрутское: „Не думала я разгорькая, што мне такое горюшко будет“... 3. „Не увидишь ли моего родимого батюшку“... 4. „Нет моей кармиллицы матушки“... записано от Ев. В. Дзяченкоу. 5. „Видишь-ли дорогой мой сыночек“... 6. „А он мой друг милый“... 7. „Теперь я тебя мой милый братец не дождуся“... 8. „Милая моя кумынька кого ты спросилася“...

Новые песни: 1. Прощай жизнь, радость ты моя милая... 2. Зачем я встрети-лась с тобою. 3. По Дову гуляет казак молодой. 4. Я девочка молодая, ты маль-чишка деловой. 5. День я по садику гуляла. 6. Ну зачем меня силой выдали. 7. На пути село большое. 8. Не пора ли, дорогая, расстаться. 9. Мучаюсь я страдаю, ко всей ночи я не сплю. 10. Прощайте, братская станица. 11. Около дома сад возрос. 12. На карточки гадаю, милого в гости жду. 13. И вичор в лужках гуляла. 14. Рас-сказать ли вам подружки про несчастье, про мое. 15. Вот новой то у нас лету, вот новой то у нас жаль. 16. Во сне мне милый, как ангел, заявила. 17. В пизенькой светелке огонек горит. 18. Как один рассказ рассказывал купец. 19. Не раз под-ружкам говорила. 20. Всю селеную проехал, лучше своей не нашел. 21. Зароди-лась Дуянина, не велика, не мала. 22. Как кутит и метет. 23. А где эти лунные ночи. 23. Я не верила подружки, что на свете есть любовь. 25. Да уж появилась пре-красная роза. 26. Вспомни милый осенние ночи. 27. В голове моей круженье и на сердце есть печаль. 28. Сизокрылевый голубчик распрекрасный милый мой. 29. Са-дила я цветочки, садила поливала. 30. Была девочка красива и на личко не дурна. 31. Я во городе родилася, во деревне возросла. 32. Если-б была я легче птицы. 33. Знать я горька, знать несчастна. 34. Вот полным была коробочка. 35. Сон мой милый, сон счастливый. 36. Вспомни милый мой размылый. 37. Ты черавый мой во-ров. 38. Сухой бы я корочкой питалась. 39. Мамашенька мне скучно... я варивант. 40. Как за речкой за рекой, Соловей прелестный пел... и варивант. 41. Не в добрый час я в море стал невод полоскать. 42. У тятиньки, у мамыньки одна дочка была. 43. Да как же мне не плакать. 44. Пойду я с горя в рощицу, де я с ней гулял. 45. Последний час разлуки с тобой, мой дорогой. 46. Сидели две голубки на яблони в саду. 47. Глаза вы карие большие. 48. Я у матушки выросла в холе. 49. Скоро скоро нам с милым разлука. 50. По груди молодой скользнула рука. 51. Кого люблю, того здесь нету... и варивант. 52. Зачем я тебя полюбила. 53. Завило мое сердечко.

64. Все комнаты открыты да хмельной был совет. 55. Все покончено между нами. 56. Шел я с гулянья. 57. Трепи, трепи лихорадка мово прежнего дружка. 58. Вблизи к городу Славянску, на верху большой горы. 59. Приехал гусарик приехал молоденький. 60. По зимней дорожке лошадка бежит. 61. На серебряных волнах, на золотом песочке. 62. Выду я на реченьку, сяду на лужок. 63. У нас нынче день ненастный. 64. Под вечер осени ненастной, в пустынных дева шла местах. 65. Последний день моей красы. 66. Это было дело летом не зимою. 67. Куда, милый, едешь куда уезжаешь. 68. Что ты Маня, приуныла. 69. Я сама садик сажала. 70. Один я шел в худых лаптишках. 71. Зимняя ночь, а выюга злится. 72. Близу лесу, к ручейку, я домой коров гнала. 73. Волна шумит, волна бунует (Морячка) и вариант. 74. Никого мне не надо, никого мне не жаль. 75. На подушки спать не ляжу... и вариант. 76. Ой ты, доля, моя доля. 77. Приди ж ты, мой милый, поскорее. 78. Хаз булат удалой, бедна сакля твоа. 79. Красота моя пропала, не узнала меня мать. 80. Отворите окно, отворите, мне недолго осталось жить. 81. Потеряла я колечко, потеряла я любовь. 82. Шоколадная конфетка. Ах думечка моя. 83. Солнце всходит и заходит. 84. Молодой кузнец гуляет вдоль по кузнице своей. 85. Как у красных перот есть направо поворот. 86. Закатилось красное солнышко. 87. На горе высоко лес зеленый шумит. 88. Вы любезные подружки, не ходите замуж вы. 89. Среди долины ровные на гладкой вышоте. 90. Уж ты, голубь, свазы. 91. Однажды я мальчишеский был. 92. Как вспоминаю я юные годы... и вариант. 93. Можно, можно разгуляться. 94. Привольною ночью веселою скрывался месяц за облака. 95. В саду птички поют, так и распевают. 96. Когда я жила богата. 97. Солнце скрылось за горами. 98. Взошла я в эту залу. 99. Ах, зачем эта ночь, так была хороша. 100. Вот мчится тройка почтовая. 101. Маруся отравилась. 102. Мальчишка разбедняжка, сатонил свою головушку. 103. Сижу я в неволе, в неволе большой. 104. Зачем я себя полюбила. 105. Шумел горев пожар мисловский. 106. На том ли поле серебряном. 107. Перушка по саду гуляла. 108. По Амурской дорожке стояли три сосны. 109. Уродилась я как в поле былинка. 110. Зачем ты безумная губишь. 111. Ой беже мой, какал сукла. 112. Шла вечер молодца поздно вечером одна. 113. Вичор я была у фряков. 114. Бод горой зеленой быстра речка бежит. 105. Молодой чумачик, много закуралси. 106. Спит аул. По степи гладкой тихо стелется туман. 107. Любимая меня мать уважала.

Стихотворения поэтов—самоучек. Биографии поэтов: 1. Навла Фил. Горюнов; 2. Илья Ильич Горюнов; Анастас. Ильян. Горюновой; Андр. Ил. Горюнова; 3. Дем. Формазолова А) Ал. Ильич. Горюнова 1. „В чистом поле ветры воют“. 2. „Первые проталины“. 3. „Не однажды я пыталась свои мысли описать“. 4. Мечтам и годам нет возврата. Б) Ил. Фил. Горюнов 1. Русская старина, 2. Решетник, 3. Драха, 4. Житийское море, 5. Наталь, 6. Баба мочка сидит мычит, на лавку кладет, 7. Эх ты доля злая, 8. Мальчик—лес, 9. Бура. 10. Вопрос и ответ, 11. Вор, лентяй и пролетарий, 12. На что товарищ уверяешь, 13. Причаю рабочим, 14. Плохо жить мужику, 15. Я вспоминала то благое время, 16. Все и каждый; В) Ал. Ил. Горюнова. 1. Весенний день, 2. Бедность, 3. Лоптярня, 4. Пишу письмо, 5) Разлука 6. Возле родных, 7. У отца росаи мы двое, 8. Когда я был не вырослой малюткой, 9. Горькая жизнь, 10. Вышел я из нежны, 11. Птичка в неволе, 12. Наступило тяжкое время, 13. Ох Россия, ты Россия. Г) Ив. Ил. Горюнов. 1. Что, товарищ, грустишь, 2. Бедный, несчастный солдатик, 3. Тутти дождливые, 4. Каждый день и каждый год, 5. Друзья, 6. Настала жизнь мне иная, 7. Военная песня, 8. Тоже, 9. Тоже. Д) Ив. Дим. Фармазолова, 1. Без президента царя все мы будем дикаря, 2. Советская власть кравет, 3. Шали да ботинки, сорочки да косянки, 4. Старина наша жила на барщину ходила, 5. По селу идут толки, 6. Второе горе не прошло, 7. Отец в горе, мать в неволе, 8. Щеголихи, 9. Деревенские богачи, 10. Платет, стонет вся Европа, 11. Мужичек, 12. Волостной комитет, 13. Рассея, 14. В раздумьи. Е) Сер. Яков. Падфикин—стихотворения его: 1. Вырос я сиротой и больно отенно беден, 2. Дождались мы числа 1-го мая, 3. Христос был неправде предан, 4. Его бедность ждет впереди, 5. Почему люди возлюбили тьму нежелли свет, 6. Что

стало после свободы, 7. Оттого ли беден порой, что сладко ест, 8. Как бедняк добывает себе насущный хлеб и каково ему бывает, 9. Как бедняк сознает свою ошибку, 10. Тяжелый труд бедняка, 11. Все наследство в мозолистых руках 12. Скоро, скоро весна придет, 13. Рано воровели 2 кума, 14. Все таки как староста не сбивал сход, 15. К труящемуся брату, 16. Ветер дул, поднимая мятель, 17. Февральская революция, 18. Долго будет мой век.

Народная комедия: А. „Как француз Москву брал“. Явл. I. Адьютант на распри Навполеона сообщает об отступлении: „Сколько их драго, столько и наших побито“. Продолжаются расспросы о делах русских. Яв. II. Расспросы Наполеоном дежурного генерала. Генерал сообщает о том, как дочь гр. Орлова продала бриллианты и уборы для продовольствия русской армии. Наполеон бранит русских. III. Адьютант извещает Наполеона о том, что у них разбита франц. армия, но что они взяли в плен Потемкина. IV. Наполеон пытается склонить Потемкина на свою сторону. V. Наполеон приказывает расстрелять Потемкина. Грозит Потемкину за его отказ, уводя его в темницу. VI. Плачет у села Потемкин: „Милый ты мой, защитник русской земли“. Убивают Потемкина. VII. Наполеон приказывает старику гробокопателю убрать убитого. Старик приказывает своей старухе сварить сорочку для Наполеона. Старик заявляет Наполеону, что он не здоров. VIII. Зовет [доктора] вылечить старика. Доктор просит узнать, кто он: „турок, немец или поляк“. Спрашивает, что болит. На ответ „голова“ говорит: „брить тебе до гола“. На ответ „губы, зубы“ — „рабить тебе губы и зубы“ и т. д. Доктор просит денег. Старик шарит в карманах, но отказывается, что „не те порты одеты“. X. Разговор Наполеона с Калинкуром относительно раненых куда их девать. Калинкур предлагает их всех отправить. XI. Наполеон приказывает старику гробокопателю убрать солдатские тела. Старик зовет старуху посмотреть, на то, что сделал с солдатами Наполеон. Старуха говорит: „я сейчас возьму вины и дам ему в боктри дыры“. В. „Царь Максимиллиан“. Царь Максимиллиан судит своего неспокойного сына Адольфа. Маршал скороход высказывает желание умереть вместе с Адольфом. Убивают Адольфа. Старуха жена гробокопателя приходит убрать тело убитого. Вогиня метит за смерть Адольфа. Два богатыря, один из которых, Мард, меряется силой на глазах царя Максимиллиана. Царь Максимиллиан получает письмо, в котором „зовет царица Адольфа в гости“.

4. А. Н. Гурьева. Записи в д. Песках Сердобского уезда.

Свадебные песни: 1. Соловушка молоденький, весь мой матушка притоптал. 2. Долина, долинушка раздолье широкое. 3. Бела рыбица беларыбица. 4. Не галетвай соколик высаним высоко. 5. Наш березник кудреватый. 6. Распреумная головушка, распричесана бородашка. 7. Мы не чаяли не ведали. 8. Часы летят, минуты длятся. 9. Полевая наша ягодка. 10. Не долго веночку на стеночке висеть. 11. Не поперену переперицу. 12. Не черен ворон по герам летал. 13. Во горнице во пласовой. 14. Теща для зятя пирог пекла. 15. Что во новой во горнице. 16. Как по столику, стоику рюмочки гремят. 17. Аленький наш светочек, лазоревый голубой. 18. Как Ивана мать породила. 19. Не по сенюшкам сенюшкам. 20. Среде лета на Петров день сине море замерло. 21. У голубя, у сизого золотая голова. 22. Не по саду, саду садику.

Свадебные причитания: 1. Уж и вы благословите кормилец мой, папанюшка. 2. Кормилец ты мой батюшка. 3. Уж и вьется увявается перепелочка над церковью. 4. Разумные вы мои подруженьки. 5. Подитека-сь мои подруженьки. 6. Вы мои подруженьки.

Причитание похоронное: Кормилица ты моя маменька.

Весенние песни: 1. Я посеела ленку край дорожки в уголку. 2. Боже, а мы к вам пришли. 3. Стой милый каравод, стой, милый, не расходись. 4. Молодеа молодка молоденькая. 5. Уж ты весенка, весна, ты в радости пришла. 6. Выходите вы, красны девушки. 7. Ой ты улица, улица.

Лирические: 1. В город рано по утру мужа проводила. 2. Как за юром за юрочком. 3. Вы кумушки вы голубушки. 4. Овечушка, овечушка, косматушка. 5. Снежки белые пушисты. 6. Ой ты сад ли, мой сад. 7. У Катюши муж гуляка. 8. Наденут повойничек. 9. Ты березынька, ты кудрявая. 10. У соседунки пир беседушка. 11. Как за речкой, как за речкой. 12. Вдоль по морю, морю синему.

Новые песни: 1. Прощай жисть радость моя. 2. Я сама садик сажала. 3. Уродилась я одна. 4. Варпань. 5. Гудочки прогудели. 6. Будет Ванька вино пить. 7. По аллее я гуляла. 8. Как при луге при дорожке при счастливой доле. 9. Скучно мне младеньке на чужой стороне. 10. Мамашенька бранится. 11. Разлука ты, разлука. 12. Под горой большой туман. 13. Как во нашем во саду. 14. Что не ветер ветку клонит. 15. Сажу я в ниволы, в ниволы большой. 16. Вы не вейтесь терные кудри. 17. Ты очем Маша тужилнь. 18. Гуляй моя Анюта. 19. Ой, милые подружки, вам счастье, а мне нет. 20. В поле ягодка лесная. 21. Тихо стонет синее море. 22. При лунной ночи тихой, хладной. 23. Унывные листья шумели. 24. Как пошел молодец. 25. Я сидела выше крыши. 26. Дарю я гусарику новую колоду. 27. Как посеяла молоденька. 28. Что за месяц, что за звезды ночью светят, а днем нет. 29. В деревне Ольховке. 30. Ласково, ласково крыльями белыми. 31. Сыграйте мне разлуку. 32. Очаровательные глазки. 33. Под тенью душистой сирени. 34. Скоро, скоро день настанет первый час. 35. Скучно молодежи на чужой стороне. 36. Все люди живут, как цветы светут. 37. Трансваль, Трансваль, страна моя. 38. Там вдали за рекой. 39. Ой вы, глазки голубые, куда скрылись отменя. 40. Во Киеве, во городе, случилась беда. 41. Там, на острове зеленом, там огромный большой дом. 42. Куда денся тот цветок, он долину украшал.

Тюремные: 1. Спротив Успенского собора. 2. Когда я мальчик был свободный. 3. Вблизи Вислы, на западном фронте. 4. Бывали дни веселые. 5. Голова-ль ты моя удалая. 93. Частушки.

Заговор от лихорадки: На море, на Кивне, на острове на Буяне.

Легенда о домовом: Прилетел в шубе, ударил по голове.

Легенда о змее: Прилетал по ночам, рассыпая искрами у ворот.

5. Мещеряки. С. Мещерское Сердобского уезда, записи М. П. Советовой, А. Н. Гурьевой, В. П. Никольской и Е. Г. Тейльман в 1921 г.

Жилище. Тип старинной избы и построек с планом. Тип избы современной и двора с планом.

Одежда. Старинный мужской костюм. Мужские шляпы и шапки, описание тканей, употребляемых на мужской костюм. Мужская летняя обувь—коты. Девичий костюм. Сукман белого цвета. Женский: новька, пасовязок, рукава, рукавник, косынка. Украшение из блесток, цветных лент и шурков. Способы вышивки. Различные вязи. Слаймановский репей, яблоньный, пыганка.

Местные легенды и суеверия. Исторические сведения о селах, населенных мещеряками, и о самом поселении. Статистические сведения, выяснение названия „мещеряки“. Отличия в населении Мещерского и Никольского. Анекдот о Никольских мещеряках. Запись местного говора с Мещерского. Предание о мещеряках и сведения о месте выселения. О семейном и бытовом укладе в прошлом, о расположении улья. Крепостные отношения крестьян к помещикам Головину „Кологривому“ и Вернову. Характеристика „Кологривого“. Границы пожалованных Головину земель в 1778 году. Предание из местной летописи и жителях под названием „каканы“. Злоупотребления бурмистра в отношении крестьян, случай наказания помещиком казачка—мальчик лежит от испуга. Обстоятельства перехода от Головина к „Кологривому“. О мещерском костюме на Парижской выставке. Перечисление всех владельцев „Кологривого“.

Обряды календарные: Святки. Святочные гадания девушек, по курице, по лоту снег, слушать где забрешет собака Пропускать иголку, в жорнов, считать на плотве колья, распускать в воду белок, жечь бумагу, имя встречного. Игры в ланту:

бьют накрытого зипуном лаптой из лубка и заставляют угадывать. В жмурки бьют жгутом посаженного по середине быстро передавая другому жгут для удара. В „бачардали“ по местному говору. Раженье. Новым годом в святочную харю. Святопняки. Перераживание девок парнями. Таусень. Кричанье таусеня парнями и девушками. Славят Василия Шадра. „Таусень, таусень дай говядины кусок“... „Мы ходили то ходили по святым вечерам“... „Бабушка Варварушка, ты где была“ „Ребята, ребята берите ка топоры“.

Масленица. Угощение молодых в гостях. Одариванье молодых. Раженье конем, Катанье на качелях. Катанье на лошадях женихом и невесты и наоборот. Пять парней и пять девушек. Первый день на двух лошадях, следующий на трех. Обезд мест по очереди. Невесты катают женихов тоже сперва на двух колях, потом на трех. Также обезд женихом поочередно и угощение. Поется песня. „Ой ты долинка моя долина, широкое мое раздолье“. Перераживание мужиков бабами. Горбун на двух кодулах—масляничная русалка. Песни на масленицу. Соловушка соловей развольный молодой... „Ты садись ка Дуня с нами на вороной паре...“

Троица и русальная неделя. Весенний хоровод. Первая песня „Как по морю, морю синему, по синему по Вальнскому. Песни с игрой на дудках. На троицу гулянье, обход подруг поочередно. Застольная песня „Уж я яблочки щипала и наливное [брала]. В русальную неделю завиванье в лесу венков, песни „с кем в колыске ехала ладо ладо ехала. „Лугом лугом зеленым травкой травой муравей. Закумление, одаривание яйцами, обрядовая драчка, киданье венков. Песня „на горе калина, под горой малина“. Гаданье по венку. Приговор „топи, топи мой лиственный венок“. Раженье русалкой-конем. В последний день идут в рошу с блинцами и драчовой. Песни. На Троицу поется песня дудочные „пойду млада в сад садок, лиственный мой венок“... „Осенние ночи гулял до полночи... Завела меня мамаша к Катюшеньке в гости“... Весенние хороводные. „Где же ты зайышка пропадала, разбежала пропадала... Как по морю, морю синему, по синему Вольнскому... Из-за лесу, лесу темного, из-за сажуку зеленого... Я на горку шла тяжело несла... Как у наших у ворот... (дудочная). Зайышка горностаинька, чегде зайышке выпрыгнута... Мы просто сеяли... Вянули, вянули, грянули ветры по полю, мысли по морю. Распашу я, распашу я пашеньку... Шли пришли два молодца оба холосты... Гнала дедка, гнала красна, гнала стадо лебедей... Жаворопочек ты воспой ка, воспой... Как под дубом, под сырьем... Козьма и Демьян. Оставленные прадки житва, кладется хлеб в снопы. Песня обрядовая. „На Кузьму ли на Демьяна на девичий праздник“. Купало—купанье овец. Обезд с первым снопом, зажинки. Старушечий праздник после Михайлова дня на 4 день. Песня „Средь поля есть кусточек“...

Обряды семейные. Свадьба. Сватовство задолго до венчания. „Вывод от жениха“ (денежный). Приготовление к свадьбе у жениха. Песни во время мытья изби: „На канном на проруби Авдотьюшка мыла“. Величанье жениху „Сокол Иван летал по чисту полю“. Созыв родни на вечер к жениху и невесте (по отдельности) позывальниками. Угощение у невесты. Посланные от жениха. Величанье невесты и ее родни „Шелковая ниточки ко стенке львет“, „На ком кудри ни ком русы“. Дары невесте курица, бляди и три части мяса. Одаривание жениховой родни родителями невесты. Песня „Воструби-ка труба, жалобно“. Угощение невесты и девушек за перегородкой. Приготовление блюда для жениха. Бабы „подкручинки“, хождение их от жениха к невесте (3 раза веселые песни дорогой: „Расколлися-сырой дуб, на четыре гравя“). „Лиса по лесу гуляла жуча черного нашла“. „Не сыный голубь по горам летал. Угощение ребят у жениха. Подарки от невесты. Ужин у жениха и невесты (по отдельности). Причитание невесты по уходе гостей: „Родимый ты мой батюшка, родная матушка“. Причитание матери на другой день: „Вставай-ка дитятко мое милое“. Причитание невесты перед благословением: „Благословите родимый батюшка, и родимая матушка. Поезд от жениха, порядок выезда, лошадь для невесты (кобыла). Выкуп за право войти в дверь. Подарки жениху: кушак и платок. Песня старух у печки: „Теща зятя дарила“. Одежда жениха: черный халат и красная фата. Соединение („сцепливание“)

голов жениха и невесты кушаком. Описывание кушаком жениха. Угощение. Благословение молодых. Выезд со двора. Песня „О чехули чобаты вдоль улицы“. Расплетание косы в церкви. Встреча молодых после венца песней: „Куды вы гуси летывали“. Поздравления. Песня „Сокол Иван“. Угощение поезжан. Отправление молодых в сопровождении дружки „невестину родню заывают“. Песни дорогой: „Смиренна беседашка“. „Как в лужках девки гуляла“. При подходе к дому: „Отпирай жена ворота пушай молодца во двор“. Встреча с женой: „Куда вы, гуси, летывали“. Пир у жениха без молодых. Песни на пиру: „Полоса ль моя, полосынька“. „Не тужи, моя милая“. Песня после угощения: „Сидел Ваня на диване, чай последний допивал“. Зазывание молодых на блины в дни после свадьбы. Сбор дружков денег в похвалу молодым. Запись М. П. Советова.

Крестины. (на другой день после рождения). Выбор имен родителями. Подарки от крестных родителей и подарки от семьи. Угощение „Первая масленица“ через 6 недель, кушанья: пшенники, соляника, мясо. Сбор денег для рожицы. Угощение родных в праздник. Подарки от крестных родителей. Плата за угощение. Запись А. Н. Гурьевой.

Поминальный обед. Кушанья: блины, квас с огурцами, горох, каша, мясо или картофель (если день постный) Обычай приносить на могилу на пасху яйца и писю для птиц. Поминальные дни. Причитания и вопли по дороге в церковь. Оставление посылок (от гроба) на могиле. Запись М. П. Советова. Обряд при постройке избы. Ставится березка у стола с хлебом и солью, „чтобы семья разрослась“, в таданье по хлебу братьев о том, будут ли они делиться или жить вместе.

Проводы рекрута. Сбор денег на гулянье рекрутами, гулянье, баня рекруту угощение рекрута родственниками, благословение родителями, проводы. Свадебные песни. „Михайлыны добры кони, Петровыча буланые“. (когда уезжают к венцу). „Нам сказали, Михаил грозен“ (с образом пенья). „Чай последний Ваня допивал, не допиши Ваня с подстакана“. „Скоро, скоро день настанет, скоро ударит первый час“.

Верования и легенды. Крещение—„свечки“ печенье крестов, кормят скотину и домашних птиц крестами со святой водой. Славельщики на святки. Четверговья соль—пекут в печи на страшной четверг. Печенье Пасхи в четверг-каравая с кашками на верку. Кушанье на пасху и откуп прославших заутреню. Опахиванье от холеры. Участвовали только девушки. Головы лошадиные на пчельнике от глазу. Яйца на могиле покойников на Пасху. Моленье в бездожде у родника ночью без священника. Обсыпание больного зерном. Запись Советова. Легенды. О кладах. Перед Троицей, клад как огонь светится. Как медведь деву украл, утащил к себе в пору, девушка так к нему привыкла, что плакала от тоски, когда медведя убили. Верования. О домовом. Домовой, белый, пузатый уцанул женщину за горло. Домовой простоял при пожаре амбара. Запись Гурьевой.

Духовные стихи. „Умом я ходила в город Вифлием“. „Снова солнце греет только не меня уже“. „Душа моя пригрешная што не влачишь ты“. От Авдотьи Прошкиной 47 л. Записала Никольская.

Исторические песни. Запись Советова от Аф. Прошкиной 40 л. Похороны Александра. 1. У соборника я был. Был я у соборника Успенского. 2. О Платове. Как Рассейская земля много горя приняла. 3. Заговор в Думе. Скучное времечко подходит, вадумал турка воевать. 4. Смерть Александра. Я не чаяла сегодня уго-реть, пришел вечер голова стала болеть. 5. Обещался наш царь Александра к рождеству домой прийти.

Низшие эпические. 1. Жена мужа потеряла, вострым ножичком зарезала. 2. Под яблонькой, яблонью под зеленой кудрявой.

Песни лирические семейные. Запись Советова от Аф. Прошкиной. 1. Спасибо тебе спичу кувшину, растащил, разволок всю мою тоску-кручину. 2. Я по горенке ходила, я свою мужа будила. 3. Накую я вина зелена, Напою я мужа пьянова. 4. Плакала рыдала. Ночевать уймала. 5. Я смею я поступаю В родительский дом. Записано Гурьевой от Родина 50 л. 6. Разъезжал майор сам полковничек, Развозил письма нерадостны. От А. Кипуновой 56. л. 7. Собрал я биседу веселых гостей.

Зап. Никольской. 8. Да ви белая зоря И эх да вакошничко да взошла тоже. 9. И я увидаю нево, И э на улицы мужа. 10. Эх то и мы сидела ва биседушки. 11. Скушно мне миаде, На чужой стороне. 12. Тошно младеньке, На чужой стороне.

Лирические-любовные. С. Мещерское Сердоб. уезд. Зап. Советова от Афи-
мы Прошкиной 40 л. 1. Уж вы, кумушки, голубушки, Вы не знаете моего горя. 2. Пойду млада в сад садочек, Сорву млада цветочек. 3. Запронала Машенька с
худой славы, Зря напрасно, Машенька. 4. Как и нечево на девок давожать, Когда
старше старухи стали плаутовать. 5. Уж вы, ветры, ветерочки, Не дуйте вы, не бу-
шуйте. 6. Кругом, кругом я сиротела, Кругом осталось сирота. 7. Уже нынешний
девка Вышла беленький снежок. 8. Из рукавника соколика выпускала. На полетику
соколику наказывала. 9. Я вечер одна сидела, У воя открытого окна. 10. Почуди-
лось девушке, почудилось красной. 11. Прощай жисть радость моя, Темной почуш-
кой не спится. 12. Сиротою возросла, как в поле былинка. 13. Возле речки возле
мосту, по канавке. 14. Уж ты веснушка моя весна, Весна барыня моя. 15. Гнала
девка, гнала красна, Гнала стадо лебедей. 16. Распрекрасно летичко я сушусь, маль-
чик, крушусь. 17. Выду ль я на речушку, Сяду я на крутой бережок. 18. Во дворе
то дождик, А во долине туман. 19. По горенке я ходила, По повенькой гуляла.
20. Все почушки просидела И все думушки придумала. 21. Дорожка трактовая,
адезь милый дружок проезжал. 22. Не светел месяц дорожку просветил, Не белая-то
заря в окошечко к нам зошла. 23. Долина моя долина, Широкое мое раздолье.
24. Несчастный родился, Несчастный возрос. 25. Соловей, соловушка, Что не весел
ты сидишь. 26. Вы леса мой дремучи склоняйтесь до земли. 27. Я посеяла ленку,
Ко дорожке, к уголку. 28. На серебряной реке, На желтом песочке. 29. Соловушка
соловей, Не летай-ко во мой зелен сад. 30. Полоса моя, полосышка, полоса моя не
паханая. 31. Я по бережку показывала, чернобыль травку заламывала. 32. На заре
было на утренней Там девушка коровушек доила. 33. Ты не плачь, душа Катюша,
Не вадыхай-ка тяжело. 34. Прощай, жисть радость моя, Слышь уедешь без меня.
35. Пойдем Дуся во Катюшкин лесок, Там и косят мой размиленый дружок. 36. Ой
девушка крапивошку жала, Ой красная немного нажала. 37. Мой миленок словно
зладо. Зап. Гурьевой. 38. Да что же пвушка Не золева стоишь. Зап. Советова от
А. Прошкиной. 40 л. 39. Овечушки козматишки, Да не я ли вас поила, мои матушки.
40. Чесал, милый кудерюшка Костяной расческой. 41. Шла прошла беседушка раз-
веселая. 42. Жила-была в селе Анюта, лет семнадцать было ей. Зап. Гурьевой от
Сурковой 12 л. 43. Сроду, сроду меня мамка, Сроду не ругала. Зап. Советова.
44. Кругом я сиротела, Кругом осталась сирота. Зап. Гурьевой. 45. Садик ты мой
садик, Зеленый виноградик. Тоже. 46. Цвати цвоточек алый, Цвати не ападай. Тоже.
47. Уж ты садик ты мой сад, Сад зелененький какой. 48. Уж ты сад, ты мой сад,
Сад зелененький. Тоже. 49. Куды Ваня едишь, Куды уезжаешь. 50. Как во городе
Варшаве, Во прекрасной слободе. 51. Расколдная была в речке вода, Там девчонка
была глупа. Зап. Советов от Прошкиной. 52. Расколился сырой дуб На четыре грани.
Зап. Никольской. От Родина 50 л. 53. Из под двух берез, Из под белых берез.
54. Молодушка на заре ли Я на зорюшке. 55. Ой ветерочка и эх нету, Не дуйте
ветры с поля.

Казачьи песни. 1. Нету нету кою сена, Нет былинки в поле. 2. Подымалась
с гор погода, Погодушка дует. 3. Ты казак ли мой казак, Казак вольный дорогой.
4. Ехал казак с Дону, Ехал молодой. 5. Отъезжает наш Никола в поле, В поле на
тешенье. 6. Как на той речке, Как на той ма быстрой. 7. Вниз по матушке по
Волге, Вниз по Волге подымалась с гор погода. 8. Ехал казак с Дону, ехал моло-
дой. Зап. Никольской.

Песни рекрутские. Мещерское, Сердобск. у. зап. Советова от Аф. Прошки-
ной 40 л. 1. Скор, скоро день настанет, скоро ударит первый час. 2. Мы по Пите-
ру ходили по трактирам кабакам. 3. Ходил я на ученье всего на три дня, пришел
с ученья собирал всех гостей. 4. Скоро скоро поведь грянет, свисток унылый до-
ноет. 5. Эх, мы по Питеру гуляли, ну гуляли. Зап. Никольской.

Солдатские. 1. Били барабаны, били на базаре указы читали солдатам. И. Суркова 20 л. 2. Калинушка, малинушка ты не стой, ты не стой, на поре крутой. Казакина 45. 3. Рябинушка, калинушка эх ты не стой. 4. На ливии Австрийской границы, по скальной зеленой горы. 5. Прослужил годочек, прослужил другой. Зап. Никольский. 6. И эх как сказали сырому дубочку, да утром рано мороз будет. Зап. Никольской.

Тюремные песни. 1. Во городе Варшаве на прекрасной слободе. 2. Слышно было у нас на лесочке колокольчик прозвенел. 3. Саша ангел непорочный нерожи на жребий твой. 4. В городе в Одессе на улице на ровной. 5. Нам сказали про Алешу, отцовский дом поджег. Зап. Советов от Аф. Прошкиной. 6. Отец купец был всем известный имел наличный капитал. Зап. Гурьевой от Панькиной 20 л.

Детские и колыбельные. 1. Пора бабушки вставать, курам семечки давать зап. Гурьевой от детей. 2. Заяц белый, куда бегал. В лес дубовый чего делал. 1) Баю-баю, твоя мать в бору. 2) Коток, коток, коток серенький. 3. Туту, туту на Захаровом пруду. 4. Тука, туки палочки зап. Советов.

Юмористические песни. 1. Ревали быка у скупого мужика. 2. Сяду я на пеньку, запоет сердечко. 3. Как на крыше на повети воробей чликал. 4. Стала Ваню маму ругать, стала в поле посылать. 5. Шла старушка с того свету, рубашки на ней вету. 6. Теща зятю пирог спекла, купила муки на четыре рубля. 7. Мать сына родила, во монахи отдала. 8. Шел Савич с менизов ночью порой. 9. С барского двора молодой домой идет. 10. У ворот стоит корова, звать Марья на дворе. Зап. Гурьевой от детей. 11. Хороша дочь. Анушка, хвалили мать да бабушка. Тоже от Панькиной 20 л. 12. Пошли девки на работу, на работу, кума, на работу, от Сурковой 12. 13. Старый муж на молодой женился, сидел, сидел думал, думал. Тоже.

Скоморошины. Зап. Советов от Аф. Прошкиной 40 л. 1. Что-ж вы ребята приуныли, ай у вас ребята детей, вету. 2. Этой песенке конец, сыграл ее молодец. 3. Старинных прибауток, петьх под дудку—ММ 10, Частушек 142.

Переделки и романсы. 1. Потеряла а колечко, потеряла я любовь. Зап. Никольский. 2. Вечер вечерет все с фабрики идут. Тоже. 3. Мамашенька бранится, что дочь моя грустна. Зап. Советов. 4. Кончил курс науки, в родительский дом попал. Тоже. 5. Сон мой милый, сон счастливый, воротился сон назад от Аф. Прошкиной 40 л. 6. Под горой за рекой, жил черкас удалой. 7. В островах охотник целый день гуляет. Зап. Гурьевой от детей. 8. Эх как я большой лет семнадцати, пошла петь в лес гулять. Зап. Никольской. 9. Сухой бы я корочкой питалась, холодну воду я пила. Зап. Гурьевой. 10. В саду при долине поет соловей, а я на чужбине забыла про людей. От Панькиной 20 л. 11. Я ляжу спать, а мне не спится, любовь спокоем ведает. 12. Давайте веселиться, давайте водку пить. Зап. от Родина 50 л. 13. Вечер холодный из лесочка я коров домой гнала. Зап. Никольской.

(Продолжение следует).

